



В.А. ТЮРИН

ИСТОРИЯ МАЛАЙЗИИ

Краткий очерк

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1980**

Ответственный редактор
А. Б. БЕЛЕНЬКИЙ

В книге в сжатой форме излагается история Малайзии с древнейших времен до наших дней. Исследуются особенности исторического развития страны в древности и в средние века, рассматриваются основные этапы ее истории в новое и новейшее время. Значительное внимание уделено освещению борьбы народов Малайзии против колониального ига. Заключительные главы книги посвящены развитию страны после завоевания независимости и образования Федерации Малайзии.

Т ¹⁰⁶⁰⁵⁻¹⁶¹~~10605-161~~ **87-80. 0506000000**
013(02)-80

© Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1980.

OCR и вычитка – Aspar, 2009. Нумерация сносок, отдельная в каждой главе, заменена сквозной.

ОГЛАВЛЕНИЕ

- Предисловие
- Глава 1.* Древняя история
- Глава 2.* Великая морская империя (VIII—XIV вв.)
- Глава 3.* Малаккский султанат (ок. 1400—1511 гг.)
- Глава 4.* Малайя в XVI—XVIII вв.
- Глава 5.* Малайя в эпоху английского завоевания (конец XVIII — начало XX вв.)
- Глава 6.* Превращение Северного Калимантана в английскую колонию
- Глава 7.* Малайя и Северный Калимантан между двумя мировыми войнами (1918—1939 гг.)
- Глава 8.* Малайя и Северный Калимантан в годы второй мировой войны (1939—1945 гг.)
- Глава 9.* От конца второй мировой войны до образования Малайзии (1945—1963 гг.)
- Глава 10.* Малайзия 1963—1978 гг.
- Хронология
- Литература
- Сокращения
- Указатель имен
- Указатель географических названий

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга посвящена истории Федерации Малайзии — одного из государств Юго-Восточной Азии. В ней идет речь об истории территорий, составивших в 1963 г. нынешнюю Малайзию, т.е. об истории Западной (Малайя) и Восточной (Северный Калимантан) Малайзии. Поскольку Сингапур был частью Британской Малайи в колониальную эпоху и входил в состав Малайзии с 1963 по 1965 г., постольку его история освещается в книге.

Федерация Малайзия, государство с территорией в 332,6 тыс. кв. км, имеет две части — Западную (Полуостровную) и Восточную Малайзию, отделенные одна от другой водным пространством — Южно-Китайским морем. Западная Малайзия, площадь которой равняется 131,6 тыс. кв. км, расположена на Малаккском полуострове. Она состоит из одиннадцати штатов: Пинанг, Малакка, Перлис, Кедах, Перак, Келантан, Тренгану, Паханг, Селангор, Негри-Сембилан, Джохор; девять последних являются одновременно султанатами. В Западной Малайзии находится и столица страны — Куала-Лумпур. Восточная Малайзия занимает площадь 201 тыс. кв. км на о-ве Калимантан и включает два штата: Саравак (центр — Кучинг) и Сабах (центр — Джесселтон, ныне Кота-Кинабалу).

Западная Малайзия на севере граничит по суше с Таиландом. Малаккский пролив отделяет ее на западе от индонезийского о-ва Суматры, а Джохорский пролив на юге — от Сингапура. К югу от Саравака и Сабаха находится индонезийская часть о-ва Калимантан. Саравак имеет также границу с небольшим султанатом Бруней — английским протекторатом в северной части Калимантана. Ближайшим соседом Восточной

Малайзии помимо Индонезии и Брунея являются Филиппины, отделенные от Сабаха морем Сулу.

К югу от Малаккского полуострова через узкий (1,5 км) Джохорокий пролив находится о-в Сингапур. Неширокие проливы отделяют Сингапур с юга от принадлежащих Индонезии островов архипелага Риау-Линга, игравших значительную роль в истории Малайзии в XVI—XVIII вв.

Историко-географическое понятие «Малайя» употребляется в книге в несколько разном значении в зависимости от эпохи. В истории доколониального периода это название охватывает теперешнюю Западную Малайзию, Сингапур и архипелаг Риау-Линга, для времен английского господства (до 1946 г.) в понятие «Малайя» включаются британские владения на Малаккском полуострове и Сингапур. После 1946 г., когда были образованы отдельные колонии Малайя и Сингапур, название «Малайя» относится к территории теперешней Западной Малайзии. Саравак и Сабах (иногда и Бруней) объединяются в книге под названием Северного Калимантана.

Малайзия — многонациональное государство. Из 12,3 млн. человек, живущих там (данные 1975 г.), малайцы составляют 47%, китайцы — 34, выходцы из Индии, Бангладеш, Пакистана и Шри Ланки — 9, местные народности Восточной Малайзии — около 10%.

Основная масса малайцев сосредоточена в Западной Малайзии, где их насчитывается свыше 50%; они населяют в основном восточные, северные и центральные области. В Сараваке малайцы (18% всех жителей) занимают прибрежные районы, в Сабахе малайского населения практически нет.

Вторая по численности этническая группа Малайзии — китайцы. Составляя 37% населения Западной Малайзии, 31 — Саравака и 23% — Сабаха, они являются по преимуществу обитателями городов и промышленных поселков на западном побережье Малайи и в прибрежной полосе Восточной Малайзии.

Выходцы с Индостанского полуострова и Шри Ланки, как и китайцы, населяют в основном западные районы Малайи, где сосредоточена основная масса городов и каучуковых плантаций. В Восточной Малайзии заметной этнической группой они не являются.

Внутренние районы Саравака и Сабаха населены народностями, относящимися к малайско-полинезийской группе. Коренных жителей Саравака и Сабаха именуют общим термином «даяки». В Сараваке это ибаны (морские даяки), даяки суши, меланау, кайяны, кенияхи, каджанги, келабиты, пунаны; в Сабахе — кадазаны (дусуны), баджау, муруты. Крупнейшие и наиболее развитые из них — ибаны и кадазаны.

Во внутренних районах Западной Малайзии сохранились остатки аборигенного (домалайского) населения Малайи негроидного (семанги) и веддоидного (сенои) типов, говорящего на языках мон-кхмерской группы, и протомалайские племена (джакуны). Общая численность семангов, сеноев и джакунов равна примерно 100 тыс. человек.

Малайзия — конституционная монархия. Главой государства является верховный правитель (янг ди пертуан агонг), избираемый из девяти малайских султанов самими же султанами на пятилетний срок. Парламент состоит из палаты представителей и сената. В палату представителей выборы проводятся раз в пять лет. Сенат насчитывает 58 членов, из которых 26 избираются (по 2 от каждого штата), а 32 назначаются верховным правителем сроком на шесть лет. Исполнительная власть принадлежит кабинету министров, который формируется премьер-министром — лидером партии, получившей большинство на выборах в палату представителей.

При написании книги автор опирался на довольно значительное число работ советских исследователей, среди которых следует в первую очередь назвать А. А. Губера, В. В. Гордеева, Л. В. Ефанову, В. А. Жеребилова, М. Г. Журавлеву, Э. Х. Кямилаева, И. С. Латышеву, Ю. В. Маретина, Б. Б. Парникеля, Е. В. Ревуненкову, В. С. Руднева, И. А. Рябову, Т. А. Симония, Т. И. Сулицкую, Ф. А. Тринича, Ю. Ф. Хренова, А. Я.

Яшина, и на собственные работы. Кроме того, автором использованы многочисленные труды малайских и западных ученых.

Глава I

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ

Первобытнообщинный строй. Первые археологические памятники на территории Малайзии относятся к раннему палеолиту. В Кота-Тампан (верховья р. Перак, Северо-Западная Малайя) в 1938 г. английский археолог Х. Д. Коллингс обнаружил нижнепалеолитические орудия, сходные с орудиями патжитанской (Ява), аньятской (Верхняя Бирма), чжоукоудяньской (Северный Китай) и соанской (Пенджаб) культур. По-видимому, Юго-Восточная Азия не входила в прародину человечества, но была заселена древнейшими людьми уже в нижнем палеолите по меньшей мере миллион лет назад. Малаккокий полуостров наряду с другими районами Юго-Восточной Азии являлся районом обитания древнейших людей типа питекантропа, моджокертского человека и синантропа.

Тампанекая культура типологически входит (вместе с другими нижнепалеолитическими культурами Юго-Восточной Азии) в группу галечных культур, для которых характерно преобладание чопперов — грубых рубящих орудий обычно неправильной формы, сильно отличающихся от европейских ручных рубил того же времени, большей частью тщательно обработанных с обеих сторон.

Верхний палеолит Малайзии представлен костными останками современного человека (*Homo sapiens*) и орудиями пещеры Ниах в Сараваке (примерно 40—35 тыс. лет до н. э.). Ниахский череп, найденный английским археологом Т. Харрисоном в 1958 г., обнаруживает негро-австралоидные черты и свидетельствует об известной расовой дифференциации в Юго-Восточной Азии в эпоху верхнего палеолита. В том же слое найдены орудия типа чопперов и большие грубые пластины, сходные с изделиями позднесоанской культуры в Пенджабе. В верхних слоях пещеры Ниах (30—25 тыс. лет до н. э.) найдены мелкие пластины, свидетельствующие о постепенном усовершенствовании техники обработки камня. Еще выше, в слоях, переходных к мезолиту, изделия становятся более совершенными. В Малайзии, как и повсюду в Юго-Восточной Азии, позднепалеолитические паходки трудноотличимы от мезолитических, орудия типа чопперов сохраняются повсеместно до самого конца верхнего палеолита и даже мезолита.

Пещерные и открытые (над скальными навесами) мезолитические стоянки обнаружены во многих местах Северной и Центральной Малайи. Найдены дисковидные и овальные галечные орудия, обработанные с одной стороны, массивные каменные скребки, топоры с подшлифованными лезвиями, квадратные топоры, оббитые со всех сторон. Эти орудия относятся к бакшоно-хоабиньской культуре, существовавшей в Юго-Восточной Азии в IX—III тысячелетиях до н. э. Мезолитические люди Малайи были собирателями, охотниками и рыболовами, знавшими лук и стрелы; по-видимому, в это время возникают два хозяйственно-культурных типа — охотничье-собирательский (пещерные стоянки) и рыболовческо-собирательский (стоянки с раковинными кучами).

К V—IV тысячелетиям до н. э. на территории Юго-Восточной Азии начинают выделяться четыре хозяйственно-культурных типа: равнинные оседлые земледельцы; приморские собиратели и рыболовы, неспециализированные собиратели и охотники; лесные собиратели и охотники. Последние известны по хоабиньским стоянкам Кота-Тонгкат, Гуа-Тампак и Гуа-Оранг Бертапа в Малайе.

На основании палеоантропологического материала можно сделать вывод, что население Малайи принадлежало к негро-австралоидной (экваториальной) большой расе. Так, челюсть, найденная в Гуа-Кепах, в Пераке, обладает несомненными австралоидными чертами, напоминая челюсти современных меланезийцев.

В III—II тысячелетиях до н. э. в области будущей Малайзии начали переселяться из Юго-Западного и Южного Китая аустроазиатские (мон-кхмерские) и аустронезийские (малайско-полинезийские) племена.

Развитой неолит Юго-Восточной Азии, начало которого приходится на III тысячелетие до н. э., представлен различными археологическими находками, наиболее характерными из которых являются шлифованные каменные топоры. Австрийский археолог Г. Хейне-Гельдерн, автор многочисленных работ по древнейшей этнокультурной истории Юго-Восточной Азии, выдвинул в 30-х годах нашего века теорию, согласно которой каждый из трех типов топоров, распространенных в Юго-Восточной Азии, был связан с определенным этносом. Так, валиковые топоры (т. е. топоры овального поперечного сечения) он связывал с негро-аветролоидным, древнейшим населением региона, плечиковые топоры — с аустроазиатским, а четырехгранные — с аустронезийским, которое, как и аустроазиаты, принадлежит к монголоидам. Не останавливаясь на различных спорных сторонах этой теории, отметим лишь, что в различных районах Юго-Восточной Азии преобладал определенный тип топора. На Малаккском полуострове, например, плечиковые топоры не встречаются в южной его части, а четырехгранные широко распространены по всей Малайе. По-видимому, плечиковые топоры на территории Северной Малайи связаны с аустроазиатскими племенами, которые в III—II тысячелетиях до н. э. двинулись на юг со своей прародины, лежавшей в верховьях Иравади, Салуина, Меконга и Хонгха. Одна из групп аустроазиатов в Малайе, слившись с негро-австралоидами, стала предками семангов и сеноев, по сей день живущих в джунглях Северной и Центральной Малайи.

Четырехгранные топоры, видимо, были принесены главным образом аустронезийскими племенами, пришедшими в Малайю из Южного Китая морским путем через Индонезию¹. Древнейшими потомками этих племен являются джакуны Южной Малайи.

Переселение малайских племен продолжалось вплоть до III в. до н. э. Причиной этих грандиозных миграций была «неолитическая революция», происходившая у племен Южной и Восточной Азии в конце III — начале II тысячелетия до н. э. Развитие комплексного земледельческо-скотоводческого хозяйства на базе неолитической техники в сочетании с морским рыболовством привело к увеличению численности населения и дало толчок к крупным передвижениям племен в южном направлении. В Юго-Восточной Азии аустроазиаты и аустронезийцы, столкнувшись с немногочисленным негро-австралоидным населением, занимавшимся охотничье-собираТЕЛЬСКИМ и рыболовческо-собираТЕЛЬСКИМ хозяйством, ассимилировали его или вытеснили дальше к югу.

Неолитические памятники на севере Малайи сходны с западнотайландскими и, по-видимому, принадлежат одной и той же этнической — аустроазиатской (мон-кхмерской) — группе. В неолитических стоянках Тембелинга (Паханг), Букит-Каплу (Кедах), Гуа-Ча (Перак) обнаружены шлифованные каменные топоры (плечиковые и четырехугольные) и керамика, сделанная частично вручную способом налеха, частично — на гончарном круге.

Неолитические племена — аустроазиатские и аустронезийские, — проникавшие в Малайю с севера и юга (через Индонезию), селились в основном во внутренней части полуострова, на аллювиальных речных равнинах. Аустронезийские племена заселяли и морское побережье. Постепенно, с приходом из Индонезии новых волн переселенцев аустронезийские племена становятся основным населением на территории современной Малайи. Эти неолитические племена знали земледелие (выращивали таро и ямс, а затем и рис), используя для сбора урожая каменные жатвенные ножи, приготавливали пиво из ячменя и риса, выращивали сахарный тростник, различные виды овощей и фруктов, разводили свиней и буйволов, пользовались стрелометательной трубкой (сумпитаном), знали гончарный круг, строили прямоугольные дома на сваях, украшали жилища и лодки

¹ Здесь, как и далее, когда называются современные государства Юго-Восточной Азии, речь идет (применительно к прошлому) о территориях, на которых располагаются эти государства в настоящее время.

резьбой по дереву. По-видимому, основной социально-экономической ячейкой у этих племен была материнская родовая община.

Поздний неолит (конец II—начало I тысячелетия до н. э.) представлен в Малайе, как и повсюду в Юго-Восточной Азии, мегалитическими сооружениями — надмогильными памятниками в виде каменных ступенчатых пирамид или ступенчатых террас, служивших в основном для отправления культа предков.

Бронзовый век в Малайе, как и вообще в Юго-Восточной Азии, связан с донгшояекой культурой (названной по селению Донгшон во Вьетнаме, где были обнаружены наиболее характерные находки). Проблема появления обработки металлов в Юго-Восточной Азии сложна и окончательно не решена. Советские ученые считают, что аустроазиатские и аустронезийские племена могли познакомиться с бронзовой металлургией Индии и Китая на рубеже II—I тысячелетий до н. э. Существует также мнение о самостоятельности возникновения металлургии в Юго-Восточной Азии.

Центр донгшонекой культуры находился на территории Северного Вьетнама, но ареал ее не определен исследователями, высказывающими различные суждения относительно границ ее распространения. Нет единого мнения и по вопросу датировки донгшонской культуры. Наиболее распространена дата начала донгшонской культуры — IV—III вв. до н. э.

По мнению ряда советских (Н. Н. Чебоксаров, Я. В. Чеснов) и зарубежных (Г. Хейне-Гельдерн) ученых, донгшонская культура представляла собой древнюю культурную общность различных народов — вьетских, малайско-полинезийских, мон-кхмерских, тайских и тибето-бирманских.

Аустронезийские (малайско-полинезийские) племена сыграли очень большую роль в формировании культуры Юго-Восточной Азии, составляя на всем протяжении эпохи бронзы значительную часть населения и материковой части региона. Лишь к концу этой эпохи они выселились в островной мир.

В малайско-индонезийском регионе Юго-Восточной Азии бронза появилась позднее, чем в Индокитае: примерно около 300 г. до н. э., почти одновременно с железом. В Тембелинге и Кланге (Западная Малайзия) найдены фрагменты характерных для донгшонекой культуры бронзовых ритуальных барабанов, колоколов и топоров. К концу I тысячелетия до н. э. в Малайе и Индонезии, населенных родственными племенами донгшонской культуры, сложилась развитая культура бронзы и раннего железа, основными чертами которой в хозяйственной области были: культивация риса на орошаемых землях, приручение быков и буйволов, использование металлов, развитие мореходства. Главным занятием населения еще с неолитического периода оставалось земледелие, развитие которого пошло по двум направлениям, сохранившимся в последующей истории Малайзии: выращивание риса на орошаемых полях (савах) и переложное земледелие с подсечно-огневой системой (ладанг). Население в деревнях (кампонгах), расположенных обычно по берегам рек. Как правило, кампонг населяли члены одной родовой общины, счет родства в которой велся по материнской линии. Земля считалась собственностью общины, во главе которой стоял староста, являвшийся одновременно главой своей родовой группы.

Религией малайско-индонезийских племен был анимизм с почитанием предков и духов. Святилища располагались на вершинах холмов. По-прежнему сооружались мегалитические памятники. Именно в этот период зародились такие элементы малайско-индонезийской культуры, как ваянг (театр теней) и гамелан (оркестр). Известный малайский теневой театр вырос на почве анимизма и поклонения духам умерших. Этот театр претерпел сложную эволюцию, начавшуюся с культовой мистерии, изображавшей «вызов умерших» (театр масок). Постепенно кукольный театр теней вытеснил театр масок, в котором принимали участие живые люди; считалось, что из потустороннего бесплотного мира легче вызвать не тело умершего, а его тень.

Малайско-индонезийскую культуру бронзы и раннего железа многие ученые связывали с приходом новой волны поселенцев — дейтеромалайцев, которые оттеснили своих предшественников — прогомалайцев — в глубинные районы. К протомалайцам относят отсталые в культурно-хозяйственном отношении народы, например даяков Саравака и Сабаха, к дейтеромалайцам — более развитые народы, в том числе и малайцев. Советские этнографы считают, что правильнее говорить о малайско-индонезийских племенах, расселявшихся несколькими последовательными волнами, и определять различия между народами не их принадлежностью к иротомалайцам или дейтеромалайцам, а неодинаковыми темпами хозяйственного, общественного и культурного развития в тех или иных районах архипелага и Малаккского полуострова.

Археологические свидетельства, относящиеся к донгшонской культуре, в Малайе немногочисленны и, как считают большинство ученых, более поздние по времени, чем аналогичные находки в Восточном Индокитае и на Яве. Видимо, носители этой культуры проникли в Малайю с Суматры, двигаясь вдоль западного побережья полуострова. Внутренние области Малайи и значительную часть побережья по-прежнему населяли неолитические племена. Племена, населявшие древнюю Малайзию, как и другие части малайско-индонезийского мира, были известны китайцам под названием куньлунь, а индийцам — двипантара («островной народ»).

Разложение родового строя. Индийское влияние. В первых веках нашей эры в жизни населения Малаккского полуострова, как и других прибрежных районов Юго-Восточной Азии, произошли огромные перемены. На месте рыбацких деревушек возникали портовые города с дворцами и храмами, прежние родо-племенные вожди превращались в князьков и царьков, на смену анимистическим верованиям приходили вселявшие трепет в неискушенного земледельца и рыбака индуизм и буддизм. Явления эти, в совокупности составившие то, что можно определить как возникновение цивилизации на Малаккском полуострове, не произошли внезапно. На протяжении веков накапливались изменения в жизни общества, вызванные разложением родового строя и складыванием государственности.

Разложение родового строя было связано прежде всего с появлением бронзовых и железных орудий (вторая половина I тысячелетия до н. э.). Начавшийся на этой основе рост производительных сил привел к интенсификации земледельческого хозяйства, что, в свою очередь, положило начало процессу отделения ремесла от земледелия, развитию мореходства. По мере совершенствования техники в долинах распространилось ирригационное террасное земледелие, увеличивались возможности земледелия и ладангового типа. Торговля, которая велась родовыми вождями от имени соплеменников, и мореходство с сопутствующим им пиратством оказались самыми быстрыми путями накопления богатства в условиях приморских районов Юго-Восточной Азии.

На возникновение классового общества в Малайе, равно как и в большинстве других районов Юго-Восточной Азии, огромное воздействие оказала индийская культура. Оно было настолько значительным, длительным и глубоким, что в недалеком прошлом в исторической науке имелась тенденция связывать образование и развитие государственности в Юго-Восточной Азии вплоть до XIV—XV вв. целиком и полностью с индийским влиянием. И хотя сейчас подобных теорий практически никто не придерживается, едва ли приходится отрицать то огромное, воздействие, которое оказала цивилизация Индии на страны Юго-Восточной Азии.

Несомненно, что образование классов и складывание государства у народов Юго-Восточной Азии на рубеже нашей эры не были результатом только внешнего влияния, но отнюдь не случаен факт интенсивного разложения родового строя в прибрежных районах Юго-Восточной Азии именно на рубеже нашей эры, т. е. в то время, когда индийцы — купцы и искатели приключений — устремились туда в поисках золота, серебра, драгоценных камней, пряностей, ценных пород дерева.

Связи малайско-индонезийского населения с Индией существовали издавна. Прекрасные мореходы — жители прибрежных, областей архипелага и полуострова достигли Индии на своих лодках с противовесом уже за тысячу лет до нашей эры, а сведения об их торговле с Индией относятся к концу первой — началу второй половины I тысячелетия до н. э.

Если вначале связи местного населения с индийцами носили спорадический характер, то с первых веков нашей эры положение меняется: поток индийских торговцев и священнослужителей устремляется в прибрежные районы Юго-Восточной Азии. Это объяснялось рядом причин, одной из которых было возросшее требование на продукты стран Юго-Восточной Азии (золото, пряности, драгоценные камни) в торговле Индии с Западом. В последних веках до нашей эры и в первых веках нашей эры образовались могучие государства на торговом пути между Европой и Азией — Селевкидская и Римская империи на Западе, империи Маурьев в Индии и Кушан в Центральной Азии, империи Хань и Цинь в Китае, что способствовало установлению оживленной торговли между Востоком и Западом и повышению спроса на продукты Юго-Восточной Азии. К этому можно добавить миссионерскую активность буддизма, политические изменения в различных индийских государствах, способствовавшие эмиграции населения, а также появление в Индии нового типа судна — большого, способного к сложным маневрам под парусом корабля.

«Индийская колонизация» была мирным процессом. Первоначальными ее проводниками были купцы, которые завязывали торговлю с жителями прибрежных деревень — кампонгов. Часто они вступали в браки с местными женщинами, преимущественно дочерьми вождей. Родовые вожди воспринимали атрибуты индийской культуры, укрепляя свою власть. Иногда правителем становился и индиец или на побережье появлялось индийское поселение.

Индийская культура привносилась в страны Юго-Восточной Азии не только индийцами. Видимо, значительную роль играли в этом процессе местные жители, которые посещали Индию и знакомились там с достижениями ее цивилизации.

Индийская культура смогла оказать такое глубокое влияние на Юго-Восточную Азию потому, что она была готова воспринять это влияние. Естественно, что корни цивилизации Юго-Восточной Азии были глубоко самобытны, к началу нашей эры здесь уже существовало общество, находившееся на пороге превращения в классовое. Связи с Индией лишь ускорили этот процесс. Родо-племенные вожди, торговавшие с Индией, воспринимали «индийские концепции» для обоснования своего нового политического статуса, привлекая брахманов — знатоков ритуала, магических обрядов и письменности. Вместе с ними в Юго-Восточную Азию приходили индийская мифология, религия, искусство.

Контакты с индийцами ускорили процессы классового образования, начавшиеся в Юго-Восточной Азии, способствовали превращению родо-племенной знати в господствующий класс раннеклассового общества. Индийцы приносили с собой нормы уже сложившихся классовых отношений. Деление на варны, хотя и не получило в Юго-Восточной Азии столь широкого и глубокого распространения, как в Индии, тем не менее содействовало оформлению местной родовой верхушки в господствующий класс (куда вошла и часть выходцев из Индии).

Торговля с индийцами стимулировала накопление богатств в руках знати, активно влияла на процесс классового образования, а восприятие индийских форм политического устройства помогало оформлению первых государственных образований.

Индийцы принесли в Юго-Восточную Азию и свои религии — брахманизм и буддизм. В условиях разложения родового строя, классового образования и складывания государства эти религии стали в руках господствующих классов мощным средством воздействия на массу населения.

Складывание государственности на Малаккском полуострове было ускорено развитием морской торговли и возникновением великих торговых путей, связывающих Красное и Южно-Китайское моря. Греческие и египетские купцы — подданные Римской империи — плавали в начале нашей эры из портов Красного моря через Аравийское море до западного побережья Индии. Торговля в Бенгальском заливе находилась в руках индийских купцов, привозивших из Юго-Восточной Азии, или Суварнадвипы («золотой земли»), золото, камфору, слоновую кость, ценную древесину. В малайских водах и Южно-Китайском море доминировало местное население, известное китайским источникам под собирательным названием куньлунь-малайское население Юго-Восточной Азии. Интенсификация этой морской торговли с первых веков нашей эры привела к возрастанию роли Малаккского полуострова, находившегося на пересечении торговых путей из Индии в Юго-Восточную Азию и Китай. Через северную часть полуострова (современные Таиланд и Бирма) проходил ряд важных дорог, связывавших Индийский океан с Сиамским заливом. Собственно Малаю также пересекали торговые пути, которые, хотя имели в ту пору менее важное значение, чем пути через перешеек Кра, тем не менее были достаточно оживленными и оказали влияние на ускоренное развитие прибрежных районов. Одна из этих дорог шла из Кедаха на север, в Лигор, существовала и другая дорога из Кедаха — на восток по рекам Белум, Патани, Сай и Пергау. Ряд дорог связывал золотоносные районы во внутренней части Паханга с западным и восточным побережьем. Уже во II в. Малаккский полуостров был известен едва ли не лучше других областей Юго-Восточной Азии.

Первое упоминание о Малаккском полуострове в китайских источниках относится к I в. н. э. «Цянь Хань шу» («История династии Ранняя Хань») сообщает, что корабли за пять месяцев плавания проходят путь от теперешней провинции Гуандун и Северного Вьетнама до страны Дуюань, затем за четыре месяца — до страны Илумо, а спустя еще двадцать дней — до страны Шэньли. После десятидневного путешествия по суше торговцы достигали страны Фугандулу, откуда через два месяца плавания по морю попадали в Индию. «Цянь Хань шу» свидетельствует: «Эти страны обширны, их население многочисленно, и многие их товары необычны. Со времен императора У (141—87 г. до н. э. — В. Т.) все они присылают дань. Главные переводчики (чиновники.— В. Т.) вместе с добровольцами отправляются в море, чтобы купить блестящий жемчуг, берилл и другие редкие камни и необычные товары в обмен на золото и различные сорта шелка. Все страны, которые они посещают, снабжают их пищей и проводниками. Торговые суда варваров доставляют китайцев по назначению. Это выгодное занятие для варваров, которые иногда также грабят и убивают... Кроме того, огромен риск встречи с ветрами и волнами и возможность утонуть. Если даже избежать всего этого, путь туда и обратно занимает несколько лет». Судя по всему, речь идет о морском путешествии к восточным берегам Малаккского полуострова, который пересекали севернее или южнее перешейка Кра (десять дней пути), а затем из портов западного побережья плыли в Индию.

Другой отрывок из «Цянь Хань шу», относящийся к первым годам нашей эры, упоминает в качестве перевалочного пункта на морском пути из Китая в Индию. Пицзун, который находился где-то на полуострове или близлежащих островах.

Греческий географ Клавдий Птолемей, знавший Малаккский полуостров под именем Золотого Полуострова, подробно описал торговые пути из Индии в Малаю и дороги через полуостров. В своей «Географии» (ок. 150 г.) он упомянул также несколько торговых центров на побережье полуострова: Таколу на западном побережье перешейка Кра, Сабару в южной части полуострова, Коле, находившийся где-то на северо-восточном побережье Малайи, Калонку, Конконагару, Паланду и Тарру, которые располагались во внутренней части Малайи неподалеку от побережья по течению крупных рек. Нет оснований считать все эти пункты, местонахождение которых подчас трудно определить, городами, скорее речь идет о местах перевала грузов или о торговых факториях, но одно

несомненно: во II в. н. э. на Малаккском полуострове существовали центры, вокруг которых начинали складываться первые государственные образования.

Государства Малаккского полуострова во II—VII вв. Центрами складывания государственности на полуострове стали его северные области (нынешний Южный Таиланд и Северная Малайя), где перекрещивались морские пути в Индию и Китай с сухопутными дорогами через перешеек Кра. Начиная с III в. сведения о полуострове более или менее регулярно появляются в китайских хрониках — наиболее надежном источнике по истории ранних государств полуострова. Вовлечение полуострова в сферу политического влияния первой обширной империи в Юго-Восточной Азии, Фунани, с которой Китай поддерживал дипломатические и торговые связи, способствовало интересу китайских летописцев к этому району. Государство Фунань² возникло в I в. в дельте р. Меконг, на территории, населенной в основном докхмерскими аустроазиатскими племенами³. Столицей его была Вьядхапура («город охотников»), находившаяся близ холмов Ба Пном в современной Кампучии, а главным морским портом — г. Ок Эо. Расположенная на торговом пути из Китая в Индию, в плодородной долине Меконга, где существовали благоприятные условия для выращивания риса, Фунань из сравнительно небольшого объединения поселений превратилась во II—III вв. в могущественное государство Юго-Восточной Азии. Согласно легенде, государство Фунань было основано индийским брахманом Каундиньей, победившим местную принцессу, а затем на ней женившимся.

Династия, основанная Каундиньей, правила до конца II в., когда после смерти Пань Паня престол перешел к военачальнику Фань Шиманю (Фань Маню). При Фань Мане (конец II — начало III в.) Фунань вступила на путь политики завоеваний и захватила, согласно китайским хроникам, десять государств. Во власти Фунани оказалось все побережье Сиамского залива, перешеек Кра и Северная Малайя.

Преемники Фань Маня, «великого царя Фунани», поддерживали активные дипломатические связи с Индией и Китаем, и в правление второго из них, Фань Сюня, фунаньский двор посетило в 245—250 гг. китайское посольство, член которого Кан Тай оставил первое сообщение о Фунани и ее вассалах на Малаккском полуострове. В числе завоеваний Фань Маня Кан Тай упомянул страну Дуньсунь, расположенную на Малаккском полуострове. Центр Дуньсунь находился где-то к северу от перешейка Кра, но в состав его входили, вероятно, и княжества, расположенные на побережье современной Малайи.

Китайская летопись VI в. «Лян шу» так описывает Дуньсунь: «Более чем в 3 тыс. ли от южных границ Фунани находится царство Дуньсунь, расположенное на полуострове. Страна эта простирается на тысячу ли; город находится в 10 ли от моря. Там пять царей, которые признают себя вассалами Фунани. От восточной границы Дуньсунь идет путь в Цзяочжоу, от западной — в Тяньчжу и Аньси (Северный Вьетнам, Индия, Парфия. — *В. Т.*). Иноземцы из всех стран приходят сюда торговать, потому что Дуньсунь закругляется и выступает в море более чем на тысячу ли. Чжанхай (Сиамский залив. — *В. Т.*) очень велик, и морские корабли еще не пересекали его». Далее «Лян шу» описывает Дуньсуя как процветающую, богатую страну на перекрестке торговых путей: «Здесь встречаются Восток и Запад и бесконечное количество людей бывает ежедневно на базаре. Редкие товары, драгоценные камни — нет ничего, что бы не встречалось там».

² Транскрипция имен, названий и терминов, встречающихся в китайских династийных историях и относящихся к Юго-Восточной Азии, подчас весьма затруднительна, и многие имена и географические пункты известны лишь по их китайским эквивалентам. Видимо, Фунань — транскрипция титула правителей страны (кураг бнам), а не собственно ее название.

³ Некоторые ученые считают, что господствующая верхушка фунаньского общества была малайскоязычной.

В первых веках нашей эры в северной части Малаккского полуострова кроме Дуньсунь появилось несколько государственных образований, существование которых зафиксировано китайскими и индийскими источниками.

Одним из таких государств было Паньпань, сведения о котором содержатся во многих китайских хрониках, начиная с «Лян шу», в которой сообщается, что некий брахман из Индии сто имени Каундинья, живший в Паньпань, был избран правителем Фунаня, после чего «он изменил все законы в соответствии с индийскими обычаями». Это событие, относящееся к началу V в., свидетельствует о силе Паньпань, сумевшем посадить на фунаньский трон своего правителя. История Каундиньи II свидетельствует также о том, что Паньпань было одним из тех государств Малаккского полуострова, где индийское влияние явственно ощущалось. Государство, продолжая оставаться вассалом Фунани, обладало значительной долей самостоятельности, о чем свидетельствуют посольства в Китай в 424—453, 454—456, 457—464, 527, 529 и 534 гг. Судя по китайским источникам, Паньпань находилось на северо-восточном побережье полуострова, в районе перешейка Кра, на территории теперешнего Таиланда.

Южнее Паньпань, также на северо-восточном побережье, видимо в районе современного Наконситамарата, располагалась Тамбралинга, упоминаемая в форме Тамали в «Маханиддесе», входящей в палийский буддийский канон II—III вв. «Маханиддеса» и известное палийское сочинение «Милиндапанхья» называют также в числе морских портов Суварнадвипы, т. е. островной части Юго-Восточной Азии, Такколу (Такола у Птолемея). Трудно сказать, была ли Таккола индианизированным поселением, остатки которого раскопаны известным исследователем древней истории Юго-Восточной Азии Х. Куорич-Уолсом в 1935 г. на маленьком острове в устье реки Такуапа, но совершенно очевидно, что это портовое государство существовало начиная со II—III вв. где-то на северо-западном побережье Малаккского полуострова, видимо в районе современного Траяга в Южном Таиланде.

Одним из самых известных ранних государств этого района, воспоминания о котором сохранились в малайском фольклоре и топонимике, было Лангкасука, расположенное на северо-восточном побережье полуострова между современными Сингорой и Сайбури. Центр этого государства находился, ото всей вероятности, в Патани (Южный Таиланд). Оно возникло, согласно китайским хроникам, в начале II в. и, по-видимому, вошло в число вассальных владений Фунани при Фань Мане. Ко второй половине V в. относится начало подъема Лангкасуки, что было связано с воцарением в Фунани династии Каундиньи II и усилением самостоятельности малайских вассалов. Лангкасука контролировала торговые пути между восточным побережьем полуострова и Китаем и Фунанью, а также дороги к золотоносным районам во внутренней части Малайи (современные Келантан и Паханг).

На территории собственно Малайзии самым ранним государством был Кедах, находившийся на северо-западном побережье полуострова, в устье р. Мербау и ее притоков. Первое упоминание о нем (в форме Калагам или Кадарам) содержится в тамильской поэме «Паттинапалаи» конца II—начала III в. Археологические раскопки в Кедахе обнаружили следы поселений с укреплениями, дворцами и храмами, относящимися к IV—V вв. К этому же времени относятся древнейшие санскритские надписи, найденные в Малайе. Одна из них содержит два буддийских стиха, а вторая— молитву капитана Буддагупты из Красной земли о благополучном плавании. Кедах (Катаха, Кадарам) был значительным портом, поддерживавшим оживленные торговые связи с индийскими портами Каверипаттинамом и Тамралипти, с Цейлоном, Никобарскими островами, Суматрой и, возможно, с Калимантаном. Он стал одним из мест, где торговцы, плывшие в Индию или из Индии, пережидали непогоду и где пересекался морской путь с сухопутными тропами через Малаккский полуостров.

С III по VI в. государства Малаккского полуострова находились в сфере влияния Фунани. Это влияние сильнее всего ощущалось в самых северных районах, но в той или

иной мере распространялось на все ранние государства полуострова. Как показывает история утверждения Каундиньи II на фунаньском троне, вассалы Фунаи в районе перешейка Кра подверглись большему индийскому влиянию, чем метрополия, и играли активную роль в жизни империи. Традиции Фунани, создавшей мощный флот, контролировавшей морские пути из Индии в Китай, оказали влияние на последующее развитие приморской части Юго-Восточной Азии и характер государственных образований в этом районе.

После смерти в 514 г. Джаявармана, крупнейшего правителя Фунаи из династии Каундиньи II, империя пришла в упадок. Его сын Рудраварман был последним царем независимой Фунани. После его смерти (около 550 г.) князя Ченлы — вассального кхмерского княжества в области среднего течения Меконга, — братья Бхававарман I и Читрасена восстали « захватили столицу Фунани — г. Вьядхапуру. Некоторое время Фунань продолжала существовать как небольшое вассальное княжество Ченлы со столицей Ба Пном и даже посылала посольства в Китай, но в 627 г. сын Читрасены Ишанаварман I включил остатки Фунани в состав своего государства. Исчезновение морской державы Фунани и приход на смену ей Ченлы, расположенной во внутренних районах, радикально изменили положение государств полуострова.

После падения Фунани политическая карта Малаккского полуострова претерпела некоторые изменения.

Малайские вассалы Фуяни обрели независимость, свидетельством чего являются их посольства в Китай. Эти посольства направлялись с целью заручиться признанием со стороны могущественного государства, что в тех условиях означало провозглашение суверенитета. Кроме того, отправка посольства в Китай объяснялась стремлением развивать торговлю с этой страной.

Эти миссии рассматривались при китайском дворе как посольства от вассалов, в действительности же они привозили в Китай не дань, а товары для обмена и никакой реальной зависимости государств полуострова от Китая не существовало. Китайская хроника «Суй шу», составленная в VII в. и повествующая о событиях 581—618 гг., свидетельствует, что в 605-616 гг. более десяти царств Юга приносили дань, «но сведения о многих из них утеряны. И сейчас имеются сообщения лишь о четырех государствах».

Одним из этих четырех государств оставалось Паньпань, которое сохранило ведущее положение на севере полуострова и захватило важный торговый путь из Такколы в Тамбралингу, включив последнюю и свои владения. В VI в. посольства из Ланьпань продолжали регулярно появляться в Китае, в VII в. известны два посольства (в 616 и 635 гг.).

Другим государством было Коло, появившееся в хронике «Син Тан шу», описывающей историю Таиской династии (618—906 гг.). Идентификация этого государственного образования затруднительна, но большинство авторов считают, что речь идет о Катахе (Кедахе)⁴, продолжавшем играть роль крупнейшего торгового центра на северо-западном побережье полуострова. В китайских источниках VII—VIII вв. упоминаются еще два государства, ранее неизвестные — Читу («Красная земля») и Таньтань.

Существуют различные мнения относительно местоположения Читу — и в бассейне Менама, и на Малаккском полуострове, и на Суматре. Едва ли можно сослаться на красный цвет почвы в тех или иных местностях Таиланда или Малайи для доказательства, что именно эта местность является Красной землей, поскольку такие топонимы распространены в этом районе повсеместно. Гораздо большее значение имеет анализ положения Читу относительно уже известных государств и описание пути китайских послов в начале VII в.

⁴ Некоторые исследователи полагают, что Коло (Калах арабских географов) находился в районе Мергуи (Тенассеримское побережье Бирмы).

В 607 г. в Читу из Китая отправилось посольство во главе с Чан Чунем. Послы отплыли из Кантона, миновали Линъи (Тямпу), а затем достигли Лангкасуки. Продолжив путь к югу, они доплыли до Читы, где на берегу их встретил посланный правителем Читы брахман. Далее Чая Чунь отправился в глубь страны, видимо по реке, в столицу Читы — Шицзу («Город льва»), где ему был оказан пышный прием. Обратное китайское посольство вместе с сыном правителя Читы вернулось тем же путем, причем плыло от берегов Читы до Тямпы десять дней. Судя по тому, что послы плыли мимо Лангкасуки, после которой прибыли в Читу, большинство современных исследователей полагают, что Читу было расположено где-то в Северо-Восточной Малайе, возможно в районе современного Келантана, а его столица находилась в верховьях р. Келантан, поблизости от золотоносных районов Верхнего Паханга. Возможно, что Читу была той страной, в которой жил Буддагупта, оставивший санскритскую надпись в Лангкасуке в V в.

И наконец, четвертым государством, о котором шла речь в «Суй шу», было Таньтань, посольства из которого бывали в Китае в 530, 535 и 616 гг. Судя по китайским источникам, это государство находилось в Северо-Восточной Малайе, возможно в устье Тренгану или Бесута, южнее Читы.

По-прежнему известна была Лангкасука, бывшая, по-видимому, одним из первых вассалов, отколовшихся от Фунаньской империи. В 515 г. ее правитель Бхагадатта посылает первое самостоятельное посольство в Китай; другие посольства из Лангкасуки известны в 523, 531 и 568 гг. В VI в. Лангкасука значительно усилилась и расширила свою территорию: по сообщению хроники «Лян шу», она простиралась на двадцать дней пути с востока на запад и на тридцать — с севера на юг. Согласно запискам И Цзина, буддийского монаха, путешествовавшего в 671—695 гг. из Китая в Индию и обратно морским путем, Лангкасука была главным портом северо-восточного побережья полуострова.

Таким образом, на Малаккском полуострове в VI—VIII вв. существовали прибрежные независимые города-государства, которые развивались как торговые центры с социальными отношениями раннеклассового типа и довольно высокой культурой, сложившейся под заметным индийским влиянием.

На основании сведений, содержащихся в китайских летописях и индийских источниках, можно дать характеристику некоторых черт политического и социально-экономического устройства раннеклассовых образований на побережье Малаккского полуострова.

Города-государства обычно развивались из прибрежных деревень — камлонгов. Именно жители таких деревень поддерживали связи с иноземными торговцами, в таких деревнях обосновывались и сами индийские колонисты. Прибрежные кампонги быстрее подвергались воздействию товарных отношений, в них ускоренно происходило разрушение традиционного уклада жизни. Богатство, накопленное благодаря торговле с иностранными купцами, восприятие общественных и идеологических форм, приносимых индийскими колонистами, — все это способствовало быстрому превращению старосты кампонга, обладавшего еще целым рядом функций родо-племенного вождя, в князька, царька. Другим, но значительно более редким, путем возникновения города-государства было создание индийской колонии на побережье и постепенное распространение ее влияния на окрестные селения. Вполне вероятно, что именно таким поселением была Таккола, упоминавшаяся Птолемеем во II в. Обычно государство занимало небольшую территорию в устье реки, впадавшей в море. Центром его был город, расположенный на побережье или в эстуарии, обнесенный стенами с воротами и башнями. Так, китайская хроника VI в. «Лян шу» сообщает, что Лангкасука окружена стенами из прочного кирпича с двойными воротами, сторожевыми башнями и павильонами, а другой китайский источник говорит, что столица Красной земли была защищена стенами с тройными воротами. В центре города, как травило, на вершине естественного или искусственного холма находилось главное святилище, иногда окруженное храмами меньшего размера.

Поблизости от центрального храма (индуистского или буддийского) располагались дворец правителя и дворцовые строения — жилища высших должностных лиц, помещения дворцовой охраны, царские зернохранилища. Далее шли кварталы ремесленников и другого простого люда, жившего в пределах городских стен. Прилежавшая к городу территория вдоль побережья обычно входила во владения государства, тогда как внутренние районы практически им не контролировались. Иногда, в тех случаях, когда центр государства не был окружен джунглями, а располагался на удобной для земледелия равнине, в состав государства включалась более или менее обширная сельская округа с кампонгами. Примером такого государства служит Кедах (Катаха, Кадарам, Калагам индийских источников). Систематические раскопки 30—50-х годов нынешнего века открыли городскую цивилизацию, видимо характерную для прибрежных районов севера полуострова.

В устье р. Мербок и на берегах ее правых притоков Мербок-Кечиль и Буджанг были раскопаны семнадцать храмов, три здания, которые, как полагают, были парадными залами дворцов, два укрепления и большое число неидентифицированных построек. Самая ранняя находка — буддийская ступа на вершине Букит-Чорас, холма к северу от р. Мербок, — относится к IV в. Раскопки свидетельствуют, что на протяжении почти пяти веков (до 750 г.) город в устье Мербока и окружающие его поселения были центром государства. Здесь в начале нашей эры возник перевалочный торговый пункт, где останавливались индийские купцы, привлекаемые удобной гаванью (эстуарий Мербока в то время был значительно шире и глубже, чем сейчас). Постепенно деревня превратилась в место, куда свозились продукты из окружающих районов и откуда шли пути через полуостров. Жилища простого народа и даже дворцы не сохранились, поскольку сооружались из тростника, бамбука и дерева. На равнинах Кедаха и Перлиса выращивали рис, и государство обеспечивало себя продовольствием, не прибегая к его ввозу, как это делало большинство прибрежных городов.

Во главе этих ранних государств стоял правитель, носивший, как правило, индийское имя или титул: Шри Парамешвара, Варман, Бхагадатта и т. п. Для обозначения высших должностных лиц употреблялись индийские (садхукара, дханада, кармика, кулапати, наяка), реже — кхмерские (курунь) термины. Правитель показывался народу в сопровождении пышной свиты. Существовала дворцовая гвардия. Китайский источник сообщает, что в Коло «солдаты употребляют луки, стрелы, мечи, копья и кожаные доспехи; их знамена украшены павлиньими перьями, и они сражаются на слонах; вся армия разделена на сотни, и слон придан к каждой сотне. На спине слона находятся четыре человека, вооруженные луками, стрелами и копьями».

Другой китайский источник так описывает Таньтань: «Государство Таньтань известно со времен династии Суй (588— 618 гг. — *В. Т.*). Оно расположено северозападнее Толомо (Тарума на Западной Яве. — *В. Т.*) и к юго-востоку от Чжэнчжоу (остров Хайнань. — *В. Т.*) ... В столице живет 20 тысяч семей. Существуют чжоу и сяни (названия административных единиц в Китае. — *В. Т.*), чтобы облегчить управление и контроль. Царь дает аудиенции два раза в день, утром и вечером. У него восемь высших сановников, и все они брахманы. Царь часто умащает себя благовониями, он носит головной убор с поднятыми углами, многочисленными украшениями, пышные одежды и кожаные сандалии. Когда он путешествует неподалеку (от столицы), его носят в паланкине, дальние путешествия он совершает на слоне».

«Лян шу» свидетельствует, говоря о другом государстве — Лангкасуке, что царь и сановники отличаются от простолюдинов одеждой, а также носят золотые пояса и серьги; женщины же (речь идет, видимо, о знатных) одеваются в хлопчатобумажные одежды и украшают шарфы драгоценностями. «Царь выезжает на слоне, — продолжает "Лян шу". — Его сопровождают знаменосцы и барабанщики, а едет он под белым балдахином. Солдаты в его охрану тщательно подбираются».

Судя по китайским описаниям, пышный двор, армия и сложившийся государственный аппарат существовали и в Читу. Китайские послы, побывавшие в Читу в начале VII в., сообщали: «Он (царь Красной земли. — *В. Т.*) живет в городе, имеющем тройные ворота шириной более чем сто шагов. На каждых воротах нарисованы сражающиеся духи, бодиеатвы и другие бессмертные, и все они увешаны золотыми цветами и колокольчиками. Десятки женщин играют на музыкальных инструментах «ли держат золотые цветы и украшения. Строения царского дворца состоят из многочисленных павильонов, двери которых обращены на север. Царь сидит на трехслойном сиденье, лицом на север, в платье розового цвета, с кубком золотых цветов в руке и в ожерелье из драгоценных камней. Справа и слева от него стоят четыре женщины и более ста воинов конной стражи. Позади царского трона находится деревянный алтарь, украшенный золотом, серебром и пятью сортами, ароматного дерева, за алтарем висит золотой светильник. Рядом с тронном стоят два металлических зеркала; перед ними — металлические кувшины, перед каждым из которых помещен благовонный светильник. Впереди же всего находится золотое изваяние быка, служащее опорой для балдахина с драгоценными веерами по бокам. Несколько сот брахманов сидят рядами, лицом друг к другу, на восточной и западной сторонах.

Должностные лица таковы: сатоцзяло (санскр. сардхакара — «помощник», видимо, первый министр. — *В. Т.*), два тона-гача (санскр. дханада — «распределитель благословений», титул, известный из Фунани. — *В. Т.*), три цзялимицзя (санскр. кармина — «делопроизводитель». — *В. Т.*), управляющие, политическими делами, цюломоти (санскр. кулалати — «глава семьи»), ведающий уголовными делами. Каждый город выбирает себе одного наяцзя (санскр. наяка — «руководитель», «советчик». — *В. Т.*) и десять боди (малайское пати — «вождь» — *В. Т.*)».

Источники сообщают, что основными занятиями жителей были посредническая торговля и земледелие. Выращивались рис, сорго, сахарный тростник, кокосовая пальма; особо китайские летописцы и путешественники останавливались на ароматических веществах и пряностях, служивших предметами вывоза из государств Малаккского полуострова.

Судя по описанию погребальных обычаев и одежды, население этих государств принадлежало как к мон-кхмерским, так и к малайско-индонезийским племенам.

Общество делилось по индийскому образцу на варны. Правитель, жречество и высшая знать именовались брахманами, тогда как кшатриями были дворцовые гвардейцы, и должностные лица. Деление на варны способствовало образованию правящей верхушки и закреплению ее привилегированного положения.

Города-государства были центрами морской посреднической торговли. Основные доходы правящий класс получал от транзитной торговли, мореходства и работоторговли. Эксплуатация местного населения осуществлялась главным образом в форме принудительных работ по постройке кораблей, храмов и дворцов, а также поставки людей в армию и флот правителя.

Существовали рабы, но нет никаких сведений о производительном использовании рабского труда. По-видимому, рабов заставляли выполнять домашнюю работу во дворцах и домах вельмож или (что случалось гораздо чаще) продавали иноземным торговцам, т. е. можно говорить не столько о рабовладении, сколько о работоторговле.

Для раннеклассового общества Малаккского полуострова был характерен огромный разрыв между центром, в котором развивались государственность, культура, социальная дифференциация, и периферией, кампонгами, остававшимися практически не затронутыми городской цивилизацией. В частности, сельская округа сохраняла анимистические верования, тогда как городские центры Малайи стали носителями индийских религий, укреплявших положение правящего класса и освящавших царскую власть.

К IV—V вв. относятся найденные в Кедахе буддийские санскритские надписи. Этим же временем датируются остатки буддийских ступ и монастырей, а также изваяния Будды, носящие следы влияния индийских скульптурных школ. Так, в Кедахе были обнаружены остатки буддийских монастырей, фундамент которых состоял из латеритных блоков, а стены и крыша — из обожженного кирпича и шифера. К IV—V вв. относятся также бронзовое изваяние Будды из Кедаха, носящее следы влияния школы Амаравати, и буддийские статуэтки гуптского стиля из Перака и Кедаха.

«Лян шу» сообщает, что в Паньпань «имеется десять монастырей, где буддийские монахи и монахини изучают священные книги. Они едят мясо, но воздерживаются от вина».

Показательно, что с V—VI вв. государства Малаккского полуострова поставляют буддийские реликвии в Китай и служат перевалочными пунктами для путешествий китайских буддистов в Индию.

Индуистские культы сосуществовали с буддизмом. Наличие брахманов-астрологов, знатоков ритуала и т. п. при дворах местных правителей отмечено многими источниками. Так, говоря о Дуньсунь, китайская хроника пишет: «В стране живет... более тысячи индийских брахманов. Народ Дуньсунь придерживается их учения и дает им дочерей в замужество. Они не занимаются ничем, кроме изучения священных книг, умащают себя благовониями и украшают цветами, отдаваясь благочестивому времяпрепровождению денно и ночью».

После падения Фунани в государствах полуострова господствующим стал шиваитский культ. Так, в Кедахе, бывшем одним из центров буддизма в этом районе, в центре государства раскопаны десять шиваитских храмов, относящихся примерно к 550—750 гг. Об этом же свидетельствуют скульптуры южноиндийского—лаллвеского стиля, найденные на севере полуострова. Преобладание шиваизма в VI—VII вв. не означало исчезновения буддизма. Китайский паломник И Цзин характеризовал Лангасуку в конце VII в. как государство, где процветает буддизм и где радушно встречают буддийских монахов.

Глава 2

ВЕЛИКАЯ МОРСКАЯ ИМПЕРИЯ (VIII—XIV вв.)

Возвышение Шривиджайи. В конце VII в. в Юго-Восточной Азии после полуторавекового перерыва, последовавшего за падением Фунави, появилась новая могучая морская держава.

Главной причиной ее возникновения было оживление мировой торговли, пришедшее на смену упадку, связанному с исчезновением Римской и Ханьской империй. Все больший интерес к торговле с Индией и Юго-Восточной Азией стала проявлять Сасанидская держава в Иране (225—637 гг.), а в VII в. иранские купцы достигли Китая. Роль персидских купцов, привозивших на своих кораблях в Китай товары из Юго-Восточной Азии, Индии, Восточной Африки, с Цейлона, была так велика, что все эти товары именовались в Китае «персидскими». Традиции Сасанидов были продолжены арабами, особенно в эпоху Багдадского халифата. Одновременно Китай вышел из длительного периода усобиц и нашествий: в 618 г. страна была объединена танской династией, императоры которой активизировали торговую политику в странах Южных морей, поскольку традиционный караванный путь на Запад был блокирован кочевниками. Китайские суда достигали Ормуза, Багдада и Адена. Главными товарами, вывозившимися из Китая, были шелк, изделия из железа и фарфор, пользовавшиеся повсеместным спросом в Юго-Восточной Азии, Индии и арабо-персидском мире. Китайский импорт состоял главным образом из предметов роскоши, драгоценностей и экзотических товаров: драгоценных камней, золотых и серебряных украшений из Аравии и Ирана, слоновой

кости и рабов из Восточной Африки, мускуса из Тибета, цветного стекла из Сирии, пряностей, олова, ценных сортов дерева и продуктов леса из Юго-Восточной Азии. Возрождение торговли способствовало возникновению на путях через Юго-Восточную Азию нового центра.

Шривиджая, расположенная на Восточной Суматре в районе современного Палембанга, первоначально была одним из многочисленных малайско-индонезийских прибрежных государств. Возникло оно, видимо, в IV—V вв.

Первые достоверные сведения о Шривиджае относятся к 70-м годам VII в. В 670—673 гг. ее правитель направил посольство в Китай, а в 671 г. Шривиджаю посетил по пути в Индию китайский монах-буддист И Цзин, по свидетельству которого уже тогда это государство было одним из центров буддизма махаяны в Юго-Восточной Азии. И Цзин писал: «Многие цари и вожди Южного океана привержены [буддизму], и их сердца открыты для добрых дел. В укрепленном городе Фоши (Шривиджая. — *В. Т.*) более тысячи буддийских монахов... Они изучают все те науки, которые существуют в Мадхьядеше (в данном случае — в Индии. — *В. Т.*); обычаи и церемонии их ничем не различаются. Если китайский монах хочет отправиться на Запад, чтобы слушать и изучать, ему лучше остановиться в Фоши на один-два года, освоить обычаи, а затем следовать в Индию». Показательно, что сам И Цзин в течение шести месяцев изучал санскрит в Шривиджае.

Стремительное возвышение Шривиджаи началось в 80-х годах VII в. В главе из второй части мемуаров, которая относится к 689 г.⁵, И Цзин сообщает, что государство Мелаю (Джамби), расположенное на р. Джамби, к северу от Шривиджаи, которое он также посетил в 671 г., стало теперь частью Шривиджаи. Сообщение И Цзина о начале возвышения Шривиджаи подтверждается четырьмя надписями — первыми образцами древнемалайского языка, — найденными близ Палембанга и на о-ве Банка. Надписи относятся к 683—686 гг. В первой из них говорится, что царь (имя которого не названо) 13 апреля 683 г. вышел в море в поисках волшебной силы, чтобы с ее помощью добиться успеха в походе против врагов. 8 мая он покинул устье р. Муси с двадцатитысячной армией, покорил своих врагов и принес Шривиджае «победу, власть и богатство». Во второй надписи, датированной 684 г., сообщается о закладке парка по велению правителя Джаянасы, причем надпись заканчивается текстом буддийской молитвы. Две последние надписи (одна из них относится к 686 г.) грозят проклятием жителям Мелаю и о-ва Банка, если они проявят непокорность по отношению к царю Джаянасе и его чиновникам; во второй из них, найденной на о-ве Банка, говорится также, что войска Шривиджаи готовы начать новый поход — против Явы.

Анализ этих надписей привел исследователей к мнению, что в 683—686 гг. Шривиджая — буддийское княжество, столица которого находилась на р. Муси в 70—80 км от побережья и где правил Джаянаса, — завоевала соседнее княжество Мелаю и о-в Банка, а затем подчинила своей власти Таруму на Западной Яве. Вслед за тем махараджи Шривиджаи, видимо, подчинили другие прибрежные государства Восточной и Южной Суматры. Контроль над Зондским проливом сразу выдвинул Шривиджаю, столица которой никогда не была значительным портом из-за своего неудобного географического положения и заболоченности эстуария Муси. Пользуясь ресурсами захваченных земель, Шривиджая создала большой флот, ставший основой ее могущества, и монополизировала морскую торговлю.

Но по-настоящему великой державой она стала в конце VIII в., когда поставила под свой контроль города-государства Малаккского полуострова, а вместе с ними — важнейшие торговые морские и сухопутные пути той эпохи в Юго-Восточной Азии. К 775 г. относится лигорская стела, обнаруженная на севере Малаккского полуострова в Ват

⁵ И Цзин вернулся в Шривиджаю после пребывания в буддийском университете в Наланде (Бихар) в 686 г. В 689 г. он на короткое время уехал в Китай и возвратился в Шривиджаю, которую окончательно покинул в 695 г.

Сема Муанге, в которой сообщается об основании махаянистского храма правителем Шривиджайи. Несмотря на многочисленные интерпретации текстов стелы, все исследователи сходятся в том, что махараджи Шривиджайи господствовали на полуострове, государства которого стали вассалами суматранской империи. Таким образом, Шривиджая к концу VIII в. доминировала на морских путях через тропики и сухопутных дорогах через полуостров, соединяющих Китай, Ченлу и Тямпу с Индией и Арабским халифатом.

Расцвет Шривиджайи. В XI в. в Шривиджае воцарилась династия Шайлендров, до этого правившая на Центральной Яве. Сложная проблема соотношения династий и государств архипелага выходит за рамки рассматриваемого сюжета, относясь больше к истории Индонезии, поэтому ограничимся лишь самыми общими замечаниями. В середине VIII в. буддийская династия Шайлендра, возможно связанная происхождением с правителями Фунани, утвердилась на Центральной Яве, поставив в вассальную зависимость прежних властителей — шиваитских правителей Матарамы. Как свидетельствует лигорская стела, Шривиджая поддерживала дружественные отношения с Шайлендрами, возможно скрепленные брачными союзами между правящими домами.

В правление махараджи Вишну из династии Шайлендров (775—782 гг.) началось строительство буддийских святынь, крупнейшим из которых был бессмертный памятник Боробудур. Сын и преемник Вишну царь Индра (782—812 гг.) продолжал строительство буддийских сооружений (Мендут и Павон), а также предпринял ряд морских экспедиций на Индокитайский полуостров, окончательно подорвавших могущество Ченлы, ставшей даже на короткое время вассалом Шайлендров. Но в 802 г. царь Джаяварман II основал новое государство, Камбоджу, и покончил с зависимостью от Шайлендров. Около 832 г. умер махараджа Самаратунга, и его дочь, принцесса Прамодавардхани, вышла замуж за принца шиваитекой династии Матарамы, которая, таким образом, вернулась к власти. Ее брат, малолетний сын Самаратунги по имени Балапутра бежал в Шривиджаю, где около 850 г. вступил на трон, положив начало династии Шайлендров в суматранско-малайской империи. По-видимому, мать Балапутры была шривиджайской принцессой, и юный принц после смерти деда Дхармасету унаследовал шривиджайский трон.

Вторая половина IX — начало XI в. — эпоха расцвета Шривиджайи. Вся мощь империи была брошена на строительство и содержание огромного флота, благодаря которому поддерживалась власть махараджей над разбросанными по островам и Малаккскому полуострову владениями. Интересно, что Шайлендры, строители Боробудура и других буддийских храмов на Яве, не оставили ничего подобного на Суматре и в Малайе. Может быть, именно флот и торговля поглотили все силы империи, у которой не хватило ни средств, ни духовной энергии на создание ценностей в сфере искусства?

Начиная с середины IX в. основные сведения о Шривиджае сообщают арабские географы и путешественники, которые превозносят могущество и богатство махараджей Забега, как они именовали Шривиджаю. Первое арабское сочинение об Индии и других восточных странах «Акбар ас-Син вал-Хинд» («Рассказы о Китае и Индии»), приписываемое некоему Сулейману (середина IX в.), сообщает: «Город Забаг расположен напротив Китая. Расстояние между ними — месяц морского пути... Царь города именуется махараджа... Он правит большим числом островов... Среди подвластных ему стран — Срибуза (Суматра. — *В. Т.*), Рами (Аче на Северной Суматре. — *В. Т.*), а также морская страна Калах (Кедах. — *В. Т.*), которая находится на полпути между Китаем и Аравией».

Известный арабский географ Ибн Хордадбех в своем труде «Китаб ал-масалик вал-мамалик» («Книга путей и царств»), относящемся к 844—848 гг., писал, что доходы махараджи Забага необычайно велики и что ежедневно он бросает золотой слиток в озеро, которое служит сокровищницей государства. Другой арабский автор, Абу Зайд, писавший около 916 г. и использовавший материалы более ранних авторов, дополнил Ибн Хордадбега: «Существует один очень странный обычай в Забаге. Дворец царя соединен с

морем мелким каналом. В этот канал царь каждое утро бросает слиток чистого золота. Слитки покрыты водой во время прилива, но видны при отливе. Когда царь умирает, эти слитки собирают, считают, взвешивают и делают официальную запись. Затем золото делят между членами царской семьи, военачальниками и царскими слугами в соответствии с их рангами, а то, что остается, раздают бедным».

Великий арабский географ Масуди, вероятно побывавший в Юго-Восточной Азии, в своем сочинении (943 г.) писал: «Империя махараджи имеет огромное население и бесчисленную армию; если путешествовать на самом быстром корабле, даже за два года трудно объехать эти острова, которые все населены. Царь (этих островов) имеет благовоний и пряностей больше, чем другие цари. Его владения производят камфору, алоэ, гвоздику, сандаловое дерево, мускатные орехи, кардамон».

Шривиджая была известна и в других странах, с которыми поддерживала связи и вела обширную торговлю. В эпоху расцвета Танокой империи посольства из Шривиджай регулярно появлялись при китайском дворе: с 695 по 742 г. китайские хроники постоянно сообщают о таких посольствах. Затем в связях Китая и Шривиджай наступил перерыв, вызванный ослаблением Танской империи и упадком морской торговли Китая. Но после утверждения в 960 г. сунской династии, возобновившей активную торговую политику в Южных морях, послы и купцы из Шривиджай, которая с начала X в. стала именоваться в китайских хрониках Саньфоци, а не Шилифоши, как раньше, вновь стали обычными гостями в Китае. Когда в 971 г. в Кантоне была открыта инспекция заморской торговли, купцы из Шривиджай были упомянуты в списке иноземцев, посещавших эту гавань. В хронике сунской династии сообщается о прибытии послов из Шривиджай к китайскому двору в 960, 962, 971, 972, 974, 975, 980, 983 и 988 гг.

Шривиджая поддерживала тесные связи и с Индией, прежде всего с Бенгалом и Коромандельским побережьем. Эти связи были как торговыми, так и религиозными. Известно, что в 782 г. наставником (гуру) одного из махараджей Шривиджай был Кумарагхоша из Бенгала. В середине IX в. махараджа Балапутра построил монастырь близ буддийского университета в Наланде (Бихар).

Все источники говорят о Шривиджае как о самом сильном в IX—XI вв. государстве Юго-Восточной Азии, обладавшем мощным флотом и огромными богатствами. По своему характеру Шривиджая представляла собой морскую империю, главной задачей которой было сохранение торговой монополии в Малаккском и Зондском проливах. Она не вмешивалась во внутренние дела своих многочисленных вассальных владений, обязанности которых в отношении махараджи Шривиджай ограничивались обычно выплатой дани и присылкой в случае необходимости кораблей и воинов.

Кедах — «северная столица» Шривиджай. Города-государства Малаккского полуострова стали вассалами Шривиджай, видимо, в VIII в. Они сохраняли значительную внутреннюю самостоятельность, поскольку, как уже говорилось, махараджи Шривиджай довольствовались поддержанием торговой монополии и формальной зависимости своих отдаленных владений. Именно города-государства полуострова были наиболее важной частью малайско-суматранской морской империи в силу своего географического положения. По-прежнему основная их масса сосредоточивалась в северной части полуострова. Эпоха Шривиджай была временем расцвета малайских торговых княжеств. Среди них на первое место выдвинулся Кедах, превратившийся в IX—X вв. в «северную столицу» империи. Когда в 925 г. раздираемый усобицами Китай запретил иностранным купцам торговать в Кантоне, центр торговли между Индией, Юго-Восточной Азией и Китаем был перенесен в Кедах.

Арабские авторы X в. описывали Кедах как крупнейший порт Шривиджай. Абу Зайд свидетельствовал: «Среди многих владений царя Забага имеется остров Калах, находящийся на полпути между Китаем и страной арабов. Он имеет 80 парасангов (от 350 до 500 км, — В. Т.) в окружности. Калах — центр торговли деревом, слоновой костью, оловом, эбеновым деревом, деревом бакам, пряностями всех видов и другими бес-

численными товарами. Именно туда идут торговые корабли из Омана и страны арабов». Абу Дулаф из Бухары, совершивший путешествие из государства Саманидов в Китай, писал около 940 г.: «Покинув Сандабил в Китае, я решил отправиться в Калах... Когда я прибыл в Калах, я увидел очень большой город с высокими стенами, многочисленными садами и обилием воды. Я увидел там оловянный рудник, равного которому нет в целом мире. В крепости они кууют калахские мечи, которые не уступают настоящим индийским.

Народ знает закон, тюрьмы и наказания. Они едят хлеб, финики, овощи... Они не знают бань, но моются в проточной воде. Их дирхам весит две трети обычного (речь, видимо, идет о хорасанской монете.— В. Т.). У них есть также мелкая монета, которая употребляется в торговле».

Масуди описал Кедах как порт, куда приходят корабли из Омана, Персидского залива и Китая и где находятся серебряные и золотые рудники. Многочисленные археологические находки — танский фарфор и арабские светильники — красноречиво говорят о размахе торговых связей Кедаха.

Кроме Кедаха — богатого, многолюдного портового города, в эпоху Шривиджайи на полуострове существовали и другие города-государства: Лангкасука, Паньпань, Таньтань, Таккола.

Потеряла значение Читу, и до XI в. нет упоминаний о Тамбалинге, что можно объяснить вхождением ее в этот период в состав Паньпани. В эпоху Шривиджайи влияние цивилизации городов-государств распространилось несколько южнее по побережью полуострова. Арабские авторы упоминают Паханг (Паханг) на восточном побережье, а китайские источники — Лоюз, расположенный, по-видимому, в Западной Малайе, южнее Кедаха, в Куала-Селинеинге, где существовал международный центр торговли бусами (здесь найдены бусы из Кореи, Филиппин, Калимантана, Занзибара, Зимбабве). Районы к югу от теперешнего северного Перака и внутренние области по-прежнему населяли племена, жившие на стадии первобытнообщинного строя.

Судя по китайским и арабским источникам, торговля государств полуострова значительно возросла по сравнению с предшествовавшим периодом. Увеличился вывоз товаров, производимых или добываемых в городах-государствах и во внутренних районах. На первом месте шли продукты джунглей — дерево алоэ, камфора, сандаловое и сапановое дерево. Значителен был вывоз металлов — золота и олова. О развитии собственного ремесла свидетельствуют слова Абу Дулафа о производстве мечей в Кедахе, по качеству не уступающих индийским. Но, конечно, большая часть торговли приходилась, как и ранее, на транзит: города-государства полуострова по-прежнему служили главными перевалочными пунктами на великом морском пути из Индии в Китай.

Общественный строй малайских государств в эпоху Шривиджайи не претерпел существенных изменений по сравнению с предыдущим периодом. В сфере идеологии самой заметной переменной стало установление господства буддизма махаяны, приверженцами которого были шривиджайские махараджи. Об этом свидетельствуют махаянистские статуи, найденные в различных местах Малаккского полуострова. По-видимому, существование бок о бок буддизма и шиваизма в предшествовавшую эпоху способствовало утверждению на полуострове буддизма махаяны, вобравшего в себя многое из индуистских культов.

Борьба Шривиджайи с Восточной Явой и Чолами. Малайские вассалы Шривиджайи приняли активное участие в бурных событиях, потрясших в конце X — начале XI в. эту державу.

В конце X в. главным соперником Шривиджайи стал Матарам на Яве. После того как местная шиваитская династия в середине IX в. вернулась к власти на Центральной Яве, положив конец правлению Шайлендров, Ява вступила в период расцвета. Свидетельством этого явилось строительство величественного прамбананского комплекса на Центральной Яве, посвященного индуистским богам (в противовес Боробудуру) и шиваитским правителям. В 929 г. правитель Синдок (929—947гг.) перенес столицу на

Восточную Яву, в долину р. Брантае. Вскоре яванское государство вышло на международную арену, установив торговые связи с Китаем, Молуккскими островами, Суматрой и Малаккским полуостровом. К концу X в. восточно-яванское государство превратилось в могучую державу архипелага, чью власть признавали Центральная Ява, Бали и Западный Калимантан; в руках его правителей находилась торговля пряностями, поступавшими с Молуккских островов. В начале 90-х годов X в. правитель Восточной Явы Дхармавамша (около 985—1006 гг.) начал войну со Шривиджайей, стремясь полностью захватить торговый контроль над путями через архипелаг. Около 990 г. Дхармавамша, опираясь на помощь калимантанских вассалов, предпринял наступление на Шривиджаю. Над Шривиджаей нависла серьезная угроза. Она даже обратилась в 992 г. к Китаю с просьбой о помощи. В последующие годы махараджи Шривиджайи неоднократно отправляли посольства в Китай и ко двору Чолов, в Южную Индию, чтобы заручиться поддержкой этих государств или по крайней мере не допустить их вмешательства в яванско-суматранский конфликт. В первые годы войны положение Шривиджайи было очень тяжелым. Но в 1006 г. махараджа Шривиджайи, опираясь на помощь вассалов Малаккского полуострова, разгромил яванцев и уничтожил царство Дхармавамши, распавшееся на отдельные княжества.

Следующие двадцать лет были временем наивысшего могущества Шривиджайи. Победив своего соперника, империя полностью господствовала в морях архипелага. Она превратилась в мировой центр буддизма. Атиша, реформатор тибетского буддизма, обучался здесь с 1011 по 1023 г. у Дхармакирти, главы буддийского духовенства. В биографии Атиши Шривиджая названа главным центром буддизма, а Дхармакирти — величайшим ученым своего времени. По-видимому, в этот период основным центром империи становится Кедах, который меньше пострадал от войны с яванцами.

Но в начале XI в. Шривиджая столкнулась с южноиндийской империей Чолов, и это столкновение имело для Малайско-суматранской империи роковые последствия. Государство Чолов на Коромандельском побережье, существовавшее с глубокой древности, в конце IX—X вв. стало гегемоном Южной Индии. В период войны с Восточной Явой и в последующие годы Шривиджая поддерживала дружественные отношения с Чолами. Об этом свидетельствует постройка махараджей Шри Чуламанивармадевой буддийского монастыря в Негапатаме, на содержание которого Раджараджа I Чола в 1005 г. пожаловал доходы от большой деревни. Царь Шри Чуламанивармадева вскоре умер (не позже 1008 г.), и на престол Шривиджайи взошел его сын — Маравиджаятунгаварман, который закончил строительство монастыря.

Причиной столкновения Чолов со Шривиджаей было торговое соперничество на морских путях. При Раджарадже I (985—1014 гг.) Чолы вступили на путь широкой экспансии, завоевали все восточное побережье Индии, включая Бенгал, а в 1007 г. захватили Мальдивские острова. Огромный флот Чолов превратился в господствующую силу у берегов Индии. Торговая монополия Шривиджайи стала помехой морскому и торговому могуществу Чолов. Раджендра Чола (1014—1044 гг.), при котором империя Чолов достигла зенита своего могущества, собрав морские силы всего восточного побережья Индии, двинулся в 1025 г. походом на Шривиджаю. О результатах этого похода рассказывает танджурская надпись Раджендры 1030—1031 гг., переведенная крупнейшим авторитетом в области изучения истории Чолов, индийским историком Нилакантой Шастри: [Раджендра], отправив много кораблей в просторы бушующего моря и пленив Сонграму Виджайотунгавармана, царя Кадарама, вместе со слонами его славной армии, [овладел] несметными сокровищами, которые [этот царь] собрал по праву; [захватил] с шумом [арку, называемую] Видьядхараторана, у боевых ворот его громадной столицы [нагар] Шривиджайи с входом, пышно украшенным драгоценностями, и воротами, украшенными драгоценными камнями; Паннаи с его орошаемыми полями; древний Малайюр с мощной горой, служащей ему защитой; Майнурингам, окруженный глубоким морем, как рвом; Илангасоку, неустрашимую в жестоких битвах; Маппапалам,

защищенный глубокой водой; Мавилимбангам, охраняемый прекрасными стенами; Валаиппандуру, владеющую землями и лесами; Талаиттакколам, восхваленный великими людьми, [сведущими] в науках; Мадамалингам, [способный] к сильным действиям в опасных битвах; Иламури-дешам, грозная мощь которой выросла в сражениях; великий Накковарам, в чьих обширных садах собирают мед; и мощный Кадарам, защищенный глубоким морем».

Большинство местностей, упоминаемых в надписи, идентифицируется с названиями на Суматре и Малаккском полуострове: Паннаи — Пана на Восточной Суматре, Малайюр — Мелаю (Джамби), Илангасока — Лангасука, Талаиттакколам — Таккола, Мадамалингам — Тамбралинга, Иламури-дешам — Ламури (Аче) на Северной Суматре, Наиковарам — Никобарские острова, Кадарам — Кедах. Майюрингам и Маппапалам, видимо, государства в крайней северо-западной части полуострова.

Судя по всему, упоминаемые страны были вассалами Шривиджайи. Интересно, что махараджа Шривиджайи назван «царем Кадарама», т. е. Кедах; это свидетельствует о значимости «северной столицы» империи. Реального завоевания Шривиджайи Чолами не произошло, их поход остался морским набегом. Тем не менее мощь Шривиджайи была ослаблена. Особенно пострадали малайские владения. Кедах так и не оправился от удара и никогда не вернулся к блестящему периоду IX—X вв.

Ослабление Шривиджайи и государства Малаккского полуострова в XI—XII вв. Поход Чолов, ослабивший Шривиджайю, способствовал возрождению яванского государства. Правитель Восточной Явы Эрлангга (1019—1042 гг.) к 1030 г. сумел восстановить царство своих предшественников. Он установил дружеские отношения с правителем Шривиджайи и женился на его дочери. По договору с Эрланггой Шривиджая сохранила торговую монополию в западной части архипелага и на Малаккском полуострове.

Ослабление Шривиджайи вызвало волнения среди ее вассалов. В 1068—1069 гг. правитель Шривиджайи был вынужден призвать Чолов, чтобы подавить восстание в Кедахе, который был взят индийскими войсками и возвращен махарадже Шривиджайи. Отношения Шривиджайи с империей Чолов во второй половине XI в. заметно улучшились. Об этом говорит возобновление Кулоттунгой I в 1090 г. грамоты неапотамскому монастырю, построенному махараджами Шривиджайи в начале века. Помощь Чолов и дружеские отношения с Восточной Явой несколько укрепили положение Шривиджайи, но упадок ее продолжался. Между 1079 и 1082 гг. вассал и старый соперник Шривиджайи — княжество Мелаю (Джамби), воспользовавшись ослаблением сюзерена, захватило власть в империи, центр которой переместился из Палембанга в Джамби. Тем не менее Шривиджая оставалась сильной морской державой, господствовавшей на морских путях через Юго-Восточную Азию.

В 1178 г. в труде по географии стран Южных морей китайский чиновник Чжоу Чжуфэй писал: «Из всех богатых заморских стран, которые обладают драгоценностями и различными товарами, ни одно не превосходит по богатству Даши (арабские страны. — В. Т.). Вслед за тем идет Шэпо (Ява. — В. Т.), а Саньфоци (Шривиджая. — В. Т.) занимает третье место... Саньфоци занимает важное место на пересечении морских дорог между иноземными странами и Китаем...» Другой китайский чиновник, Чжао Чжугуа, занимавший пост инспектора заморской торговли в Цюаньчжоу, куда в позднесунскую эпоху прибывали посольства из стран Южных морей, в своем сочинении «Чжуфаньци» («Записки о варварах»), относящемся к 1225 г., опираясь на более ранние материалы, сообщал, что Шривиджая является «очень важным перекрестком для торговли иноземных народов, где встречаются товары из всех стран и хранятся на складах для иноземных судов». Этот же автор описал методы, которыми Шривиджая поддерживала свое господство: «Если какой-нибудь иностранный корабль, проходящий [через Шривиджайю], не заходит и порт, вооруженная стража снаряжается в погоню и убивает [экипаж] до последнего человека».

В XI—XII вв. Шривиджая продолжала господствовать на Малаккском полуострове. Из пятнадцати вассальных княжеств Шривиджайи, упомянутых Чжао Чжугуа, не менее девяти были расположены, как и раньше, в основном в северной части полуострова. Среди них — старые образования, как Лангкасука, Кедах и Тамбалинга, несколько княжеств, которые трудно точно локализовать, и новые государственные образования, часть которых получила сохранившиеся донные названия — Паханг, Тренгану, Келантан, Фолоань, Чайя, Линги. В то же время названия некоторых старых государств исчезают из источников. По-видимому, на полуострове в условиях ослабления метрополии происходила перекройка политической карты при сохранении прежнего характера общественного устройства. К северу от современного Лигора начиналась сфера влияния Кхмерской империи.

Самым известным портовым центром на полуострове в эту эпоху, судя по китайским источникам, был Фолоань, сменивший Кедах, который после вторичного разгрома войсками Чолов утратил значение крупного торгового центра. Чжао Чжугуа писал: «Царства Фолоань можно достичь за четыре дня [морского] пути из Линьясуца (Лангкасуки. — *В. Г.*), можно также путешествовать по суше... Крыши буддийских храмов покрыты бронзой и украшены золотом. Ежегодно в полнолуние шестого месяца празднуется день рождения Будды с шествиями, музыкой, цимбалами. Иноземные торговцы участвуют в этих празднествах. Местные товары включают су и чань (виды древесины. — *В. Т.*), лаковое дерево, сандаловое дерево, слоновую кость, которые иноземцы обменивают на золото, серебро, фарфор, изделия из железа и лака, вино, рис и пшеницу. Ежегодно [Фолоань] приносит дань Саньфоци. Фолоань граничит с Пенфэн (Пахангом. — *В. Т.*), Тэньянун (Тренгану. — *В. Т.*) и Чиланьтань (Келантан. — *В. Т.*), которые с ней сходны». Вероятно, Фолоань — это Куала-Беранг в современном Тренгану.

Говоря о торговле с другими государствами восточного побережья — Лангкасукой и Тамбалингой, Чжао Чжугуа в числе местных продуктов упоминает также камфору, воск, эбеновое дерево, рог носорога. Как и прежде, полуостров был поставщиком лесных продуктов, особенно ароматической древесины, пряностей, слоновой и носорожьей кости, использовавшейся в медицине. В обмен города-государства получали продовольствие, железные изделия и посуду, а правящая верхушка — предметы роскоши.

Все княжества восточного побережья, с которыми Китай тогда поддерживал более тесные торговые связи, чем с западными, по свидетельству Чжао Чжугуа, платили дань Шривиджае.

Распад Шривиджайи и Малаккский полуостров в XIII—XIV вв. По мере ослабления Шривиджая постепенно теряла контроль над своими вассалами. Морская империя, части которой были слабо связаны между собой, неминуемо должна была распасться при неблагоприятных внешних условиях. Первыми от Шривиджайи отпали ее малайские владения — наиболее развитые области империи.

В 1230 г. правитель Тамбалинги по имени Чандрабхану поднял восстание против Шривиджайи и захватил княжество Грахи на берегу залива Бандой. Затем он двинул свою армию на юг и подчинил других вассалов Шривиджайи в северной части полуострова, включая Паханг, Келантан и Тренгану.

Чандрабхану намеревался возродить морскую империю, но уже с центром на Малаккском полуострове. Объединив малайские княжества, он решил захватить о-в Ланку (Цейлон). В 1247 г. он высадился с большой армией на Цейлоне, где уже до этого времени существовала колония джаваков, т. е. жителей северных княжеств полуострова. Ланкийская хроника «Чулавамса» сообщает, что «разразилась жестокая битва, после которой джавакские воины со своими отравленными стрелами... сокрушив всех, кто противостоял им, опустошили всю Ланку». «Но, — продолжает хроника, — регент Вирабаху разбил их (джаваков. — *В. Т.*) в нескольких сражениях и заставил их покинуть страну». Чандрабхану вернулся на родину, оставив своего сына во главе колонии джаваков. Последний был вынужден в 1263 г. признать зависимость от царя Джаявармана

из южноиндийской династии Пандья, который вмешался в ланкийские дела. В 1270 г. Чандрабхану во главе новой экспедиции появился на о-ве Ланке, но потерпел еще более сокрушительное поражение, «оставив свою семью и сокровища в руках победоносного врага». Таким образом, ланкийские походы успехом не увенчались, и Чандрабхану подорвал этими неудачами положение своего неокрепшего государства.

Восстания малайских вассалов Шривиджайи проходили под знаменем борьбы буддизма хинаяны против махаянистского культа, господствовавшего в Шривиджайе. Возвращение к буддизму хинаяны, распространенному в городах-государствах Малаккского полуострова до их подчинения Шривиджайе, являлось формой протеста против власти одряхлевшей империи, поддерживавшей свою торговую монополию и господство над вассалами грабительскими методами.

Конец XIII в. принес Юго-Восточной Азии огромные перемены. Монголы, завоевавшие Китай, устремились на юг, разгромили Паганское царство в Бирме, вторглись во Вьетнам и Тямпу, предприняли экспедицию на Яву. Хотя монголам не удалось закрепиться на длительный срок ни в одной из стран Юго-Восточной Азии, их вторжение существенно повлияло на систему политических связей в этом районе.

Другим важным изменением в жизни Юго-Восточной Азии стало появление на Индокитайском полуострове новой силы — тайских народов, создавших ряд княжеств, из которых наиболее значительным в конце XIII в. было Сукотай, расположенное в долине р. Менам. Таи сокрушили монские государства в долине р. Менам и повели наступление на Ангорскую империю в Кампучии и на княжества Малаккского полуострова.

Коснулись перемены и архипелага. В 1222 г. Ява, распавшаяся на два государства после смерти Эрлангги, была объединена в державу Сингасари. Государство Сингасари, ставшее самой мощной силой на архипелаге, пыталось противостоять монгольской агрессии, и начиная с 1275 г. его правитель Кертанагара приступил к созданию союза малайско-индонезийских государств; одним из первых его шагов было установление дружественных связей со Шривиджайей. В 1292 г. Кертанагара был убит в результате мятежа, а в 1293 г. в долине р. Брантас возникло новое государство — Маджапахит, правитель которого Виджая изгнал китайско-монгольские войска с Явы и объединил весь остров.

И наконец, в Юго-Восточной Азии произошли перемены идеологического характера. Получил распространение буддизм хинаяны, приверженцами которого стали таи и княжества Малайи, ведшие борьбу против махаянистских империй Ангора и Шривиджайи. В 1297 г. правитель крохотного княжества Самудра на крайнем севере Суматры принял ислам. Тем самым был дан толчок к распространению в Юго-Восточной Азии новой религии, которой было суждено стать господствующей на архипелаге и Малаккском полуострове.

В 80-х годах XIII в. правитель Сукотайи Рамакамхенг (1283—1317 гг.) приступил к захватам на Малаккском полуострове. В 1292 г. он захватил Тамбалингу и уничтожил государство Чандрабхану. Через несколько лет сиамицы поставили под свой контроль другие княжества на полуострове.

В северных районах полуострова тайцы установили прямой контроль над малайскими княжествами, тогда как зависимость более южных областей ограничивалась выплатой ежегодной дани. Когда Марко Поло в 1292 г. посетил Малайю и Суматру, Шривиджайя фактически распалась. Описывая Лочак (Лангкасуку), Марко Поло говорит, что его правитель самостоятелен, а «народ никому не платит дани». На Суматре Марко Поло перечислил восемь портовых княжеств, одним из которых было Мелаю.

Падение Шривиджайи и нашествие таи привели к перемещению политических центров Малаккского полуострова. Старые торговые центры на северо-восточном и северо-западном побережье полуострова оказались захваченными Сукотайи, а затем вошли в состав тайского королевства Аютия, сменившего в середине XIV в. Сукотайи в качестве ведущего тайского государства.

Часть населения малайских городов-государств передвинулась на юг полуострова, туда же стал направляться основной миграционный поток с Суматры, шедший до этого в район перешейка Кра. До XIII—XIV вв. Южная Малайя была населена главным образом племенами неолитической культуры, слабо затронутой цивилизацией побережья, поскольку торговых центров в этой части Малайи тогда не существовало. После нашествия таи на Северную Малайю положение существенно изменилось, и в самом конце XIII в. (по традиции в 1299 г.) на юге возник новый малайский торговый центр на острове Тумасик (Сингапур).

Согласно легенде, некий потомок махараджей Шривиджайи по имени Шри Три Буана во время охоты на архипелаге Риау увидел вдали остров «с песком белым, как ткань». Шри Три Буана и его свита переправились на остров и, встретив там зверя с телом красного цвета, черной головой и белой грудью, решили, что увидели льва. Шри Три Буана основал на острове город и назвал его в честь увиденного им зверя Сингапуром — Городом льва. Львы не водятся и не водились на о-ве Сингапур, и трудно понять, какое животное легендарный основатель города принял за царя зверей, как вообще трудно установить подлинность Шри Три Буаны.

Сингапур (Тумасик) стал в XIV в. самым оживленным морским центром в Малаккском проливе. Малайская хроника «Седжарах Мелаю» свидетельствует: «И Сингапура стала большим городом, туда приходили многие чужеземцы, так что слава о городе и его величии разнеслась по всему свету». Центр города находился на склонах холма, господствующего над современным Сингапуром. Здесь располагались храмы и другие важнейшие здания. Внизу жило простое население города, обнесенного палисадом и рвом. Тумасик упоминается в работе китайского географа Ван Даюаня (1349 г.), который сообщает, что население занимается торговлей и пиратством.

Политическая история Тумасика не совсем ясна, известны лишь имена его правителей, но точная датировка событий чрезвычайно затруднительна. Раджи Тумасика вели борьбу с экспансией таи и сумели отстоять в 30—40-х годах XIV в. независимость города, нанеся поражение сиамскому флоту. Но при радже Шри Пикраме Вире (1347—1362 гг.) Тумасик утратил самостоятельность. Могущественный правитель Маджапахита Хаям Вурук (1350—1389 гг.) потребовал признания вассальной зависимости и выплаты дани. Шри Пикрама Вира отказался выполнить эти требования и отбил нападение яванцев. Но вслед за тем огромная яванская армия осадила город и овладела им с помощью предательства одного из вельмож Тумасика.

Город был разрушен, население вырезано. Маджапахит установил в 60-е годы XIV в. контроль и над другими областями Южной Малайи, среди которых известны Кланг и Сунгей-Уджонг на западном побережье.

Судя по яванской исторической поэме «Нагаракертагама» (1365 г.), весь Малаккский полуостров до перешейка Кра входил во владения Маджапахита. Едва ли это соответствовало действительности. Вероятнее всего, только южная часть полуострова признавала вассальную зависимость от Яванской империи. Власть Маджапахита в XIV в. признавали также Палембанг и Мелаю. В 1377 г. правитель Мелаю пытался отделиться от Маджапахита и даже принял титул махараджи, претендуя на возрождение Шривиджайи. Но сильная яванская армия появилась на Суматре и покончила с мятежом.

После смерти в 1389 г. Хаям Вурука Маджапахит вступил в длительный период усобиц и ослабления центральной власти. Этим воспользовалось тайское государство Аюттия, которое подчинило своему влиянию все прибрежные области Малаккского полуострова. Попал в зависимость от Аюттии и Тумасик, так и не вернувший положение крупного торгового центра.

Формирование малайской народности и малайская культура в эпоху Шривиджайи. В эпоху Шривиджайи сформировалась малайская народность. Предками малайцев были минангкабау, которые на рубеже нашей эры стали расселяться с Падангского нагорья на Суматре по западному, восточному и южному побережью

острова. Отдельные группы мигрантов проникали и на Малаккокий полуостров, смешиваясь там с населением, осевшим в Малайе в эпоху появления аустронезийских народов в Юго-Восточной Азии. Ко времени возникновения на Суматре государств Мелаю и Шривиджая на восточном побережье Суматры, островах между Суматрой и Малайей и в прибрежных районах Малаккского полуострова начала формироваться этническая общность, воспринявшая в качестве этнонима название государства Мелаю.

В период Шривиджайи происходило интенсивное переселение малайских этнических групп из Восточной Суматры на полуостров, где переселенцы сталкивались с близким им по языку и другим этническим признакам населением. Новая волна миграции относится к XIV в. и, вероятно, связана с военными экспедициями Маджапахита на Восточную Суматру.

К XIV в. малайцы полуострова и архипелага Риау-Линга, как представляется, образовали довольно устойчивую этническую общность. Показательно, что когда в XVI—XVIII вв. произошло массовое переселение на полуостров минангкабау, последние уже не смешивались с близкородственными им малайцами, а сохраняли отличные от малайцев язык, обычаи и другие культурные особенности.

Складывание малайской культуры происходило на базе развития самобытной культуры малайских племен, обогатившейся достижениями индийской, а позднее мон-кхмерской и яванской цивилизациями.

Хотя сюжеты и мотивы изобразительного искусства городов-государств Малаккского полуострова, будучи религиозными, взяты из индийской мифологии и индийских религий, на полуострове постепенно вырабатывается свой художественный стиль. Уже в IV—V вв. наряду с буддийскими изображениями чисто гуптского стиля из Виенг Шра, Кедаха и Перака существовали местные школы, хотя и находившиеся под влиянием южноиндийской школы Амаравати и искусства гуптской эпохи, но несомненно самостоятельные (бронзовые изваяния Будды из Кедаха, буддийские статуэтки из долины Кинта в Пераке).

В VII—VIII вв. в связи с утверждением на полуострове индуизма и буддизма махаяны, гораздо более широко по сравнению с господствовавшим до этого буддизмом хинаяны использовавшим местные религиозные верования и особенности духовной жизни, окончательно создается свой стиль в архитектуре и скульптуре, получивший в литературе название индо-малайского. На смену буддийским ступам пришли индуистские храмы (шиваитские и вишнуитские), строители которых не копировали индийские образцы, а использовали достижения малайского зодчества.

Центр малайской культуры во времена Шривиджайи находился на севере Малаккского полуострова, в области, именуемой Джавака. Здесь найдены лучшие образцы индо-малайской скульптуры — статуя бодисаттвы Локешвары из Чайи, которая весьма существенно отличается от своего индийского прототипа. Другая статуя стоящего Локешвары, с лотосом в левой руке, с драгоценными украшениями на шее и руках, весьма схожа по типу с первой. К этому же времени относятся изображения Вишну с прекрасным исполнением головного убора и глаз и индуистские изваяния двух мужских и одного женского божества из Такуапа.

На скульптуру оказало влияние также искусство северных соседей — мижов и кхмеров. Весьма интересно в этом отношении изображение Будды, сидящего «а царя змей». Форма и манера изображения царя змей явно кхмерского происхождения, а сама статуя Будды обнаруживает сходство с монскими скульптурами государства Дваравати: положение рук и ног, тяжелые складки одежды, овальное лицо, брови в форме крыльев ласточки. Эта статуя, найденная в районе Лигора, и надпись относятся к северомалайскому княжеству Грахи — вассалу Шривиджайи. К особенностям развития скульптуры в Малайе следует отнести чрезвычайно умелое использование бронзы, что было связано, несомненно, с развитием оловодобычи на полуострове. Сейчас трудно

составить полное впечатление от индо-малайской архитектуры и скульптуры, поскольку большинство храмов и статуй было разрушено при обращении населения в ислам.

В эпоху Шривиджайи в северомалайских государствах зародилось искусство чернения по золоту и серебру (чутам).

Эпоха Шривиджайи — время становления и распространения малайского языка, ставшего официальным и литературным языком Суматранской империи. Особенно интенсивно он раздавался с XIII—XIV вв., когда стал средством общения между малайскими купцами и моряками и населением различных островов архипелага. Этому способствовала сравнительная простота языка и легкость адаптации им элементов других языков.

Первыми письменными памятниками Малаккского полуострова являются санскритские надписи, выполненные паллавским письмом или шрифтом нагари. В результате эволюции индийского письма возник шрифт кави, получивший распространение в Индонезии и Малайе в эпоху средневековья. Уже в конце VII в. известны первые памятники (надписи) на малайском языке, на котором в VIII—XIV вв. создаются литературные произведения.

Малайская средневековая литература, опираясь на богатую устную традицию, восприняла и критически переработала темы и сюжеты, принесенные контактами с религиями и культурой Индии.

Особенно популярными в малайской (как и в яванской) литературе стали сюжеты и герои великих индийских эпических поэм «Махабхараты» и «Рамаяны», служившие источником вдохновения для поэтов, драматургов и прозаиков архипелага и полуострова на протяжении многих столетий. Возникли малайские версии «Рамаяны» («Хикаят Сери Рама») и «Махабхараты» («Хикаят Перанг Пандава Джая» и «Хикаят санг Бома»). Сюжеты индийских эпических поэм популяризировались ваянгом — театром теней, который перерабатывал их, придавая им чисто малайскую окраску. В конце периода появились и романы («Повесть о махарадже Пуспе Вирадже», «Повесть о Паранге Путинге» и другие).

Малайская литература развивалась в тесном контакте с яванской, особенно в XIV в. — в эпоху Маджапахита. Истории о Панджи, зародившись на Яве, через театр теней попали в Малайю и стали неотъемлемой частью малайской средневековой литературы («Повесть о радже Курипанском», «Повесть о Месе Тамане», «Меса Кумитар» и др.).

Самым старым историческим сочинением на малайском языке (XIV в.) является «Повесть о раджах Пасея». Она повествует об истории северосуматранского портового княжества Пасей, населенного малайцами, охватывая период с конца XIII в. до примерно 1350 г.

В «Повести о раджах Пасея» появляются и первые образцы нерифмованного ритмического стиха (гуриндам), несомненно восходящего к более ранним фольклорным малайским традициям.

Средневековая культура шривиджайской эпохи, тесно связанная с индуизмом и буддизмом, была культурой верхушки городов-государств Суматры и Малаккского полуострова. Основная масса населения, сохранявшая анимистические верования, оставалась вне сферы влияния этой культуры, продолжая жить в замкнутом деревенском мире.

Глава 3

МАЛАККСКИЙ СУЛТАНАТ (ок. 1400—1511 гг.)

Возникновение Малакки. Среди прибрежных селений на Малаккском полуострове, признававших во второй половине XIV в. сюзеренитет сиамского королевства Аютии, была деревня на западном побережье, именуемая «Пять островков»,

население которой (20—30 семей) занималось рыболовством и, по-видимому, пиратством. Деревня обладала, правда, очень удобной гаванью, но не была сколько-нибудь заметным торговым пунктом. Селение ничем не отличалось от многих ему подобных, разбросанных по всему побережью полуострова.

На рубеже XV в. жизнь этой деревни внезапно и резко изменилась. Правивший в Палембанге потомок махараджей Шривиджайи, известный под именем Парамесвары, попытался в начале 90-х годов XIV в. избавиться от власти Маджапахита, воспользовавшись ослаблением последнего. Попытка оказалась неудачной, и Парамесвара был вынужден бежать из Палембанга на архипелаг Риау. При поддержке вождя (дато) о-ва Бинтанг по имени Тун Перпатех Берджаяр Парамесвара обосновался на Тумасике (Сингапуре), убив местного князя и стал править островом. В 1398 г. под Тумасиком появилось войско северного княжества Патани — вассала правителя Аютии, претендовавшего на власть над полуостровом. Парамесвара, сопровождаемый населением его небольшого владения, бежал из Тумасика на полуостров и обосновался на р. Муар в современном Джохоре, на юго-западном побережье полуострова. Вслед за тем около 1400 г. он перешел еще дальше к северу и поселился в рыбацкой деревушке Пять островков, переименованной в Малакку⁶. Парамесвара распространил свою власть на близлежащую округу, признал верховенство Аютии и выплачивал ей дань. Малакка стала центром небольшого княжества. Его население занималось рыболовством, выращиванием сахарного тростника, бананов и других фруктов, а также разрабатывало небольшие оловянные рудники поблизости. Парамесвара запретил пиратство и стремился привлечь торговцев в свое владение. Через два года население Малакки возросло до 2 тыс. человек. И тем не менее в первые годы правления Парамесвары Малакка оставалась небольшим городком, которому, казалось, ничто не предвещало превращения в крупнейший торговый и культурный центр Юго-Восточной Азии.

Морская экспансия Китая и Малакка. Первым обстоятельством, из-за которого началось возвышение Малакки, было возобновление китайской торговли и морские походы китайцев. С первых лет правления династии Мин, воцарившейся в Китае в результате изгнания монголов, т. е. с конца 60-х годов XIV в., в странах Юго-Восточной Азии стали появляться китайские посольства. Устанавливая дипломатические отношения с правителями стран Южных морей, минский двор стремился поднять свой авторитет и повысить международный престиж империи. Хотя страны, с которыми Китай устанавливал дипломатические отношения, рассматривались им как вассалы и данники Минов, практически дальше признания номинального сюзеренитета дело не шло, и страны Южных морей не входили в Минскую империю. Но они были заинтересованы в установлении посольских связей с Китаем в первую очередь для расширения торговли. Местные правители также использовали титулование их китайским двором для укрепления своей власти и пытались заручиться поддержкой Китая в борьбе с соседями.

В начале XV в. окрепший Китай встал на путь более активной экспансии в страны Южных морей. Туда периодически стали посылаться большие военные экспедиции, которые должны были укрепить влияние империи. Морские экспедиции начала XV в. преследовали и цели расширения внешней торговли, поскольку торговля по материковым караванным путям в это время значительно сократилась.

В 1403 г. в Малакку прибыло китайское посольство во главе с Инь Цином. Он одарил Парамесвару богатыми подарками и пригласил его посетить Китай. Парамесвара чрезвычайно обрадовался и отправил с Инь Цином посольство и требуемую «дань». Радость малайского князька объяснялась просто: он рассчитывал найти в Китае защиту от Сиама и получить большие дары, которые не могли идти в сравнение с его «данью». Парамесвара не ошибся в своих расчетах. Вернувшееся в 1406 г. посольство привезло в

⁶ Происхождение слова неясно, может быть, оно происходит от арабского «малакат» — рынок.

Малакку императорский указ о назначении Парамесвары правителем-ваном, печать, шелковые одежды, желтый зонт и множество подарков.

В 1407 г. Парамесвара вновь направил посольство в Китай. Прославленный китайский мореплавателю адмирал Чжэн Хэ во время своей третьей экспедиции в 1409 г. посетил Малакку и торжественно короновал Парамесвару. В 1411 г. Парамесвара с семьей и большой свитой на кораблях флотилии Чжэн Хэ прибыл в Китай, где ему был оказан пышный прием. Установление дружественных отношений с Китаем привело к регулярной торговле с Минской империей. Купцы из других стран также начали посещать Малакку в расчете закупить китайские товары.

Признание Парамесвары самостоятельным от Аютии государем, установление регулярных дипломатических и торговых связей с Китаем, создание китайской торговой фактории — все это способствовало превращению Малакки в город и складыванию вокруг нее государства.

Проникновение ислама. Другим фактором, повлиявшим на возвышение Малакки, стало распространение ислама в Юго-Восточной Азии.

Ислам проник в Юго-Восточную Азию вместе с арабскими и персидскими торговцами еще в IX—X вв., но его распространение среди местного населения началось не ранее конца XIII в. Главными проводниками ислама стали индийские купцы, мусульмане по религии, которые вели обширную торговлю в Индонезии и Малайе.

Местные правители прибрежных княжеств переходили в ислам, чтобы привлечь мусульманское купечество в свои владения и заручиться его поддержкой, а также чтобы подчеркнуть свою самостоятельность по отношению к индуистским и буддийским державам — Маджапахиту, Сиаму, Мелаю.

Древнейшим мусульманским памятником на полуострове является надгробный камень в Тренгану, датируемый 1347 г., однако до возникновения Малакки ислам не пустил глубоких корней на полуострове.

Первый правитель Малакки, стремясь развить торговлю, установил тесные связи с княжествами Пиди и Пасей на Северо-Восточной Суматре. Эти княжества были центрами мусульманской торговли, и их население было обращено в ислам еще в конце XIII — начале XIV в. Парамесвара в 1414 г. женился на дочери султана Пасея и перешел в ислам, приняв имя Искандер-шах⁷. Этот шаг правителя Малакки привел в город многих мусульманских купцов из Индии и Северной Суматры. Малакка, находившаяся под защитой китайских флотилий, стала превращаться в один из центров мусульманской торговли в районе Малаккского пролива.

Новой религии в Малакке потребовалось немало времени, чтобы стать господствующей. Первая половина XV в. прошла в борьбе приверженцев индуизма и мусульманства. Родственники и соратники Парамесвары, составившие знать Малакки, выступали за сохранение старой религии и «индианизированного» характера государства. Новое окружение правителя — выходцы из мусульманского купечества — стремилось к разрыву с индуистскими традициями и превращению Малакки не в новую Шривиджаю, как хотели приверженцы индуизма, а в мусульманское государство, противостоящее Сиаму и Маджапахиту и тесно связанное торговлей с мусульманскими странами.

После смерти Парамесвары в 1424 г. правителем Малакки стал его сын (или внук), известный по своему титулу как Шри Махараджа. Именно так называли себя властители Шривиджайи, и, по-видимому, в начале его правления преобладание при дворе получила индуистская фракция во главе с дядей правителя — бендахарой (первым министром). Вместе с тем Шри Махарадже в Малакку продолжали стекаться мусульманские купцы, которые увидели в городе более удобный, чем в Пиди или Пасей, центр торговли. Шри Махараджа в 1436 г. перешел, как и его отец, в ислам, приняв имя Мухаммед-шах, чтобы привлечь мусульманских торговцев из суматранских портов в свой город. Одним

⁷ Существует точка зрения, что Искандер-шах был сыном Парамесвары, умершего в 1413 или 1414 г., т. е. вторым правителем Малакки, правившим в 1414-1424 гг.

из таких торговцев, переселившихся в Малакку, был богатый тамил-мусульманин из Пасея, дочь которого стала женой Шри Махараджи. Когда в 1444 г. последний умер, бендахара провозгласил правителем не ее сына, раджу Касима, а малолетнего сына покойного от суматранской княжны. Младенец Ибрахим-шах был возведен на престол под «индианизированным» титулом Шри Парамесвара Дева Шах. Индуистская партия при дворе торжествовала победу и обложила мусульманских торговцев дополнительными пошлинами.

В 1445 г. раджа Касим и его дядя Тун Али организовали заговор. С помощью экипажа арабского судна, стоявшего в Малакке, Тун Али ворвался во дворец, убил правителя-младенца и арестовал бендахару. На престол взшел раджа Касим. Он принял титул султана и имя Музаффар-шах, что знаменовало окончательное торжество мусульманской традиции. Тун Али стал бендахарой, а сына прежнего бендахары Тун Перака отправили в изгнание, предоставив ему удел в Кланге к северу от Малакки. К власти пришла новая знать, ориентирующаяся на ислам. Со времени Музаффар-шаха началась активная исламизация государства. Этот процесс был длительным и постепенным и завершился на полуострове лишь к середине или концу XVII в., причем вместе с расширением Малаккского султаната ислам распространялся на новые территории.

Войны с Сиамом. Аютия с самого начала с неудовольствием смотрела на возвышение Малакки. В первой половине XV в. правителям Малакки неоднократно приходилось прибегать к авторитету Китая, чтобы удержать Сиам от нападения. В 1445 г. Сиам наконец двинул свои войска на Малакку. Сиамские войска прошли через полуостров и появились под Малаккой. В нескольких сражениях малаккцы разгромили врага, который был вынужден повернуть назад, не овладев городом.

Война с Сиамом заставила примириться враждующие группировки правящего класса султаната — старую и новую знать. Музаффар-шах назначил бендахарой отличившегося в сражениях с сиамцами Тун Перака, а дяде Тун Али, потерявшему пост бендахары, отдал свою жену, сестру Тун Перака. С этого времени обе группы сливаются в один слой феодальной знати, ориентирующейся на развитие торговли и союз с мусульманским купечеством. Прекращение распрей благоприятно повлияло на исход войн с Сиамом. В 1456 г. сиамские войска вновь вторглись на полуостров и даже захватили на короткое время Малакку. Но в том же году Тун Перак наголову разгромил сиамский флот на р. Бату-Пахат, освободил столицу и отстоял независимость султаната.

Тун Перак и расцвет султаната. Фактически правителем Малакки с 1456 г. до своей смерти в 1498 г. был бендахара Тун Перак. Он по своему усмотрению выбирал султанов из правящего дома и менял их.

Тун Перак проводил широкую завоевательную политику. Вассальная зависимость Малакки от Китая превратилась в пустую формальность, хотя в первые годы своего правления Тун Перак еще прибегал к помощи минских императоров, чтобы обезопасить свое государство от Сиам. Отразив в 1456 г. нападение Аютии, Малакка сама перешла в наступление. Еще при Музаффар-шахе к Малакке были присоединены Минджан (архипелаг Диндинг) и Селангор — места, богатые оловом; султанат контролировал также расположенные у южной оконечности полуострова Сингапур и Бинтанг. В правление султана Мансур-шаха (1459—1477 гг.) Тун Перак завоевал Паханг на восточном побережье полуострова, а также Кедах и Тренгану, т. е. распространил власть Малакки на север почти до границ теперешней Малайзии. Затем бендахара завоевал Джохор, Муар и острова близ южной оконечности полуострова. Обеспечив господство над полуостровом, Тун Перак приступил к захватам на Восточной Суматре, чтобы получить полный контроль над Малаккским проливом. При Мансур-шахе и следующем султани Алауддин Рияят-шахе I (1477—1488 гг.) сюзеренитет Малакки признали Сиак, Кампар, Рокан и Индрагири на Восточной Суматре. Попытка овладеть Пасеем оказалась, правда, неудачной.

Тун Перак умер в 1498 г. Он полновластно распоряжался в государстве и в первую половину царствования последнего султана Малакки Махмуд-шаха I (1488—1511 гг.), которого сам возвел на престол. Преемники Тун Перака — Тун Путех (брат Тун Перака) и Тун Мутахир (сын Тун Али и племянник Тун Перака) — продолжали завоевательную политику великого бендахары. Малакка подчинила Бруас на западном побережье полуострова и Келантан на восточном. В новом столкновении с Аютией султанат одержал победу. Сиамские войска были разбиты на суше и на море, и малайские княжества Патани, Кедах и Келантан — вассалы Сиама на полуострове — признали суверенитет Малакки.

По мере усиления Малакки и изменения внешнеполитического курса минской династии, отказавшейся от снаряжения морских экспедиций в страны Южных морей, рушились номинальные вассальные отношения Малакки с Китаем. В конце XV в. почти прекратились малаккские посольства в Китай, а с китайскими послами в Малакке обращались как с представителями других государств.

В начале XVI в. Малаккский султанат был одним из наиболее сильных государств Юго-Восточной Азии, распространившим свою власть на большую часть Малаккского полуострова и Восточную Суматру. Город Малакка превратился в один из самых известных и крупных портов тогдашнего мира.

Торговля. Португалец Дуарти Барбоша писал в начале XVI в.: «Малакка — богатейший морской порт, и такого количества торговцев и изобилия кораблей не найти в целом свете». Ему вторил другой португальский путешественник, Томе Пириш: «Малакка достигла такого процветания, что кажется мне не сравнимой ни с одним городом в мире... Это — город, созданный для торговли... В Малакке лук и чеснок ценятся больше, чем мускус, бензой и другие прекрасные товары».

Несмотря на некоторые преувеличения, содержащиеся в описаниях португальцев, распаленных богатствами Малакки, город, безусловно, являлся крупнейшим портом в Юго-Восточной Азии и одним из основных центров мировой торговли конца XV—начала XVI в.

Государство жило торговлей. Ее основу составлял обмен продуктов архипелага на индийские товары. Малакка была центром, куда привозили пряности и откуда индийские ткани и одежды расходились по архипелагу. Помимо огромного количества судов с архипелага, привозивших в Малакку пряности, ежегодно Малакка снаряжала на Молукки восемь кораблей, которые обменивали индийские ткани на гвоздику. Индийские купцы увозили из Малакки помимо пряностей камфору, ценные породы дерева, батиковые ткани, яванские кинжалы — крисы. Основным продуктом, вывозимым из самой Малайи, было олово.

Главным городом, с которым торговала Малакка на западе, был Камбей в Северо-Западной Индии. «Малакка, — писал Томе Пириш, — не может жить без Камбея, а Камбей — без Малакки». С юго-западным муссоном купцы из Леванта, Малой Азии, Восточной Африки, Аравии и Египта прибывали в Камбей с грузами оружия, шерсти, кораллов, медных изделий, розовой воды, благовонных смол, индиго. Из Камбея они ялыли с иопутным ветром в Малакку вместе с индийскими купцами. Индийцы плавали в Малакку также из Бенгала, Коромандельского берега и Малабара, привозя главным образом текстильные товары.

Важное место в жизни Малакки занимала и китайская торговля. Ежегодно из Китая приходило до десяти джонок, груженых шелком-сырцом и шелковыми тканями, селитрой, камфорой, медной и железной посудой. Оживленную торговлю Малакка вела с Сиамом, Пегу, Тямпой. Из Сиама ежегодно приходило тридцать судов с ценными породами древесины, медной посудой, слоновой костью, драгоценными камнями и металлами; пятнадцать кораблей из Пегу, посещавших Малакку ежегодно, доставляли рис и другие продукты питания, рубины и серебро, возвращались, как и сиамцы, с грузом

пряностей, индийских тканей и китайских товаров. Еще больше судов прибывало из Палембанга, Явы, Калимантана, Сулавеси, Филиппин.

Арабы из Каира, Мекки и Адена, индийцы Гуджарата, Малабара и Короманделя, торговцы из Сиамы, Аракана, Пегу, Камбоджи, Тямпы и Китая, жители Явы, Молукк, Банда и других островов архипелага — все бывали в Малакке, где встречались, по выражению Пириша, восемьдесят четыре языка. В Малакку везли оружие, шерстяные одежды и цветное стекло из Венеции, опиум — из Мекки, ткани и одежды — из Камбея и Адена, серебро — из Пегу, шелк и фарфор — из Китая, перец и золото — с Суматры, рис, мясо, овощи и оружие — с Явы, пряности — с Молукк и о-вов Банда.

Умеренные торговые пошлины, более или менее строгое соблюдение законов и льготы для иностранного купечества привлекали в Малакку множество торговцев и искателей приключений. Купцы различных национальностей жили в отдельных кварталах города под надзором портовых чиновников — шахбандаров. В Малакке было четыре шахбандара: первый — для гуджаратцев, самой многочисленной иностранной колонии, второй — для тамилы, бенгальцев, жителей Пегу и Пасея, третий — для жителей архипелага и четвертый — для китайцев и торговцев из стран Индокитайского полуострова. Шахбандары собирали торговые пошлины, определяли ценность грузов и разрешали споры между купцами. Иноземные торговцы составляли заметную часть населения этого многолюдного города (по-видимому, накануне португальского захвата в Малакке жило до 40 тыс. человек): в 1509 г. их было 4 тыс. человек, из которых четвертую часть составляли гуджаратцы.

Общественный и государственный строй. В эпоху Малаккского султаната происходит дальнейшее развитие феодальных отношений, сложившихся на полуострове. Но общественный строй Малакки унаследовал многие черты предыдущих городов-государств. Как и ее предшественники, Малайя была в первую очередь торговым городом. Основные доходы правящий класс извлекал из торговли. Обычно иностранные купцы платили шестипроцентную пошлину, а местные — трехпроцентную. Жители Китая, Явы и Молуккских островов регулярной пошлины не платили, но преподносили подарки султану. Государство взимало налог и с многочисленных уличных торговцев — крестьян из окрестных селений, приносящих в Малакку свои продукты. Султан и высшие сановники сами принимали участие в заморской торговле. Они строили и покупали суда, отправляли свои товары с купцами. Особенно значительной была доля султанов в китайской торговле.

Так же как и в государствах предшествующего периода, большинство владений Малакки было ее вассалами, контроль над которыми осуществлялся не слишком эффективно. Обычно там сохранялись прежние правители, платившие дань и представлявшие по требованию сюзерена армию и флот. Правителя Кампара и Индрагири на Восточной Суматре платили в качестве дани ежегодно по 1 $\frac{1}{3}$ фунта золота, султаны Паханга, где утвердился род правящего дома Малакки — по 5 $\frac{1}{3}$ фунта. Северные вассалы на полуострове платили дань оловом — основным экспортным продуктом султаната. Суматранские вассалы — Рокан, Сиак, Рупат, Тунгал — не платили дани, но в случае войны выставляли воинские контингенты.

Новым явлением в эпоху Малаккского султаната стало развитие частной феодальной земельной собственности. Если в эпоху существования городов-государств внутренние районы оставались практически неосвоенными, то теперь происходит постепенное заселение этих территорий. Крестьяне-общинники расчищали лес и проникали все глубже во внутренние районы полуострова. Малаккские султаны — верховные собственники всей земли султаната в XV— начале XVI в. — постоянно совершали дарения земли феодалам. Феодалы получали право на сбор десятины — поземельного налога, а также на принудительный труд крестьян. Малаккский кодекс специально подчеркивал обязанность крестьян подчиняться владельцу земли, на которой они «сидят».

Процесс складывания частной феодальной собственности происходил неравномерно в различных районах султаната. Наиболее заметен он был в густонаселенных и освоенных областях, прежде всего в окрестностях самой Малакки. Малаккекая знать имела большие усадьбы за городом с садами и водоемами. Иногда усадьбу окружали и рисовые поля, на которых работали подвластные владельцам поместий крестьяне.

Характерной особенностью общественного строя Малакки была значительная роль рабовладения. Феодалы владели многочисленными рабами, обладание которыми являлось показателем богатства и знатности. Рабы использовались главным образом на домашней работе, хотя, по-видимому, какая-то их часть трудилась на полях и в садах своих господ.

Во главе государства стоял правитель, который именовался вначале раджа, или янг ди пертуан, а после победы ислама — султан. Несмотря на принятие ислама, султаны Малакки сохранили много черт правителей «индианизированных» государств.

В дворцовом этикете, церемониях (особенно коронации), различных правилах, касающихся ношения одежды и оружия, сохранялись традиции предшествующего периода. Никто, кроме султана, не имел права носить белый зонт и желтую одежду, никто не мог в его присутствии пользоваться паланкином или носить крис. Вес преступления, затрагивавшие личность правителя или наносившие ущерб его собственности, карались особенно жестоко.

Государственное устройство также сохраняло многие черты предшествовавшего периода.

Знать султаната делилась на несколько групп: «четыре», носившие титул падука, «восемь» — сри (санскр. шри), «шестнадцать» — раджа и «тридцать два». Это деление вело свое начало от индийских традиций и было распространено почти во всей Юго-Восточной Азии. «Четверку» высших сановников Малакки возглавлял бендахара — первый министр, он же — глава казначейства, командующий армией и главный судья. Другим членом «четверки» был теменгунг, обычно принадлежавший к семье бендахары. Теменгунг в средневековой Малакке являлся главой полиции, а также наблюдал за мерами и весами и собирал внутренние торговые пошлины. Туда же входили бендахари (сри нарадираджа) — казначей и падука туан мантри — судья. Среди «восьми» наибольшую роль играли лаксамана — командующий флотом и шахбандары, ведавшие торговлей с иностранцами и собиравшие с них пошлины. Остальные сановники занимали различные должности при дворе или являлись мандуликами — наместниками областей, составлявших ядро султаната.

При последнем султани Махмуде был составлен свод законов, основанный главным образом на источниках домусульманского периода, хотя и отразивший некоторое влияние ислама. Сохранялся (как и индианизированных государствах предшествовавшей эпохи) «божий суд», сохранился список десяти преступлений, которые карались смертной казнью. Система наказаний за покушение на жизнь и собственность представителей правящего класса, различного рода ограничения и запреты поддерживали господство феодальной знати над крестьянской и торгово-ремесленной массой населения султаната.

Полуостров в эпоху Малакки. Многолюдный богатый город с его оживленной торговой и придворной жизнью, блестящей культурой резко выделялся в сравнении с его наместничествами и вассалами на полуострове. Хотя в период Малаккского султаната происходит постепенное заселение внутренних районов полуострова и развитие некоторых поселений на побережье, тем не менее полуостров оставался слабо заселенным и экономически малоразвитым. Власть и богатство Малакки базировались не на внутренних ресурсах ее малайских владений и вассалов, а на посреднической торговле.

К югу от Малакки до южной оконечности полуострова существовало всего два крупных поселения: одно в устье р. Муар, где жило до 2 тыс. человек, другое южнее, в устье р. Бату-Пахат. К северу находились поселения Сунгей-Уджонг, Кланг, Селангор, Перак, Бернам, Минджан (Диндинг), Бруас. Население, занимавшееся рыболовством и

разведением риса, находилось под властью наместников султана — мандуликов. Наместниками были обычно члены семей бендахары или других знатных лиц. Эти наместничества состояли из одной-двух деревень, расположенных в устье реки, впадающей в море; численность населения их не превышала 200—500 человек. Наместники платили султану сборы оловом или золотом. Мандулики и их агенты устанавливали посты при впадении рек и собирали пошлины с лодок, направлявшихся в центры владений для торговли.

Самым крупным вассалом Малакки на полуострове был Паханг, известный еще со времен Шривиджайи. Он занимал большую часть восточного побережья между Тренгану и современным Джохором и внутренние районы почти до окрестностей Малакки. В XIV — первой половине XV в. Паханг был сиамским вассалом. После поражения сиамцев на Бату-Пахат в 1456 г. Мансур-шах захватил Паханг и женился на дочери его раджи. В XV в. Паханг был процветающим, богатым султанатом. Португалец де Эредиа писал: «Его порт (Пекан, бывший одновременно столицей. — В. Т.) часто посещается купцами, приезжающими сюда за золотом; его золотые копи принадлежат к числу лучших и наиболее богатых на всем полуострове». В Паханге существовали также оловянные и железные рудники, и его жители были знакомы с поливным рисоводством.

В 1470 г. султаном Паханга стал Мохаммад-шах — старший сын Мансур-шаха, отстраненный от малаккского престола Тун Пераком за убийство во время игры в мяч сына всемогущего бендахары. После смерти Мохаммада в 1475 г. пахангский престол перешел к его брату Ахмаду, при котором едва не разразилась война с Малаккой. Недовольный тем, что Тун Перак посадил на трон Малакки Алауддина, младшего сына Мансур-шаха, Ахмад-шах в 1478 г. убил правителя Тренгану, признавшего вассальную зависимость от Малакки. В ответ прославленный витязь Ханг Туах, служивший при малаккском дворе, убил на глазах Ахмада близкого родственника его бендахары, и малаккский двор получил, таким образом, моральное удовлетворение, унизив Ахмада. В 1488 г. по наущению Ахмада был отравлен Алауддин. Преемник последнего, Махмуд, сверг в 1494 г. Ахмада с пахангского престола. Это привело к междоусобицам и разделу Паханга между Майсуром, сыном свергнутого Ахмада, и Абдул-Джалилом, зятем султана Махмуда.

Другими вассальными княжествами на полуострове были Тренгану, султан которого признал власть Малакки в 1478 г., а также Кедах, Келантан и Патани, порвавшие вассальные узы с Сиамом после поражения, нанесенного Малаккой в 1500 г. сиамским войскам, вторгшимся в Паханг.

Религия и культура. Эпоха Малаккского султаната составила чрезвычайно важный период в формировании малайской культуры.

История Малакки неразрывно связана с утверждением на полуострове и архипелаге ислама, пришедшего на смену буддизму и индуизму. Малаккский султанат стал центром распространения новой религии в Юго-Восточной Азии. Во второй половине XV в. ислам проник в вассальные владения Малакки на полуострове — Паханг, Кедах, Патани, а также на Восточную Суматру. Города-государства северного побережья Явы, тесно связанные с Малаккой и боровшиеся против власти Маджапахита, стали в конце XV в. мусульманскими. Первоначально ислам, как раньше индуизм и буддизм, затронул лишь верхи малаккского общества. Основная масса населения придерживалась по-прежнему анимистических верований, сочетавшихся с индуистскими и буддийскими обрядами. В Паханге, например, махаянистские и тантрические верования и обряды сохранялись до начала XVII в. вместе с человеческими жертвоприношениями индуистской богине Кали. В гущу народа ислам проник спустя столетия. Надо отметить терпимость ислама к другим верам в многонациональной Малайке.

До XVII в. на Малайю решающее влияние оказывал индийский ислам с его специфическими особенностями. Значительное влияние на ислам Малайи оказали также

буддизм махаяны и древняя религия — анимизм и культ предков. Отличительной чертой ислама в Малайе стал мистицизм, подготовленный махаянизмом и шиваизмом.

Ислам приспособлялся к малайскому обществу и видоизменял свои законы и положения в соответствии с традициями и прошлым этого общества. В Малакке сохранились домусульманские свадебные обряды, обычай сжигать тела покойников и т. п. В течение длительного времени в Малайе действовали законы, носившие следы домусульманского происхождения. Женщина в Малайе пользовалась значительно большими правами, чем в других мусульманских странах. Право наследования осталось традиционным, а не мусульманским: вдова получала не $\frac{1}{8}$ часть имущества, а больше. Женщина могла иметь свое имущество, вести дела и т. п. Точно так же очень медленно внедрялись мусульманские брачные законы: в течение веков после распространения ислама браки заключались согласно старым обычаям и канонам. Мусульманское право вообще повлияло на малайское общество в очень незначительной степени.

Ислам нанес сокрушительный удар по архитектуре и скульптуре Малайи, уничтожив памятники предшествовавшего периода. Запрещение мусульманской религией изображать человека уничтожило традиции индо-малайской скульптуры, вырвавшей в самобытное и своеобразное искусство.

С другой стороны, благодаря исламу Малайя получила возможность познакомиться с сокровищницей культуры арабо-персидского мира. Малайцы заимствовали арабский алфавит. Малайский язык во времена Малакки был одним из основных языков мусульманской культуры. Сюжеты мусульманских мифов, арабских и персидских рассказов были перенесены на малайскую почву и вошли в фонд малайской литературы. Малайский язык воспринял новые слова для выражения мусульманского законодательства и догматики. Знакомство с мусульманским миром раздвинуло кругозор малайцев.

Классическая малайская литература создала свои шедевры в эпоху Малаккского султаната и непосредственно после его падения. Величайшим историко-литературным памятником Малайи является «Седжарах Мелаю» («Малайские родословия»), произведение неизвестного автора, жившего в Малакке накануне и после захвата ее португальцами. Создатель этого труда был историком, писателем, поэтом и философом. Знания его поистине энциклопедичны: ему знакомы индийский эпос, арабские и персидские тексты, яванские произведения; он знал санскрит, арабский, персидский и тамильский языки, был знаком с китайским, тайским и португальским языками. «Седжарах Мелаю» — настоящая энциклопедия жизни и истории Малайи XV в., несмотря на массу мифического и легендарного, особенно в той части, где автор рассказывает о ранней истории.

В эпоху Малакки дальнейшее развитие получил малайский рыцарско-приключенческий роман. Наиболее значительным произведением этого рода является «Хикаят Ханг Туах» («Повесть о Ханг Туахе»), история легендарного малайского героя, прототипом которого был лаксамана Ханг Туах, служивший при малаккском дворе во второй половине XV в.

На малайский язык были переведены в эту эпоху мусульманские романы об Александре Македонском («Хикаят Искандар Зюлькарнайн»), персидском воителе («Хикаят Амир Хамза»), сподвижнике пророка Мухаммеда («Хикаят Мухаммед Ханафия»), а также персидские и индийские циклы «Тути-наме», «Калила и Димна», «Панчатантра».

В XV в. получила дальнейшее развитие малайская поэзия. Появляется рифмованная поэма-шаир, сюжеты которой сходны с сюжетами малайского приключенческого романа.

В «Малайских родословиях» появляются пантуны — четверостишия, восходящие к народной загадке, наиболее интересное и совершенное с художественной точки зрения явление в малайской поэзии.

Последние дни Малакки и захват ее португальцами. Блестящий расцвет торгового города, пышность двора, утонченная придворная культура — все это держалось на довольно шаткой основе. Малаккский султанат раздирали противоречия. Незначительный слой феодалов и богатых купцов жил за счет крестьян, рабов, ремесленников и мелких торговцев многолюдного города и его окрестностей. Существовали серьезные противоречия между центральной властью и вассалами. Сложным было и внешнеполитическое положение султаната, которому вновь угрожал Сиам, напавший в 1500 г. на Паханг.

Вспыхнула вражда между соперничающими группировками феодально-купеческой знати при дворе. Хотя к этому времени различия между двумя фракциями при дворе фактически не существовало, все же старое соперничество, носящее личный характер, сохранялось. В борьбу придворных клик оказался вовлечен и султан Махмуд — едва ли не самая яркая личность на малаккском троне. Он был образованным человеком, интересующимся богословскими проблемами, обладал решительным характером, огромным честолюбием и жаждой власти.

Тул Пераку, умершему в 1498 г., в качестве бендахары наследовал его брат Тун Путех. В 1500 г. после смерти последнего бендахарой вследствие придворных интриг стал не сын Тун Перака, а сын Тун Али, соперника великого бендахары. Новый бендахара Тун Мутахир, грубый и заносчивый человек, скоро стал непопулярным во всех слоях малаккского общества. Родовитая знать — клан Тун Перака, оттесненный от постов и должностей, — ненавидела выскочку, происходившего от безводных тамильских торговцев; купцы, особенно иностранные, были недовольны стремлением Тун Мутахира монополизировать выгодные статьи торговли (бендахара был крупнейшим торговцем Малакки); простое население города страдало от бесчинств его приверженцев, оставшихся безнаказанными.

В этот момент в Индии и Юго-Восточной Азии появилась новая сила — португальцы. Открыв в конце XV в. морской путь в Индию, португальцы разгромили в 1509 г. объединенный флот индийских государств и Египта у Диу и стали хозяевами в Индийском океане.

Естественно, что Малакка — богатейший порт на важном перекрестке торговых путей к Островам пряностей — стала одним из первых объектов португальской экспансии.

Командующий первой португальской эскадрой, пришедшей в 1509 г. в Малакку, Диогу Лопеш ди Сикейра закупил пряности и другие товары, а затем потребовал разрешения соорудить в Малакке португальский форт. Многочисленная колония индийцев-мусульман, знавшая о зверствах португальцев в Индии и об их стремлении монополизировать морскую торговлю, отнеслась к появлению пришельцев враждебно. Связанный с индийским купечеством бендахара Тун Мутахир организовал нападение на португальцев, и ди Сикейра был вынужден покинуть Малакку. Часть португальцев попали в плен.

В 1510 г. султан Махмуд повелел казнить бендахару Тун Мутахира, обвиненного врагами в намерении захватить трон, а заодно он всех членов его семьи мужского пола. Восьмым и последним бендахарой Малакки стал престарелый сын Тун Перака — Падука Туан. В решающий момент, накануне португальского нападения двор раздирали распри. Яванское, китайское и часть индийского купечества были недовольны султаном. Немусульманское купечество Малакки во главе с индийцем Ниначату враждовало с главой мусульманских торговцев Утимутираджей и было готово поддержать португальцев. Яванским наемникам — основной воинской силе султаната — несколько месяцев не платили жалованья.

В апреле 1511 г. португальский флот под командованием губернатора Индии Афонсу д'Албукерки вышел из Гоа для завоевания Малакки. Португальские колонизаторы хотели закрепиться на важнейшей торговой артерии Юго-Восточной Азии, чтобы

получить доступ к пряностям и контролю над путем из Индии на Восток. Д'Албукерки потребовал от султана Махмуда освобождения пленников из эскадры ди Сикейры и права соорудить в городе португальский форт. Махмуд освободил пленных португальцев, но медлил с ответом на второе требование. 25 июля д'Албукерки предпринял штурм города. Первое нападение было отбито защитниками с большими потерями для португальцев. 10 августа 1511 г. штурм повторился. На этот раз д'Албукерки захватил мост через реку — ключевую позицию к городу. 24 августа португальские войска ворвались в город, убивая жителей-мусульман без различия пола и возраста. Малакка была разграблена, богатейшая добыча была захвачена португальцами. Купцы из Пегу, Явы и индусские торговцы были пощажены, но потеряли значительную часть своего имущества, Махмуд и его сын Алауддин бежали в глубь страны. Некоторое время малайцы продолжали сражаться в окрестностях города, мешая португальцам строить укрепления.

Так закончился блестящий период истории средневековой Малайи, сохранившийся в памяти последующих поколений как эпоха политического могущества, небывалого подъема торговли и расцвета культуры.

Глава 4

МАЛАЙЯ В XVI—XVIII вв.

Португальцы в Малакке. Начиная с 1511 г. история Малайя была связана с историей европейской колониальной экспансии в Юго-Восточной Азии. Хотя до самого конца XVIII в. колонизаторы довольствовались на полуострове лишь Малаккой, их присутствие повлияло на ход развития малайских государств, их экономическое развитие, систему политических отношений в этой части Юго-Восточной Азии.

Первыми колонизаторами в Малайе стали португальцы. Малакка превратилась в одну из опорных баз португальской колониальной империи на Востоке наряду с Гоа, Даманом, Диу, Ормузом и Сокотрой. Город был превращен в мощную крепость. Форт «Фамоза» и другие построенные португальцами здания были окружены каменной стеной с бастиянами. В нем жили португальские чиновники и находился гарнизон. Сильно укрепленный (особенно с моря), занимавший выгодную стратегическую позицию на холме город был практически неприступен для местных владетелей. Слабее Малайка была укреплена со стороны суши, но превосходство португальцев в артиллерии позволяло им в течение почти полутора веков успешно отбивать все осады. Ахиллесовой пятой города стала полная его зависимость от внешнего мира в снабжении продовольствием, и во время осад жители Малакки часто находились на грани голодной смерти. Большая часть населения португальской Малакки жила в пригородах. К югу от крепостных стен находился Илир (Бандар-Хилир), населенный в основном метисами, происходившими от браков португальцев с местными женщинами; там жили также португальцы, которые обладали именьями с садами и множеством кокосовых пальм. Работали в этих имениях рабы-африканцы или обитатели соседних деревень. К востоку от города, вверх по течению р. Малакка располагался бедный пригород Сабак, где жили малайцы, промышлявшие рыболовством. Самым большим и богатым предместьем был Упех, который находился по другую сторону реки, к северу от города. Здесь жили иностранные торговцы, здесь же находился главный базар Малакки; Упех состоял из трех кварталов, где жили соответственно китайцы, яванцы и клинги (индийцы).

На протяжении XVI в. в Малакке было построено много зданий, изменивших облик города. Еще при д'Албукерки была построена церковь Успения Богородицы, ставшая с 1557 г., когда в Малакке было учреждено епископство, кафедральным собором. В 1570 г. на холме было закончено сооружение церкви Благовещения — самое красивое строение португальской Малакки. Близ нее иезуиты построили свое здание, в котором помещались их штаб-квартира и школа. Другими примечательными зданиями,

построенными в Малакке в период португальского владычества, были королевский госпиталь, епископский дворец, дом Мизерикордии (Милосердия) — городского приюта, здание городского совета.

Управление Малаккой было организовано следующим образом. Главным лицом был капитан (комендант) крепости Малакка, который с 1571 г. носил титул «губернатор Юга». Он назначался португальским королем на срок 3—4 года. Губернатору помогал городской совет, некоторые члены которого назначались вице-королем Гоа (главный судья — овидор и секретарь совета), некоторые избирались (мэр-виадор и шесть советников, ведавших городскими финансами и судебными делами), а некоторые являлись членами совета по должности (епископ, приор и казначей Мизерикордии). Гарнизон он флотом Малакки командовал генерал-капитан, которого также назначал вице-король на трехгодичный срок. Генерал-капитану подчинялся фейтор (фактор), его обязанностью было снабжение гарнизона и военных судов.

Португальцы сохранили некоторых должностных лиц администрации султаната. Бендахара⁸ ведал всем «нехристианским населением и иностранцами», теменгунг управлял местными жителями (малайцами и минангкабау) в окрестностях Малакки, шахбандар, помогавший бендахаре, отвечал за поступление пошлин с азиатских кораблей и прием послов из азиатских государств. Кроме того, во главе каждой общины — китайской, яванской, тамильской — стоял капитан, с которым имели дело власти.

Главная ценность Малакки для португальских колонизаторов состояла в том, что город был важным торговым портом, через который шел поток товаров из Индии на архипелаг, в Китай и Японию и в обратном направлении, и одной из основных морских крепостей, поддерживавших португальскую торговую монополию в странах Южных морей. Португальское господство основывалось на жесточайшем терроре, ставившем целью сохранение торговой монополии. Уже в 1524 г. вице-король да Гама (сын Васко да Гамы) распорядился казнить владельцев судов, проходящих через Малаккский пролив без разрешения властей Малакки.

Португальцы облагали местную торговлю чрезвычайно высокими пошлинами. Это побуждало торговцев в XVI в. избегать Малакку и вести торговлю в портах Южной Малайи, Северной и Восточной Суматры, Западной Явы.

Португальское управление в Малакке очень скоро обнаружило общие для португальской колониальной администрации недостатки — невероятную коррупцию, нарушение государственной торговой монополии должностными лицами и т. п.

Нетерпимая торговая политика колонизаторов сочеталась с нетерпимостью религиозной, Средневековый фанатизм, животная ненависть к инаковерующим позволяли оправдывать любые жестокости в отношении местного населения. Так, после штурма Малакки д'Албукерки приказал в течение недели истреблять всех мусульман независимо от пола и возраста, появившихся на улицах захваченного города. На протяжении всего периода португальского господства в Малакке проводилась политика насильственного обращения населения в христианство. Но, несмотря на распространение и даже поощрение браков португальцев с местными женщинами, христиан в Малакке и ее окрестностях насчитывалось не более 6,5 тыс. из 20—30 тыс. жителей.

Власть португальцев в Малайе практически ограничивалась Малаккой и ее ближайшими окрестностями. Северные малайские княжества после падения Малакки попали в вассальную зависимость от Сиам. С юга, востока и севера Малакку окружали малайские государства — Джохор, Паханг и Перак, где правили отпрыски малаккокой династии, настроенные враждебно в отношении захватчиков. Португальская крепость Малакка была островком, вокруг которого бушевало море гнева и ненависти к

⁸ Первым бендахарой португальской Малакки был богатый индийский купец Ниначату, помогавший португальцам при осаде Малакки; он был обвинен в злоупотреблениях и покончил жизнь самоубийством. Его преемником стал султан Кампара (на Суматре) Абдуллах — зять султана Махмуда; позднее Абдуллах был казнен португальцами.

колонизаторам, удерживавшим свои позиции лишь благодаря военному преимуществу и противоречиям в лагере противника.

Сразу же после захвата Малакки португальцы столкнулись с недовольством многочисленной яванской колонии. Д'Албукерки казнил главу этой колонии богатого купца Утимутираджу вместе с семьей, после чего яванцы во главе с Патих Кадиром подняли восстание, жестоко подавленное колонизаторами. В защиту соотечественников выступило яванское мусульманское княжество Джапара, игравшее ведущую роль в торговле Северной Явы, интересы которой были затронуты утверждением португальцев в Малакке. В 1513 г. большой джапарский флот под командованием Патих Унуса осадил Малакку. В заблокированном городе начался голод, но португальцы сумели в морском сражении разбить яванский флот, и Патих Унус снял осаду. Вообще мусульманские султанаты Северной и Восточной Явы заняли враждебную позицию по отношению к португальским пришельцам и постоянно угрожали торговому пути из Малакки на Молуккские острова — центру торговли пряностями.

Возникновение Джохора и его борьба с португальцами. Серьезным противником португальцев стал султанат Джохор, который играл главенствующую роль среди малайских княжеств на протяжении XVI—XVIII вв.

После падения Малакки султан бежал в Паханг. Оттуда он отправил посольство в Китай с просьбой о помощи против португальцев. Однако минский император, сославшись на войну с монголами, отказался помочь Махмуду, и китайские торговцы, помогавшие д'Албукерки при осаде Малакки, возобновили связи с городом. После этого султан и его двор переехали на юг полуострова, где в верховьях р. Джохор возник центр нового малайского государства. В 1521 г. Махмуд перешел на о-в Бинтанг (архипелаг Риау) и построил там новую столицу. На протяжении всей истории Джохора местонахождение столицы постоянно менялось: то на архипелаге Риау-Линга, то на р. Джохор. С одной стороны, султаны Джохора стремились возродить традиции Малакки и создать в своих владениях порт, привлекающий иностранных торговцев. С другой стороны, постоянно враждуя с португальцами и Аче, они заботились о безопасности и поэтому иногда располагали свою столицу в некотором отдалении от морского берега. Этими обстоятельствами и объясняется частая смена столиц Джохора.

Уже при Махмуде власть Джохора признавали княжества полуострова, за исключением северных, находившихся в зависимости от Сиамы, острова между Малайей и Суматрой (включая Сингапур) и султанаты Восточной Суматры, т. е. султанат Джохор распространял свое влияние на большую часть территорий, некогда подвластных Малакке. Джохор с самого начала повел ожесточенную борьбу с португальцами, преследуя две цели: во-первых, помешать утверждению португальской торговой монополии в проливах, во-вторых, в случае удачи захватить Малакку и восстановить Малаккский султанат. Героем антипортугальских кампаний Джохора стал лаксамана (адмирал) Ханг Надим. Уже в 1513 г. флот Джохора начал нападать на португальские суда в проливе. В 1521—1524 гг. португальцы потерпели несколько поражений при попытке захватить Бинтанг, а в 1525 г. лаксамана осадил Малакку. Но в 1526 г. сильный португальский флот напал на Бинтанг и сжег столицу Джохора, после чего Махмуд бежал в Кампар на Суматре, где и умер в 1528 г.

Махмуду наследовал его младший сын Алауддин Рияят-шах II (1528—1564 гг.), в то время как старший, Музаффар-шах, стал султаном Перака, положив начало династии, которая существует в этом султанате по сей день. Алауддин продолжал политику отца, и в 1533 г. перенес столицу на материк, предпринял новое нападение на португальцев. В 1551 г. Алауддин атаковал Малакку, объединив силы Джохора, Перака и Паханга. Он в течение трех месяцев осаждал город, сжег вражеские корабли в гавани и пытался взять Малакку штурмом. Превосходство в вооружении, организации и джохорско-ачехские противоречия помогли португальцам отстоять город.

Джохор, Аче и Малакка в XVI в. Важным фактором, влиявшим на положение Малаши и борьбу за торговые пути через проливы, стал султанат Аче. Падение Малаккю открыло путь к возвышению северосуматранского «няжества Аче, которое в короткий срок превратилось в один из главных торговых центров на архипелаге. Аче подчинил порты Пиди и Пасей на севере Суматры, которые вели крупную торговлю с Китаем и Гуджаратом, а затем повел борьбу за гегемонию на восточном и западном побережьях Суматры. Стремление к контролю над путем через Малаккский пролив неминуемо привело Аче к столкновению с португальцами и Джохором.

В 1537 г. ачехский флот напал на Малакку, а спустя десять лет, в 1547 г., повторил нападение. Ценой огромного напряжения сил португальцы сумели разбить ачехский флот в устье р. Перлис, на севере Малайи.

Постоянная вражда Аче и Джохора мешала им объединить свои силы против португальцев. В 1539 г. Джохор и Аче воевали друг с другом из-за Восточной Суматры. В 1564 г. ачехская армия сожгла джохорскую столицу Джохор-Ламу, причем султан Алауддин II был увезен в Аче, где его отравили. Когда же в 1568 г. Аче вновь осадил Малакку, Джохор пришел португальцам на помощь. В 1575 г. после новой неудачной осады Малакки ачехский флот двинулся на север и захватил Перак, султан которого был убит, а его семья увезена в Аче.

Союз Джохора с португальцами был непродолжительным. Жесткая торговая политика колонизаторов продолжала вызывать недовольство Джохора, который, улучшив отношения с Аче, в 1586—1587 гг. снова осаждал Малакку. Малакка была блокирована, и ее связи с внешним миром практически были сведены к нулю. Но подошел флот из Гоа, и адмирал Паолу ди Лима Перейра предпринял в июле 1587 г. экспедицию против Джохор-Ламы. Столица Джохора была взята штурмом, португальцы захватили огромную добычу.

Таким образом, в течение всего XVI в. португальцы в Малакке, отбивая атаки малайских, суматранских и яванских государств, ценой огромного напряжения сил удерживали торговую и морскую монополию.

Появление англичан и голландцев. В конце XVI в. в Юго-Восточной Азии появились европейские соперники Португалии и Испании (последняя с 1580 по 1640 г. владела Португалией). Англичане и голландцы устремились в этот район в погоне за пряностями. В борьбе со своими конкурентами они стремились использовать недовольство местных владетелей и населения португальским и испанским владычеством, особенно их торговой монополией и религиозной нетерпимостью.

В 1592 г. корабль английской экспедиции под командованием Эдуарда Ланкастера достиг о-ва Пинанг, расположенного у западного побережья Малайи. В 1598 г. другая английская экспедиция во главе с Вудом посетила Кедах. Оба мореплавателя занимались в Малаккском проливе не столько торговлей, сколько пиратством. В 1595 г. через Малаккский пролив прошла голландская экспедиция Корнелиуса ван Хаутмана.

Хотя основное внимание новых колонизаторов было сосредоточено на Молукках, они довольно активно действовали в Западной и Южной Малайе, стремясь обосноваться в этом стратегически важном районе. В 1602 г. голландский торговец ван Хеемскирк посетил Кедах, а другой голландец, Якоб Бюйзенг в 1603 г. побывал в Джохоре и убедил султана отправить посольство в Нидерланды. В 1609 г. английская Ост-Индская компания закупила в Кедахе первую партию олова.

Особенно активно действовала в Малайе в тот период голландская Ост-Индская компания, основанная в 1602 г. Понимая, что для окончательного вытеснения португальцев и испанцев из Юго-Восточной Азии необходимо уничтожить их опорные базы, голландские колонизаторы стремились овладеть самой мощной из них — Малаккой. Уже в 1602—1603 гг. голландский флот предпринял блокаду Малакки. 17 мая 1606 г. адмирал Мателиф заключил договор о союзе с султаном Джохора Алауддин Рияят-шахом III (1597—1613 гг.). Джохор предоставил голландцам монопольные торговые права в своих владениях, обе стороны обязывались бороться с Малаккой. В 1606 г. союзники

осадили Малакку, которая с трудом выдержала эту осаду. Город сильно пострадал от бомбардировки, многие здания были разрушены. В том же году Мателиф нанес жестокое поражение португальскому флоту, в результате чего торговля Малакки практически прекратилась. Португалия была не в силах эффективно защищать растянутую линию своих морских коммуникаций в Индийском океане. Падение Малакки было оторочено разногласиями между союзниками — голландцами и Джохором: последний в 1610 г. разорвал союз с голландской Ост-Индской компанией.

Ачехские завоевания в Малайе. В начале XVII в. султанат Аче вступил на путь широкой завоевательной политики, острие которой было направлено против Малакки и Джохора — соперников в борьбе за господство над Малаккским проливом. Султан Искандар Муда (1607—1636 гг.) — самый могущественный государь в истории Аче — в 1612 г. отвоевал у Джохора архипелаг Ару близ восточного побережья Суматры, а в 1613 и 1615 гг. дважды разграбил джохорокую столицу Бату-Савар. Султан Алауддин III был увезен в Аче и там казнен. Новый султан Абдуллах-шах был вынужден вести жизнь изгнанника, не будучи в состоянии закрепиться в своих владениях. В 1618 — 1620 гг. Искаждар Муда захватил Пахант, Кедах и Перак. Жестокая политика ачехского султана, творившего бесчинства в захваченных малайских княжествах и вывозившего тысячи людей с полуострова в Аче, где многие умирали от голода и непосильного труда, вызвала ненависть к ачехцам и породила движение за освобождение от ачехского ига.

В 1629 г. Искандер Муда осадил Малакку — единственный пункт на проливе, который не находился в ачехских руках. Собрав 20-тысячную армию, султан Аче высадился в пригороде Илир и разбил португальские войска, вынудив их укрыться в крепости. Город подвергся жестокой бомбардировке ачехской артиллерии. Но на помощь португальцам пришли войска Джохора и Патани, и ачехцы отступили с тяжелыми потерями. Неудача Искандера под Малаккой позволила Джохору вернуть независимость, а в 40-х годах XVII в. Аче потерял все свои владения на полуострове, кроме Перака.

Захват Малакки голландцами и голландская политика в Малайе. В 1637 г. голландская Ост-Индская компания возобновила с Джохором союз, целью которого была ликвидация власти португальцев в Малакке. В июне 1640 г. голландский флот начал бомбардировку Малакки, в конце июля подошло подкрепление из Джохора. Город был плотно блокирован с моря, а в августе 1640 г. голландцы высадились в пригороде Упех. Защитники были вынуждены запереться в городе, который подвергался непрерывному обстрелу голландских батарей. В Малакке начался голод, свирепствовали эпидемии: к концу осады из 20-тысячного населения уцелело лишь 3 тыс. Впрочем, от болезней страдали и голландцы, потерявшие не менее 1500 человек от малярии и дизентерии. Наконец, 14 января 1641 г. союзники предприняли штурм северной, самой слабой стены города. После ожесточенного боя капитан ди Соуза Коутиньо сдал крепость.

Взятие Малакки сопровождалось всеобщей резней и грабежом. Почти все здания были разрушены, усадьбы и сады вокруг Города уничтожены. От эпидемий, с новой силой вспыхнувших в разоренной Малакке, погибли тысячи жителей города и окрестностей.

Для голландцев Малакка представляла главным образом интерес с военной точки зрения — как сильная крепость «а пути через Малаккский пролив. Форт был восстановлен и даже укреплен, в нем постоянно находился голландский гарнизон. Административно Малакка была подчинена столице Нидерландской Индии — Батавии, которая назначала губернатора. При губернаторе Малакки существовал совет, куда входили суперкарго, наблюдавший за торговлей, командующий гарнизоном, судья и другие высшие должностные лица, а также представители европейского купечества (голландцы и португальцы). Как и в португальское время, в окрестностях города занимались садоводством, попытка голландцев создать рисовые поля вокруг Малакки, чтобы прокормить население в случае осады, успехом не увенчалась.

При голландцах Малакка утратила значение мирового порта, так как голландская Ост-Индская компания стремилась сосредоточить торговлю между Дальним Востоком, архипелагом и Индией в Батавии. Малакка же служила крепостью в проливах и центром торговли для полуострова. Главным предметом ввоза в Малакку стали продукты питания из Явы, Сиамы, Суматры и Бенгала и ткани из Индии, а основной статьёй экспорта — олово. Ост-Индская компания, как и португальцы, стремилась монополизировать торговлю, заставляла суда, проходящие через пролив, заходить в Малакку и платить высокие пошлины. Методами поддержания монополии стали навязанные малайским султанатам договоры, по которым те обязывались продавать компании олово и перец по низким ценам, блокада побережья, сооружение фортов, патрулирование голландских судов в проливе. Подобная политика вызывала сопротивление малайских княжеств и индийского купечества, торговавшего в Малайе, и усиливала стремление использовать другие центры на полуострове для международной торговли.

Из малайских султанатов голландские колонизаторы наибольший интерес проявили к Пераку и Кедаху, где добывался главный экспортный продукт полуострова — олово. В 40—50-е годы XVII в. они заставили Перак и Кедах заключить ряд соглашений, дававших голландцам монополию на торговлю оловом в этих султанатах. Голландцы неоднократно блокировали побережье Перака и Кедаха, препятствуя их торговле, создавали фактории и форты на побережье этих султанатов.

Перак и Кедах вели непрерывную борьбу с голландской торговой монополией. В 1651 г. была разгромлена голландская фактория в устье р. Перак. По договору 1655 г. фактория была восстановлена, но вскоре опять уничтожена. В 1690 г. подобная же участь постигла голландский форт на о-ве Пангкор близ пераковского побережья. В 1657 г. произошло нападение на факторию в Кедахе.

Помимо султанатов северо-западного побережья голландцы пытались подчинить своему влиянию мелкие минангкабауские княжества, расположенные в окрестностях Малакки. Минантка-бау стали переселяться в этот район в основном в XVI в., поощряемые португальцами, заинтересованными в разработке золотых приисков и получении риса из внутренних областей полуострова. Минангкабау заселили старинный торговый путь из Малакки в Паханг и создали несколько мелких владений. Их отношения с португальцами были неодинаковыми на протяжении XVI в., а в XVII в. они открыто враждовали с Малаккой. Стремясь упрочить свои позиции в Малакке, голландцы в 1641 г. заставили своего бывшего союзника по борьбе с португальцами — минангкабауское княжество Нанинг, расположенное близ Малакки, подписать договор о вассальной зависимости. В последующие годы они посылали ряд экспедиций, чтобы заставить население Нанинга признать этот договор. Одна из этих экспедиций в 1644 г. закончилась поражением колонизаторов. Хотя в 1647 г. Нанинг снова признал вассальную зависимость от Малакки, фактически власть голландцев, как и португальцев, распространялась только на город, и их попытки закрепиться в других районах Малайи успеха не имели.

Джохор во второй половине XVII — начале XVIII в. 1641 г. открыл период усиления и процветания Джохора. В этом году была ликвидирована власть португальцев, врагов султаната, в Малайе и умер султан Аче Искандар Тани, после чего влияние Аче в Малайе резко ослабло.

Султан Джохора Абдул-Джалил-шах III (1623—1677 гг.) сумел воспользоваться переменами для укрепления своего государства. Он вновь поставил Паханг под контроль Джохора, его вассалами стали архипелаг Риау-Линга, Бенгкалис, Рокан, Кампар, Сиак и Индрагири на Восточной Суматре; с Аче, Джамби и Патани поддерживались дружественные союзнические отношения. Власть Абдул-Джалил-шаха распространялась даже на минангкабауские княжества Центральной Малайи, т. е. на районы, непосредственно граничащие с Малаккой. Из Паханга, с архипелага Риау-Линга, из суматранских владений в столицу Джохора Бату-Савар стекались олово, лерец, слоновая кость, камфора, копра, ценные породы дерева, которые продавались голландцам, а часто и

их торговым конкурентам — гуджаратцам, китайцам, португальцам и англичанам. В Джохор везли ткани из Индии, фарфор, чай, табак и другие товары из Китая. Джохор в середине XVII в. превратился, таким образом, в крупный торговый центр, успешно конкурирующий с Малаккой.

Но процветание Джохора длилось недолго. Соперничество двух дворцовых партий привело к столкновению Джохора со своим союзником Джамби. По совету бендахары Тун Хабиб Абдул Маджида — главы одной из соперничающих феодальных клик — султан Джохора обещал, что его наследник женится на дочери пангерана (правителя) Джамби. Но лаксамана (адмирал) Джохора Падука Туан, возглавлявший при дворе противную партию, уговорил Абдул-Джалил-шаха женить своего будущего преемника на дочери лаксаманы. Оскорбленный пангеран в 1673 г. начал войну. Войска Джамби захватили Бенг-калис на Суматре, а затем обрушились на джохорокую столицу Бату-Савар, откуда вывезли 2500 пленников и четыре тонны золота. Абдул-Джалил-шах бежал в Паханг, где через четыре года скончался в девятилетнем возрасте. Поражение Джохора привело к распаду государства. Сиак отпал и пригласил на трон раджу из Минангкабау. Другой минангкабауский раджа, Ибрахим, появился на полуострове и объединил под своей властью Нанинг, Рембау, Кланг и Сунгей-Уджонг. В 1678 г. Ибрахим напал на Малаюку. Хотя в следующем году, после его смерти, минангкабауская конфедерация в Малайе распалась, Джохор утратил власть над этими областями.

Лаксамана Падука Туан убедил нового султана Джохора и своего зятя Ибрахим-шаха перенести столицу на о-в Бинтанг, бывший его уделом. Падука Туан и Ибрахим-шах обратились за помощью к предводителю бугских наемников Даинг Мангике, который в 1679 г. захватил Джамби. В 1681 г. война кончилась, и Ибрахим-шах вновь перенес столицу на полуостров, в Джохор-Ламу, где в том же году умер, отравленный собственными женами, оставив трон своему сыну Махмуду (1685—1699 гг.), регентом при котором стал его дед, лаксамана Падука Туан. Триумф Падуки Туана был непродолжителен. Его старый соперник, бендахара Тун Хабиб Абдул Маджид, возглавил феодалов, недовольных самовластием лаксаманы, и добился изгнания последнего.

Трудностями Джохора немедленно воспользовались голландцы, которые в 1685 г. начали переговоры с Джохором о предоставлении им торговой монополии. В 1689 г., когда к власти пришел новый регент — бендахара, договор с голландцами был подписан. Этот договор предоставлял голландцам право беспошлинной торговли в Джохоре и запрещал индийским торговцам селиться во владениях султаната. В 1699 г. закончилась джохорская династия, ведущая начало от султанов Малакки. Ее последний представитель, Махмуд-шах II, был необузданным тираном с ярко выраженными садистскими наклонностями, что послужило причиной его убийства одним из придворных. На престол Джохора взошел бендахара султаната, принявший имя Абдул-Джалил-шах IV (1699—1718 гг.).

Положение новой династии было крайне неустойчивым, в стране не прекращались феодальные распри. Новый султан в поисках поддержки даже обратился к английскому капитану Александру Гамильтону, предложив ему за это о-в Сингапур. Тирания младшего брата султана, фактически управлявшего страной, вызвала новые волнения и усобицы, которыми воспользовался правитель Сиака минангкабау раджа Кечиль, объявивший себя сыном Махмуд-шаха II. При поддержке зятя султана он неожиданно захватил в 1718 г. столицу Джохора и стал султаном.

Буги в Малайе и их борьба с голландцами. В XVIII в. на политической арене Малайи появилась новая сила — буги. Отважные мореплаватели, пираты и торговцы, образовавшие ряд княжеств на о-ве Сулавеси, буги после 1667 г., когда голландцы захватили Макаassar, были вынуждены начать массовое переселение в другие районы архипелага. В конце XVII в. они появились в Малайе. На Западном побережье Малаккского полуострова в устье рек Кланг и Селангор возникли их поселения.

В начале XVIII в. бугские феодалы приняли активное участие в борьбе за джохорский престол. Один из предводителей бугоких наемников, Даинг Парани, обманутый в своих надеждах получить пост ям-туана муда («младшего правителя») при воцарении раджи Кечилия, вступил в заговор со свергнутым султаном Абдул-Джалилом IV⁹. Заговор был раскрыт, и заговорщики бежали из Джохора. Посланцы раджи Кечилия убили султана Абдул-Джалила IV в Тренгану, но Даинг Парани и его братья¹⁰, собрав сильный флот, захватили Риау и изгнали раджу Кечилия из Джохора. В 1722 г. победившие бугские феодалы сделали джохорским султаном Сулеймана (1722—1760 гг.), сына Абдул-Джалила IV. Один из братьев Даинга Парани, Даинг Меревах, стал ям-туаном муда Джохора. Фактическая власть в султанате перешла в руки бугов.

Утвердившись на Риау, где в то время находился центр джохорокого султаната, воинственные братья активно вмешивались в политическую борьбу в других княжествах. В 1723 г. буги вторглись в Кедах, где поддержали одного из претендентов на оставшийся вакантным трон. Другой претендент пригласил раджу Кечилия. В течение двух лет (1724—1726 гг.) буги и минаншабау сражались в Кедахе. Хотя Даинг Парани погиб в этой войне, победа осталась за бугами.

Затем борьба перекинулась в Перак и Селангор. И здесь бугские братья оказались победителями. Один из бугских вождей, раджа Луму, в 1742 г. стал первым султаном Селангора. Перак также признал власть бугского ям-туана муда.

Рост влияния бугов в малайских княжествах, объединение султанатов вокруг Джохора — все это вызвало беспокойство голландских колонизаторов. Еще больше голландские власти Малакки были недовольны торговой деятельностью бугских феодалов, которые под прикрытием боевых флотилий, не брезгавших и пиратством, нарушали голландскую торговую монополию. Риау в период фактического правления ям-туанов муда Даинг Кембоджи (1745—1777 гг.) и его племянника раджи Хаджи (1777—1784 гг.) превратился в оживленный порт, где вели торговлю европейцы, индийцы, китайцы и малайцы. На Риау стали разводить пряности.

В борьбе с бугами голландцы использовали недовольство части малайских феодалов, оттесненных бугами. Главой малайской партии был султан Тренгану Мансур, уговоривший султана Джохора Сулеймана обратиться за помощью к голландцам. В 1755 г. в Малакке был заключен договор между голландцами и Сулейманом, по которому голландская Ост-Индская компания получила монополию на торговлю оловом и право беспошлинной торговли во владениях Джохора; другим европейцам запрещалось торговать в Джохоре. В обмен голландцы обещали султану восстановить его власть, т. е. изгнать бугов.

Вспыхнула война. Бугский полководец раджа Хаджи разбил флот султана Тренгану и перенес военные действия в окрестности Малакки. Но в 1758 г., после почти двух лет борьбы, бугские феодалы были вынуждены подписать договор, подтвердивший предоставленную султаном Джохора голландцам монополию на закупку олова.

В следующем, 1759 г. раджа Хаджи совершил переворот на Риау, заставив султана Сулеймана вернуть Даинг Кембоджу к власти. В 1760 г. Сулейман умер, и Даинг Кембоджа стал опекуном нового султана Махмуда (1761—1812 гг.) — внука Сулеймана, родившегося в год смерти деда. Джохор начал понемногу оправляться от последствий войны 1756—1758 гг. Пользуясь ослаблением голландской Ост-Индской компании, буги развернули на Риау оживленную торговлю. Английские, китайские, португальские, индийские купцы, а также торговцы из Сиама, Аче и других частей архипелага «посещали Риау, чтобы закупить опиум, ткани и китайские товары в обмен на свои продукты... и население Риау продавало и покупало с немалой выгодой для себя», свидетельствует

⁹ Существует романтическая история о том, как раджа Кечиль, став султаном, предпочел младшую дочь Абдул-Джалила IV старшей, и обиженная девушка призвала в страну Даинг Парани, за которого вышла замуж.

¹⁰ У Даинг Парани было четыре брата.

голландский источник XVIII в. Бугский полководец раджа Хаджи в 1770—1771 гг. восстановил влияние Джохора в Перане, Кедахе, а также на Восточной Суматре — в Джамби и Индрагири. В 1777 г. после смерти Даинг Кембоджи он стал ям-туаном муда.

В 1783 г. вспыхнула новая война между Джохором и голландцами, которые не могли примириться с усилением своего соперника. Из Малакки на Риау была отправлена сильная экспедиция. Голландцев поддерживали султан Тренгану Мансур и суматранских владетелей. Раджа Хаджи поднял на защиту население Риау, и захватчики встретили на архипелаге единодушный отпор. Во многом успеху бугов способствовал полководческий талант раджи Хаджи. Голландцы потеряли флагманский корабль и 600 человек и бежали в Малакку.

В начале 1784 г. раджа Хаджи высадился около Малакки и начал осаду города. Одновременно с севера на Малакку двинулись соединенные силы Селангора и Рембау во главе с селангорским султаном Ибрахимом, двоюродным братом раджи Хаджи. Раджа Хаджи провозгласил священную войну против голландцев. Голландцы оставили пригороды и укрепились за стенами города, с трудом сдерживая натиск осаждающих,

Спасло Малакку появление эскадры ван Браама, пришедшей из Нидерландов в Батавию весной 1784 г. 18 июня высадившийся ночью голландский отряд при поддержке корабельной артиллерии атаковал лагерь раджи Хаджи. Смерть полководца в начале сражения заставила бугов и малайцев отступить от Малакки.

После этого, в августе 1784 г. ван Браам захватил Селангор, а его султан Ибрахим бежал в Паханг. В конце октября голландский флот разбил бугов на Риау, а 1 ноября 1784 г. султан Махмуд и малайские феодалы на борту фрегата «Утрехт» подписали капитуляцию. Джохорский султанат признавал вассальную зависимость от голландской Ост-Индской компании, которая получала право утверждать султана. Все укрепления на Риау уничтожались, и султан принимал голландский гарнизон. Подтверждались также все условия договора 1758 г. о голландской монополии на закупку олова; кроме того, все буги, родившиеся не на Риау, изгонялись с архипелага.

Однако буги продолжали борьбу. Летом 1785 г. султан Селангора Ибрахим при поддержке джохорского бендахары, получившего удел в Паханге, изгнал голландцев из своего княжества. В следующем году голландский флот вновь появился у берегов Селангора, и Ибрахим был вынужден подписать договор о предоставлении голландской Ост-Индской компании монополии на торговлю оловом.

В феврале 1787 г. голландцы заставили Махмуда подписать новый договор, поставивший султанат под их полный контроль. Отныне все важнейшие дела решал голландский резидент на Риау, судебные дела между иностранцами и местными жителями также находились в ведении резидента. Султан Махмуд обратился за помощью к иланунским (филиппинским) пиратам, которые в мае 1787 г. изгнали голландцев, а заодно и Махмуда с Риау. Бежавший султан стал искать поддержки у голландцев в Малакке и англичан на Пинанге, где в 1786 г. была основана английская фактория. Потерпев неудачу в этих попытках, он создал в 1790 г. коалицию, куда вошли малайские и суматранские государства, для изгнания как голландцев, так и англичан. Но нападение на Пинанг и голландский форт на Диндинге (Перак) кончилось неудачей, и коалиция распалась. Голландцы вновь вернулись на Риау, который иланунское вторжение привело в полный упадок. В 1795 г., после оккупации Англией голландских владений на Востоке, султан Махмуд был восстановлен на троне. В 1801 г. малайские и бугокие феодалы заключили соглашение, поделив власть на архипелаге Риау-Линга. Бугский вождь раджа Али стал ям-туаном мудой, а малаец Абдул Рахман — теменгунгом.

Малайя в конце XVIII — начале XIX в. В политическом отношении положение «а Малаккском полуострове и близлежащих островах в этот период было весьма разнообразным. Северная часть полуострова (Патани, Лигор и другие малайские княжества) прочно вошла в состав Сиама, который оправился от бирманского нашествия и укрепил свою власть над вассалами. Северные султанаты Малайи (Кедах, Келантан,

Тренгану) также считались вассалами Сиама, но власть последнего над ними была в значительной степени формальной: вассальные обязанности малайских султанов ограничивались более или менее регулярной посылкой бунга мас («золотого цветка»), символизирующего признание сюзеренитета.

К югу от Кедаха был расположен Перак, граничивший на востоке с Келантаном и Пахангом. Это княжество, в котором правила династия, ведшая начало от султанов Малайки, усилилось при султани Искандере (1756—1770 гг.), но после его смерти вступило в полосу междоусобиц. Несмотря на ослабление государства, султаны Перака сумели противостоять голландскому вмешательству и заставили голландцев в 1783 г. ликвидировать торговую факторию.

Река Бернам отделяла Перак от расположенного южнее султаната Селангор, который, как Кедах и Перак, также выходил к Малаккскому проливу. Селангор непрерывно враждовал с Перакком. В 1804 г. селангорский султан Ибрахим даже захватил Перак и в течение двух лет удерживал его под своей властью.

С Селангором граничил расположенный к юго-востоку Негри-Сембилан — конфедерация минангкабауских владений. Во время борьбы бугоких братьев с раджей Кечилем минангкабау в Малайе поддержали последнего — своего соплеменника. После поражения раджи Кечилия бугские феодалы захватили власть над рядом областей, населенных минангкабау; в Селангоре появился бугский султан, буги основали княжеские династии в Кланге, Джелебу, Тамшше и Сунгей-Уджонге. Поражение бугов в столкновении с голландцами ускорило складывание государства у минангкабау Малайи.

В 1773 г. унданги (правители) княжеств Рембау, Сунгей-Уджонг, Джохол и Джелебу избрали ям-туаном (верховным правителем) раджу Мелевара, происходившего из правящей династии Минангкабау на Суматре. Мелевар обосновался в Срименанти и сумел объединить минангкабауские княжества — Улу-Муар, Терачи, Гунонг-Пасир, Джемпол. Конфедерация, получившая название Негри-Сембилан («Девять княжеств»), в 1795 г. порвала все формальные узы, которые связывали ее с Джохором. К югу от Негри-Сембилана находился Нанинг, признававший формальную зависимость от голландской Малакки.

Река Муар отделяла территорию Малакки и Нанинга от Джохора. Джохор — малонаселенная территория на юге полуострова — превратился в удел джохорских теменгунгов, которые распространяли свою власть также на некоторые острова к югу, в том числе на Сингапур.

Главным опорным пунктом европейских колонизаторов в Малайе была принадлежавшая голландцам Малакка, которая к концу XVIII в. полностью утратила торговое значение и представляла для голландской Ост-Индской компании основную ценность как военно-морская база на пути из Индии на архипелаг. Существовали голландские форты на Визу и в Перাকে.

Общественный и политический строй малайских княжеств¹¹. Малайские султанаты, именуемые негри¹², занимали обычно территорию в бассейне одной из главных рек полуострова. Столицы султанатов находились обычно при впадении главной реки в море или, как в Джохоре, на реке в некотором отдалении от морского берега.

Во главе государства стоял султан, или янг-ди-пертуан бесар¹³ («тот, кто является господином»), символизирувавший единство султаната. Особа султана считалась священной.

Существовал сложный церемониал, определявший действия султана и его поведение. Символами величия (кебесаран) султана служили его регалии — музыкальные

¹¹ Для характеристики малайских княжеств в XVI—XVIII вв. используется и материал XIX в., относящийся к периоду до английского завоевания, поскольку основные черты их общественного строя остались практически неизменными.

¹² Первоначально слово негри означало город, впоследствии — страну.

¹³ Принятое сокращение: ям-туан.

инструменты, скипетр, ящик для бетеля, печать, зонт, оружие. Только султан мог носить одежду желтого цвета, определенные украшения, владеть некоторыми животными и т. п. При восшествии султана на трон вся знать султаната приносила ему присягу в верности; подобная же присяга приносилась феодалами при назначении на должность или при утверждении в правах владения, а также через определенное время всеми феодалами княжества по очереди.

Реальная власть султана по мере усиления феодальной раздробленности, особенно после ослабления и распада Джохора, становилась все более призрачной. В большинстве малайских княжеств в начале XIX в. власть султанов распространялась лишь на домен. Центральный аппарат был слабым, так как реальная власть сосредоточивалась в руках крупных феодалов, владевших теми или иными областями государства. При султанах имелись советники, которых правитель старался подбирать из числа родственников или верных людей, чаще всего не владетельных феодалов.

Султанат делился на области (даэрах, джаджакхан), которые являлись владениями того или иного феодального рода. Теоретически владение этими областями было обусловлено военной службой султану и выплатой ему определенной части доходов, но фактически, особенно в XVIII—XIX вв., крупные феодалы мало зависели от центральной власти.

Владетельные феодалы, носившие титулы раджа или тунку (если они происходили из правящей семьи), дато или ван (если они не принадлежали к султанскому роду), управляли областью, взимали налоги, вершили суд, собирали пошлыны, стогняли крестьян на принудительные работы и т. д. Вокруг каждого из владетельных феодалов образовывался круг из родственников и других аристократов, которые были его помощниками, военачальниками, секретарями, послами, управителями, советниками.

Обычным явлением были феодальные усобицы. Войны постоянно велись как между султанами, так и между владетельными феодалами. Феодалы жили в укрепленных резиденциях на берегах рек; резиденции обносились палисадом, рвом и земляной насыпью, по углам которой сооружались бастионы для пушек. Феодалы держали при себе наемную дружину.

Султан дарил феодалам земли, передавая им также права на эксплуатацию крестьян, сидевших на этой земле. Если во времена Малаккского султаната могущественный правитель действительно был властен отнимать у феодалов те или иные земли и дарить их, то в слабых, раздробленных государствах XVII—XIX вв. феодалы превратились в почти независимых правителей.

Феодалы в Пераке и Пахяте по малайской традиции делились на несколько групп: «четыре», «восемь», «шестнадцать» и «тридцать два». Наиболее влиятельной группой была первая, в нее входили: бендахара — первый министр и главнокомандующий, бендахари — секретарь и казначей султана, теменгунг — глава полиции, ведавший также военными укреплениями, и мантри — главный судья. В число «восемь» входили: махараджа-лела — судья, лаксамана — адмирал, шахбандар — глава таможенного управления, главный кади — судья по религиозным делам и еще четыре феодала — наместники областей. Высшие вельможи, входившие в «четверку» и «восьмерку», распространяли свою власть на целые районы султаната.

Часть доходов, и довольно значительную, феодалы получали в виде судебных штрафов с крестьян. Каждый феодал в своей округе вершил суд и собирал судебные штрафы. По закону доход от судебных штрафов должен был делиться в определенной пропорции между султаном и феодалами, но с ослаблением центральной власти феодалы стремились присвоить его целиком.

После крупных феодалов в Пераке и Паханге на иерархической лестнице стояли шестнадцать правителей различных областей, должности которых не были наследственными. Они назначались крупными феодалами и часто были их сыновьями. Кроме того, было тридцать два «территориальных вождя», которые в отличие от крупных

владельцев не имели судебной власти; а были их помощниками или просто управителями небольших округ. Титулы, наименования должностей и традиционное деление господствующего класса — все это осталось в наследство от Малаккского султаната, но обязанности, реальное содержание той или иной должности или титула претерпели значительные изменения.

В Селангоре, где правили бугские раджи, при султанах состояли четыре крупных феодала, между которыми была разделена страна: два из них управляли побережьем и дельтой реки, третий — областью Кланг, а четвертый — внутренней частью государства. Яркий пример феодальной раздробленности в конце XVIII в. представлял собой Джохор — жалкий обломок некогда могущественного султаната. Здесь можно было найти по меньшей мере семь владений, феодальные правители которых не хотели подчиняться ни султану, ни фактическому главе Джохора — теменгунгу.

Султаны и крупные феодалы раздавали земли и деревни более мелким феодалам на условиях вассальной зависимости. В Малаккском султанате такие пожалования совершались султаном или с его ведома, но в Малайе XVII—XVIII вв. крупные феодалы совершали эти акты уже по своему усмотрению. Создавалась более или менее развитая иерархическая структура феодального общества, в основе которой лежало феодальное землевладение. Каждая область находилась под контролем того или иного крупного феодала, который превратил свой удел в наследственный, а ниже шли ненаследственные феодалы, зависящие не от центральной власти, а от вышестоящих феодалов. Низший слой феодалов не всегда принадлежал к сословию раджей; такими феодалами в ряде случаев могли становиться деревенские старосты. Так, в Линги, на западном побережье Малайи, в конце XVIII в. было основано поселение, и один из поселенцев стал старостой. Затем он разбогател на торговле оловом настолько, что подчинил своему влиянию всю деревню. Его зять уже распространил свою власть на всю округу и чувствовал себя настолько независимым, что оспаривал получение пошлин на олово у правителей малайских княжеств.

Власть султанов и возможности получения ими доходов были чрезвычайно ограничены. Так, султан в Пераке мог беспрепятственно распоряжаться лишь в тех районах, на которые не распространялось влияние крупных феодалов или каких-либо могущественных семей. Последние, с одной стороны, стремились освободиться от контроля центральной власти, а с другой — были заинтересованы в сохранении ее как средства, с помощью которого удерживалось в повиновении крестьянство, а государство охранялось от внешних врагов. Кроме того, феодалы получали от государства должности, дававшие им право на получение феодальной ренты.

В условиях Малайи значительные государственные доходы поступали от пошлин на торговлю и оловодобычу. Получение их было связано с той или иной должностью, занимаемой феодалом. Если в Малаккском султанате почти все сборы от торговли шли султану, то в султанатах конца XVIII — начала XIX в. султаны делились доходами с феодалами. Так, в Пераке султан получал доходы от пошлин на олово, табак, опиум, индийский тростник, масло и соленую рыбу, которые перевозили по р. Перак; наследник султана получал оборы с игорных домов, оошумокурулен и винных лавок; бендахара взимал в свою пользу пошлины с товаров, идущих по р. Кинта; теменгунг обладал монополией на торговлю солью и пользовался частью пошлин; один из феодалов получал пошлины с вывоза олова и гуттаперчи в своей округе; наместник района Кинта взимал в свою пользу десятипроцентную пошлину на олово.

Источником обогащения феодалов служила также торговля. Огромные доходы некоторые из них получали от добычи и продажи олова — основного богатства Малайи. Все это способствовало концентрации больших богатств в руках отдельных феодалов и открывало им путь к политическому возвышению.

Малайское общество резко делилось на два класса: феодалов и крестьян (раятов). Человек от рождения принадлежал к одному из этих классов, и попасть в высший класс человеку из простонародья было практически невозможно.

Основная масса крестьян имела участки земли, передававшиеся по наследству. Эту землю можно было продавать, покупать, закладывать.

Феодальная государственная собственность на землю в малайских государствах выражалась в том, что султан имел право собирать налоги и распоряжаться запущенными и выморочными землями;

Раздавая земли феодалам, султан передавал им, не право собственности на землю, а право на получение налога с нее и право передачи крестьянам заброшенных и пустующих земель. Крестьянин имел право на владение любым участком земли, который он или его предки отвоевали у джунглей. Права на землю сохранялись в течение всего времени, пока продолжалась обработка земли или пока сохранялись межевые знаки, указывавшие на право владения землей. Существовало также положение, что крестьянин владеет своей землей до тех пор, пока часть зерна идет правителю. Одна из статей малаккского кодекса XVI в., сохранившая свое значение вплоть до XIX в., гласила; «Лица, которые сидят на землях или участках других (имеются в виду крестьяне, сидящие на землях, пожалованных султаном тому или иному феодалу. — *В. Т.*), должны повиноваться приказам владельца [земли], и если они противодействуют ему, то должны быть оштрафованы... Обязанность всех, живущих на [его] земле, помогать владельцу».

Масса малайского крестьянства представляла собой постоянных наследственных владельцев, несущих повинности и плативших ренту-налог в пользу феодалов. Основной формой феодальной ренты в малайских княжествах была продуктовая. Малайское крестьянство (в рисопроизводящих районах) уплачивало верховному собственнику земли — султану, а фактически — отдельным феодалам, ренту-налог, который носил название десятины. Размеры десятины не были зафиксированы и различались ее только от княжества к княжеству, но даже в районах одного и того же княжества. В некоторых районах Малайи натуральная рента-налог взималась с крестьян не рисом, а другими продуктами — кокосовыми орехами, фруктами, породами ценных деревьев и т. д. В Пераке, например, крестьяне одной округи поставляли строительный лес, который не только использовался султаном для строительства, но и шел на внешний рынок, а другая округа поставляла индийский тростник.

Значительное развитие в Малайе получила отработочная рента, существовавшая наряду с продуктовой. Как правило, собственного хозяйства феодалы не вели, но у некоторых из них были участки земли, которые обрабатывались принудительным трудом крестьян. Крестьяне строили мосты, дороги, рыли каналы и выполняли другие общественные работы, были гребцами на лодках феодалов, смотрели за слонами султана и т. д. Отработочная рента в ряде районов была настолько велика, что крестьяне даже освобождались от продуктовой ренты. Английский офицер Лоу, служивший в 20-х годах прошлого века в Малайе, писал: «Его (крестьянина. — *В. Т.*) дети силой отбирались от него: девушки — во дворец, а юноши — на общественные работы или на войну, где они не получали никакой платы, а лишь немного еды».

В XVIII—XIX вв. в малайских княжествах некоторое развитие получила денежная рента. Так, в Кедахе при сиамском господстве можно было заменять подушевой сбор риса натурой уплатой денег. Помимо этого крестьяне Кедаха, владевшие орошаемыми землями, платили денежный поземельный налог. Известно, что обитатели прибрежных районов Перака платили подушевой налог деньгами. Увеличение доли денежной ренты в Малайе было связано с развитием оловодобычи и появлением китайских рабочих, покупавших у малайских крестьян продукты питания, а также с установлением над северными княжествами господства Сиам, который облагал своих новых подданных денежным налогом-рентой.

Кроме того, существовали нефиксированные подношения крестьян феодалам. Источники свидетельствуют, что раджи в любое время могли взять «подарки» у крестьян — от дочери до фруктов. Подати и налоги в пользу государства занимали значительное место лишь в государствах, находившихся под сиаемским контролем, да и то и течение сравнительно небольшого времени. Во всех малайских государствах большая часть феодальной ренты взималась отдельными феодалами, без вмешательства государства.

Централизованного налогового аппарата в малайских княжествах не было, налоги собирались старостой деревни и передавались феодалу, который по своему усмотрению распоряжался ими.

На протяжении XVI—XVIII вв. происходило непрерывное освоение новых территорий. Если до возникновения Малаккского султаната во внутренних районах жили лишь аборигены (сенои, семанги, джакуны), то начиная с XVI в. малайцы и минангкабау, постепенно продвигаясь по рекам в глубь страны, основывали новые поселения.

Основными занятиями малайского крестьянства были возделывание риса и рыболовство. Население жило в деревнях, расположенных вдоль морского побережья и рек. Значительное место в Малайе занимала подсечно-огневая система земледелия и выращивание суходольного риса. Многие статьи в кодексах малайских государств касаются выращивания суходольного риса и овощей на очищенной от леса земле (ладанг).

Поливной рис сажался в устьях рек, вдоль заливаемых речных пойм, а также вдоль узких речных долин. В прибрежных районах рис культивировался на участках, образованных морскими отложениями. Посевы поливного риса требовали ирригационной сети, которая в Малайе была весьма разнообразна — от очень примитивных приспособлений для задерживания и ограничения стока дождевой воды до искусных сооружений по регулированию речного стока.

Тягловой силой для вспашки рисовых полей были буйволы и сиаемские волы, запрягаемые в тяжелый плуг. Остальные сельскохозяйственные работы производились крестьянином вручную при помощи очень примитивных орудий. Вручную производилась и расчистка леса под посевы суходольного риса и овощей.

Еще со времен Малаккского султаната ряд китайских источников отмечал, что в Малайе выращивали сахарный тростник, фруктовые деревья, лук, имбирь, горчицу, тыквы и дыни.

Было развито и рыболовство, которое часто сочеталось с земледелием.

В некоторых статьях кодексов малайских государств упоминается расчистка леса. Члены деревни-общины обязаны были совместно расчищать лес по склонам холмов для посевов суходольного риса и овощей. Доля каждого общинника при расчистке точно определялась, и в случае поджога сваленных деревьев раньше времени кем-либо из членов общины последний нес за это ответственность и возмещал остальным убытки. Если кто-либо не огородил свой участок, а поля остальных вследствие этого были потравлены окотом, то он также возмещал убытки. Эти статьи, как и многие другие (об обязанностях охранять свои участки, об ответственности за потраву, о запрещении владельцу земли, расположенной вверх по течению ручья, перекрывать воду), свидетельствуют об обязанностях членов общины по отношению друг к другу.

Условия хозяйствования в Малайе определялись наличием большого фонда свободных пустующих земель. Редкое население (200 тыс. человек в начале XIX в.) не занимало все пригодные для обработки земли.

Высшим лицом малайской деревни был староста (пенгулу). Он определял размеры платежей, следуемых с каждого двора, назначал людей на принудительные работы, регулировал ритм полевых работ. Должность пенгулу была обычно наследственной. К верхушке деревни относились также помощники старосты (мата-мата), имам — священнослужитель деревенской мечети. Иногда старосты превращались во владетельных феодалов. Обычно это происходило при заселении ранее безлюдной части того или иного феодального владения.

Помимо крестьян-общинников в малайских княжествах были другие разряды эксплуатируемых — долговые зависимые (оранг берхутанг, каван) и рабы (абди), иногда объединяемые общим термином «хамба».

Долговыми зависимыми становились люди, заложившие свою землю, или те, кто по каким-либо причинам остались без земли, оторвались от своей деревни и были вынуждены отдаться под покровительство феодала. Такие люди иногда жили в доме феодала, обрабатывали его поля, расчищали новые участки из-под леса. Долговая зависимость не прекращалась со смертью должника: семья наследовала все обязательства умершего. Одним из дополнений к обычному малайскому праву, которое гласило, что вдова и дети умершего должника несут ответственность лишь за $\frac{1}{3}$ долга, в XIX в. служил закон, согласно которому семья отвечала за долги полностью. Этот закон, а также другое новое правило — выплата выкупа за дочь должника ее женихом кредиторю — были нововведениями, свидетельствующими об усилении феодальной эксплуатации. Долговые зависимые были самой бесправной частью малайского крестьянства.

Собственно рабов в Малайе было сравнительно немного. К ним относились военнопленные, захваченные аборигены, которые сопротивлялись обращению в ислам, лица, совершившие преступления и отдавшиеся под покровительство султана или владетельного феодала, дети рабынь, которые не признавались хозяином за собственных. Кроме того, имелось небольшое число рабов-африканцев, привозимых паломниками из Мекки. Большая часть рабов жила в домах феодалов и не участвовала в производительном труде. Основную массу таких рабов составляли женщины. Раб считался вещью, имуществом, которое можно было продавать, дарить, завещать и т. п. Многие статьи в кодексах были посвящены вопросам займа рабов и возмещения убытков за увечье или смерть раба. Свободный за убийство раба уплачивал его стоимость, а раб за оскорбление свободного мог быть убит. За поимку беглых рабов выплачивалось вознаграждение, укрывательство их жестоко наказывалось. За кражу раба, принадлежавшего простолюдину, вор возмещал стоимость раба в двойном размере, за кражу раба феодала — в пятикратном, раба султана — в четырнадцатикратном. Если вор не мог возместить стоимость, то предавался смертной казни.

О развитии малайского ремесла известно очень мало. Основную массу ремесленных изделий крестьяне изготовляли в своих хозяйствах. Одной из самых значительных отраслей домашней промышленности было производство плетеных изделий. Из пальм и бамбука крестьяне изготовляли сельскохозяйственный инвентарь и снасти для рыбной ловли, домашнюю утварь, разнообразные сосуды, обувь и головные уборы.

Китайские хроники отмечают, что в Джохоре в XVI—XVII вв. делались прекрасные циновки. Глиняная посуда также изготовлялась крестьянами. Известным центром гончарного производства в Пераке был Куала-Тембелинг, где производили особый вид сосудов. Перак был известен также своими вышитыми изделиями. Существовало ручное ткачество.

Значительная часть ремесленников жила также при дворах феодалов, которые снабжали их пищей, материалами и инструментами. Эти ремесленники в малайских государствах, по существу, были крепостными феодалов, обслуживавшими потребности своих господ. Ремесленное производство служило одним из источников доходов феодалов, продававших часть продукции «своих» ремесленников.

Далеко за пределами Малайи славились малайские золотых дел мастера и оружейники. Продукция ювелиров Паханга, Тренгану была известна на Суматре и Яве. Рембау, Перак и Тренгану славились производством копий и кинжалов-крисов, а Перак и Кедах — ножей. В Пераке и Паханге изготовляли также богато орнаментированную посуду. В Келантане и Тренгану производились шелковые ткани, в других местах — златотканые изделия, в Паханге и Селангоре — одежды. Некоторые необходимые для ремесленников материалы привозились из других стран, например шелковые ткани из

Индии и Китая. Говорить об интенсивном обмене между ремесленниками и крестьянами не приходится, ибо продукция этих ремесленников принадлежала феодалам и ремесленники обслуживали либо личные потребности феодалов, либо производили товары на внешний рынок, куда их сбывали те же феодалы.

Определяющей тенденцией социально-экономического развития Малайи в XVI—XVIII вв. было дальнейшее развитие феодальных отношений. Это выразилось в усилении власти владетельных феодалов, увеличении эксплуатации крестьянства, возрастании числа долговых зависимых. После падения Малакки правящий класс потерял значительную часть доходов от внешней торговли и стремился возместить ущерб за счет эксплуатации крестьянства. Появление европейцев на побережье заставило малайских феодалов двигаться вслед за волной поселенцев во внутренние районы страны. Результатом этого было распространение феодальных отношений «вширь». Одновременно усиливалась феодальная раздробленность. Это выразилось прежде всего в укреплении власти владетельных феодалов во всех малайских султанатах. Процессу феодальной раздробленности способствовала также политика европейских колонизаторов.

Особенности общественного устройства Негри-Сембилана. Минангкабау Негри-Сембилана отличались по общественному устройству от малайцев. Они сохранили пережитки родо-племенных отношений, у них господствовало материнское право, существовала юридическая неоформленность сословных различий.

Минангкабау, переселившись в Малайю, принесли с собой форму своей родо-племенной организации — суку. Минангкабау на Суматре принадлежали к одному из четырех суку — разросшемуся первоначальному роду, и пришельцы в Малайе сохраняли принадлежность к своему суку. Постепенно в Негри-Сембилане образовалась несколько десятков суку, поскольку минангкабау, расселяясь в Малайе, теряли связь между собой и в Непри-Сембилан приходили новые переселенцы, которые не принадлежали к минангкабау. Суку из некогда родо-племенных организаций, которые распространяли свою юрисдикцию на всех своих членов вне зависимости от местожительства, превратились в территориальные объединения, в которых сохранялась старая модель родового устройства минангкабау.

Суку делились на кланы (перут), состоявшие из нескольких семей. Во главе перут стоял старейшина (ибу-бапа), избравшийся всем кланом. Перут были неравноправны; некоторые из них находились в подчиненном положении по отношению к перут, к которым принадлежала знать суку.

Во главе суку стоял лембага, который из родо-племенного вождя постепенно превращался в феодала. Суку занимали определенную территорию и объединялись в негри, во главе которых стояли унданги. По-видимому, большинство ундантов были потомками феодальных владетелей, существовавших на территории Негри-Сембилана до прихода минангкабау или появившихся здесь в XVI—XVIII вв. в качестве наместников Джохора. Унданги были не родо-племенными вождями, а владетелями определенных территорий, населенных членами различных суку. Процесс феодализации минангкабауского общества в конце XVIII — начале XIX в. завершился. Пережитки родовых отношений сохранялись и оказывали значительное влияние на быт, семью, законы и обычаи. Но характер минангкабауского общества определялся уже не ими, а теми феодальными отношениями, уровень развития которых был примерно одинаков для всей Малайи.

Малайская литература, исторические произведения и законодательство XVI—XVIII вв. Период от падения Малакки до распада султаната Джохор являлся временем дальнейшего развития малайского языка, который сохранил свое значение наиболее обиходного языка архипелага и полуострова.

В этот период, как и в эпоху Малаккского султаната, продолжался перевод на малайский язык произведений арабо-персидской и индийской литератур («Повесть о

мудром попугае», «Тути-Наме», «Повесть о Калиле и Димне», «Повесть о Бахтиаре» и др.).

Значительные произведения были созданы в то время в области теологии, исторической прозы и юриспруденции. Центром малайского языка и литературы после падения Малакки стали княжества Северной Суматры — Пасей и Аче, хотя культурная традиция сохранялась также в Джохоре, Пераке и Кедахе.

В XVII в. на Северной Суматре, издавна бывшей центром распространения ислама в Юго-Восточной Азии, создается ряд философских теологических произведений на малайском языке. Наиболее интересны из них — сочинения мистиков, приверженцев суфизма, широко распространившегося на Северной Суматре в XVII в.

Самым крупным из авторов был Хамза Пансури, или Хамза из Баруса, живший во второй половине XVI — первой половине XVII в. По своим философским взглядам он был пантеистом и приверженцем еретического суфизма. Хамза оставил два богословских прозаических произведения, но более всего он известен своими религиозными поэмами («Шаир чужака», «Шаир о птице-душе», «Шаир о лодке»), которые оказали заметное влияние на дальнейшее развитие малайской поэзии.

Другим известным богословом-мистиком XVII в., писавшим на малайском языке, был Шамсуддин Пасейский, младший современник Хамзы. Полностью сохранилась только одна его книга — «Мират ал-мумин», остальные дошли в отрывках.

Противником пантеистов Хамзы и Шамсуддина был Наруд-дин бин Али ар-Ранири, гуджаратец по происхождению, вначале живший в Паханге, а затем перебравшийся в Аче. Из многочисленных трудов ар-Ранири самым значительным является «Бустан ас-Салатин» («Сад царей») — энциклопедическое сочинение, в котором помимо сведений по всемирной истории содержится также история мусульманских государей Малакки, Паханга и Аче. Ар-Ранири был яростным противником суфизма, в своих многочисленных трактатах он осуждал отождествление человека и вселенной с богом и сравнивал пантеизм Хамзы с теориями веданты и тибетской махаяны. Видимо, по его настоянию книги Хамзы и Шамсуддина после смерти покровительствовавшего им ачехского султана Искандера Муды были преданы сожжению.

Последним крупным богословом Северной Суматры в XVII в. был Абдуллах из Синлелея, до сих пор почитаемый в Аче как святой. Он оставил сочинения по мусульманскому мистицизму и шафиитокому праву.

После упадка Аче центр изучения мусульманской теологии переместился в другие места, в частности в Палембанг. Самыми крупными из богословов Палембанга, писавшими на малайском языке, были Абд ас-Самад, деятельность которого относится ко второй половине XVIII в., и Мухаммад ибн Ахмад Кемас (1719—1763 гг.). Другим центром был Риау, куда в эпоху правления бугских ям-туанов муда переместился политический и культурный центр малайского мира.

В XVII — начале XIX в. появился целый ряд малайских исторических сочинений. В султанате Джохор в начале XVII в. была завершена редакция версии «Седжарах Мелаю». Истории самого султаната были созданы в бугский период. Анонимная «Хикаят негри Джохор» («Повесть о земле Джохорской») описывает историю Джохора и бугов на полуострове между 1672 г. и последним десятилетием XVIII в. Другая хроника, «Седжарах раджа-раджа Риау» («Родословия раджей Риау»), повествует примерно о том же периоде, но в отличие от «Повести» носит антибугский характер. По-видимому, эта хроника была написана малайским феодалом Ангку Бусу.

Интересное историческое сочинение оставил отпрыск пераковского правящего дома раджа Чулан, «искуснейший человек Перака по части прозы и стихов», который в своей хронике «Миса Мелаю» дал подробное изложение истории Перака в 1742—1778 гг., причем сообщил много сведений о нравах двора, местных обычаях и т. п.

Хронику султаната Кедах «Кедахскую летопись», или «Хикаят Маронг Махавангса», трудно отнести к историческому труду, поскольку это скорее собрание

легенд и фантастических историй, относящихся к Малайе, которое во многом напоминает малайский народный роман. Создано это произведение, видимо, в конце XVIII — начале XIX в.

XVI—XVIII века были временем интенсивного развития юриспруденции в малайских княжествах, что объяснялось необходимостью приспособить местное право к требованиям ислама, занявшего господствующее положение в сфере идеологии.

Основой всех позднейших малайских кодексов послужили своды законов Малаккского султаната второй половины XV — начала XVI в., «Малаккское уложение», составленное при Музаффар-шахе, и кодекс, посвященный морскому праву, появившийся при султани Махмуде.

На базе «Малаккского уложения» возник пахангский кодекс, составленный в 1596 г. по приказу Абдул-Гафар-шаха. Этот сборник, носящий следы влияния домусульманского права, использовался как учебное пособие не только в Паханте, но и в Пераке и в Джохоре.

Много кодексов появилось в Кедахе. Старейший из них, датированный 1650 г., посвящен портовым правилам, причем на нем прослеживается влияние аналогичного законодательства Великих Моголов. Другое собрание законов, относящееся к 1617 г., касается наказаний за уголовные преступления и аморальные проступки. Недатированный свод касается свадебного и похоронного церемониала, а законы 1784 г. относятся к придворному этикету, некоторым вопросам гражданского права и торговле.

В начале XVIII в. в Пераке был создан свод законов «Двенадцать законов», в которых сделана попытка приспособить законы минавгжабау к патрилинейной системе. «Девяносто девять законов» Перака, также оформленные в XVIII в., характеризуются явным преобладанием норм малайского обычного права над мусульманскими.

Существовал в XVIII в. отдельный кодекс и в Джохоре, основанный на законодательстве Малакки.

Таким образом, в XVI—XVIII вв. культура Малайи, подвергшаяся сильной исламизации, развивалась, главным образом в сфере литературы, в тесной связи с малайскоязычными районами на Суматре и Калимантане (Бруней).

Глава 5

МАЛАЙЯ В ЭПОХУ АНГЛИЙСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ (конец XVIII — начало XX в.)

Утверждение англичан в Малайе. Захват острова Пинанг. Если в начале XVII в. английская Ост-Индская компания стремилась обосноваться в Индонезии и Малайе, чтобы получить доступ к торговле пряностями, то во второй половине XVIII в. ее политика в этом районе определялась в первую очередь теми проблемами, которые возникли в связи с завоеванием Индии. Борьба с Францией за Коромандельское побережье побуждала Англию к поискам удобной гавани поблизости от Бенгальского залива, где происходили основные морские сражения. Создание базы в этом районе отвечало и торговым интересам английской Ост-Индской компании, расширившей торговлю между Индией и Китаем, а также увеличившей свою торговлю с государствами архипелага и Малаккского полуострова. Кроме того, создавая военно-торговую базу в сфере влияния Нидерландов, англичане стремились противодействовать распространению голландского владычества в Малайе и Индонезии и бороться с торговой монополией Голландии.

В 1771 г. служащий одной из английских торговых фирм Индии, бывший морской офицер Фрэнсис Лайт, который занимался торговлей в Кедахе, вступил в переговоры с его султаном. Султан Кедаха, заинтересованный в помощи в борьбе против бугов, обещал

Лайту уступить английской Ост-Индской компании порт в устье р. Мербок и предоставить ей право монопольной торговли в обмен на военную помощь. В 1772 г. Ост-Индская компания натравила посольство в Кедах для переговоров, кончившихся неудачей, поскольку англичане хотели уклониться от каких-либо обязательств защиты Кедах от вторжения извне.

После англо-голландской войны 1780—1784 гг. и успешных операций французского флота в Бенгальском заливе в 1782—1783 гг. вопрос о месте для английской военно-морской базы поблизости от Бенгальского залива снова приобрел остроту. В 1786 г. новый султан Кедах, вступивший на трон после длительного периода междоусобиц и боявшийся сиамского или бирманского вторжения, поддался на приманку Лайта, который обещал, что Англия защитит Кедах. 17 июля 1786 г. Лайт высадился на о-ве Пинанг, расположенном близ побережья Кедах, а 11 августа поднял на острове британский флаг и заключил соглашение с султаном. Ост-Индская компания обязывалась защищать Кедах, платить его султану ежегодно 30 тыс. испанских долларов и снабжать Кедах оружием. Взамен султан передавал кампании о-в Пинанг.

Пинанг стал индийским резидентством под юрисдикцией губернатора Бенгалии. Провозглашение Джорджтауна — административного центра новой колонии — свободным портом способствовало развитию торговли и заселению до тех пор безлюдного острова малайцами из Кедах, а также китайскими и индийскими иммигрантами. Пинанг превратился в центр, откуда английские и индийские товары расходились по полуострову и о-ву Суматра и куда стекалась местная продукция — олово, золото, ротан, пряности, перец, слоновая кость. В 1789 г. общий объем торговли Пинанга составил более 850 тыс. исп. долл., а через пять лет — удвоился. На острове появились плантации пряностей и перца.

Захватив и укрепив остров, Ост-Индская компания нарушила соглашение с Кедахом. Уже в 1787 г. английские власти отказались помочь Кедаху против надвигавшейся угрозы со стороны Сиам и уменьшили размеры денежной компенсации султану.

Обманутый султан пытался бороться и собрал флот, чтобы изгнать англичан с острова. Фрэнсис Лайт, бывший суперинтендантом Пинанга с 1787 г. до своей смерти в 1794 г., напал на кедахский флот в устье р. Праи и разгромил его. После этого, в мае 1791 г. он заставил султана подписать новое соглашение, в котором уже ничего не говорилось об обязательствах Ост-Индской компании, а компенсация за Пинанг уменьшалась до 6 тыс. исп. долл. в год.

В 1800 г. Англия приобрела у Кедах за 4 тыс. долл. в год прибрежную полосу напротив Пинанга, которая была названа Провинцией Уэлсли. Англичане хотели получить контроль над обеими сторонами пролива, отделяющего Пинанг от полуострова. Султан Кедах наивно полагал, что, отдав англичанам часть территории султаната, он побудит их оказать ему помощь против Сиам.

В 1805 г. Пинанг, до того находившийся в ведении бенгальских властей, стал четвертым президентством Индии наряду с Калькуттой, Мадрасом и Бомбеем, т. е. его статус существенно повысился. Английское правительство, взяв курс на расширение колониальных владений в Малайе и Индонезии, хотело превратить Пинанг в свой основной опорный пункт в этом районе.

В 1795 г. английским владением стала и Малакка, которая к тому времени окончательно утратила свое значение как порт. Оккупировав город — владение Голландии, являвшейся союзницей Франции, — англичане взорвали форт Фамозу, стремясь в будущем, если придется вернуть Малайку Нидерландам, лишить соперника первоклассной крепости.

Английская экспансия в первой четверти XIX в. Основание Сингапура. После захвата англичанами голландских владений в Малайе местные княжества, находившиеся под голландским влиянием, вернули себе независимость, ибо английские власти в тот

период не вмешивались активно в дела Малайи, сосредоточив внимание на захваченных ими территориях на Яве, Суматре и Молукках. По окончании наполеоновских войн Англия вернула Голландии, ставшей ее союзницей, все колонии, за исключением Цейлона и Капской земли. Несмотря на возвращение Голландии колоний в Индонезии и Малайе, англо-голландские противоречия в этом районе продолжали сохраняться. Англичане намеренно затягивали передачу колоний и вернули Малакку голландцам лишь в 1818 г. Накануне своего ухода из Малакки они заключили договоры с Пераком, Селангором и Риау и признали независимость этих государств, которые предоставили англичанам права наиболее благоприятствуемой нации. Договоры имели антиголландскую направленность и затрудняли Нидерландам восстановление их влияния на полуострове.

В этот период в Англии усилились настроения в пользу создания новой опорной базы — свободного порта на Малайском архипелаге. Эти настроения были особенно заметны в среде английской промышленной буржуазии, боровшейся с монополией Ост-Индской компании. Стремление создать новую базу в Юго-Восточной Азии подогревалось также тем, что Пинанг не оправдал тех надежд, которые на него первоначально возлагались. После создания военно-морской базы на Цейлоне отпала необходимость использовать Пинанг как место для стоянки английского флота. К тому же начался упадок торговли Пинанга, причем не последнюю роль в этом сыграла ликвидация его первоначального статуса свободного порта.

Новая английская база была основана Томасом Стэмфордом Рафлзом, губернатором колонии Бенкулен на западном побережье Суматры¹⁴. В ноябре 1818 г. Рафлз получил разрешение генерал-губернатора Индии основать английское владение в Малаккском проливе. В январе 1819 г. экспедиция Рафлза отплыла из Пинанга, и 28 января англичане высадились на о-ве Сингапур, где некогда находился средневековый Тумаоик. Сингапур входил в состав султаната Риау-Джохор, но фактически его хозяином был теменгунг Джохора, который разрешил англичанам создать на острове торговую факторию. Чтобы придать этой сделке законность, Рафлз вмешался в борьбу за престолонаследие в Джохоре и провозгласил султаном одного из соперничавших претендентов. В феврале 1819 г. ставленник Рафлза султан Хуссейн подписал с Рафлзом договор, подтверждающий соглашение с теменгунгом.

Нидерланды протестовали против действий Рафлза, считая, что султан Риау, голландский вассал, является законным владельцем Сингапура. Хотя английское правительство и Ост-Индская компания неодобрительно отнеслись к конфликту с Голландией, от Сингапура они не отказались. Выражая интересы английской буржуазии, Рафлз писал, что, владея Сингапуром, «мы сможем распространять наше политическое влияние, если того потребуют обстоятельства... и Сингапур станет для нас на Востоке тем, чем Мальта является на Западе».

Свободный порт Сингапур превратился в мощное орудие распространения английского влияния в Малайе и на архипелаге. Он занимал исключительно выгодное стратегическое положение на пути в Китай. Владение островом обеспечивало господство Англии в морях Юго-Восточной Азии. Захват Сингапура упрочил позиции англичан в Малайе и помог им окончательно вытеснить голландцев с полуострова.

В 20-х годах XIX в. Англия и Голландия пошли на урегулирование своих давних противоречий и на раздел сфер влияния в Юго-Восточной Азии. По Лондонскому договору 17 марта 1824 г. Нидерланды уступили Англии оставшиеся фактории в Индии и отказались от всех возражений против занятия англичанами Сингапура. Они передавали

¹⁴ Т. С. Рафлз (1781—1826 гг.) начал свою карьеру в секретариате администрации на Пинанге. Он готовил английскую экспедицию 1811 г. на Яву и после завоевания острова был его губернатором, Рафлз был талантливым и образованным человеком, прекрасно знакомым с языками, историей, литературой и обычаями жителей архипелага и полуострова. Он хорошо понимал значение свободного порта в Юго-Восточной Азии для укрепления английских позиций и обеспечения господства на морском пути из Индии в Китай для подрыва голландской монополии.

Англии Малакку и обещали впредь не создавать владений на Малаккском полуострове и не заключать договоров с малайскими княжествами. Англия передавала Голландии Бенкулен и все свои владения на Суматре, а также обещала, что не будет основывать факторий на Суматре и заключать договоров с тамошними правителями. Англичане согласились отказаться от претензий на Каримонские острова, архипелаг Риау-Линга и все острова, расположенные к югу от Сингапурского пролива.

Обе стороны предоставляли друг другу права наиболее благоприятствуемой нации в своих владениях на Востоке и согласились не облагать товары друг друга высокими пошлинами. Малайя превратилась в сферу влияния Англии. Англо-голландская борьба за Малайю окончилась. Отныне ни одна западная держава не могла помешать утверждению в Малайе английского господства.

Так, в 1824 г. закончился первый этап английской экспансии в Малайе, начавшейся в последней четверти XVIII в. Англия, укрепившись в опорных пунктах на побережье Малайи — Пинанге, Малакке и Сингапуре, — стала решающей силой в Малайе. Вначале владения в Малайе рассматривались как простой придаток к английским колониям в Индии. В XIX в. в связи с развитием капитализма в Англии, ослаблением Ост-Индской компании и заинтересованностью английской буржуазии в эксплуатации Юго-Восточной Азии и Китая этим владениям уделяется все больше внимания. На первом этапе острие английской экспансии было направлено не на завоевание малайских княжеств, а на вытеснение Голландии из Малайи.

Малайские султанаты в тот период переживали глубокий кризис. Борьба с Голландией в XVII—XVIII вв. ослабила их, они находились в состоянии раздробленности, внутренних усобиц, экономического упадка. К концу первого этапа английской экспансии в Малайе не было ни одного достаточно сильного государства, которое могло бы оказать серьезное сопротивление захватчикам. Последнее крупное государство, султанат Риау-Джохор, окончательно распалось после англо-голландского договора 1824 г.

Малайские султанаты западного побережья, Англия и Сиам в первой половине XIX в. До 70-х годов XIX в. Англия почти не осуществляла новых захватов на Малаккском полуострове, довольствуясь тем, что держала в своих руках важные пункты на побережье. Ее политика в Малайе определялась прежде всего задачами колониального порабощения Индии и борьбы за торговую гегемонию в Юго-Восточной Азии и Китае. Тем не менее это время не было периодом невмешательства, как оно трактуется в английской историографии колониального толка. Англия рассматривала Малайю как сферу своего влияния, и администрация колонии Стрейтс Сетлментс («Поселения на проливах»), объединившей в 1826 г. Пинанг, Сингапур и Малакку, постоянно вмешивалась в дела малайских княжеств.

В начале XIX в. Сиам, оправившись от бирманского нашествия, активизировал свою политику в соседних малайских княжествах и возобновил свои притязания на контроль над ними. В 1818 г. сиамский король приказал Кедаху напасть на Перак, султан которого отказывался признавать сюзеренитет Сиамом. Хотя султан Кедаха выполнил это требование, в 1821 г. он был вызван в Бангкок, чтобы дать объяснения по поводу его переговоров с Бирмой. Когда же султан отказался прибыть в сиамскую столицу, сиамская армия во главе с раджей Лигора в 1821 г. вторглась в Кедах и подвергла его разорению. Несмотря на неоднократные обещания помощи султану Кедаха, Англия, у которой назревал конфликт с Бирмой и которая была заинтересована в торговле с Сиамом, решила воздержаться от борьбы за Кедах. Сиамские войска оккупировали Кедах, султан бежал на Пинанг. В 1822 г. калькуттские власти отправили в Сиам посольство во главе с Д. Кроффердом, который, хотя и не смог добиться восстановления султана Кедаха на троне и свободы английской торговли в сиамских владениях, все же сумел получить от Сиамом признание оккупации Пинанга. В связи с начавшейся англо-бирманской войной английские власти в Индии дали распоряжение Пинангу вступить в новые переговоры с Сиамом, рассматривая его как возможного союзника в войне с Бирмой. В 1824 г. капитан

Г. Барни был послан в Лигор, чтобы убедить раджу направить войска против Бирмы. Раджа отказался сделать это без согласия Бангкока, и тогда англичане выступили в роли защитников независимости других западных малайских княжеств — Перака и Селангора. В мае 1825 г. губернатор Пинанга Р. Фуллертон отправил канонерки к устью реки, где собирался лигорский флот для нападения на Перак и Селангор, и поход был сорван.

В июле 1825 г. Г. Барни подписал с Лигором договор, по которому раджа обещал не нападать на Перак и Селангор, а англичане обязывались не вмешиваться в кедахские дела. Пока Барни ездил в Калькутту, чтобы ратифицировать договор, Р. Фуллертон направил посольство в Перак и Селангор, правители которых заключили торговые договоры с Ост-Индской компанией.

В июне 1826 г. Барни подписал новый договор с Сиамом в Бангкоке. В обмен на торговые уступки Англия признала Кедах сиамским вассалом. Перак был признан независимым государством. Вопрос о Келантане и Тренгану остался открытым: Сиам продолжал предъявлять претензии на вассальную зависимость этих султанатов, а Англия была склонна не признавать этой зависимости.

В октябре 1826 г., через несколько месяцев после подписания договора с Сиамом власти Пинанга направили капитана Джеймса Лоу с отрядом сипаев в Перак. Лоу заключил с султаном Перака договор, по которому тот обязывался впредь не посылать в Сиам знаков вассальной зависимости и не принимать посольств из Сиам. Вслед за тем султан изгнал просиамски настроенных вельмож и разорвал все связи с Сиамом.

В 30-х годах XIX в. в Кедах постоянно вспыхивали восстания против сиамского гнета. Английские власти Пинанга оказывали помощь Сиаму в подавлении этих восстаний, одновременно не переставая поддерживать надежды султана Кедаха и его приверженцев на восстановление султаната.

В 1831 г. племянник султана Туанку Кудин провозгласил священную войну против сиамцев и выбил их из Кедаха. Английские власти Пинанга блокировали кедахское побережье, препятствуя доставке припасов и оружия Кудину. Через несколько месяцев сиамские войска жестоко подавили восстание. Тысячи малайцев, спасаясь от резни, бежали на территорию Провинции Уэлсли. История повторшась в 1839 г., когда сиамцы, поддержанные английским флотом, который вновь блокировал кедахское побережье, подавили вспыхнувшее в 1838 г. восстание, во главе которого стоял дядя султана Туанку Мохаммад Саад. В 1842 г. сиамское правительство, напуганное непрекращающимися восстаниями, решило восстановить на троне султана Кедаха в качестве вассала Сиам. Перлис был отделен от Кедаха и образовал отдельное княжество. Кедах — едва ли не самое процветающее малайское княжество — после сиамской оккупации и восстаний был совершенно ослаблен. Население, численность которого накануне сиамского вторжения составляла более 100 тыс. человек, сократилось до 25 тыс., а по некоторым сведениям, даже до 10 тыс. человек.

Нанингская война. Минангкабауские княжества, находившиеся в непосредственной близости к Малакке, стали одним из основных объектов английской экспансии. Англичане, как и раньше голландцы, искусно использовали в своих интересах междоусобицы в этих княжествах и борьбу за главенство в конфедерации Негри-Сембилан.

В начале XIX в. в Негри-Сембилане разгорелась борьба между Рембау, Сунгей-Уджонгом и Срименанти. Часть феодалов Негри-Сембилана стремились к объединению и созданию сильной центральной власти. При третьем ям-туане Итаме в Негри-Сембилане появился пост ям-туана муда (младшего ям-туана), который занял сын предыдущего ям-туана раджа Асил. Он утвердился в Рембау. В 1812 г. феодалы Рембау во главе с раджей Али изгнали Асила. Но пост ям-туана муда мятежным феодалам уничтожить не удалось. После междоусобной войны 1830—1832 гг. ям-туаном стал раджа Али, а ям-туангом муда — его зять Сайид Сабан. Во время этих междоусобиц англичане поддерживали феодалов, выступавших против усиления центральной власти.

Находившееся поблизости от Малакки небольшое княжество Нанинг, не входившее в Негри-Сембилан, числилось вассалом Малайки еще со времен португальского владычества. В действительности и при португальцах, и при голландцах, и в период первой оккупации Малакки англичанами Нанинг оставался совершенно независимым, уплачивая время от времени чисто символическую дань рисом и птицей Малакке. В 1825 г. губернатор Стрейтс Сетлментс Р. Фуллертон, ярый экспансионист, предложил распространить на Нанинг фискальную систему и судебные законы Малакки. В 1827 г. английские власти потребовали от Нанинга уплаты десятины и объявили, пенгулу (князя) Нанинга Абдул Саида должностным лицом Ост-Индской компании. Абдул Саид резко воспротивился попыткам вмешательства в его судебные права и право взимать налоги со своих подданных. Он отказался явиться для объяснений в Малакку и стал готовиться к борьбе. Летом 1831 г. против Нанинга была послана экспедиция. Колонизаторы смотрели на этот поход как на увеселительную прогулку, полагая, что шеститысячное население Нанинга не окажет сопротивления. Но неожиданно для них поход кончился провалом. Абдул Саид сумел заручиться поддержкой правителя Рембау, раджи Али, который послал на помощь Нанингу отряд во главе со своим зятем Сайид Сабаном. Малайцы, уклоняясь от открытого сражения, тревожили захватчиков непрерывными нападениями, устраивали засады. Англичане были вынуждены повернуть назад, причем их орудия достались нанингцам.

Потерпев поражение, англичане стали вновь готовить экспедицию, хотя новый губернатор Р. Иббетсон, изучив прошлые договоры Нанинга с Малаккой, сообщил в Лондон, что Фуллертон ошибся и Нанинг не является частью Малакки. Однако в феврале 1832 г. война возобновилась. Против нескольких сотен малайцев, вооруженных мушкетами и холодным оружием, действовало свыше полутора тысяч солдат английской регулярной армии. Малайцы ожесточенно сопротивлялись. Только после того как феодалы Рембау, с которыми договорились англичане, двинули войска в тыл защитникам Нанинга, последние в июне 1832 г. сдали деревню Табох — центр Нанинга. Но сопротивление колонизаторам продолжалось до конца 1832 г. Завоеванный Нанинг был присоединен к Малакке.

После окончания Нанингской войны вновь разразились усобицы в Негри-Сембилане. В 1833 г. ям-туан муда Сайид Сабан начал войну с владельцем Линли. Богатые пинангские и малаккские торговцы, покупавшие олово в Линги, подняли против Сай-ид Сабана феодалов Рембау и Сунгей-Уджонга, недовольных его самовластием. В 1835 г. ям-туан Али и Сайид Сабан потерпели поражение. Англичане не оказали никакой поддержки своим бывшим союзникам по Нанингской войне, несмотря на договор, так как не были заинтересованы в укреплении центральной власти в Негри-Сембилане.

Подчинение Джохора. Еще до открытого захвата малайских султанатов Англия всецело подчинила своему влиянию одно из крупнейших княжеств — Джохор. После основания в 1819 г. английской фактории на о-ве Сингапур султан и теменгунг Джохора остались жить на этом острове, получая пенсии от английских властей. Вначале суверенитет Англии формально не распространялся на остров. В августе 1824 г. был подписан новый договор между Англией и Джохором. Султан и теменгунг отказались от Сингапура и ряда других островов вокруг него. Внешняя политика Джохора переходила под контроль Англии.

На протяжении десятилетий султаны (Хуссейн и его сын Али) и теменгунги (Абдул Рахман и его племянник Ибрахим) соперничали в борьбе за власть в Джохоре и за его увеличивающиеся доходы. Английские фирмы и торговцы Сингапура приняли активное участие в этом соперничестве, поддерживая враждующие фракции малайских феодалов. Так, фирма «Патерсон и Симонс» и крупный торговец У. Керр выступали за теменгунга Ибрахима, тогда как Али пользовался поддержкой У. Х. Рида, вершившего за султана все дела, и обеих сингапурских газет. В конечном счете теменгунг Ибрахим, разбогатевший на добыче гуттаперчи и развитии китайского плантационного хозяйства в Джохоре,

установивший тесные связи с английской администрацией, оказался победителем. В марте 1855 г. между султаном и теменгунгом в присутствии английского губернатора был подписан договор. По этому договору Али уступал все права на Джохор Ибрахиму. Взамен он сохранил титул султана, пенсию и небольшую территорию по р. Муар¹⁵. В 1862 г. умершего Ибрахима сменил его сын Абу Бакар, получивший английское образование в Сингапуре и находившийся в тесных связях с администрацией Стрейтс Сетлментс. В 1866 г. он посетил Англию, где ему был оказан пышный прием, а после возвращения он получил от английского правительства титул махараджи. Он удалился с Сингапура и обосновался в Джохоре, сделав столицей Джохор-Бару, послушно следуя всем советам и рекомендациям властей Стрейтс Сетлментс.

Султанаты восточного побережья в 50—60-х годах XIX в. По англо-сиамскому договору 1826 г. Келантан и Тренгану рассматривались Сиамом как вассалы. Тренгану был фактически независим, и его вассалитет в отношении Сиама был почти формален. Келантан в более значительной степени находился под контролем Бангкока.

Паханг был единственным малайским княжеством, которое до середины XIX в. почти не испытывало внешнего влияния. При бендахаре Али (1803—1857 гг.) Паханг избавился от феодальных усадеб, там развивалась экономика: расчищались новые сельскохозяйственные площади, увеличилась добыча золота, возросла внешняя торговля. В 1853 г. Али порвал формальные узы, связывающие его с султаном Риау, и провозгласил себя независимым правителем. После смерти Али вспыхнула борьба за престол между его сыновьями — Мутахиром и Ахмадом. В 1857 г. Ахмад, закупивший оружие в Сингапуре, получив поддержку Тренгану, захватил столицу Пекан. Но вскоре старший брат Мутахир при содействии феодалов внутренней области Джелаи разбил Ахмада и заставил его бежать в Тренгану. Ахмад не успокоился, а в том же, 1861 г. вспыхнуло крестьянское восстание во внутренних районах Паханга, особенно пострадавших от междоусобиц. Во главе восстания встал деревенский староста Хатиб Расу. К восставшим примкнула и часть феодалов Джелаи, недовольных бендахарой Мутахиром и его сыновьями. Напуганные размахом восстания феодалы областей Верхнего Паханга призвали претендента Ахмада, стремясь направить движение по пути борьбы за престол.

Вслед за тем в борьбу в Паханг вмешались англичане и Джохор. В 1861 г. теменгунг Джохора Абу Бакар заключил с Мутахиром договор, который ставил под контроль Англии внешнюю политику Паханга и предоставлял английским торговцам право свободной торговли в Паханге. Теменгунг Джохора, за которым стояли англичане, выступил в поддержку Мутахира. Он снабжал его оружием, посылал отряды наемников, возбуждал против Ахмада и повстанцев феодалов соседних княжеств. Однако повстанцы нанесли ряд серьезных поражений отрядам Мутахира и джохорских наемников. После этого власти Стрейтс Сетлментс решили вмешаться. В качестве предлога они использовали появление в Тренгану изгнанного голландцами султана Риау Махмуда, который при покровительстве Сиама предъявлял претензии на владение «дедовскими землями» — Пахангом и Джохором. В ноябре 1862 г. английское судно «Скаут» прибыло к побережью Тренгану и потребовало от султана Омара выдать Махмуда и прекратить помощь Ахмаду. После того как Омар отказался выполнить английские требования, прибрежные деревни Тренгану были обстреляны, а побережье султаната блокировано. Но, несмотря на вмешательство англичан и Джохора и ослабление крестьянского движения (Ахмад и поддерживающие его феодалы сумели переманить на свою сторону Хатиба Расу и разгромить часть повстанческих отрядов), Ахмад вышел победителем. Хатиб Расу разбил джохорцев и открыл дорогу к столице Пекану. В мае 1863 г. Мутахир и его сыновья бежали из Паханга и бендахарой стал Ахмад. Паханг вышел из периода междоусобиц ослабленным. Особенно пострадало крестьянство, которому феодалы

¹⁵ Эта территория принадлежала джохорскому феодалу, носившему титул дато теменгунг Муара, который не признал права султана Али. В 1877 г. после смерти Али эта территория вошла в состав Джохора.

жестоко мстили за антифеодалное движение 1861 —1862 гг. Тем не менее Пахангу удалось отстоять независимость в борьбе против Джохора, за которым стояли англичане.

Экономическое и политическое развитие Стрейтс Сетлментс. В 1826 г. все английские владения в Малайе были объединены, образовав четвертое, Восточное президентство Индии Стрейтс Сетлментс. В 1830 г. Восточное президентство было ликвидировано, и Стрейтс Сетлментс превратился в резидентство Бенгала. В 1832 г. центр Стрейтс Сетлментс был перенесен из Джорджтауна на Пинанг в Сингапур. В 1851 г. английские колонии в Малайе перешли под непосредственный контроль генерал-губернатора Индии.

На протяжении первой половины XIX в. английская буржуазия видела главный смысл существования Стрейтс Сетлментс в обеспечении английского владычества над морскими путями в Юго-Восточную Азию и Китай. Значение Стрейтс Сетлментс возрастало вместе с расширением колониальной экспансии Англии в Юго-Восточной Азии и на Дальнем Востоке. Сингапур превратился в важнейшую стратегическую и торговую базу Англии в этом районе. Развитию Сингапура способствовала политика колониальных властей, объявивших его свободным портом. Выгодное географическое положение города, гибкая торговая и иммиграционная политика обеспечили быстрый рост Сингапура: в 1864 г. на его долю приходилось свыше 70% всей торговли Стрейтс Сетлментс. Общий объем торговли Стрейтс Сетлментс за сорок лет (с 1826 по 1864 г.) увеличился более чем в четыре раза, составив свыше 18500 тыс. ф. ст. Резко выросла торговля с Англией, Китаем, Индией, Индонезией. Постепенно увеличивалась торговля с малайскими княжествами, откуда в Сингапур, Пинанг и Малакку поступали олово, ценные породы дерева, ротан, камфора. Основными предметами экспорта из Стрейтс Сетлментс в Малайю были хлопчатобумажные ткани, опиум, оружие и изделия из железа.

Быстрыми темпами росло население Стрейтс Сетлментс. Английские власти поощряли иммиграцию из Китая и Индии, нуждаясь в дешевой рабочей силе. Насильственное приобщение Китая к мировому рынку и разрушение старого, традиционного уклада вызвали массовую эмиграцию китайского населения в страны Юго-Восточной Азии. Общая численность населения Стрейтс Сетлментс возросла (главным образом за счет иммиграции из Китая и Индии) со 126710 человек в 1830 г. до 272831 человека в 1860 г.

Особенно быстрыми темпами росло китайское население. В Сингапуре, например, в 1830 г. китайцы составляли примерно 39% населения, а в 1860 г. — свыше 63%. В Стрейтс Сетлментс доля китайского населения увеличилась с 16 до 36%. Процент индийского населения остался прежним (10—11), но численность индийцев в Стрейтс Сетлментс за эти годы возросла почти в два раза. Индийцы в массе были слугами и кули, которые использовались на плантациях Пинанга и Провинции Уэлсли. Из индийцев состояли военные гарнизоны Стрейтс Сетлментс и полиция.

Китайские иммигранты были основной массой торгово-ремесленного населения Стрейтс Сетлментс. Торговая китайская буржуазия стала серьезной экономической силой уже к середине XIX в. Помимо торговых операций она занималась откупам в малайских княжествах и организацией там оловодобычи. Именно в связи с развитием последней к середине XIX в. возрос поток китайских кули через Сингапур и Пинанг в Западную Малайю. Китайский торговый капитал был организован в гунсы (конгси), монополистические кооперативные объединения, основанные на земляческом принципе¹⁶. Гунсы контролировались тайными обществами, которые нередко вступали между собой в ожесточенную борьбу, приводившую к кровопролитию на улицах Сингапура и Джорджтауна. Во главе этих тайных обществ стояли крупные торговцы, откупщики, владельцы игорных и публичных домов и т. п., которые использовали силу и влияние

¹⁶ Китайцы в Малайе принадлежат в основном к трем группам: «хакка» — выходцы из восточной части Гуандуна, «кантонская» группа — выходцы из южной части Гуандуна и Гуанси и «фуцзянская» группа.

тайных обществ в борьбе за интересы своих гунсы. Основную же массу китайского населения Стрейтс Сетлментс составляли мелкие торговцы, ремесленники, кули, подвергавшиеся эксплуатации со стороны английской и китайской буржуазии.

Экономическое развитие Стрейтс Сетлментс способствовало образованию там, особенно в Сингапуре, сильной торговой буржуазии, выступавшей за экспансию в Малайе. Тон задавали англичане, основавшие несколько крупных торговых фирм — Гутри, Боустэд, Рид и другие. В 1837 г. возникла Сингапурская торговая палата. Одновременно с экономическим возрастало военно-стратегическое значение Сингапура. В 1863—1865 гг. началось сооружение доков и новой гавани, увеличились военные расходы в бюджете Стрейтс Сетлментс и численность гарнизона.

Рост экономического и стратегического значения Стрейтс Сетлментс привел к превращению этого владения в отдельную колонию короны. Буржуазия Сингапура и Пинанга настойчиво требовала отделения колонии от Индии, обвиняя ее власти в забвении интересов Стрейтс Сетлментс. В 1855 г. среди европейской буржуазии Сингапура началась мощная кампания за отделение от Индии, усилившаяся после народного восстания 1857—1859 гг. 1 апреля 1867г. Стрейтс Сетлментс превратились в отдельную колонию Англии. От этого непосредственно выиграли круги английской буржуазии, связанные с торговлей с Юго-Восточной Азией и Китаем, а также английская буржуазия самой колонии, выступавшая за экспансию в Малайе. Основная масса населения Стрейтс Сетлментс, в том числе китайская и индийская буржуазия, никакого расширения политических прав не получила.

Социально-экономические и политические изменения в Малайе (до 70-х годов XIX в.). XIX век принес некоторые новые тенденции в социально-экономическом и политическом развитии малайских княжеств. Наиболее сильное воздействие оказало развитие оловодобычи. Олово на полуострове добывалось с незапамятных времен, будучи одним из основных предметов экспорта. С 20—30-х годов XIX в. его добыча резко возросла в связи с заинтересованностью предпринимателей Стрейтс Сетлментс, которые выступили организаторами новых рудников и последовавшего за этим освоения новых районов страны. В 30-х годах XIX в. общая добыча олова на полуострове составляла около 2 тыс. т, в начале 70-х годов такое же количество олова добывалось только в районе Куала-Лумпура, а всего в основных районах оловодобычи (Перак, Селангор, Сунгей-Уджонг) в 70-х годах XIX в. добывалось около 6 тыс. т ежегодно.

До 20-х годов XIX в. оловодобыча находилась в руках малайцев, для которых это было побочным занятием. Затем оловодобыча перешла в руки китайцев, которые принесли с собой новую технику и разделение труда на рудниках. Предприниматели Сингапура и Пинанга направляли в княжества прибывавших из-за моря китайских кули, число которых на полуострове непрерывно возрастало. В 1824 г. в оловоносном районе Селангора Лукуте было 200 китайских горняков, а в 1874 г. их насчитывалось там уже около 10 тыс. В Пераке в 1818 г. было всего 400 китайских рудокопов, а после открытия оловоносных земель в области Ларут в 50—60-х годах их число составило 70 тыс.

Китайцы внедрили в оловодобычу новую технику. Рабочие вербовались в Китае китайскими торговцами Сингапура, Малакки и Пинанга. На оловоразработках горняки образовывали артели-конгси по принципу землячества, во главе которой стоял староста. Внутри такой артели существовало разделение гтруда, рабочие получала заработную плату: китайцы — 5—8 долл. в месяц, малайцы — 3—5.

Рабочие делились на две работавшие посменно группы: одна прокладывала шахту (на глубине 2—4 м), другая выносила в корзинах отработанную породу. Земля, смешанная с рудой, погружалась в воду, пропускавшуюся через искусственные каналы и уносившую землю. На дне каналов оставались руда и большие камни, которые затем выбирались руками. Очищенная руда подвергалась плавке и в большом глиняном очаге. Китайцы впервые стали применять в Малайе различного рода гидравлические сооружения, которые использовались при добыче олова.

Основная часть прибыли попадала в руки китайских купцов, арендовавших рудники у малайских феодалов. Заработок рабочих-малайцев почти полностью шел феодалам, от которых они были зависимы.

Существование рудников ускорило развитие товарно-денежных отношений в Малайе. Чтобы уплатить налоги феодалу, крестьяне продавали рабочим рудников рис, фрукты, овощи, птицу, скот. Торговля на рудниках была для малайских крестьян одним из средств получения денег. На оловянных и золотых рудниках жили ростовщики, ссужавшие крестьянам деньги для уплаты налогов, откупа от принудительных работ и т. п., и торговцы-китайцы, привозившие товары с побережья.

За обладание оловянными рудниками шла ожесточенная борьба между феодалами: именно рост добычи олова был одной из причин усиления нажима на крестьянство и ослабления центральной власти в малайских государствах XIX в. Обычно малайские феодалы сдавали рудники в аренду, взимая за это 10% олова от общей добычи рудника. Иногда феодал имел также право приобрести определенное количество олова на руднике по цене, ниже рыночной. Кроме того, феодалы Малайи облагали пошлиной олово, экспортируемое на побережье. Все попытки централизовать эти сборы кончались неудачей. Так, в Пераке в начале 30-х годов XIX в. центральная власть пыталась учредить единые таможи в устье рек, но по требованию феодалов они были уничтожены.

Феодалы Малайи сами финансировали рудники. В середине XIX в. дато бандар — крупнейший феодал Сунгей-Уджонга — финансировал 20 рудников, его доля в четырех из этих рудников составляла 4 тыс. мал. долл.; унданг (правитель) Рембау был в доле с торговцами Сингапура, разрабатывавшими рудник на территории его государства. Усилился процесс складывания частного феодального землевладения. В районах оловодобычи феодалы повели наступление на владельческие права крестьян, сгоняя их с земель, которые они сдавали под рудники.

В XIX в. в связи с развитием товарно-денежных отношений феодалы стремились превратить свои условные владения в безусловные и постоянно взимать с крестьян в свою пользу ренту-налог, кроме того, начали появляться земли, на которых не сидели наследственные крестьяне-владельцы. Обычное малайское право землевладения облегчило этот процесс. Исходя из этого права, феодалы, пользуясь трудом рабов, своих должников и крестьян, расчищали участки джунглей и сажали на них арендаторов, не имевших возможности самостоятельно отвоевать землю у леса. Такими арендаторами могли быть рабы, а также крестьяне, бежавшие из одного владения в другое и потерявшие связь со своей деревней. Арендаторы не обладали такими правами, как крестьяне, сидящие на своей земле постоянно. Степень эксплуатации арендаторов была значительно выше, чем крестьян-владельцев. Одна из статей перакского кодекса, действовавшего вплоть до английского завоевания, говорила о том, что за обработку чьей-либо земли арендатор получал одну четвертую урожая, а три четверти шли ее владельцу. Если обработка земли и выплата ренты арендатором прекращались, то он терял свои права на аренду и мог быть согнан с земли. Земля, занимаемая арендатором, могла продаваться, и права на эксплуатацию крестьянина, сидевшего на ней, переходили к другому владельцу. Так складывалось частное землевладение, Это могло происходить также и другим путем. Часто земля отдавалась крестьянином в заклад феодалу или ростовщику за определенную сумму и по истечении срока, назначенного для уплаты долга, в случае неуплаты переходила к заимодавцу, а прежний владелец земли оставался на ней в качестве арендатора. Резко возросла численность долговых зависимых, которых феодалы посылали работать на рудники, получая за них плату.

Четкую специализацию районов на производстве тех или иных сельскохозяйственных продуктов в Малайе до английского завоевания обнаружить трудно. Данные по этому вопросу крайне скудны и недостаточны. Район Малакки славился своими фруктами и овощами. Селангор вывозил ананасы и ямс. Рыба на побережье обменивалась на сельскохозяйственные продукты, которые шли из внутренних

районов. Малайский писатель XIX в. Абдуллах Мунши отмечал, что на восточное побережье ямс, бананы и пальмовый сахар шли с верховьев рек. Накануне английского завоевания в Малайе существовали местности, где кокосовых орехов производилось больше, чем было нужно населению для собственного потребления.

Значительное развитие получила внешняя торговля, чему способствовало появление торговых центров на побережье: происходило определенное разделение малайских княжеств по принципу тяготения к тому или иному из трех центров (Пинанг, Сингапур и Малакка). В XIX в. англичане прочно держали в своих руках внешнюю торговлю Малайи, основная масса товаров шла через английские порты на малайском побережье. Главным предметом экспорта было олово, которое вывозилось почти из всех малайских княжеств, но основная его часть шла с западного побережья.

Из многих княжеств (Паханг, Тренгану, Келантан, Джохор) вывозилось золото, основными поставщиками которого были государства восточного побережья: в 1835—1836 гг. с восточного побережья было вывезено золота на 143840 исп. долл. Кроме продукции горнодобывающей промышленности Малайя поставляла редкие сорта дерева и лесные продукты: ротан (индийский тростник), строительный лес, даммаровую смолу, эбеновое дерево, дерево алоэ, сапановое и сандаловое деревья, дерево лакка, слоновую кость, воск, бензойную смолу и камфору. Большинство этих продуктов шло с западного побережья. Экспортировались также продовольственные товары (некоторое количество риса, пальмовый сахар, овощи, фрукты, скот и птица) и небольшое количество пряностей. С восточного побережья вывозились шелковые изделия и одежда.

Предметами ввоза в малайские государства из английских владений были соль, опиум, табак, оружие, европейские, индийские и китайские хлопчатобумажные ткани, железные сельскохозяйственные орудия и инструменты. Внешняя торговля затрагивала и крестьянство. Очень показательным в этом отношении был ввоз сельскохозяйственных орудий и инструментов. Покупка этих товаров, а также соли и опиума втягивала крестьянские хозяйства в товарное обращение. Их продажа служила источником обогащения иностранных предпринимателей, купцов-посредников и феодалов.

В XIX в. торговля Малайи с Китаем и Индией в значительной степени перешла в руки английских купцов. Некоторое значение продолжала сохранять и традиционная торговля с Сиамом и Индонезией.

С конца XVIII — начала XIX в., когда Малайя стала прекращаться в рынок сбыта и источник сырья для европейской буржуазии, малайская знать получила новый стимул для развития своей торговой деятельности. Первое место, безусловно, занимала торговля оловом. Как уже говорилось, малайские феодалы, получая олово в качестве арендной платы за рудники, продавали его. Они брали на себя и посреднические функции; так, например, владетель Линги покупал в кредит товары в Малакке и продавал их по повышенным ценам рабочим на оловянных рудниках; уже упомянутый дато бандар посредничал между торговцами Малакки и горняками Сунгей-Уджонга. Пользуясь властью, феодалы концентрировали в своих руках торговлю. Теменгунг Джохора Ибрахим к 1848 г. монополизировал торговлю гуттаперчей, что давало ему ежегодно 150 тыс. мал. долл.

Произвол феодалов препятствовал складыванию торгового капитала и образованию торговой буржуазии среди малайцев, ибо в малайских государствах не существовало личной безопасности торговца и гарантии собственности.

Малайский писатель первой половины XIX в. Абдуллах Мунши с горечью и гневом писал: «Малайские правители... являются жестокими тиранами. Они обращаются со своими подданными, как с цыплятами, а не как с творением Аллаха. Они часто убивают людей, чья вина не должна наказываться смертью... Они присваивают собственность других людей, убивая владельцев или подвергая их заключению... Они требуют ценное имущество и забирают силой женщин». По его словам, никто «не может поднять головы и распоряжаться собою и всякий старается никак не проявлять себя, ибо

это запрещено правителями. Простолюдины боятся построить себе красивый дом, они боятся одевать красивую одежду, обувь и носить зонты... Они боятся даже носить красивую одежду дома... Люди побогаче живут в постоянном страхе за свое имущество. Действительно, их жизни находятся под угрозой. Раджи изыскивают меры, посредством которых такие люди наказываются и теряют свое имущество. Если человек сопротивляется захвату своего имущества, это рассматривается как серьезное преступление».

В XIX в. внешняя торговля Малайи уже в значительной мере контролировалась англичанами, малайские же феодалы были заинтересованы в торговле. Эта заинтересованность была одной из причин того, что некоторые феодалы Малайи искали «дружбы» с англичанами, что, в свою очередь, приводило ко все большему вмешательству последних во внутренние дела княжеств, вмешательству, которое в 70—80-х годах XIX в. закончилось покорением малайских султанатов. Результатом усиления эксплуатации крестьянства и роста междоусобиц было обезлюдение целых районов, усиление разбоев и пиратства.

Абдуллах Мунши писал в своей «Автобиографии»: «Некоторые страны были богатыми и цветущими, имели густое население. Ныне они являются государствами только по названию. Некоторые из них превратились в пустынные земли. Их прежние обитатели бежали в другие районы... Те, кто остались, живут в бедности... Все их несчастье происходит вследствие алчности их правителей... Таковы Кедах, Перак, Селангор, Паданг, Муар, Бату-Пахат, Косанг...». Нередко крестьяне, доведенные до отчаяния грабежами и вымогательствами феодалов, организовывали разбойничьи шайки и пиратские отряды для нападения на феодалов и торговцев.

Недаром Абдуллах Мунши, будучи очень далек от поддержки антифеодальных выступлений крестьянства, был вынужден признать, что для «бедняков, которые являются жертвами гнета, несправедливости и тирании, нет иного выхода». Английский автор Т. Ньюболд писал в конце 30-х годов XIX в.: «Честный крестьянин прямой необходимостью побуждался к разбою, а на побережье — к пиратству. Такое положение, безусловно, можно было наблюдать на всем полуострове».

Изменение английской политики в Малайе и султанаты Западной Малайи накануне агрессии. Начало перехода капитализма в империалистическую стадию ознаменовалось усилением колониальных захватов. Юго-Восточная Азия, в том числе Малайя, стала одним из основных объектов колониальной экспансии Англии. Стратегически важное положение Малайи в тылу Сингапура, большие запасы олова, потребности в котором возросли в связи с развитием в Европе военной промышленности, делали эту страну особенно привлекательной для колонизаторов.

Экспансионистские настроения усилились с открытием в 1869 г. Суэцкого канала, после чего резко возросло торговое и стратегическое значение Сингапура. После отделения Стрейтс Сетлментс от Индии увеличилась торговля Сингапура, Пинанга и Малакки с малайскими княжествами, буржуазия Стрейтс Сетлментс приступила к финансированию оловодобычи в западных княжествах Малайи. Торговые палаты Сингапура и Пинанга засыпали местные власти и правительство петициями о необходимости «навести порядок» в Малайе, открыть туда доступ английскому капиталу, превратить Малайю в колонию. В ноябре 1873 г. губернатором Стрейтс Сетлментс был назначен генерал-майор Э. Кларк. В данной ему министром колоний инструкции указывалось, что Англия намерена водворить «мир и порядок» в малайских княжествах и назначить туда резидентов.

Первыми жертвами английской агрессии стали княжества западного побережья — Перак, Селангор и Негри-Сембилан. Здесь располагались основные оловодобывающие районы, эти княжества находились в непосредственной близости к Стрейтс Сетлментс. Обстановка в западномалайских княжествах благоприятствовала колонизаторам.

Перак — крупнейшее из западномалайских княжеств в 60—70-х годах — был охвачен междоусобицами. Еще в 50-х годах XIX в. мелкий феодал Лонг Джафар утвердился в области Ларут (Средний Перак), до той поры малонаселенной болотистой местности. Открытие запасов олова в Ларуте привело к наплыву туда китайских рудокопов из Пинанга. Сын Лонг Джафара, Ибрахим, стал богатейшим феодалом Перака, распространив свою власть на обширный район между реками Криан и Бруас и получив от султана один из высших титулов — оранг кайя мантри. Ибрахим покровительствовал китайским поселенцам, строил дороги, стремился обеспечить безопасность жизни и имущества торговцев на подвластной ему территории. Примеру мантри Ибрахима, фактически ставшего независимым от центральной власти, последовали другие крупные феодалы, и после смерти султана Джафара в 1865 г. Перак распался на отдельные феодальные владения, лишь формально подчинявшиеся верховной власти султана. В 60-х годах в Ларуте разгорелась борьба между двумя крупнейшими китайскими тайными обществами — Хай Сан и Чжи Хин — за контроль над рудниками. Мантри маневрировал, принимая сторону победившей партии. Пинангские торговцы — руководители тайных обществ оказывали нажим на английскую администрацию, требуя вмешательства в дела Ларута.

К 70-м годам в Пераке осложнился вопрос о престолонаследии: в султанате было три претендента на трон. Один из них, Абдуллах, которого поддерживали феодалы Нижнего Перака, раздавал концессии английским торговцам, стремясь заручиться их поддержкой; другой, Исмаил, опирался на знать Верхнего Перака и мантри Ибрахима; третий претендент, Юсуф, был фигурой менее значительной и большой роли в то время не играл. В 1871 г. султаном был избран Исмаил. Но уже в 1872 г. Абдуллах также провозгласил себя султаном. Он написал губернатору Стрейтс Сетлментс письмо, в котором просил о помощи. Но англичане колебались, заинтересованные главным образом в нормализации положения в Ларуте, откуда поступало олово. В это же время вновь разыгралась борьба в Ларуте, которая подогревалась с Пинанга. Китайские торговцы Пинанга поставляли оружие враждующим сторонам, одну из которых возглавлял мантри, правитель Ларута, и глава одного из тайных китайских обществ (Чжи Хин), другую — малайские феодалы из числа сторонников Абдуллаха и главари другого тайного общества (Хай Сан). В сентябре 1873 г. в Ларуте появился бывший глава полиции Пинанга капитан Спида, которому английские власти разрешили набрать сипаев в Индии для армии мантри Ибрахима. Осенью 1873 г. английские власти направили военные суда в устье р. Ларут и обстреляли форт, где засели противники мантри. Так началась английская интервенция в Пераке.

В Селангоре, который в правление султана Мухаммада (1826—1857 гг.) распался на пять уделов, с 1866 г. шли непрерывные войны между феодалами. Как и в Пераке, феодальные усобицы переплетались с борьбой между китайскими тайными обществами. Центром усобиц стала область Кланг, которая вначале находилась во владении одной ветви правящего дома, а затем — другой. Соперники — раджи Абдуллах, основавший Куала-Лумпур, и Махди — опирались на различные китайские тайные общества и стоявших за ними предпринимателей Малакки и Сингапура. В 1866 г. раджа Махди завладел Клангом и перестал отчислять султану его долю доходов. Султан Абдул Самад, выдав свою дочь за кедахского принца Тенгку Зияут-дин ас-Кудина, сделал его своим соправителем. Ас-Кудин начал борьбу с Махди, который, потерпев поражение, бежал в 1869 г. из Кланга, перешедшего под власть ас-Кудина. В 1870 г. Махди захватил Куала-Селангор и начал собирать налоги на р. Селангор.

Летом в 1871 г. англичане открыто вмешались в борьбу в Селангоре. Английский военный корабль обстрелял и разрушил селение Куала-Селангар. Вслед за тем власти Стрейтс Сетлментс помогли ас-Кудину создать отряд из 200 сипаев под командованием двух европейских офицеров, рассчитывая использовать этот отряд в своих интересах. В августе 1872 г. ас-Кудин, несмотря на помощь пахангских войск, был разбит раджей

Махди. Селение Куала-Лумпур, где находились основные силы ас-Кудина и сипаи, было осаждено. Отряд сипаев ночью бежал, но малайский проводник завел его в джунгли и сообщил о его продвижении осаждавшим. Отряд был окружен и уничтожен. Куала-Лумпур попал в руки врагов ас-Кудина. Только в 1873 г. последнему с помощью Паханга и главы китайцев Куала-Лумпура Яп Алоя удалось восстановить свои позиции. Селангор вышел из междоусобных войн ослабевшим, с огромным долгом торговцам Малайки и Сингапура; крестьяне были разорены, оловодобыча резко сократилась.

Не прекращались усобицы и в Негри-Сембилане. Самые крупные владения Сунгей-Уджонг и Рембау враждовали между собой. В 1872 г. в Негри-Сембилане существовало два претендента на трон ям-туана, а в каждом из княжеств после смерти унданга начиналась ожесточенная борьба между феодалами. Особенно напряженная обстановка создалась в Сунгей-Уджонге, где высшие вожди — дато клана и дато бандар — боролись друг с другом.

Таким образом, к моменту английского завоевания западномалайские княжества находились в состоянии феодальной раздробленности. Центральная власть была слабой. Во всех княжествах шла непрерывная борьба между различными феодальными и компрадорскими группировками, которая поощрялась и использовалась властями Стрейтс Сетлментс. Ослепленные взаимной ненавистью, феодалы шли на сговор с колонизаторами, предавая интересы своего народа.

Пангкорский договор и начало захвата западномалайских княжеств. В ноябре 1873 г. претендент на перакский трон Абдуллах прибыл в Сингапур и написал на имя губернатора Кларка письмо, в котором просил англичан умиротворить Перак и назначить туда резидента. «Просьба» Абдуллаха полностью соответствовала инструкциям, полученным Кларком при назначении его на пост губернатора Стрейтс Сетлментс. В январе 1874 г. на о-в Пангкор, расположенный у побережья Перака, прибыли Кларк, видные чиновники Стрейтс Сетлментс, крупнейшие феодалы Перака и руководители китайских тайных обществ в княжестве. Между ними состоялись переговоры, результаты которых были закреплены в подписанном 20 января 1874 г. Пангкорском договоре.

Султаном Перака становился Абдуллах, принимавший к своему двору резидента, назначаемого губернатором Стрейтс Сетлментс. Резидент мог вмешиваться во все дела, «кроме тех, которые касаются религии и обычаев». В руки резидента переходил контроль над всеми доходами Перака. Мантри Ибрахим переставал быть независимым владельцем Ларута, куда должен был быть назначен английский помощник резидента.

С малайской стороны во встрече приняли участие лишь феодалы Нижнего Перака, поддерживавшие Абдуллаха. Но даже они не решились избрать Абдуллаха султаном в отсутствие других вождей, и его назначил единоличным решением английский губернатор. Верхний Перак не признал власти английского ставленника.

Почти одновременно с Пераком англичане приступили к завоеванию Селангора. В феврале 1874 г. губернатор Кларк потребовал от султана Селангора «установления порядка» в княжестве. Не дожидаясь формальной просьбы султана, англичане ввели свои суда в устье р. Селангор и открыли военные действия против антииностранный партии, возглавляемой раджами Махди и Махмудом. В августе Кларк заставил султана принять к своему двору английского чиновника Ф. Суиттенхэма с отрядом полиции. После этого Махди и Махмуд бежали из Селангора, а 1 октября султан был вынужден подписать обращение к губернатору Стрейтс Сетлментс с просьбой назначить резидента.

В том же, 1874 г. был завоеван Сунгей-Уджонг — одно из княжеств Негри-Сембилана. В апреле Кларк заключил соглашение с дато кланой, стремившимся сокрушить своего соперника — дато бандара. В Сунгей-Уджонг был послан английский военный отряд, чтобы принудить дато бандара к повиновению. Но дато бандар и селангорский раджа Махмуд сумели разбить англичан. После этого колонизаторы бросили в Сунгей-Уджонг подкрепления из Малакки и разгромили плохо вооруженные

малайские отряды. В октябре 1874 г. в Сунгей-Уджонг был послан английский офицер в ранге помощника резидента.

В ноябре 1874 г. Кларк опубликовал воззвание, в котором объявлял о том, что министр колоний утвердил все соглашения, заключенные губернатором с малайскими княжествами, и грозно предупреждал население о необходимости строгого соблюдения этих соглашений.

Восстание 1875—1875 гг. в Западной Малайе. С конца 1874 г. колонизаторы преступили к введению своих порядков в западных малайских княжествах. Назначенные в княжества резиденты проводили политику, унижавшую национальное достоинство малайского населения, вводили новые налоги и поборы, увеличивая тяготы крестьянства. Крупные суммы, которые в ходе прежних междоусобиц малайские феодалы задолжали торговцам и ростовщикам Стрейтс Сетлментс, были объявлены государственным долгом, и новая администрация беспощадно выколачивала его из крестьян. Особенно тяжелым было положение населения Перака — самого крупного и богатого из вновь подчиненных княжеств. В Перак хлынули хищники из Стрейтс Сетлментс. К прежней эксплуатации крестьянства феодалами, власть которых над крестьянами отнюдь не была поколеблена английским завоеванием, прибавилась новая: крестьяне были вынуждены содержать английского резидента с его аппаратом, а пришедшие вместе с английскими властями ростовщики и откупщики захватили в «концессию» плодородные земли страны.

Налоги непрерывно возрастали. Всеобщее возмущение крестьянства Перака вызвало введение англичанами так называемого хасил келамина (подворного налога).

Еще до начала восстания в Пераке ряд английских наблюдателей отмечали недовольство малайского крестьянства новыми порядками. Так, чиновник Стрейтс Сетлментс У. Максвелл писал, что крестьяне Перака отказались выполнять дорожную повинность, которую пытался ввести резидент.

Резиденты, стремясь сделать княжества частью колониальной империи Великобритании, повели наступление и на привилегии феодалов, чтобы полностью отстранить их от управления и заменить английскими чиновниками. Особенное усердие в этом отношении проявил резидент Перака Д. Берч. Грубый, педантичный чиновник, презиравший страну и людей, которыми он управлял, попиравший их обычаи и законы, совершенно не считавшийся с мнением малайских советников, он в короткое время сумел восстановить против себя все население Перака. Английские историки всячески подчеркивают, что именно личные качества Берча, незнание языка и обычаев малайцев, грубое обращение с феодалами вызвали восстание в стране. Но дело было, разумеется, не в личности Берча. Даже чиновник английской колониальной администрации в Малайе Ф. Суиттенхэм писал, что восстание было направлено не против Берча, а против системы вмешательства, олицетворением которой он был.

В июле 1875 г. новый английский губернатор Стрейтс Сетлментс, У. Джервуа, заявил о намерении правительства ликвидировать резидентскую систему и перейти к прямому управлению малайскими княжествами. 2 октября 1875 г. султан Абдуллах подписал составленные Берчем два указа, лишавшие Перак даже видимости самостоятельности. В первом документе провозглашалось, что только резидент и другие английские чиновники, назначенные губернатором Стрейтс Сетлментс, могут быть судьями в Пераке (даже судьи-малайцы, решавшие дела, касающиеся мусульманской религии, должны были отныне назначаться английскими чиновниками). Во втором указе султан объявлял английского резидента и других английских чиновников своими представителями «во всех делах страны, равно как и в делах сбора и расходования доходов нашей страны...».

Отстраненные от власти феодалы намеревались использовать недовольство населения. Еще 21 июля 1875 г. в Верхнем Пераке состоялось собрание вождей, решивших бороться против передачи англичанам контроля над всеми доходами страны. Была поставлена задача объединить силы вождей Верхнего и Нижнего Перака для

изгнания англичан; сигналом к восстанию должно было послужить убийство резидента. Вскоре Перак узнал о прокламации губернатора Джервуа от 15 октября, в которой провозглашалось, что английское правительство «в согласии с просьбой султана и вождей Перака» будет управлять страной от имени султана через своих представителей. Тогда перакские феодалы решили, что настало время начать восстание.

Главной движущей силой восстания в Пераке, как и в других западномалайских княжествах, являлось крестьянство, жестоко страдавшее под гнетом английской колониальной администрации. Характерно, что наиболее сильный размах восстание 1875—1876 гг. приняло именно в Пераке, ряд районов которого в 70-х годах был охвачен антифеодальным крестьянским движением. Так, английские очевидцы отмечали, что жители района Кота-Ламы (в верховьях р. Перак) не подчинялись ни одному из перакских раджей, которые «считают их разбойниками и опасаются там бывать». Крестьяне Кота-Ламы отказались признать и власть англичан. Именно в Кота-Ламе английские войска при подавлении восстания столкнулись с наиболее ожесточенным сопротивлением.

Руководство освободительной борьбой принадлежало патриотически настроенным феодалам, не признававшим английских ставленников: свергнутому англичанами бывшему султану Перака Исмаилу и феодалам верхней части страны — в Пераке, феодалу Сутану Пуасе—в Селангоре, ям-туану Тенку Антаху — в Негри-Сембилане.

Центром подготовки восстания в Пераке стала деревня одного из феодалов — махараджи лелы — Пасир-Салак. Сюда было доставлено оружие и боеприпасы, стекались сотни крестьян из окрестных селений. Вечером 1 ноября в Пасир-Салак прибыл Берч в сопровождении охраны. На следующий день малайцы внезапно напали на его отряд, перебили охрану и убили Берча; немногие спасшиеся бежали в резиденцию Бандар-Бару.

В едином порыве против захватчиков поднялась вся страна. К восстанию на первых порах присоединились или заняли в отношении него выжидательную позицию даже те феодалы Нижнего Перака, которые в 1874 г. предали свою страну. Они были недовольны ущемлением их феодальных прав и привилегий, намерением англичан отстранить их от управления султанатом и от распоряжения его доходами. Однако нерешительность этой части феодалов во главе с Абдуллахом, силой обстоятельств вовлеченной в движение, но способной его предать (что впоследствии и произошло), дала возможность англичанам оправиться от неожиданного удара.

Восставшие избрали оборонительную тактику. Они ограничились сооружением укреплений и стали ждать наступления войск противника. Это стало первой серьезной ошибкой восставших, ибо гарнизон Бандар-Бару был совершенно деморализован и едва ли способен на серьезное сопротивление. По-видимому, оборонительная тактика в какой-то мере объяснялась и тем, что часть феодалов с самого начала восстания боялись навлечь на себя гнев колонизаторов. Именно по этой причине не был уничтожен малочисленный отряд Суиттенхэма, находившийся и в верховьях Перака.

Вначале английские власти полагали, что с восстанием в Пераке удастся быстро покончить. В ноябре из Пинанга по р. Перак была отправлена экспедиция, которая попыталась захватить Пасир-Салак, но после непродолжительного боя, потеряв много людей, в том числе командующего экспедицией, англичане были вынуждены отступить. Лишь тогда они забили тревогу. В Перак с войсками прибыл сам губернатор Стрейтс Сетлментс. Одновременно он направил телеграмму английским колониальным властям в Гонконг с просьбой выслать подкрепление. В середине ноября англичане, получив подкрепление, начали наступать вверх по р. Перак. В этот момент султан Абдуллах перешел на сторону англичан, предоставив им лодки для перевозки войск. Вслед за Абдуллахом народу изменила и часть феодалов Нижнего Перака. Восставшим был нанесен серьезный удар.

Малайцы оказали энергичное сопротивление английским войскам, наступавшим двумя отрядами по реке и по суше. Наличие артиллерии помогло последним захватить два укрепления близ Пасир-Салака, а затем и само селение, но сопротивление малайцев

сломить не удалось, и следующую деревню — Кампонг-Гаджах — опять пришлось брать штурмом. Англичане беспощадно расправлялись с населением не только Пасир-Салака, где был убит Берч, но и Кампонг-Гаджаха: обе деревни были сожжены, жители их подвергнуты грабежу и насилиям, многие зверски убиты.

Захватом Пасир-Салака закончился первый этап восстания, когда против английских колонизаторов выступали совместно народ и феодалы Перака. Второй этап начался в конце ноября 1875 г.; к этому времени от повстанцев отошла значительная часть феодалов. Восставшие обратились к тактике партизанской войны. К повстанцам присоединились крестьяне Кота-Ламы и готовилось примкнуть малайское и китайское население Западного Перака (Ларут). Одновременно против захватчиков поднялись Селангор и Негри-Сембилан. В конце 1875 г. в центральной части Селангора, в округах Черас и Кайянг (к югу от Куала-Лумпура), началось восстание, отзвуки которого дошли до Кланга. В выступлении приняли участие не только малайские крестьяне, но и китайские рудокопы. Повстанцев возглавил феодал Сутан Пуаса.

Восстание охватило также Негри-Сембилан. Английский резидент непрерывно провоцировал столкновения между правителем Сунгей-Уджонга и другими феодалами. В ноябре 1875 г. население Негри-Сембилана во главе с ям-туаном Тенку Антахом поднялось на борьбу за свою независимость. В ночь на 3 декабря малайские отряды разгромили полицейский пост англичан в Парои и оказались в 7 милях от Серембана, центра Сунгей-Уджонга.

После начала восстания в Селангоре и Сунгей-Уджонге губернатор Стрейтс Сетлментс, считая полученное из Гонконга подкрепление недостаточным, отправил просьбу о помощи английским властям в Индию. 27 ноября на Пинанг прибыло новое подкрепление. Теперь английские власти собрали войска, представлявшие вместе с местным гарнизоном и полицией силу, значительно превосходившую разобщенные и плохо вооруженные малайские отряды.

В Пераке наступавшие двумя колоннами (один отряд двигался по р. Перак в направлении с юга на север, другой — через Ларут к верховьям р. Перак с запада на восток) английские войска натолкнулись на ожесточенное сопротивление. Малайцы, прекрасно ориентировавшиеся в джунглях, не принимая открытого боя, сооружали на пути англичан многочисленные завалы и тревожили их внезапными нападениями. Только при помощи артиллерии английским отрядам удавалось выбить малайцев из-за завалов и продолжить наступление. Очень помогли англичанам перешедшие на их сторону феодалы, служившие проводниками и ведущие разведку. Малайцы совершили еще одну ошибку, решив защищать укрепление на переправе через р. Кинта. Здесь англичане разгромили основные силы восставших во главе с Исмаилом. Но захватить вождей восстания не удалось: они бежали на север.

Английский отряд, действовавший на севере Перака, двинулся через Ларут в Куала-Кангсар, создавая на пути военные посты. К этому времени основная часть феодалов уже не только отошли от восстания, но стали помогать англичанам ловить бежавших повстанцев и подавлять отдельные выступления в стране. Решающую роль в изменении позиции феодалов Перака сыграли фактическая отмена указов 1875 г. и привлечение феодалов к управлению страной. Этого и добивались от английских властей местные феодалы.

Английские войска без боев дошли до Кота-Ламы. Население Ларута и Криана, также готовившее восстание, было разоружено ирежде, чем поднялось на борьбу. В Кота-Ламе англичане встретили наиболее решительный отпор. Беспрепятственно пропустив через деревню главные английские силы, малайцы напали на английский штаб, который с трудом спасся бегством. Затем крестьяне Кота-Ламы отбили нападение основных сил английского отряда. Английский губернатор вместе с помогавшим англичанам претендентом на трон Перака Юсуфом, удел которого находился в непосредственной близости к Кота-Ламе, бросили в этот район значительные силы. Крестьяне разгромили и

отряд Юсуфа, но подоспевшее английское подкрепление оттеснило их в район Энгара и Прека, а затем захватило и эти деревни. Коталамцы бежали на север, где еще в течение некоторого времени продолжали сопротивление. Так англичане покончили с очагом антиколониального движения в Пераке.

4 января 1876 г. обе английские колонны соединились. Хотя англичане оккупировали весь Перак, вожди восстания продолжали бороться на севере страны. По всей стране малайцы нападали на изолированные английские посты и лодки. 27 января 1876 г. командир отряда английской морской пехоты донес командованию, что малайцы напали на его лагерь близ Куала-Кангсара и сожгли его, причем англичане понесли значительные потери.

Восстания в Селангоре и Сунгей-Уджонге удалось подавить, только перебросив туда часть войск из Перака. Сравнительно быстро было подавлено восстание в Селавгоре, где англичане после нескольких боев захватили в плен Сутан Пуасу. Борьба в Сунгей-Уджонге была более ожесточенной. Попытки англичан разгромить малайцев силами гарнизона Малакки не удалось: 4 декабря англичане потерпели поражение у Парои.

Однако Тенку Антах медлил и не решался на наступление к Малакке, ограничиваясь укреплением своих позиций у Парои. Восставшие надеялись на поражение англичан в Пераке и на мифическую помощь из мусульманской Турции. Повстанцы испытывали недостаток вооружения и боеприпасов: помимо холодного оружия у них были лишь мушкеты, стрелявшие оловянными пулями, и несколько самодельных бронзовых пушек. Уже в декабре малайские отряды стали ощущать недостаток в продовольствии, и Антах распорядился начать реквизиции в деревнях, что, конечно, не могло не отразиться на его взаимоотношениях с окрестным населением.

В конце декабря 1875 г. англичане, получившие дополнительное подкрепление и используя артиллерию, овладели укреплениями малайцев. Тенку Антах бежал из Негри-Сембилана, английские войска оккупировали его удел Срименанти и стали гарнизонами во всех важных пунктах. Англичанам удалось использовать против Антаха его давних врагов — феодалов Негри-Сембилана, и в ноябре 1876 г. он был вынужден пойти на соглашение, по которому все уделы Негри-Сембилана становились самостоятельными.

Тем не менее в Негри-Сембилане борьба не прекращалась на протяжении всего 1876 г. Английский резидент в Сунгей-Уджонге сообщал, что малайцы, вооруженные мечами, крисами и мушкетами, нападают на полицейские посты и отдельных солдат.

В течение нескольких месяцев англичане не могли взять в плен вождей восстания в Пераке, укрывшихся на границе Кедаха и Перака. Только весной 1876 г. был захвачен Исмаил, а в июне 1876 г. — махараджа лела.

Над восставшими была учинена жестокая расправа: трое руководителей были повешены, остальные приговорены к пожизненному тюремному заключению. В течение полутора лет в стране бесчинствовали английские войска, свирепствовали военно-полевые суды; на плечи населения тяжелым бременем легло содержание оккупационных войск. Была введена трудовая повинность: крестьяне были обязаны прокладывать дороги для английских войск, доставлять им средства передвижения, служить носильщиками. Уклонявшихся от этой повинности вешали без суда.

Деревни, оказавшие сопротивление, были сожжены. По свидетельству нового резидента — Хью Лоу, число селений в Нижнем и Верхнем Пераке заметно уменьшилось. Военное положение сохранялось до середины 1877 г., после чего основная часть войск была выведена из Перака, но в некоторых пунктах остались гарнизоны. Аналогичное положение создалось в Селангоре и Сунгей-Уджонге.

Испытав силу сопротивления малайского народа, английские колонизаторы не решились сразу же (как это ими планировалось) аннексировать остальные малайские государства: они постарались прежде всего закрепить свое положение в уже завоеванных княжествах. Восстание внесло значительные коррективы и английскую политику в отношении покоренных государств. Если раньше колониальная администрация

стремилась превратить захваченные княжества в коронные колонии наподобие Стрейтс Сетлментс, то после восстания она была вынуждена оставить в неприкосновенности все внешние атрибуты султанской власти, используя феодалов в качестве звена колониальной администрации,

Подчинение Негри-Сембилана и Паханга. Подавив восстание в западных княжествах и укрепив союз с местными феодалами, колонизаторы приступили к покорению остальных владений Негри-Сембилая. В 1876—1877 гг. они заставили ундангов (правителей) крупных владений Негри-Сембилана — Срименанти, Рембау и Джелебу — подписать соглашения, открывавшие доступ английским торговцам в эти княжества. Постепенно усиливая свое влияние в Негри-Сембилане, англичане в 1886—1887 гг. принудили феодалов Джелебу, Рембау и Срименанти принять резидентов. До 1889 г. Англия держала в Негри-Сембилане четырех резидентов. В 1889 г. губернатор Стрейтс Сетлментс заставил правителей ряда минангкабауских территорий вновь объединиться в конфедерацию, в которую в 1895 г. вошел также Сунгей-Уджонг.

Вслед за Негри-Сембиланом было поставлено под английский контроль самое крупное государство Малайи — Паханг. Султанат находился в тяжелом положении. В стране не прекращались феодальные усобицы, фавориты султана притесняли народ. Золотоносные районы в Верхнем Паханге переходили под контроль концессионеров из Стрейтс Сетлментс. В 1887 г. в Паханг была направлена английская миссия, глава которой Х. Клиффорд, опираясь на враждебных султану Ахмаду феодалов, предъявил султану категорическое требование губернатора заключить договор о протекторате. 8 октября 1887 г. этот договор, превращавший Паханг в зависимое государство, был подписан. Вскоре колонизаторы решили распространить на Паханг систему управления, которая была установлена в западных княжествах. Воспользовавшись первым подвернувшимся под руку предлогом — убийством в начале 1888 г. китайца — английского подданного, губернатор потребовал от султана согласия на назначение резидента. 24 августа 1888 г. султан был вынужден удовлетворить требование колонизаторов.

Восстание 1891—1895 гг. в Восточной Малайе. Установление английской власти в Паханге привело, как и в западномалайских султанатах, к ухудшению положения населения, к усилению эксплуатации крестьянства. Значительная часть Верхнего Паханга, где находились золотые прииски, была сдана в аренду дельцам из Стрейтс Сетлментс, хлынувшим в Паханг после установления протектората. В руках концессионеров находилась не только большая часть Верхнего Паханга, но и множество земель в приморских районах страны. Английские предприниматели сгоняли крестьян с полученных в концессию земель и заставляли их работать на рудниках.

Английские колониальные власти в соответствии с общим направлением своей политики в Малайе после восстания 1875—1876 гг. допустили феодалов Пахаяга к участию в управлении, предоставили им места в колониальной администрации, назначили пенсии и т. п. Феодалы продолжали взимать различные поборы с крестьян; кроме того, англичане ввели поземельный налог в пользу государства. Сохранялся также такой феодальный институт, как принудительный труд: специальным постановлением крестьян обязывали работать на землевладельца два месяца в году или платить вместо этого особый налог. В 1888—1889 гг. были увеличены размеры пенсий, выплачиваемых высшим феодалам, что привело к новому увеличению налогов. Чтобы упрочить союз с господствующим классом Паханга, английский резидент в 1891 г. закрепил за феодалами определенные районы, которыми они управляли и на территории которых собирали налоги под контролем английских чиновников.

Усиление гнета и хозяйничанье чужеземцев привели к взрыву возмущения в Паханге. Против захватчиков выступило крестьянство Паханга, поддержанное населением соседних султанатов — Келантана и Тренгану. Наибольший размах восстание приобрело в Верхнем Паханге, население которого особенно страдало от произвола английских золотодобывающих компаний и где были живы традиции антифеодальной борьбы 60-х

годов. Как и во время восстания 1875—1876 гг., крестьянство было главной силой движения, возглавляемого патриотически настроенными феодалами.

Выступления против англичан и сотрудничавших с ними феодалов происходили в Верхнем Паханге еще в 80-х годах. Так, в 1887 г. малайские крестьяне и китайские горняки напали на управление английской компании в Пеньоме, но были разбиты местным феодалом, получавшим деньги от этой компании. В 1887—1890 гг. происходили непрерывные столкновения между рабочими и администрацией на других рудниках. В декабре 1887 г. имело место нападение на охрану английского резидента. В середине 1889 г. крестьяне Липиса (Верхний Паханг) отказались продать землю для резиденции английского чиновника, а когда англичане попытались захватить ее силой, оказали вооруженное сопротивление. Наконец, в 1891 г. вспыхнуло восстание в Семантане и Темсрохе, охватившее весь Верхний Паханг.

Во главе восстания стал феодал Семантана (Верхний Паханг) Абдул Рахман (или Бахман), выдающийся военачальник, участник многочисленных войн, пользовавшийся огромной популярностью у народа. Он с самого начала отказался признать власть англичан. В октябре 1891 г. резидент приказал лишить Бахмана титула, а в декабре было схвачено несколько его сторонников. В том же месяце Бахман разбил полицейский отряд и освободил пленников. Это и послужило сигналом к восстанию. Начались нападения на полицейские посты в Темерлохе. За короткое время силы восставших значительно выросли. К ним присоединились малайские и китайские горняки, работавшие на золотых приисках комшлии «Рауб Острэлиэн К°».

Вскоре восставшие захватили в Лубок-Труа полицейскую станцию с запасом оружия, а затем овладели и Темерлохом. Повстанцы очистили значительную часть территории Верхнего Паханга от английских концессий, жгли здания компаний, разрушали оборудование. Они прибегали к тактике партизанской войны: укрывались в джотгах, неожиданно нападали на врага и перерезали его коммуникации. Попытки англичан разгромить восстание одним ударом потерпели неудачу.

Восстание ширилось, охватывая все новые районы. Снова выступили жители Пеньома, возмущенные трудовой повинностью и хозяйничаньем английской компании. Восстало население Джемтгола, отряды джемполцев вторглись даже в столичный район Пекан и разгромили управление «Паханг Эксплорэйшн К°». Хотя английским войскам вскоре удалось захватить Джемпол, где начались жесточайшие репрессии (казни, уничтожение селений и т. п.), население Джемпола не было сломлено; английское командование было вынуждено отправить туда летом 1892 г. вторую карательную экспедицию.

В августе 1892 г. англичане собрали в Паханге силы, значительно превосходившие силы восставших, и при поддержке части пахангских феодалов начали планомерно вытеснять повстанцев из занятых ими районов. Однако окружить их и окончательно разбить не удалось и на этот раз — в сентябре 1892 г. повстанцы разгромили английский отряд, наступавший с севера, и перешли на территорию Келантана, народ которого оказывал им полную поддержку, снабжая их продовольствием и деньгами. Помощь поступала также из Тренгану.

Во время восстания колонизаторы пошли на дальнейшие уступки местным феодалам, увеличив размеры пенсий и предоставив новые места в администрации. Результаты этой политики не замедлили сказаться: после 1893 г. уже никто из феодалов не примкнул к движению.

В 1894 г. повстанцы вновь перенесли свои действия на территорию Паханга, население которого восторженно приветствовало их как своих освободителей. Все взрослое население деревень, находившихся на пути повстанцев, присоединялось к ним. Неожиданным ударом восставшие овладели Куала-Тембелингом. Путь к Пекану был открыт. Но в этот решительный момент феодалы Паханга собрали войска и, прикрываясь переговорами о присоединении к восстанию, внезапно напали на повстанцев, вытеснив их

из Джелаи. Тем временем к Куала-Тембелингу подошло английское подкрепление из Сингапура, Перака и Сслангора. Соединенным силам колонизаторов и малайских феодалов удалось выбить повстанцев из Куала-Тембелинга, а к августу вытеснить их на территорию Тренгану.

Чтобы покончить с восстанием, английское командование пошло на грубое нарушение суверенитета Келантана и Тренгану, отправив туда весной 1895 г. экспедицию Клиффорда, которая одновременно вела разведку в отношении северомалайских княжеств, почти не известных англичанам.

Под нажимом карательных войск восставшие были вынуждены разоружиться, а их вожди в ноябре 1895 г. сдались сиаемскому правительству.

Создание федерации малайских княжеств. В 70—80-х годах XIX в. английские колонизаторы заложили в Малайе основы колониального режима, который с небольшими изменениями просуществовал до завоевания страной независимости. Отказавшись после восстания 1875—1876 гг. от мысли превратить малайские княжества в колонию типа Стрейтс Сетлментс, они выработали так называемую систему косвенного управления.

Создание основ этой системы связано с именем резидента Перака в 1877—1889 гг. Хью Лоу. Главным в своей деятельности он считал привлечение на сторону англичан феодалов Перака, которым он назначал пенсии и раздавал значительные суммы из казны. В Пераке, а затем и в других княжествах были созданы государственные советы, куда вошли султаны, крупнейшие феодалы и резиденты. Хотя совет был игрушкой в руках резидента, его существование создавало видимость управления страной малайцами. Каждое княжество было разделено на дистрикты (округа), во главе которых стояли английские чиновники. Дистрикты делились на мукимы (волости) во главе с малайскими пенгулу — наследственными чиновниками из числа феодалов. Пенгулу выполняли полицейские функции, собирали налоги, решали мелкие судебные дела. Ниже пенгулу стояли кетуа — деревенские старосты. Чтобы привлечь на свою сторону малайское духовенство, колонизаторы передали ему все дела, связанные с мусульманской религией.

Стремясь обеспечить максимальный контроль над политической жизнью и экономикой Малайи, английские колонизаторы объединили захваченные ими княжества в федерацию. 1 июля 1896 г. была создана федерация четырех княжеств — Перака, Селангора, Негри-Сембилана и Паханга. Были образованы центральные департаменты во главе с англичанами — судебный, сельскохозяйственный и другие. Эта администрация подчинялась генеральному резиденту, местопребыванием которого стал Куала-Лумпур. Значение государственных советов в княжествах уменьшилось, а создание в 1909 г. федерального совета свело их роль до минимума.

Реформа управления федерацией, проведенная губернатором Стрейтс Сетлментс Д. Андерсоном в 1909 г., означала дальнейшее усиление бюрократического колониального аппарата.

Вывоз английского капитала в Малайю, развитие оловодобывающей промышленности, превращение Малайи в страну плантационных культур, огромная роль Малайи в мировой торговле — все это толкало колонизаторов на дальнейшее усиление аппарата управления, на создание максимально благоприятного для них политического режима в стране.

В федеральном совете председательствовал верховный комиссар федерации (он же — губернатор Стрейтс Сетлментс), членами совета являлись генеральный резидент, четыре резидента, султаны и четыре недолжностных лица (европейцы), назначенные верховным комиссаром. Последний имел право увеличивать число членов совета, включая в его состав глав департаментов и одновременно увеличивая число должностных членов. Совет утверждал бюджеты княжеств и принимал законы. Отныне государственные советы могли издавать лишь такие распоряжения, которые не противоречили постановлениям федерального совета. В ведении государственных советов

остались фактически только дела, связанные с мусульманской религией и местными обычаями.

В то же время сохранение султанской власти, наличие государственных советов, назначение малайцев чиновниками в низших звеньях аппарата, сохранение религиозных судов — все это давало колонизаторам возможность в течение многих лет поддерживать в малайском крестьянстве иллюзию реальности власти султана и местных феодалов, которые превратились в буфер между колониальными властями и населением. Малайский крестьянин практически не сталкивался с английскими чиновниками, которые не занимали должностей ниже помощника начальника дистрикта, а по-прежнему соприкасался с пенгулу и кетуа, ставшими чиновниками английской администрации. Чтобы придать вес султанам в глазах малайского населения, англичане созвали в 1897 г. в Куала-Кангсаре (Перак) дурбар (совещание) малайских правителей, на который прибыл верховный комиссар. Этот дурбар, как и второй, состоявшийся в 1903 г. в Куала-Лумпуре, носил чисто показательный характер: никакие вопросы на нем не обсуждались, правители лишь демонстрировали свою верность британской короне. Робкие просьбы султана Перака предоставить малайской аристократии более значительное участие в центральном управлении остались незамеченными.

Экономическое развитие Малайи в 70-х — начале 80-х годов. В первые годы после установления колониального режима в малайских княжествах английские предприниматели боялись вкладывать капиталы в «неосвоенные» территории. Основными источниками доходов для колонизаторов служили налоги и откупы. Главное богатство Малайи — олово продолжало добываться китайскими предпринимателями. Английская администрация поощряла приток китайского капитала в то время, когда англичане еще не действовали активно в оловодобывающей промышленности Малайи.

Английский капитал на первых порах устремился в более привычную для него сферу — плантационное хозяйство. В конце 70-х — начале 80-х годов XIX в. в Сунгей-Уджонге, Селангоре и Пераке появились европейские плантации кофе, перца, чая и табака. В 1893 г. начался бум, привлекавший европейских плантаторов. В Селангоре с 1893 по 1896 г. число европейских плантаций возросло с 16 до 60, а площадь, занятая ими, — с 435,6 до 4346 га. В 1893 г. была основана Селангорская ассоциация плантаторов, положившая основу возникшей в 1896 г. Центральной ассоциации плантаторов федерации.

С первых лет английские власти уделяли большое внимание строительству дорог, открывавших доступ к богатствам страны и позволявших держать в повиновении население завоеванных княжеств. Первые дороги были проложены от центров оловодобычи к морю. Вслед за тем началось сооружение железных дорог. В 1884 г. была построена железная дорога от Тайпинга до порта Сапетанг (в Пераке), а в 1886 г. завершено строительство железной дороги от Куала-Лумпура до Кланга. В 90-х годах XIX в. началось сооружение железной дороги от Куала-Лумпура на юг. Английские власти не предпринимали никаких мер, направленных на улучшение условий жизни местного населения. До тех пор пока английский капитал не начал активно внедряться в Малайю и пока не выросло европейское население в стране, колонизаторы не сооружали больниц; в 70—80-е годы практически не отпускалось средств на сооружение ирригационной сети и на просвещение. Единственным крупным мероприятием в социальной области стало освобождение рабов и долговых зависимых, которое в Пераке было завершено в 1884 г., а в Селангоре — в 1888 г.

Присоединение северомалайских султанатов. В начале XX в. Англия присоединила к своим владениям четыре султаната Северной Малайи, находившиеся до этого в вассальной зависимости от Сиама.

Власти Стрейтс Сетлментс на протяжении почти всего XIX в. рассматривали Северную Малайю как зону своего политического влияния. Интерес англичан к северным малайским княжествам резко возрос в конце XIX в. в связи с англо-французским

соперничеством в Сиаме и восстанием в Паханге. Для утверждения в Северной Малайе колонизаторы использовали стремление султанатов освободиться от сиамского контроля. В 1900 г. бывший английский полицейский офицер Р. У. Дафф получил в Келантане концессию, территория которой охватывала половину султаната. В 1902 г. Англия добилась от Сиам подписания специальной декларации о Келантане и Тренгану и побудила сиамское правительство подписать соглашение с этими княжествами. Сиам обязался не вмешиваться в дела их внутреннего управления, утверждал все концессии, которые были предоставлены в княжествах иностранцам, и разрешал иностранным компаниям строить железные дороги в княжествах. Одновременно Бангкок назначил английского чиновника своим резидентом в Келантане.

После англо-французского соглашения 1904 г. о разделе Сиам на сферы влияния экспансия Англии в Северной Малайе усилилась. В 1909 г. Англия подписала с Сиамом договор, по которому в обмен на ликвидацию прав экстерриториальности для английских подданных Оиам уступал Англии все права на Келантан, Тренгану, Кедах и Перлис. В 1910 г. княжества Северной Малайи подписали соглашения, превратившие их в английские колонии. Там появились английские советники, ставшие полновластными хозяевами в княжествах. Северные султанаты не вошли в федерацию, и единообразной системы управления в них не было установлено. Малайские феодалы получили здесь большие права, и их участие в управлении было более значительным; в частности, роль государственных советов была несколько большей, чем в княжествах федерации. Тем не менее существенных различий в характере и структуре колониальной системы в федерации и «нефедерированных» княжествах не существовало: реальная власть повсюду находилась в руках колонизаторов.

Джохор также не вошел в федерацию. В 1885 г. власти Стрейтс Сетлментс назначили в Джохор агента с консульскими функциями. В 1895 г. султан Джохора Абу Бакар ввел в султанате составленную англичанами конституцию, по которой в Джохоре учреждались совет министров и государственный совет. В 1912 г. в княжестве был создан исполнительный совет по образцу такого же органа в Стрейтс Сетлментс. Хотя английский генеральный советник с функциями, аналогичными функциям резидентов, был назначен в Джохор лишь в 1914 г., на деле управление княжеством перешло в руки англичан задолго до этого. Во главе почти всех ведомств Джохора стояли англичане; хотя комиссарами дистриктов были малайцы, при каждом из них состоял английский помощник генерального советника. Как и в других княжествах, все дела управления, взимание налогов, распоряжение землей и ее ведами находились в руках английских колонизаторов. В Джохоре, экономика которого имела большое сходство с экономикой развитых районов западного побережья, участие англичан в аппарате управления было более значительным, чем в аграрных районах Тренгану, Келантана, Кедаха и Перлиса. По характеру экономического развития, составу населения, методам управления Джохор стоял ближе к федерации, чем к княжествам, в нее не входящим.

Перед первой мировой войной в Малайе сложились, таким образом, три группы колониальных владений:

1. Стрейтс Сетлментс — колония короны, куда входили Сингапур, Пинанг, Малакка, Провинция Уэлсли и о-ва Диндинг.
2. Федерация малайских княжеств, объединявшая Перак, Селангор, Негри-Сембилан и Паханг.
3. Нефедерированные княжества, находившиеся под английским протекторатом, — Кедах, Перлис, Келантан, Тренгану и Джохор.

Все эти владения вместе составляли колонию Британская Малайя.

Проникновение английского капитала в Малайю. Завоевание малайских княжеств началось в предимпериалистическую эпоху, а закончилось уже в период империализма. Это сказалось на характере экономического развития страны. Малайя почти с самого начала эксплуатировалась методами монополистического капитализма,

только Стрейтс Сетлментс пережили британское господство эпохи промышленного капитализма.

Приток английского капитала в Британскую Малайю начался в конце XIX — начале XX в. Именно с этого времени страна стала превращаться в сферу приложения капитала и источник сырья для английских монополий, именно тогда были заложены основы колониальной эксплуатации страны.

Главными орудиями эксплуатации Малайи английским капиталом в эпоху империализма стали управляющие агентства и банки. Управляющие агентства возникли главным образом на базе старых торгово-посреднических фирм Стрейтс Сетлментс, в основном сингапурских. Некоторые из них возникли на основе каучуковых плантаций. Крупнейшими управляющими агентствами были «Гутри энд К^о», «Боустэд энд К^о», «Харрисонс энд Кросфилд».

Отделения крупных английских банков, связанных с Востоком, появились в Сингапуре и на Пинанге в 40—70-х годах XIX в. В конце XIX — начале XX в. «Чартэд бэнк оф Индия, Острелиэн энд Чайна», «Меркантайл бэнк оф Индия, Лондон энд Чайна», «Гонконг энд Шанхай Бэнкинг Корпорейшн» открыли свои отделения в Селангоре, Пераке, Паханге, Келантане и Тренгану.

Основной сферой приложения английского капитала было плантационное хозяйство. Главной плантационной культурой стал каучук, в начале XX в. вытеснивший другие культуры, разведением которых пытались заниматься в 70—90-х годах европейские плантаторы. Первые сеянцы бразильской гевеи были доставлены в Сингапур еще в 1877 г. Некоторые из них были высажены в ботаническом саду Сингапура, а другие посадил в саду резидентства в Куала-Кангсаре резидент Перака Хью Лоу. В 90-х годах некоторые английские плантаторы сажали каучук, чтобы возместить ущерб от падения цен на кофе. В конце XIX — начале XX в. начался бурный рост потребления каучука, связанный с возникновением автомобильной и развитием химической и электротехнической промышленности. Английские монополии стали вкладывать капиталы в Малайю, где имелись в наличии свободные земельные пространства с плодородной почвой, благоприятные для разведения каучука климатические условия и скромные резервы дешевой рабочей силы. В 1905 г. из Малайи были вывезены первые 200 т каучука, а в 1920 г. Малайя произвела 196 тыс. т (53% мирового производства). К 1915 г. в Малайе существовало 176 английских каучуковых компаний с капиталом свыше 38,5 млн. ф. ст., причем 121 компания с капиталом 28,4 млн. ф. ст. возникла в период «каучукового бума» 1906—1910 гг.

Если в сельском хозяйстве Малайя накануне первой мировой войны преобладающее значение получила культура каучука, то ее промышленное развитие было ориентировано английскими колонизаторами также на производство одного вида сырья — олова. Добыча олова в Малайе возросла с 19,6 тыс. т в 1900 г. до 51,4 тыс. т в 1913 г. Но до конца первой мировой войны английский капитал не занимал ведущих позиций в оловодобыче; большая часть олова добывалась китайскими предпринимателями. Тем не менее процесс внедрения английских монополий в оловодобычу начался еще до войны.

В руках англичан находилась и оловоплавильная промышленность. В 1887 г. возникла «Стрейтс Трэйдинг К^о», которая построила оловоплавильный завод на островке Пулау-Брани близ Сингапура. В 1907—1911 гг. возникла вторая оловоплавильная компания «Истерн Смелтинг К^о», построившая завод на Пинанге. Эти компании монополизировали выплавку олова не только в Малайе, но и в соседних странах, откуда руда поступала в Сингапур и на Пинанг.

Политика колониальных властей Британской Малайи была направлена на создание максимально благоприятных условий для проникновения в страну английского капитала. Бурными темпами продолжалось строительство железных дорог. В 1903 г. было окончено строительство линии, связавшей Пинанг с Куала-Лумпуром и Серембаном, а вслед за тем

началось сооружение железной дороги от Серембана в Джохор. В 1913 г. джохорская ветка была продолжена до Сингапура. Железные дороги строились в Западной Малайе, т. е. там, где находились основные центры добычи олова и каучуковые плантации.

Колониальные власти проводили выгодную английским предпринимателям аграрную политику. В Стрейтс Сетлментс верховным собственником земли считалась английская корона, а в княжествах — султаны. В действительности и в княжествах землей полновластно распоряжались колонизаторы.

Участки, которыми владели малайские крестьяне, были закреплены за ними на условиях вечной аренды. Крестьяне получили право владения лишь поверхностью земли, в случае обнаружения в ее недрах полезных ископаемых крестьянина можно было на «законном» основании согнать с его участка. Крестьянин мог также потерять землю в случае неуплаты земельного налога.

Чтобы создать себе социальную опору, английские колонизаторы не только предоставили малайским феодалам различные должности в колониальном аппарате и выплачивали им пенсии, но и сохранили за ними значительные земельные угодья, право на безвозмездный труд крестьян в течение нескольких дней в году (керах) и на взимание различных поборов. Такая политика обусловила сохранение феодальных пережитков в аграрном строе Малайи, особенно ее северных и восточных районов.

Поскольку малайское население в конце XIX — начале XX в. было немногочисленно, то английская колониальная администрация получила в свое распоряжение огромные незаселенные земельные массивы, которые немедленно стали раздаваться на льготных условиях плантаторам. Земля сдавалась английским компаниям, занимавшимся разведением каучука и добычей олова, в аренду на долгий срок (до 100 лет) по чрезвычайно низким ценам. В результате очень быстро значительная часть земель, особенно в Западной и Южной Малайе, не говоря уже о Стрейтс Сетлментс, оказалась захваченной иностранным капиталом.

Внедрение иностранного капитала и переход к взиманию налогов в денежной форме нанесли удар по малайскому крестьянскому натуральному хозяйству, способствовали вовлечению крестьян в товарно-денежные отношения, увеличили роль торговцев-посредников и ростовщиков в малайской деревне. Конечно, не следует преувеличивать процесс разрушения натурального крестьянского хозяйства и его товаризацию в Малайе до первой мировой войны. Но также несомненно, что этот процесс начался с первых лет утверждения английской власти. Наиболее заметен он был в Западной Малайе — районе оловодобычи и производства каучука, тогда как в северных и восточных областях страны он шел гораздо медленнее.

Закабалению Малайи английским капиталом способствовала также финансовая, налоговая, бюджетная и внешнеторговая политика колониальных властей.

В начале XX в. была произведена реформа денежной системы. Малайский доллар был окончательно привязан к фунту стерлингов¹⁷. Курс малайского доллара поощрял капиталовложения в Малайю и способствовал привлечению туда рабочей силы.

Непрерывно возрастал бюджет колонии, что было связано с увеличением эксплуатации населения и природных богатств страны. Доходы княжеств, вошедших в федерацию, выросли с 2481 тыс. мал. долл. в 1895 г. до почти 44 333 тыс. в 1913 г. Самой значительной статьей в доходной части бюджета были поступления от опиумной монополии. Главным потребителем опиума было китайское трудящееся население. Опиум в больших количествах вывозился из Китая в Сингапур, откуда расходился по «сей Малайе. В Британской Малайе от опиума в 1898 г. поступало 45,9% доходов, в 1904 г. — 59,1%, в 1913 г. — 53,3%. Создание в 1907г. «следственной Комиссии» по вопросу об опиумной монополии не изменило положения: указ 1910 г. сохранил эту монополию в руках английской администрации и повысил цены на опиум. Лишь в 30-х годах XX в. под

¹⁷ Малайский доллар был равен двум шиллингам и четырем пенсам.

давлением международной и местной общественности колониальные власти начали принимать меры к ограничению опиумокурения, которое официально было запрещено лишь после второй мировой войны. Значительную часть доходов бюджета составляли поступления от пошлин на табак, спиртные напитки, ткани и керосин, т. е. предметы широкого потребления. Пошлины на олово и каучук составляли непропорционально малую величину в доходной части бюджета. Такая политика была выгодна монополиям, внедрившимся в экономику страны.

Огромная часть бюджета шла на строительство железных и шоссейных дорог, на содержание гарнизона в Сингапуре, полиции и аппарата колониальной администрации, на выплату пенсий малайским феодалам. На ирригационные работы, лесное хозяйство, образование и здравоохранение колонизаторы расходовали ничтожные суммы.

Колониальные власти проводили таможенную политику, отвечавшую интересам английского капитала. Так, когда американские монополии попытались наладить в США выплавку олова из малайской руды, губернатор Ф. Суиттенхэм в 1903 г. издал указ о повышении пошлины на вывозимую оловянную руду, сохранив выплавку олова в руках английских компаний, действовавших в Малайе.

К началу XX в. определилась структура внешней торговли колонии, отражавшая ее положение источника сырья и рынка сбыта для английских монополий. Экспорт состоял в основном из олова и каучука. В 1916 г. из общей суммы экспорта федерации в 162 млн. мал. долл. олово давало 61 млн., а каучук — свыше 93 млн. мал. долл. Главными товарами, ввозимыми в страну, были потребительские — рис, опиум, табак, ткани.

Иммиграция и начало формирования пролетариата и буржуазии. Развитие экспортного колониального хозяйства Малайи было связано с образованием нового, иммигрантского населения, за счет которого в основном вырастали новые классы малайского общества. С конца XIX в. в связи с капиталистическим развитием колонии усилилась иммиграция из Китая и Индии. И раньше значительный процент населения Стрейтс Сетлментс и Западной Малайи составляли китайцы и индийцы; после превращения всей страны в английскую колонию приток иммигрантов резко возрос. Малайское крестьянство, сравнительно немногочисленное, прикованное к земле, связанное с феодалами узами личной зависимости, не могло служить источником рабочей силы, потребность в которой резко возросла в связи с развитием оловодобычи и производства каучука. Таким источником стало китайское и индийское (в меньшей степени яванское) население, устремившееся в поисках заработка в Малайю. Если раньше подавляющее большинство китайских и индийских иммигрантов составляли торговцы, ремесленники, ростовщики, то в эпоху империализма возросло число кули, работавших на оловянных рудниках и каучуковых плантациях.

С 1901 по 1911 г. китайское население в Стрейтс Сетлментс и княжествах увеличилось с 301,5 тыс. человек до 916,6 тыс.; 34,2% всего населения в 1911 г. В основном прирост шел за счет иммигрантов: в первом десятилетии XX в. ежегодное число китайцев, прибывающих в Сингапур, колебалось между 150 тыс. и 220 тыс. Возросло и индийское население; более 267 тыс. человек (10,1% населения) в 1911 г. Поток китайских иммигрантов направлялся в оловодобычу, а индийцы, большинство которых составляли тамилы, в основном работали на плантациях. В 1913 г. из 917 тыс. китайского населения на оловянных рудниках работало свыше 225 тыс. человек, а индийские кули на плантациях в федерации составляли в 1908 г. 43,5 тыс. из 57 тыс. плантационных рабочих. Вначале вывоз кули шел через специальных вербовщиков, применявших самые грязные и незаконные методы. В конце XIX в. система контрактации потеряла свое значение, а в начале XX в. исчезла, уступив место свободному приезду китайцев и вербовке индийцев непосредственно плантаторами.

К началу первой мировой войны в Малайе и Сингапуре сложился рабочий класс, в основном китайский и индийский по национальному составу. Его отличительной чертой была текучесть, поскольку многие иммигранты уезжали на родину, а им на смену

прибывали новые. Особенности формирования рабочего класса, зависимость от вербовщиков, разобщенность по религии, национальностям и кастам (для индийцев), по тайным обществам, диалектным землячествам и профессиональным гильдиям (для китайцев) — все это задерживало складывание классовой идеологии пролетариата и становление организованного рабочего движения.

Местная буржуазия Малайи и Сингапура, как и рабочий класс, также складывалась как китайская и индийская по национальной принадлежности. Ее основу составила торговая буржуазия Стрейтс Сетлментс, которая со второй половины XIX в. также вкладывала капиталы в оловодобычу в западных султанатах Малайи. Английское завоевание Малайи открыло на первых порах новые возможности для торгово-посреднической, ростовщической и предпринимательской деятельности местной буржуазии. Особенно заметными были успехи китайских предпринимателей в оловодобыче: в 1910 г. да китайских рудниках добывалось 78% олова. Еще до первой мировой войны в колонии появились предприятия легкой промышленности, принадлежавшие местному капиталу.

По мере развития местной буржуазии и внедрения английского капитала в экономику страны обнаруживалось противоречие ее интересов с империализмом. Иностраный импорт создавал непреодолимую конкуренцию усилиям местных предпринимателей в области промышленности. Началось постепенное вытеснение китайского капитала из оловодобычи. В то же время существовала известная общность интересов колониального режима и местной буржуазии, выступавшей в значительной мере как компрадорская, тесно связанная с английским капиталом. Зависимость местной буржуазии от английских колонизаторов определялась также ее инонациональным характером. Вместе с тем эта особенность делала ее восприимчивой к идеям буржуазного национализма, имевшим хождение в Китае и Индии.

Зарождение просветительских идей. Возникновение капиталистических отношений в Стрейтс Сетлментс, широкий приток нового населения — все это способствовало появлению новых идей, повлиявших на развитие духовной жизни и культуры Малайи. Особенностью развития Малайи было крайне медленное изменение традиционной социально-экономической структуры и системы духовных ценностей в малайских султанатах, а также раздельное (в экономической и культурной сферах) существование основных этнических групп.

Первая половина XIX в. выдвинула одну из наиболее ярких фигур в истории малайской литературы и общественной мысли. Абдуллах бин Абдулкадир Мунши (1796—1854 гг.) родился в Малакке от отца-араба и матери-малайки. В молодости Абдуллах был секретарем у Т. Рафлза, преклонение перед ученостью и талантами которого он сохранил на всю жизнь. Затем Абдуллах в качестве переводчика много лет сотрудничал с протестантскими миссионерами в Сингапуре и Малакке. Предтеча современной малайской литературы, создатель первых литературных произведений, по форме и содержанию значительно отличных от традиционных литературных жанров, Абдуллах в своих произведениях («Автобиография», «Повесть о плавании Абдуллаха бин Абдулкадира из Сингапура в Келантан») предстает горячим патриотом, скорбевшим о несправедливости к крестьянам в княжествах, обличающим бесчинства и насилия раджей, возлагающим надежды на просвещение своего народа, которое позволит ему встать вровень с более развитыми нациями. Рационализатор и просветитель, Абдуллах остался, в сущности, одиноком фигурой в истории Малайи середины XIX в.

Абдуллах был горячим поборником просвещения, в котором он видел панацею от отсталости и невежества, причем главные надежды он возлагал на англичан. Стремясь к совершенствованию малайского языка, он издал типографским способом «Малайские родословия», язык которых он считал образцовым. Скорбя о безразличии малайской элиты к судьбе родного языка, Абдуллах писал в предисловии к этому изданию: «Великим народом может стать лишь народ, который пестует свой язык; народы же, которые...

пренебрегают родным языком, пребудут в невежестве и, словно мальки, будут проглочены большими рыбами».

Другим значительным писателем, писателем традиционного направления, а потому более популярным в феодальном малайском обществе XIX в., был раджа Али Хаджи бин Ахмад — внук знаменитого раджи Хаджи, борца за независимость конца XVIII в. Он создал очень традиционные, украшенные стихотворными вставками «Родословия малайцев и буггов», рассказывающие о бугских княжествах на Калимантане, Риау и в Малайе до 1773 г. Другим, более известным произведением Али Хаджи стал «Тухфат ал-Нафис» («Драгоценный дар»), начатый в 1865 г., — история Сингапура, Малакки и Джохора, доведенная до 60-х годов XIX в. Хотя «Тухфат ал-Нафис» относится к традиционному жанру малайской исторической прозы, в нем значительно сильнее интерес к реальным фактам и подлинным событиям. Али Хаджи создал в 1857 г. первую малайскую грамматику («Бустан алкатибин») и первый словарь малайского языка («Катиб ленгетауан бахаса»).

Идеология «феодалного национализма», получившая распространение в малайских султанатах в период борьбы с английским завоеванием в 70—90-х годах XIX в., с конца XIX в., когда феодальная знать пошла на соглашение с колонизаторами и вошла в (колониальный аппарат, утратила свои позиции. На смену ей пришли новые идеи, связанные с классами и слоями малайского общества, появившимися в ходе модернизации (хотя и медленной) страны. В XIX в. вначале в Стрейтс Сетлментс, а затем в княжествах западного побережья появились европейские школы, где обучались преимущественно китайские и индийские дети, а в начале XX в. возникли модернизированные религиозные школы, где преподавался арабский и иногда английский языки. В последней четверти XIX в. в Сингапуре и на Пинанге возникла малайская пресса, создала которую богатая и образованная группа «джави перанакан» — метисы от браков арабов и индийцев-мусульман с малайскими женщинами.

В начале XX в. в Малайе появились идеи мусульманского просветительства. Их распространение было связано с сингапурским журналом «Аль-Имам» («Вождь»), существовавшим с 1906 по 1908 г. Его основателем был суматранец Мохаммад Тахир бин Джалалуддин аль-Азахари, обучавшийся в Каире и воспринявший некоторые идеи египетского реформатора ислама Мохаммада Абдо. Другими идеологами малайского мусульманского просветительства были Хаджи Абас бин Мохаммад Таха и родоначальник современной малайской литературы Саид Шейх бин Ахмад ал-Хади. Важную роль в этом движении сыграла и газета «Утусан Мелаю», которую издавал с 1907 г. Мохаммад Юнос бин Абдуллах.

«Аль-Имам» выступал с позиций мусульманского реформаторства, рационалистической трактовки догматов ислама, осуждения слепого следования авторитетам. Идеи раскрепощения личности и равенства людей перед богом, признание за женщиной права принимать участие в общественной жизни, призывы к просвещению малайской нации — все это вызывало, несмотря на осторожность журнала, не выступавшего с открытой критикой колониального режима и феодальных порядков, оппозицию со стороны малайской аристократии. Приверженцы традиционного направления в исламе, «кау муда» («старика») развернули ожесточенную борьбу против «кау муда» («молодых») — сторонников реформаторского направления, выдвинувших принцип объединения Малайи общей религией в противовес старому принципу обособленности отдельных султанатов. Как и в Индонезии, начало национального пробуждения в Малайе связано с идеями просветительства и модернизации ислама. Но если в Индонезии религиозно-реформаторское движение скоро оказалось оттесненным на второй план, то в Малайе ввиду меньшей развитости общества и сохранения традиционной структуры в султанатах оно надолго заняло ведущее положение.

Национальное движение китайского и индийского населения в Малайе. К началу XX в. в Малайе, особенно в Стрейтс Сетлментс и султанатах западного побережья,

образовалось значительное иммигрантское — китайское и индийское — население. Наряду с постоянно приезжавшими и уезжавшими кули существовало китайское население, уже родившееся в Малайе. Богатая и влиятельная прослойка китайцев в Стрейтс Сетлментс, являвшихся подданными английской короны, выступила инициатором создания китайских и английских миссионерских школ, где ее дети получали образование. В 1900 г. основана Британско-китайская ассоциация проливов, объединившая европейски образованных состоятельных китайцев Стрейтс Сетлментс, выступавших в поддержку колониальной администрации.

Процесс национального пробуждения Китая затронул и заморских китайцев, преимущественно их буржуазные слои, оказавшие поддержку реформаторам и революционерам. В 1899 г. Ху Сеоквэнь, один из крупнейших торгонцев Сингапура, основал отделение партии Кан Ювэя и собрал свыше тысячи подписей среди торговцев Сингапура под петицией протеста против переворота Цы Си, и результате которого реформаторы во главе с Кан Ювэем были отстранены от власти. В 1900 г. Кан Ювэй посетил Сингапур и собрал 100 тыс. мал. долл. на подготовку антиманьчжурского восстания в Ханькоу.

В 1900—1901 и 1908—1910 гг. Кан Ювэй жил на Пинанге, где развернул активную деятельность по развитию современного образования среди китайского населения в Малайе. Результатом стало открытие первых современных китайских школ в Куала-Лумпуре (1900 г.), на Пинанге (1904 г.), в Ипохе (1906 г.), в Серамбане (1910 г.); в Сингапуре в 1906 г. уже функционировало шесть современных китайских школ. В 1905 г. на деньги местных китайцев Стрейтс Сетлментс был открыт медицинский колледж в Сингапуре. Идеи реформаторства, проповедуемые Кан Ювэем, нашли отражение и в китайской прессе Стрейтс Сетлментс.

Еще большее влияние оказали Сунь Ятсен и руководимые им организации. В 1906 г. Сунь Ятсен основал в Сингапуре отделение Тунмынхуэя, а затем совершил пропагандистскую поездку по Западной Малайе. В результате его деятельности были открыты отделения Тунмынхуэя и в других городах Малайи, и китайское население страны оказало значительную денежную поддержку революционной деятельности Сунь Ятсена в Китае. В декабре 1912 г. в Сингапуре возникло отделение гоминьдана, созданное приверженцами Сунь Ятсена во главе с Лим Бун-кеном, Лим Ниеунем и Тан Чэянем.

С начала XX в. в связи с ростом числа индийских иммигрантов в Малайе стали появляться и тамильские школы. Иммигранты внимательно следили за событиями на родине и принимали участие в индийском национально-освободительном движении.

По-видимому, в Сингапуре еще до первой мировой войны действовали индийские националистические организации, которые вели пропаганду среди индийского населения и индийских воинских частей. С деятельностью этих организаций было связано антиколониальное выступление в Британской Малайе во время первой мировой войны — сингапурское восстание 1915 г. Индийские национальные организации вне Индии, пытавшиеся использовать войну для антианглийского восстания, сосредоточили основное внимание на антиколониальной пропаганде и организации заговоров в индийских воинских частях. Восстание в Сингапуре было самым значительным выступлением подобного рода.

Вечером 15 февраля 1915 г. солдаты 5-го Мадраеского полка легкой пехоты убили нескольких офицеров и, захватив склад с боеприпасами, атаковали лагерь немецких военнопленных. Охрана лагеря была перебита, часть пленных бежали из лагеря. В руках восставших оказались казармы и склады с оружием, они контролировали подступы к городу (казармы 5-го полка находились в 4 км от Сингапура).

Английские власти растерялись, европейское население было в панике. Командование опасалось присоединения к восставшим другого полка, расположенного под Сингапуром. Но восставшие действовали нерешительно. Вместо того чтобы двинуться в город, они в течение почти двух суток безуспешно атаковали засевших в доме

полковника европейских волонтеров. Тем временем оправившиеся от первого испуга власти Сингапура и султан Джохора подтянули к городу все наличные силы. Было мобилизовано все «белое» мужское население города. На помощь англичанам поспешили союзники — подошли французский, два японских и русский крейсера. При поддержке десантов с этих судов англичанам удалось выбить восставших из лагеря. 17 февраля часть их сдалась, а на следующий день и остальные повстанцы покинули лагерь. Разбившись на мелкие группы, индийские солдаты ушли в глубь острова.

21 февраля в Сингапур из Рангуна прибыл пехотный полк. Основная масса повстанцев, сосредоточившаяся в северной части острова, сдалась. Но военные действия продолжались, и союзные десанты были отозваны лишь в начале марта; английские части вылавливали уцелевших повстанцев. Последовала расправа: 2 человека были повешены, 38 — публично расстреляны. Многие солдаты были приговорены к пожизненной ссылке на длительным сроком тюремного заключения, остальные отправлены на фронт.

Восстанию в Сингапуре были свойственны черты, общие всем движениям, организованным индийскими националистическими обществами в период первой мировой войны: заговорщический характер, неумение опереться на население. Кроме того, в Сингапуре индийские солдаты не сумели выдвинуть из своей среды достаточно решительных и умелых руководителей.

Сингапурское восстание представляет интерес не только с точки зрения истории национально-освободительного движения в Индии. Оно было первым революционным выступлением после превращения всей Малайи в британскую колонию.

Глава 6

ПРЕВРАЩЕНИЕ СЕВЕРНОГО КАЛИМАНТАНА В АНГЛИЙСКУЮ КОЛОНИЮ

Северный Калимантан до начала XVI в. Ранняя история Северного Калимантана имеет в своих главных чертах много общего с историей Малайи с тем, однако, отличием, что о-в Калимантан находился на периферии малайско-индонезийского мира и процессы, характерные для этого региона, проходили там в замедленном темпе.

Древнейшие следы человека, обнаруженные в пещере Ниах в Сараваке, относятся к среднему палеолиту (40—50 тыс. лет до н. э.). В Ниахе представлены и другие фазы развития древнего человека: от верхнего палеолита до бронзы. Как и в Малайе, древнейшими обитателями пещеры Ниах были люди меланоидного типа, которых сменили монголоиды.

Калимантан был заселен аустронезийскими племенами в ту же эпоху, что и Малайя. Потомками первых аустронезийских пришельцев являлись народы, относившиеся к коренному населению Северного Калимантана — ибаны, даяки, дусуны, кадазаны, муруты, меланау и др. Вплоть до английского завоевания эти племена жили в условиях родового строя; социальная дифференциация была крайне незначительной. Многие племена жили родами в так называемых длинных домах, где не существовало даже хозяйств индивидуальной семьи.

Позднее на Северном Калимантане появились малайцы, создавшие первые княжества на острове. По-видимому, ранние волны малайских поселенцев появились в Сараваке примерно в то же время, что и в Малайе. Бруней же был заселен малайцами, уже переселившимися на Малаккский полуостров. Переселяясь на Калимантан, малайцы приносили с собой культуру «индианизированных» государств Суматры и полуострова, о чем свидетельствуют данные археологических раскопок. Портовые княжества Северного Калимантана поддерживали оживленные торговые связи с Китаем, ранние контакты местного населения с которым относятся к I тысячелетию до н. э. Впервые в китайских

источниках Калимантан упоминается в записках буддийского паломника Фа Сяня, который побывал на острове в 414 г. В китайских же источниках начиная с X в. появляется название государства Пони, под которым подразумевается Бруней. В эпоху Шривиджайи Бруней и другие княжества северного и западного побережья Калимантана признавали вассальную зависимость от морской малайской империи и входили в орбиту ее торговой политики. Общественный строй ранних государственных образований на Калимантане был сходен с тем, который существовал в Малайе, с той разницей, что влияние побережья на периферию, заселенную превосходящими малайцев по численности племенами, продолжавшими жить на стадии первобытнообщинного строя, было здесь гораздо слабее. После падения Шривиджайи некоторые районы побережья Калимантана, в том числе Бруней, испытали на себе влияние Маджалахлты, но едва ли последний распространял действительную власть на эти отдаленные районы. В XIV в. усилились торговые связи Брунея с Китаем. Во владениях Брунея появились китайские поселения, первые из которых были связаны с экспедицией Хубилай-хана на Яву в 1292 г. Правители Брунея, заинтересованные в китайской торговле, посылали посольства в Китай.

В начале XV в. в Бруней проник ислам, успехи которого здесь объясняются теми же причинами, что и в других частях архипелага. Правители Брунея разорвали формальные узы, связывавшие их с индуистским Маджапахитом, и стали ориентироваться на Малакку, торговля с которой приносила Брунею немалые выгоды.

В начале XV в. раджа Аванг Алак Бертабар перешел в ислам и принял имя Мохаммад. Его брат и наследник Ахмад породнился с главой китайского поселения в Сабахе, женившись на его дочери. Дочь Ахмада от этого брака вышла замуж за шерипа¹⁸ Берката, арабского торговца, а их сын Сулейман стал основателем династии султанов Брунея.

Связи Брунея с Китаем в XV в. ослабли из-за прекращения морских экспедиций минских императоров, постепенно исчезли и китайские поселения. Напротив, связи с Малаккой укреплялись, и султаны Брунея даже признавали себя вассалами султанов Малакки, хотя эта зависимость носила эфемерный характер.

В начале XVI в. власть султанов Брунея простиралась на все северное побережье Калимантана. В Сараваке правили родственники султана, признававшие вассальную зависимость от Брунея. Соседом Брунея был султанат Сулу, правители которого претендовали на Сабах, находившийся во владениях Брунея. К западу и югу от Брунея располагались малайские султанаты Самбас, Понтианак, Коти, Белунган, ни один из которых не мог соперничать в тот период с Брунеем. Внутренняя часть острова была заселена племенами, контакты которых с побережьем были незначительными. Но уже к началу XVI в. жившие ближе к побережью даяки суши и мелану иачали подпадать под власть малайской знати и принимать ислам.

Ранняя европейская экспансия и Бруней. Первыми европейцами, появившимися в Брунее, были участники экспедиции Магеллана. В июле 1521 г. два оставшихся корабля экспедиции бросили якоря в гавани Брунея. Султан Брунея приветливо принял испанцев, которые отплатили гостеприимному хозяину черной неблагодарностью: они напали на брунейский флот, захватили несколько лодок-прау вместе с находящимися там людьми и покинули Бруней. По дороге к Молуккам они грабили все местные суда, которые встречались им на пути.

Итальянец Антонио Пигафетта, один из участников экспедиции, оставил описание Брунея. Он рисует крупный город с населением более 100 тыс. человек, пышный дворец с залами, украшенными шелковыми занавесями, золотой и фарфоровой посудой и серебряными канделябрами. Пигафетта увидел Бруней в зените могущества. Султан Булких, власть которого признавал весь север Калимантана и Южные Филиппины, поддерживал торговые и дипломатические отношения с многими мусульманскими

¹⁸ Шерипами в Брунее называли людей, претендующих на происхождение от пророка Мухаммеда. Обычно ими были духовные лица, роднившиеся с местной малайской аристократией.

государствами архипелага и с Китаем. Показательно, что весь о-в Калимантан стал известен европейцам по названию Брунея — как Борнео.

После экспедиции Магеллана, привезшей первые сведения о Брунее, интерес к нему в Португалии и Испании резко возрос. В 1526 г. португальские корабли под командованием Жорже де Менезиша появились в Брунее. Был заключен торговый договор. Бруней поставлял в португальскую Малакку перец, саго, сушеную рыбу и рис, а взамен ввозил оружие и ткани.

К 1571 г. испанцы закончили завоевание основных островов Филиппин. Их главным противником теперь оказался султанат Сулу, для борьбы с которым они стали лаять союзников. Спор между Сулу и Брунеем из-за Сабаха натолкнул испанских губернаторов на мысль использовать в своих целях Бруней. В 1578 г. испанцы вмешались в борьбу за престолонаследие в Брунее и поддержали претендента, выразившего готовность вступить с ними в союз. Но, получив с помощью испанцев трон, султан не стал выполнять своих обещаний. Экспедиция, снаряженная испанцами в 1580 г. с целью заставить Бруней подчиниться, успеха не имела. Северный Калимантан не стал первостепенным объектом ранней европейской экспансии, и дальше спорадических попыток португальцев и испанцев, а затем голландцев и англичан утвердиться в отдельных районах побережья дело не пошло. Центр тяжести колониальной борьбы на архипелаге находился в других местах — Молукках, Зондском и Малаккском проливах.

В начале XVII в. англичане и голландцы основали фактории в Банджармасине в юго-восточной части острова, а также в Сукадане и Самбасе на западном побережье, но они просуществовали недолго.

Хотя Бруней фактически остался не затронутым ранней колониальной экспансией, последняя нанесла удар по его торговле — основе могущества султаната. Политика торговой монополии, которую проводили на архипелаге португальцы и голландцы, привела к свертыванию торговых связей Брунея и уменьшению его значимости как крупного порта. Разрушительные последствия для Брунея имело местное пиратство, начавшее бурно развиваться с середины XVII в. Устья рек Северного Калимантана, находившиеся в стороне от основных европейских баз, стали надежным убежищем пиратов.

Северо-западное побережье Калимантана в начале XIX в. стало одним из основных центров пиратства на архипелаге. Пиратство существовало в районе от Индийского океана до китайского моря издавна, этому способствовали развитие морской торговли и географические условия (множество островов, бесчисленные эстуарии и протоки). Но только с разрушением местной торговли европейцами начиная с XVI в., которое привело к массовому разорению населения и развалу сложившейся социально-экономической и политической системы на архипелаге, пиратство приняло небывалые раньше масштабы, став истинным бичом Южных морей.

Самыми известными пиратами в XIX в. были моро (баланини) с архипелага Суду и лануны с Южного Минданао, флотилии которых ежегодно совершали набеги на обширные районы от Филиппин до Малаккского пролива.

Малайские пиратские центры находились на архипелаге Риау-Линга, где пиратские прау снаряжались под покровительством феодалов Риау, Суматры и Джохора. Только в конце 30-х годов XIX в. администрация Стрейтс Сетлментс смогла покончить с пиратством в районе Сингапура.

Третьим значительным центром пиратства в малайском мире был Саравак, где лануны и морские даяки (племена серебасов и секаранов) под предводительством малайских феодалов и арабских шерипов построили свои укрепления. Главной базой пиратских флотилий стал залив Маруду на северной оконечности Сабаха, откуда пиратские ярау совершали набеги на восточное побережье Калимантана, Макаassar и острова в Яванском море. Султаны Брунея и Сулу, потерявшие вследствие европейской экспансии доходы от торговли, брали пиратов под свое покровительство, получая за

это долю от добычи. Собственная торговля Брунея резко сократилась; в частности, окончательно была подорвана торговля с Китаем. Развитие пиратства привело к усилению феодальной раздробленности Брунея, так как местные владельцы, опираясь на пиратские флотилии, чувствовали себя почти независимыми.

Английская экспансия на Калимантане в XVIII — начале XIX в. В XVIII в. английская Ост-Индская компания активизировала свою политику на архипелаге. Причины, побудившие ее основать свои фактории в Малайе, привели к попыткам создания опорных баз и на Калимантане, рассматривавшемся как район, находящийся вне сферы голландского влияния, поблизости от Китая, торговля с которым в XVIII в. приобрела большое значение для компании.

Вначале англичане пытались утвердиться в Банджармасине на юго-востоке острова, но их неоднократные попытки основать там факторию успеха не имели.

В 1759 г. секретарь Мадрасекого совета Ост-Индской компании Александр Далримпл предложил создать торговую факторию во владениях султана Сулу. Фактория должна была, по мысли Далримпла, служить промежуточным пунктом английской торговли с Китаем. В 1761 г. Далримпл заключил договор с султаном Сулу, по которому компания получила разрешение создать факторию в его владениях. В 1763 г. Далримпл высадился на о-ве Баламбанган в двадцати милях от северо-восточной оконечности Калимантана и поднял там английский флаг.

В 1773 г. Совет директоров Ост-Индской компании направил на остров экспедицию во главе с капитаном Джоном Гербертом, которая создала поселение на Баламбангане. Просуществовала фактория недолго. В 1775 г. султан Сулу, обманутый в своих надеждах получить английскую помощь против испанцев и недовольный долей прибылей от англо-китайской торговли, напал на Баламбанган и разгромил английскую факторию.

В 1803 г. англичане вновь попытались возродить факторию на Баламбангане, но в 1805 г. под нажимом Сулу были вынуждены покинуть остров.

В эпоху наполеоновских войн англичане захватили голландские владения в Индонезии и Малайе. Готовясь к обороне Явы, генерал-губернатор Нидерландской Индии Дандельс в 1809 г. эвакуировал все голландские мосты и фактории на Калимантане. Стоявший во главе подготовки английской экспедиции на Яву Т. С. Рафлз в 1810—1811 гг. вел переговоры с различными владельцами архипелага, стремясь заручиться их поддержкой в борьбе с Голландией. В своих планах он уделял Калимантану значительное место, полагая, что даже если после войны придется вернуть Яву, то покинутый голландцами до начала войны на архипелаге Калимантан может остаться за Англией. Когда Рафлз в 1811 г. стал губернатором захваченной англичанами Явы, он заключил договор с Банджармасином, султан которого уступил Англии права на бывшие голландские форты и княжества на побережье. Вслед за тем Рафлз, воспользовавшись раздорами между Самбасом и Понтианакон, заставил султана последнего принять к себе английского резидента. В 1813 г. английский флот под предлогом борьбы с пиратством захватил Самбас, где также появился резидент. Бруней подписал с англичанами торговый договор. Таким образом, к концу 1813 г. английское влияние распространилось на все побережье Калимантана, за исключением Сабаха.

Но по договору 1814 г. Англия вернула Голландии ее колониальные владения и отказалась от факторий на Калимантане. Голландцы восстановили свое влияние в Банджармасине, Понтианаже и Самбасе. Бруней оставался вне сферы их колониальной политики на архипелаге.

Захват Саравака Джеймсом Бруком. Западная часть султаната Бруней — Саравак — стала первой территорией, захваченной англичанами на Северном Калимантане.

С начала XIX в. Бруней находился в полном упадке. Население столицы резко сократилось. Из 25 тыс. домов, насчитанных в XVI в. А. Пигафеттой, сохранилось не более 3 тыс. Вместо торговли расцвело пиратство.

Несколько оживилась экономическая жизнь султаната с возникновением Сингапура, где находили сбыт местные товары. В связи с этим обострились противоречия между торговцами-находами и поддерживающими их местными вождями-феодалами, с одной стороны, и вождями малайских и даякских поселений на побережье (обычно пришельцами с о-вов Сулу) и потомками арабских эмигрантов (шерипами), предводительствовавшими пиратскими флотилиями и нападавшими на китайские джонки и малайские прау, — с другой. Эти противоречия осложнялись борьбой дворцовых клик, восстаниями даякских племен против непосильных поборов, а также стремлением местных вождей-феодалов сохранить доходы от торговли и пиратства в своих руках, не делаясь ими с центральной властью.

В 30-х годах XIX в. Сарйваком управлял наместник султана Брунея — пангеран Макета, злоупотребления которого вызвали восстание местных даякских племен. Султан отправил в Саравак наследника престола Хашима, который так и не смог подавить восстание. В результате брунейские феодалы сохранили власть лишь над центром Саравака — Кучингом и небольшой округой по соседству с ним.

В такой обстановке на Сараваке появился Джеймс Брук. Бывший военный, из-за ранения покинувший службу в английской Ост-Индской компании, честолюбец и авантюрист по натуре, Брук, получив наследство, снарядил яхту, подобрал команду и отправился в поиски приключений на Малайский архипелаг. На Северный Калимантан, во владения Брунея его привело, видимо, то обстоятельство, что эта часть острова еще не была колонизована и на нее не претендовала ни одна колониальная держава.

Прибыв в августе 1839 г. в Кучинг, Брук завязал дружеские отношения с Хашимом, а в следующем году, вновь посетив Саравак, предложил ему свою помощь в подавлении восстания.

Хашим, авторитет которого зависел от положения дел в Сараваке, с радостью принял помощь Брука и обещал ему в случае удачи пост наместника Саравака. Брук сумел подавить восстание, и в сентябре 1841 г. получил от Хашима титул раджи и пост наместника.

Английское правительство, исходя из общей линии своей колониальной политики в середине XIX в. — нежелания приобретать новые территории, обладание которыми увеличивало расходы на управление, не хотело, кроме того, осложнять отношения с Нидерландами, подозрительно следящими за деятельностью Брука, отрицательно отнеслось к предложениям последнего о превращении Саравака в коронную колонию или протекторат. Но с самого начала британские власти и морские силы стали оказывать Бруку помощь в установлении его власти, поскольку были заинтересованы в подавлении пиратства, угрожавшего торговле Сингапура, и в приобретении во владениях Брука угольной станции на пути в Китай. Брук, в свою очередь, умело использовал появление британских военных судов для борьбы не только с пиратами, но и с непокорными даямскими племенами и малайскими феодалами.

В 1843 г. Брук с помощью прибывшего на английском судне «Дидоне» капитана Кеппела разгромил укрепления серебасов. В 1844 г. Брук сокрушил своих главных врагов в Сараваке — пангерана Макоту и шерипа Сахапа, заодно устроив (с помощью Кеппела) кровавую резню среди племени секаранов.

В августе 1845 г. Брук, воспользовавшись приходом английской эскадры адмирала Кокрэна, добился отстранения от власти своего врага при брунейском дворе, пангерана Юсопа, и восстановления позиций Хашима и его брата Бедруддина. Вслед за этим эскадра Кокрэна нанесла удар по Маруду, крепости ланунов, возглавляемых антианглийски настроенным шерипом Османом.

Несмотря на все эти успехи, антианглийские настроения, подогретые грубым вмешательством во внутренние дела Брунея и кровавыми экспедициями против даякских племен, усиленные кризисом традиционных форм торговли, связанной с пиратством, уже в следующем, 1846 г. привели к новым потрясениям в султанате. В марте 1846 г. в

столице Брунея произошел переворот — проанглийски настроенные пангераны во главе с Хашимом и Бедруддином были убиты.

К власти пришла враждебная Бруку партия малайских феодалов, связанная с пиратами побережья. Тогда в августе 1846 г. адмирал Кокрэн, при котором находился Брук, захватил город Бруней и заставил султана Омара Али подписать соглашение, по которому Брук получал суверенные права на Саравак, а о-в Лабуан становился британским владением. В мае 1847 г. Брук по поручению британского правительства подписал с султаном еще один договор, по которому султан обязался не уступать без согласия Англии какой-либо территории своего государства и открывал порты для английской торговли.

На обратном пути в Китай эскадра Кокрэна разрушила два крупных поселения — Тампасук и Пандасан, бывших укреплениями ланунов, с которыми боролся Брук, а оставшийся с Бруком капитан Манди на корабле «Айрис» ликвидировал ланунские укрепления на р. Мамбакут. В октябре 1847 г. Брук с триумфом появился в Англии. Здесь он был возведен в рыцарское звание, стал доктором права Оксфордского университета, губернатором Лабуана, превратившегося в угольную станцию английского флота, и генеральным консулом Великобритании в Брунее.

Вернувшись в Саравак, Брук продолжил покорение даякских племен, используя прежний предлог — борьбу с пиратством. В июле 1849 г. английские военно-морские силы под командованием капитана Фаркухара и саравакская флотилия Брука устроили кровавую бойню у мыса Батанг-Мару, потопив в ночном нападении более 90 прау и уничтожив около 400 человек. После разгрома даяки, выступившие на стороне Брука, отрезали головы не менее чем у 1200 пленных. Бойня в Батанг-Мару стала одним из главных аргументов в выступлениях либеральной оппозиции в английском парламенте в начале 50-х годов XIX в., критиковавшей действия военно-морских сил Великобритании, под предлогом борьбы с пиратством нападавших на мирных торговцев. Парламент под давлением оппозиции назначил в 1854 г. комиссию для рассмотрения обвинений в адрес Брука. Хотя «белый раджа» и был реабилитирован, общественное мнение в Англии не было окончательно убеждено, что обвинения даяков в пиратстве, послужившие предлогом использования военных судов Великобритании для помощи Бруку в укреплении его власти в Сараваке, были обоснованными.

Среди проблем, с которыми столкнулся Брук в Сараваке, одной из самых острых была проблема китайского населения. С самого начала Брук возлагал немалые надежды на привлечение китайских иммигрантов в малонаселенный Саравак. Вскоре китайцы — торговцы, ремесленники, старатели — составили значительную часть населения Кучинга. В 1850 г. во владения Брука началось массовое переселение китайцев из Западного Борнео, где издавна существовали китайские колонии. В связи со столкновениями между тайными обществами и голландским завоеванием многие китайцы бежали из Самбаса в Саравак, где их радушно принимал Брук. Вместе с тем «белый раджа» стремился установить твердый контроль над китайскими поселениями; в ноябре 1851 г. он объявил, что китайская община должна подчиняться судебной и налоговой власти саравакского правительства. Это вызвало враждебную реакцию руководства китайских конгси (кланово-земляческих организаций, контролировавших экономическую и социальную жизнь китайских поселений) и тайных обществ. На настроения саравакских китайцев повлияли и события в Китае, связанные со второй «опиумной войной» (1856—1858 гг.). В феврале 1857 г. золотоискатели из внутренней части Саравака двинулись на Кучинг. Застав англичан врасплох, китайцы убили нескольких европейцев и членов их семей и разграбили город.

Артиллерия подошедшего парохода заставила нападавших отступить, а малайские и даякские отряды Брука, которому удалось спастись, довершили разгром китайцев, в панике бежавших на голландскую территорию. Более трех с половиной тысяч китайцев

были убиты или покинули Саравак, и Брук установил контроль над китайским населением своего владения, которое в последующие годы снова выросло.

В 1863 г. английское правительство признало Саравак независимым государством под властью Брука.

Саравак во второй половине XIX — начале XX в. Раджа Джеймс Брук умер в 1868 г. в Англии, оставив наследником своего племянника Чарлза Джонсона Брука, который правил Сараваком до 1917 г. Территория Саравака продолжала непрерывно расширяться за счет Брунея. Чарлз Джонсон явно намеревался превратить весь султанат в свое владение. Именно этим объясняется его противодействие образованию «Бритиш Норс Борнео К^о», захватившей Сабах — северо-восточную область Брунея. Появление конкурентов подхлестнуло Чарлза Брука, который в 80-х годах XIX — начале XX в. оккупировал у Брунея ряд новых областей, в результате чего султанат превратился в крошечное княжество, а Саравак стал граничить с Сабахом. В 1888 г. Англия установила протекторат над всем Северным Калимантаном, включая Саравак, а в 1906 г. назначила резидента в Бруней, предотвратив его окончательное поглощение Сараваком.

Саравак делился на пять округов, во главе которых стояли английские чиновники, находившиеся на службе у династии Бруков. Округа состояли из дистриктов. Английская администрация опиралась на малайских феодалов и даякских вождей, за которыми были сохранены их привилегии. Они занимали должности в низших звеньях административного аппарата, в судебных и полицейских учреждениях. Бруки проводили политику невмешательства в религиозные дела и местные обычаи. Система управления в Сараваке имела много общего с той, которая впоследствии была установлена в княжествах Малайи. Едва ли это было случайно, поскольку «создатель» резидентской системы в Малайе Хью Лоу долгое время служил у Бруков в Сараваке.

Английский капитал медленно внедрялся в Саравак. Этому мешала политика Д. Брука, который не был склонен к широкому доступу европейского капитала в свои владения, равно как и переменам в социальной и экономической структуре Саравака. В 1856 г. в Лондоне возникла «Борнео К^о», которой Д. Брук предоставил право на добычу полезных ископаемых и торговлю. «Борнео К^о» занялась в основном торговлей, уделяя мало внимания эксплуатации естественных богатств Саравака. Бруки проводили политику привлечения китайских иммигрантов, оседавших главным образом «а побережье. Когда в начале XX в. разразился каучуковый бум, именно китайцы на своих небольших земельных участках занялись разведением каучуковых деревьев, тогда как плантационное хозяйство в Сараваке не получило значительного развития.

В конце XIX в. в Мири, на границе с Брунеем, была открыта нефть, а с 1907 г. началась ее добыча, попавшая в руки «Ройял Датч Шелл». В 1917 г. в Лутонге был построен нефтеперерабатывающий завод.

Дорожное строительство, медицинское обслуживание, образование находились к концу правления раджи Чарлза Джонсона Брука в зачаточном состоянии.

Американская колония в Сабахе. Северо-восточная часть султаната Бруней с середины XIX в. стала объектом экспансионистских устремлений дельцов и авантюристов различных национальностей. Помимо Великобритании в середине XIX в. еще одна западная держава проявляла повышенный интерес к Брунею. Это были Соединенные Штаты, которые в то время выходили на широкую международную арену и были заинтересованы в укреплении своих позиций в бассейне Тихого океана. В 1845 г. США пытались заключить с Брунеем договор, предоставляющий им право наиболее благоприятствуемой нации. После первой попытки последовала вторая, и в 1850 г. такой договор был заключен.

В 1865 г. в Брунее, к неудовольствию англичан, появился американский консул Чарлз Ли Мозес — бывший моряк по профессии и авантюрист по призванию. Он прибыл в Бруней с единственной целью — разбогатеть. Через несколько дней после своего появления Мозес заключил соглашение с султаном о передаче ему в аренду

территории на севере государства. Мозес немедленно уехал в Гонконг, где продал права на концессию американским торговцам Джозефу Торри и Томасу Харриу, которые привлекли двух китайских купцов и основали в октябре 1865 г. Американскую торговую компанию Борнео. В декабре 1865 г. компания создала в устье р. Киманис на западном побережье Сабаха поселение, получившее название Елена, и начала расчистку земли под плантации. Однако дела пошли неважно, и очень скоро компания оказалась под угрозой банкротства. Попытки привлечь немецких купцов в Гонконге и Макао успехом не увенчались, и в 1866 г. поселение Елена прекратило свое существование. Отчаявшийся Мозес, не получивший ни цента от Торри и Харриса, предпринял последний шаг; он сжег свою хижину в Лабуане и потребовал от султана Брунея возмещения убытков, причиненных пожаром консульству США. Натолкнувшись на решительное сопротивление султана, Мозес в 1867 г. покинул Лабуан.

Торри оказался удачливее и в 1875 г. продал концессию австро-венгерскому консулу в Гонконге барону Овербеку. Овербек привлек к своему предприятию английского дельца Альфреда Дента.

Возникновение компании Британского Северного Борнео. 29 декабря 1877 г. султан Брунея передал Овербеку и Денту территорию площадью свыше 72 тыс. кв. км за ежегодную плату 15 тыс. мал. долл. Практически власть султана на эти районы не распространялась, к тому же на часть территории Сабаха претендовал султанат Сулу. В 1878 г. Овербек при содействии английского губернатора Лабуана Тричера заключил договор с султаном Сулу. Это произошло в тот момент, когда испанские колонизаторы завершали захват архипелага Сулу и султанат доживал последние дни. В таких условиях правитель Сулу легко согласился на отказ от своих весьма эфемерных прав на Сабах в обмен на ежегодную уплату 5 тыс. мал. долл.

В заливе Сандакан на восточном побережье Сабаха было основано поселение, ставшее центром деятельности компании Овербека и Дента. На западном побережье также возникли торговые фактории компании. Английские власти Лабуана с самого начала проявляли огромный интерес к деятельности компании, стремясь, чтобы территории, попавшие в ее руки, оказались бы под контролем Англии. Соперничающие с последней в Юго-Восточной Азии западные державы включились в борьбу за Сабах. Первой выступила Испания, которая, захватив архипелаг Сулу, предъявила претензии на Сабах. В сентябре 1878 г. в Сандакане появилось испанское военное судно «Эльдорадо», капитан которого потребовал поднять в Сандакане испанский флаг, угрожая бомбардировкой поселения. Но, хотя ультиматум принят не был, испанцы не решились на враждебные действия и больше не угрожали Сандакану. Позже, в 1885 г., когда в Сабахе укрепились англичане, было подписано англо-испанское соглашение, согласно которому Англия признавала испанский суверенитет над Сулу, а Испания отказывалась от прав на Сабах. Возникновение Сандакана обеспокоило и голландцев, всегда с неудовольствием следивших за укреплением английских позиций на Калимантане. Только в 1891 г. была установлена примерная границы между Сабахом и голландской частью Калимантана, а окончательно пограничные вопросы были урегулированы еще позднее, в 1912—1915 гг. Пытались вмешаться в борьбу за Сабах и США, которые в 1880 г. заявили султану Брунея протест по поводу сдачи в аренду Сабаха, считая, что это действие противоречило американо-брунейскому договору 1850 г.

В конечном счете победа осталась за Англией. «Права» на концессию полностью перешли к Денту, который, устранив из партнерства Овербека, пришел к мысли о создании чисто английской компании для колонизации Сабаха и стал добиваться от английского правительства выдачи прамюты на привилегии для этой компании. Действия Дента были поддержаны экспансионистски настроенными колониальными кругами Англии, прежде всего теми, кто ратовал за расширение английских колониальных владений в Юго-Восточной Азии.

В августе 1881 г. английское правительство выдало грамоту созданной «Бритиш Норс Борнео К^о», которой Дент продал свои права на концессию. Грамота предусматривала, что компания по своему характеру должна оставаться английской и что она не должна без согласия английского правительства уступать кому бы то ни было свои права; компания обязывалась также уничтожить рабство на подвластной ей территории, не вмешиваться в религиозные дела и местные обычаи и обращаться к английскому правительству в случае конфликтов с местным населением или иностранной державой. Глава компании в Сабах должен был назначаться по согласованию с правительством.

Политическое и экономическое развитие Сабаха в 1881—1917 гг. «Бритиш Норс Борнео К^о», как и Бруки, немедленно начала расширять подвластную ей территорию за счет Брунея. Уже первый губернатор Сабаха У. Тричер захватил острова у берегов Сабаха, включая Баламбанган, а также ряд пунктов на западном побережье Сабаха. В дальнейшем владения компании продолжали расширяться в юго-западном направлении. В 1889 г. к Сабаху был присоединен Лабуан, который в 1906 г., однако, снова стал отдельной колонией, а в 1907 г. вошел в состав Стрейтс Сетлментс. В начале XX в. компания захватила у Брунея еще несколько районов, и ее владения стали граничить с Сараваком.

Хотя Сабах принадлежал частной компании, фактически он был обычной английской колонией. В 1888 г. Англия установила и формальный протекторат над Сабахом. «Бритиш Норс Борнео К^о» очень мало занималась торговлей и вообще экономической деятельностью, выполняя главным образом административные, судебные и налоговые функции, которые и обеспечивали выплату дивидендов ее пайщикам. Главой «компании» вначале был английский колониальный деятель Рутефорд Алкок, а затем — банкир Ричард Мартин, которого сменил бывший губернатор Цейлона — Уэст Риджуэй, управляющими — сперва А. Дент, потом — У. Кови. Губернаторы и другие высшие чиновники обычно приглашались из малайской гражданской службы, с которой администрация Сабаха поддерживала тесные связи. В начале XX в. Сабах состоял из четырех резидентств: Западный Берег, Восточный Берег (Сандакан), Тавау и Внутреннее. Центром вначале был Сандакан, а затем — Джесселтон на западном побережье. Резидентства делились на дистрикты, руководимые английскими служащими компании.

В 1912 г. был создан законодательный совет при губернаторе, в который вошли семь должностных и четыре недолжностных члена, представлявших европейских плантаторов и китайских предпринимателей.

Как и в Саравке, английская администрация Сабаха стремилась найти опору в местной знати, но в отличие от Саравака ей приходилось больше иметь дело с даякскими вождями, чем с малайскими феодалами. С самого начала компания стала платить деревенским вождям — старостам, признавшим ее власть, ежемесячные пособия в размере 5 мал. долл. В 1891 г. по образцу Стрейтс Сетлментс в Сабахе был введен Закон о деревне. Согласно этому закону староста назначался резидентом или главой дистрикта и утверждался в этой должности губернатором. Закон определял обязанности и права деревенского старосты. Староста должен был уведомлять полицию о всех происшествиях, о появлении подозрительных лиц, о преступлениях, он мог производить суд по уголовным делам (кроме дел об убийствах и грабежах); староста распределял земельные участки среди жителей своей деревни, наблюдал за постройкой домов и т. д.

В 1912 г. местные вожди были разделены на два (позже три) ранга, и каждому из них выдавались специальный знак и грамота в подтверждение его сана. Вожди первого ранга стали получать жалованье в размере не менее 25 мал. долл. в месяц. Английская администрация запретила в начале XX в. рабовладение, начала борьбу с охотой за головами.

В отличие от Саравака английский и другой иностранный капитал с самого начала был широко допущен в Сабах. «Бритиш Норс Борнео К^о» рассчитывала тем самым увеличить свои доходы за счет таможенных пошлин, концессионных сборов и т. п. С

целью привлечения частного капитала компания пошла на сооружение телефонной линии, связавшей в 1897 г. Сандакан с Джосселтоном и Лабуаном, и на строительство еще более дорогостоящей железной дороги вдоль западного побережья Сабаха (вступила в строй в 1905 г.).

В первые годы компания всячески поощряла торговлю традиционными продуктами Сабаха — птичьими гнездами, ратаном, гуттаперчей, камфорой, слоновой костью. В середине 80-х годов XIX в. возникла лесная промышленность, и лес превратился в основной экспортный продукт Сабаха, который сбывался главным образом в Китай и Австралию. В начале XX в. экспортом леса занимались четыре крупные компании, из которых решающую роль играла основанная в 1890 г. «Борнео Трэйдинг К°», владевшая к 1916 г. 14 концессиями общей площадью около 200 тыс. га. Вывоз леса непрерывно возрастал: в 1890 г. стоимость экспортируемого леса составила 44,6 тыс. мал. долл., в 1895 г. — 375 тыс., в 1910 г. — 643 тыс. мал. долл. Хищнические методы хозяйствования очень скоро привели к угрозе для лесов Сабаха, и администрация накануне первой мировой войны создала лесной департамент, который попытался (правда, без особых результатов) установить контроль над вырубкой леса.

В конце XIX — начале XX в. в Сабахе развернули активную деятельность различные горнодобывающие и нефтяные компании, но промышленная добыча полезных ископаемых (кроме угля на Лабуане) до конца первой мировой войны так и не была налажена.

Гораздо успешнее развивалось плантационное хозяйство. Вначале в Сабахе возникли табачные плантации, и табак в конце XIX — начале XX в. занимал по стоимости первое место в экспорте Сабаха: 822 мал. долл. в 1885 г., 396 тыс. в 1890 г., 1176 тыс. в 1895 г. и 2918 тыс. мал. долл. в 1902 г. Но затем началось падение цен на мировом рынке, сокращение спроса на табак для сигар, что вызвало резкое падение производства табака в Сабахе, где в 1912 г. осталось лишь 12 табачных плантаций.

Каучуковые плантации оказались в более выгодном положении. Правление «Бритиш Норс Борнео К°» после начала каучукового бума предоставило большие льготы всем компаниям, производящим каучук. Это вызвало бурный рост каучуковых плантаций. Непрерывно росли доходы «Бритиш Норс Борнео К°», увеличившей дивиденды своих пайщиков с 2—2,5% в 90-х годах XIX в. до 5% в 1909—1914 гг.

Как и в Малайе, внедрение английского капитала в экономику страны вызвало китайскую иммиграцию в Сабах. Китайцы занимались торговлей, ремеслом, работали на плантациях и в горной промышленности.

Спротивление английской колонизации. Несмотря на то что наиболее мощные очаги антианглийского сопротивления в Сараваке были подавлены еще при Джеймсе Бруке, во внутренних областях вплоть до первой мировой войны периодически возникали вспышки недовольства колониальным управлением. Самой значительной из них было восстание даяков под руководством Бантинга и Нгумбанга, начавшееся в верховьях Батанг-Лупара в 1893 г. Экспедиция 1894 г., возглавленная раджей Чарлзом Бруком, потерпела неудачу. В 1902 г. Брук снарядил еще одну экспедицию против Бантинга, который упорно продолжал не признавать власть «белых раджей». Вспышка холеры и сопротивление повстанцев обрекли на полную неудачу и эту экспедицию. В последующие годы войска и полиция Бруков совершали бесконечные рейды на мятежные территории, сжигая деревни, уничтожая посевы и т. п., но лишь в 1908 г. Бантинг признал власть Бруков и прекратил сопротивление.

В 1908—1909 гг. произошли волнения среди даяков, живших вблизи голландской страницы, а в 1915 г. среди даяков в третьем округе, на р. Баллех.

«Бритиш Норс Борнео К°» устанавливала свою власть в Сабахе, как и Бруки в Сараваке, опираясь на военную силу. В 80-х — начале 90-х годов XIX в. полиция Сабаха устраивала постоянные набеги на различные даякокие племена, не останавливаясь перед

истреблением жителей целых селений. Племенная рознь и вражда между даяками и малайцами мешали борьбе населения Сабаха с колонизаторами.

В последнем десятилетии XIX в. в Сабахе вспыхнуло восстание, явившееся одним из самых значительных антиколониальных движений на Северном Калимантане в период английского господства. Главной причиной восстания стали злоупотребления сборщиков подушевого налога, которые появились во внутренних районах Сабаха после 1885 г. Восстание, начавшееся в конце 1894 г., возглавил староста деревни Сугут на восточном побережье Мат Саллех. Вначале он действовал вблизи Сандакана, а в 1897 г. появился на западном побережье. Здесь он разгромил английское поселение на о-ве Гайя, после чего к нему присоединились сотни дусунов, баджу и сулуков. Вслед за тем он сжег резидентство в Амбонге и укрепился в селении Ранау, ставшем его штаб-квартирой. После неудачного нападения на Ранау власти были вынуждены просить помощи у английского флота. Канонерки поднялись по реке и артиллерийским огнем уничтожили укрепление Мат Саллеха.

Но Мат Саллех не прекратил борьбы. Он обосновался в долине р. Тамбанан, куда к нему стекались все недовольные английским господством. Он соорудил несколько укреплений и вновь развернул партизанскую борьбу на западном побережье. В феврале 1900 г. в случайной стычке Мат Саллех был убит, но восстание продолжалось. В апреле 1900 г. повстанцы во главе с Мат Сатором напали на Кудат. Партизанская война в джунглях продолжалась до 1903 г., когда были убиты или сдались помощники Саллеха. Кроме восстания Мат Саллеха в Сабахе в конце XIX — начале XX в. происходили и другие выступления против английской власти. Так, одновременно с Мат Саллехом в окрестностях горы Кинабалу в 1894—1905 гг. действовал Си Гунтунг. В 1909 и 1915 гг. в районе Рундута (Внутреннее резидентство) восставали муруты.

Таким образом, к началу первой мировой войны Северный Калимантан (Саравак, Сабах и Бруней) был окончательно превращен в английскую колонию: была создана система колониального управления и подавлено сопротивление местного населения, противившегося иноземному вторжению.

Глава 7

МАЛАЙЯ И СЕВЕРНЫЙ КАЛИМАНТАН МЕЖДУ ДВУМЯ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ (1918—1939 гг.)

В период между двумя мировыми войнами окончательно сложилась социально-экономическая структура колониальной Малайи, оформилась система колониального управления, определились многие особенности национально-освободительного движения. Хронологически этот период делится на три этапа: от конца мировой войны до мирового экономического кризиса (1918—1928 гг.), мировой экономической кризис (1929—1933 гг.), предвоенные годы (1934—1939 гг.).

Социально-экономическое развитие Малайи. Особенности хозяйственной и социальной структуры малайского общества, начавшие складываться в конце XIX в., явственно проявились в первой трети нашего века, определив в значительной мере последующее развитие страны.

Малайя в эти годы окончательно превратилась в поставщика двух основных продуктов на мировой рынок — олова и каучука. Английский капитал взял под свой контроль производство этих продуктов, извлекая огромные прибыли, особенно в периоды благоприятной конъюнктуры на мировом рынке. Превращение Малайи в страну монокультуры — каучука — и источник одного вида сырья — олова — привело к

однобокому развитию страны, на экономике которой неизменно сказывались колебания цен на мировом рынке, особенно в период кризиса 1929—1933 гг.

В XIX и в начале XX в. Малайя давала свыше половины мировой добычи олова. В период между войнами доля малайского олова на мировом рынке снизилась: 56% в 1904 г., 36% в 1929 г. и 26% — в 1938 г. Это было связано не с падением добычи олова в Малайе, а с увеличением его производства в Нигерии, Боливии, Таиланде, Бельгийском Конго и Индонезии. Размеры оловодобычи в Малайе на протяжении всего периода оставались стабильными (за редкими исключениями¹⁹): примерно 50 тыс. т в год, т. е. на уровне, достигнутом еще в 1903г., никогда не поднимаясь выше 60 тыс. т.

Если общее производство олова осталось прежним, то позиции английского и китайского капитала в оловодобыче кардинально изменились. Английский капитал хлынул в оловодо-бычу и, используя свои финансовые возможности и прямую поддержку колониальных властей, оттеснил китайских предпринимателей на задний план. Если в 1920 г. английские компании добывали 36% олова в Малайе, то в 1930 г. — 60%, а в 1938г. — 67%.

Помимо олова некоторое значение в добывающей промышленности колониальной Малайи имела добыча каменного угля, марганца, железной руды, золота и вольфрама. Важнейшие разработки угля находились вокруг города Бату-Аранг в Селангоре. Добыча угля возросла с 36 тыс. т в 1922 г. до 500 тыс. т в 1938 г.; уголь использовался главным образом для внутренних потребностей (железные дороги и рудники). Продолжала развиваться традиционная отрасль — золотодобыча: в 1938 г. из Малайи было вывезено около 30 тыс. унций золота. В 30-е годы резко возросла добыча железной руды (в Тренгану и Келантане): свыше 7,6 млн. т в 1937 г. Во всех этих отраслях добывающей промышленности безраздельно господствовал иностранный капитал.

Сельское хозяйство Малайи было ориентировано на производство каучука. Под каучуком в Малайе в 1938 г. находилось свыше 1320 тыс. га, из которых более двух третей занимали крупные плантации, принадлежавшие английскому капиталу. Мелкие и средние плантации (от 6 до 40 га) принадлежали в основном китайским и индийским предпринимателям. Малайские крестьяне разводили гевею на небольших участках (0,5—2 га). Производство каучука выросло со 196 тыс. т в 1920 г. до 361 тыс. т в 1938 г.

Из других экспортных культур в Малайе наибольшее значение имела кокосовая пальма: накануне второй мировой войны под ней было занято 240 тыс. га, из которых две трети приводились на крестьянские хозяйства. В 20-х годах началось разведение масличной пальмы, ставшей заметной отраслью сельского хозяйства уже в послевоенный период. Под ананасами в 1937 г. в Малайе было 20 тыс. га, и страна обеспечивала 90% потребностей Британской империи в консервированных ананасах. Остро стояла для Малайи продовольственная проблема, поскольку крестьянские хозяйства с низкой урожайностью и невысокой товарностью не обеспечивали нужного количества риса. В 1940 г. Малайя ввозила $\frac{2}{3}$ риса, необходимого для потребления растущим населением. Широко рекламировавшиеся планы колониальной администрации, направленные на освоение новых земель, дали более чем скромный результат: если в 1930 г. площадь земель под рисом составляла 283 тыс. га, то в 1940 г. — 297 тыс. га.

В 20—30-х годах английские монополии предприняли шаги к монополизации мирового рынка каучука и олова. Создавая международные картели по каучуку и олову, английские компании одновременно укрепляли свое положение в производстве каучука и оловодобыче за счет интересов местных предпринимателей.

Первый картель по каучуку появился после экономического кризиса 1920—1921 гг., бывшего следствием перепроизводства сырья и послевоенной депрессии в Европе. Цена на каучук на мировом рынке упала с 2 шилл. за фунт в 1920 г. до 6 пенсов в 1922 г. Обеспокоенные падением доходов, английские предприниматели побудили правительство

¹⁹ Например, в 1937 г.—77 тыс. т.

создать комитет по изучению положения с каучуком (комитет Стивенсона), который рекомендовал выработать программу ограничения производства и продажи каучука. План Стивенсона действовал в течение шести лет (1922—1928 гг.), охватив Малайю и Цейлон, дававшие около 70% мирового производства каучука. В Малайе он ударил по владельцам мелких участков, поскольку квоты на производство и продажу каучука были установлены таким образом, что ограничивали прежде всего производство каучука в крестьянских хозяйствах и на мелких плантациях. Так как Нидерланды отказались участвовать в плане и продолжали увеличивать производство каучука в Индонезии, план Стивенсона в 1928 г. был отменен и ограничения сняты. Но мировой экономический кризис, разразившийся в 1929 г., когда цены на каучук упали до 2 пенсов за фунт, заставил международные монополии создать новый картель по каучуку (1934—1941 гг.), куда вошли Малайя, Цейлон, Индия, Бирма, Саравак, Британское Северное Борнео, Индонезия, Французский Индокитай и Таиланд, т. е. страны, контролировавшие 98% мирового производства этого продукта. В Малайе контроль осуществлял английский чиновник Малайской гражданской службы, которому помогал комитет, состоявший из представителей крупных компаний и колониальной администрации. Мелкие владельцы и даже хозяева средних плантаций в комитете представлены не были. Как и в 20-х годах, английские монополии в Малайе путем принудительного картелирования мелких и средних плантаций китайской и индийской буржуазии и крестьянских хозяйств и установления льготных квот на продажу каучука для крупных плантаций, принадлежавших английскому капиталу, сумели не только сохранить свои позиции, но и расширить их. Если в 1934 г. мелкие хозяйства давали 231 тыс. т каучука, а плантации— 260 тыс. т, то для 1938 г. эти цифры были соответственно 113 тыс. и 246 тыс. т.

В 1931 г. был создан международный картель по олову, куда вошли Малайя, Боливия, Индонезия и Нигерия. Позднее к этому соглашению присоединились Таиланд, Конго и Французский Индокитай. Как и при установлении квот на производство каучука, английские монополии использовали картель для вытеснения мелких и средних предпринимателей (в основном китайцев) из оловодобычи.

Решающие позиции в экономике Малайи занимал английский капитал, действовавший через систему так называемых управляющих агентств. Плантационное хозяйство и экспорт каучука находились под контролем таких объединений, как «Харрисонс энд Кросфилд», «Гутри энд К^о», «Боустэд энд К^о», «Раббер Эстейт Эйдженеи» и др. Управляющие агентства действовали также в торговле, коммунальном хозяйстве, обрабатывающей промышленности. Оловодобыча и выплавка олова находились под контролем трех монополистических объединений — «Бритиш Тин Инвестмент Корпорейшн», «Консолидейтед Тин Смелтерс» и «Лондон Тин Корпорейшн». Из общей суммы иностранных капиталовложений 116,5 млн. ф. ст. английские инвестиции в 1930 г. составляли 70%.

Новым явлением в экономической жизни страны стало проникновение американского и японского капитала. Перед второй мировой войной американские компании владели рядом крупных каучуковых плантаций, японцы контролировали добычу железной руды в Джохоре. В 20-е годы возрос импорт в Малайю из США и Японии. Но в 30-е годы Англии удалось потеснить своих конкурентов посредством системы пошлин и ограничений на экспорт и импорт.

В межвоенный период окончательно сложилась та классовая и национальная структура Малайи, которая начала образовываться в конце XIX — начале XX в.

Китайская иммиграция в Малайю продолжала возрастать: в 1911—1920 гг. прибыло 1,5 млн. человек, в 1920—1930 гг.— 2,5 млн. Китайское население Малайи с 1921 по 1941 г. выросло с 1174 тыс. человек (35% всего населения) до 2379 тыс. человек (43%). Рост происходил главным образом за счет положительного миграционного баланса — превышения числа прибывающих в Малайю над числом уезжающих в Китай. Во время кризисных падений цен на каучук и олово (1920—1921, 1929—1933, 1937—1938 гг.)

наблюдался массовый отлив китайского населения. Но постепенно в Малайе росла прослойка постоянных китайских поселенцев. В 1921 г. 22% китайского населения составляли родившиеся в Малайе, а в 1931 г. — 31%.

До кризиса 1929—1933 гг. английские колониальные власти не накладывали ограничений на китайскую иммиграцию. В 1930 г. был ограничен въезд китайцев-мужчин, а в апреле 1938 г. иммиграция из Китая была фактически совсем запрещена.

Развитие в Малайе каучукового хозяйства, резко увеличив спрос на рабочую силу, вызвало увеличение индийской иммиграции: в 1921 г. в колонии было 471 тыс. индийцев, а в 1941 г. — 744 тыс. Возрастало число индийцев и цейлонцев, родившихся в Малайе. Если среди китайского населения наряду с пролетариатом была значительная буржуазная прослойка, то большинство индийского составляли плантационные рабочие.

Основной частью малайского населения являлось крестьянство, страдавшее под гнетом полуфеодальной и ростовщической эксплуатации. Значительной была прослойка арендаторов-издольщиков. Капиталистические отношения в сельском хозяйстве были развиты слабо. Постепенно менялась структура сельскохозяйственного производства. Продолжая заниматься традиционным рисоводством, крестьяне увеличивали посадки гевеи в своих хозяйствах. Несмотря на усилившееся имущественное расслоение, рост товарности крестьянского хозяйства, ростки капиталистического предпринимательства, малайская деревня сохраняла традиционный облик, чему не в малой степени способствовало наличие довольно значительного земельного фонда.

Таким образом, классово-этническая структура Малайи к началу второй мировой войны выглядела следующим образом. Малайцы, составлявшие немногим более 42% населения (2278 тыс. человек в 1941 г.), в основном были крестьянами. Лишь в конце 30-х годов стал появляться малайский предпролетариат — рабочие-отходники и плантационные и рудничные рабочие, продолжавшие жить в своих деревнях и не порвавшие окончательно связи с ними. Малайская буржуазия была незначительной. Малайцы формировали аристократическую элиту в султанатах, из которой складывалась бюрократия, занимавшая низшие и средние звенья колониального аппарата.

Китайцы составляли преимущественно городское население и большинство в Стрейтс Сетлментс и на западном побережье страны. Преобладающая часть городских рабочих была китайцами. Китайцы занимались торговлей. Основная масса мелкой, средней и крупной буржуазии была также китайской по национальности. Значительной была прослойка китайской интеллигенции.

Индийцы были самой большой группой плантационных рабочих; они работали также в городском хозяйстве, на транспорте, предприятиях связи, в здравоохранении. Существовала индийская мелкая и средняя буржуазия, но менее значительная, чем китайская. Крупная индийская буржуазия была также намного слабее китайской.

Структура экономики Малайи делала страну полностью зависимой от колебаний цен на каучук и олово на мировом рынке. Естественно, что экономические кризисы особенно тяжело сказывались на этой колонии. Уже первый послевоенный кризис 1920—1921 гг. привел к тяжким последствиям для страны. Если в 1913 г. Малайя вывезла 50 тыс. т олова, то в 1923 г. — только 37 тыс. т. Резкое сокращение опроса на каучук и олово на мировом рынке немедленно сказалось на занятости населения, заработной плате, жизненном уровне, поскольку английские колонизаторы, стремясь уменьшить свои потери, повели наступление на трудящихся. К массовым увольнениям, снижению заработной платы, интенсификации труда добавилось сокращение ввоза риса из-за недостатка бюджетных средств. Результатом было массовое возвращение китайских и индийских рабочих на родину.

Окончание кризиса вызвало расширение производства олова и каучука и повышение спроса на рабочую силу. 1924—1928 годы были самыми благополучными в рассматриваемом периоде с экономической точки зрения.

Мировой экономический кризис 1929—1933 гг. особенно больно ударил по колониальным странам, односторонне ориентированным на производство определенных продуктов на мировой рынок. Именно такой страной была Малайя. Первые признаки сокращения спроса на них появились еще в 1927—1928 гг. В период же кризиса цены упали катастрофически: если в 1926 г. тонна оловянной руды стоила 284 ф. ст., то в 1931 г. — 120 ф. ст., цена каучука упала за годы кризиса с 12 шилл. 6 пенсов за фунт до 3 пенсов за фунт.

Английские монополии стремились возместить убытки за счет трудящихся, в чем получали активную помощь колониальной администрации. Резко возросло число безработных. Сократилась заработная плата тем, кто смог сохранить работу. Результатом было снижение и без того нищенского жизненного уровня пролетариата Малайи.

Кризис вызвал изменения и в жизни малайской деревни, где выросло число безземельных и малоземельных крестьян, поскольку упали цены на каучук и копру, производимые в крестьянских хозяйствах. Большинство обезземеленных крестьян становились арендаторами-издольщиками на земле, ранее принадлежавшей им, а теперь перешедшей в собственность местных торговцев, ростовщиков и кулаков. Часть же крестьян в поисках работы уходила в города и на плантации, и именно с этого времени появляется малайский по происхождению пролетариат. От кризиса пострадала и местная буржуазия. Используя колониальный аппарат, английские монополии потеснили китайский капитал в оловодобыче, установив выгодные для себя квоты. В результате если в 1925 г. на рудниках, которыми владели китайцы, производилось 56% всей оловодобычи, то в 1935 г. — лишь 34%. Потерпел банкротство ряд местных предприятий легкой промышленности.

Особенностью развития Малайи после кризиса было то обстоятельство, что ее экономика вплоть до начала второй мировой войны не вышла из состояния упадка.

Система колониального управления и административные реформы.

Административная структура Британской Малайи, сложившаяся в начале XX в., продолжала существовать без серьезных изменений до второй мировой войны. Страна была разделена на три типа колониальных владений, которые, хотя и находились под властью английского губернатора, имели значительные различия в экономической структуре и политическом статусе.

Колония короны Стрейтс Сетлментс включала Сингапур, Пинанг, Малайку, Провинцию Уэлсли и о-ва Диндинг. В 1935 г. архипелаг Диндинг, захваченный Англией в 1874 г., был возвращен Пераку. Во главе Стрейтс Сетлментс стоял губернатор, которому в административных делах помогал колониальный секретарь, Пинанг и Малайка возглавлялись резидентами-советниками, подчинявшимися губернатору. Исполнительный совет под председательством губернатора обсуждал все важные вопросы, касающиеся повседневного управления колонией. В его состав входили командующий войсками, колониальный секретарь, резиденты-советники, генеральный прокурор, казначей, два других должностных члана и три недолжностных (из которых один был китаец), назначаемые губернатором и утверждаемые министерством колоний. Законодательный совет обсуждал бюджет колонии и законодательные акты, предпринимаемые губернатором. С 1924 г. он состоял из равного числа должностных и недолжностных членов. Последние, также назначаемые губернатором, были представлены 7 европейцами, 3 китайцами, 1 индийцем, 1 малайцем и 1 евразийцем²⁰. Оба совета имели совещательные функции, большинство из них принадлежало представителям колониальной администрации (при разделении мнений в законодательном совете губернатор имел решающий голос), представители местного населения назначались той же колониальной администрацией. Все дела вершились узким кругом бюрократов и английских предпринимателей, с которыми была тесно связана верхушка богатой компрадорской

²⁰ К евразийцам в Малайе относились дети от браков между европейцами и местными (малайскими, индийскими и китайскими) женщинами.

китайской буржуазии Стрейтс Сетлментс. Естественно, что в таких условиях никаких шагов в сторону хотя бы куцега самоуправления сделано не было. Специальный комитет законодательного совета, обсуждавший эту проблему в 1920 г., пришел к выводу, что население Стрейтс Сетлментс не стремится к самоуправлению и довольно существующими порядками. Предложение этого комитета создать большинство из недолжностных членов в законодательном совете было отвергнуто губернатором. Предложения о равенстве должностных и недолжностных мест в исполнительном совете и выборности недолжностных членов законодательного совета, выдвинутые в начале 30-х годов, также остались без внимания.

Другим колониальным образованием была федерация четырех наиболее развитых экономически малайских княжеств — Перака, Селангора, Негри-Сембилана и Паханга. Губернатор Стрейтс Сетлментс одновременно являлся верховным комиссаром федерации. При нем был создан федеральный совет, выполнявший те же функции, что и законодательный совет в Стрейтс Сетлментс. Время от времени собирался дурбар султанов, с которыми верховный комиссар советовался по вопросам, касающимся малайских обычаев и религии. Дурбары султанов и конференций резидентов четырех княжеств, собираемые регулярно, играли роль, сходную с ролью исполнительного совета в Стрейтс Сетлментс. Во главе каждого княжества стояли султан и государственный совет, в котором решающий голос принадлежал английскому резиденту.

После первой мировой войны, столкнувшись с появлением национального движения в Малайе и с усилением влияния национально-освободительного движения в Китае и Индии на ее население, английские колонизаторы начали мероприятия по так называемой децентрализации управления, целью которой было укрепить позиции малайской знати в колониальном аппарате. Активным сторонником такой политики выступил губернатор Стрейтс Сетлментс и верховный комиссар федерации в 1920—1927 гг. Лоуренс Гиллемард. В 1920 г. в федеральный совет впервые был введен недолжностной член — малаец. В 1921 г. Гиллемард сделал официальное заявление в федеральном совете, что английское правительство не имеет намерения включать остальные малайские султанаты в федерацию. В 1925 г. Гиллемард предложил уничтожить должность главного секретаря федерации, передав его функции различным департаментам султанатов и федерации, а также вернуть государственным советам часть прав, которые были потеряны при создании федерального совета в 1909 г. Но в результате сопротивления европейских и китайских бизнесменов, заинтересованных в централизации колониального управления, эти предложения не были проведены в жизнь. Реформа 1927 г. свелась к замене султанов в федеральном совете должностными членами при одновременном увеличении числа недолжностных из числа малайцев (всего в федеральном совете стало 13 должностных и 11 недолжностных членов) и передаче государственным советам бюджетного контроля над чисто внутренними расходами. Назначенный в 1927 г. губернатором и верховным комиссаром ветеран колониальной малайской службы Хью Клиффорд заявил, что статус султанатов, невзирая на все реформы, останется прежним, что введение демократического правления, голосования и т. п. противоречит духу и букве договоров Англии с малайскими княжествами и что английская политика в Малайе останется неизменной.

После мирового кризиса, усилившего антиимпериалистические настроения среди трудящихся Малайи (главным образом китайского и индийского населения), колониальные власти вернулись к проектам «децентрализации», которая должна была укрепить позиции малайской элиты, на союз с которой колонизаторы стали ориентироваться гораздо активнее, чем прежде. В 1933 г. было создано первое местное военно-полицейское формирование — «малайский полк», составленный исключительно из малайцев. В 1931 г. губернатор Сесиль Клементи предложил новую административную реформу федерации, принятую в 1933г. В результате ее многие федеральные службы перешли под контроль государственных советов, а должность главного секретаря

федерации была упразднена. Колониальные власти еще раз заявили о нежелательности объединения всех султанатов в федерацию, что немедленно вызвало положительную реакцию султанов и аристократии.

Третий тип колониальных владений представляли султанаты, не входившие в федерацию, — Джохор, Кедах, Перлис, Келантан и Тренгану, — которые относились (за исключением Джохора) к наименее экономически развитым районам Малайи, и соответственно интерес английских бизнесменов и администраторов к ним был значительно меньшим. Джохор, находившийся в непосредственном соседстве с Сингапуром, имевший сравнительно развитую (в условиях Малайи) промышленность и значительное плантационное хозяйство, по типу управления скорее примыкал к султанатам, входившим в федерацию, чем к другим «нефедерированным» княжествам. В Джохоре были созданы государственный и исполнительный советы. Английский генеральный советник выполнял функции резидента, важнейшие департаменты находились в руках английских чиновников. Вместе с тем в Джохоре по сравнению с федерированными султанатами больше представителей малайской элиты занимало посты даже в верхнем эшелоне бюрократии, не говоря уже о среднем или низшем звеньях.

В Кедахе в государственный совет входили английский советник и четыре малайских члена; участие англичан в управлении султанатом здесь было менее значительно, чем в других княжествах: в Кедахе даже в таких службах, как общественные работы, здравоохранение, ветеринария, топография, работало значительное число малайцев, получивших образование на Западе.

Келантан и Тренгану оставались самыми «малайскими» и наименее экономически развитыми султанатами. Число английских чиновников было незначительным, но они занимали ключевые посты: советника, заместителя советника, юридического советника, начальника полиции. Государственный совет в Келантане состоял из 15 членов, из которых 3 были англичанами; в Тренгану англичан в составе совета (19 человек) не было, но советник посещал все заседания совета, решения принимались только с его согласия. Официальным языком государственных советов в «нефедерированных» султанатах (кроме Джохора) был малайский, тогда как в государственных советах федерации и Джохора — малайский и английский, а в федеральном совете — только английский. Никаких изменений в структуре управления султанатов, не вошедших в федерацию, в 20—30-е годы XX в. не произошло.

Национально-освободительное движение в Малайе между мировыми войнами.

Особенности социально-экономического и политического развития сказались на характере и темпах развития национально-освободительного движения в колонии. Наличие трех этнических групп, связанных с различными секторами экономики, ориентированность большинства китайцев и выходцев из Индии и с Цейлона на свои страны, текучесть иммигрантского населения, слабая связь между традиционным сектором экономики, в котором была занята основная масса малайского населения, и современным плантационным хозяйством и добывающей промышленностью, разделение страны на различные типы колониальных владений и сохранение султанатов, особая заинтересованность английских колонизаторов в Малайе с точки зрения экономики и имперской стратегии — все эти факторы оказали воздействие на национально-освободительное движение в Малайе между двумя мировыми войнами, которое развивалось замедленными темпами, несколько ускорившимися лишь в 30-х годах под влиянием мирового экономического кризиса. С самых первых шагов это движение в Малайе оказалось разделенным по национальному признаку. Крестьянство — основная масса малайского населения — находилось под влиянием своих традиционных лидеров — султанов, знати и духовенства. В 10—20-х годах XX в. в восточных султанатах происходили крестьянские выступления во главе с представителями духовенства и местной знати. Недовольное установлением новых налогов, введенных колониальными

властями, крестьянство облекло свой протест в традиционные формы, выступая под знаменами религии и возврата к старым порядкам.

В 1915 г. поднялось крестьянство одного из внутренних районов Келантана, недовольное земельным налогом. Возглавившие население имамы — главы мечетей придали движению религиозную окраску. Более значительным было выступление крестьянства Тренгану в 1928 г., где представитель местной знати Хаджи Абдул Рахман, связанный с духовенством, поднял крестьян внутренних районов, страдавших от непосильного поземельного налога, в защиту исламских порядков, нарушенных султаном и англичанами. Повстанцы захватили центр дистрикта Куала-Беранг и двинулись к столице султаната. На пути их встретил султан, в поддержку которого они верили, с отрядом полиции. По приказу султана полиция открыла огонь по восставшим, в числе убитых был один из предводителей, То Джангут. Повстанцы рассеялись. Хаджи Абдул Рахман был арестован и отправлен в изгнание в Мекку, несколько других предводителей движения были высланы в Сингапур.

Восточные султанаты Малайи оставались оплотом каум туа — исламских традиционалистов, выступавших против религиозного реформаторства. В Келантане и Тренгану были созданы советы по делам религии и малайских обычаев, которые активно воздействовали на систему образования и внутреннюю жизнь султанатов.

В период между мировыми войнами малайский национализм постепенно освобождался от религиозной оболочки и обретал светские формы. Возросло число малайцев, получавших среднее образование (число малайских учеников в средних школах в федерированных султанатах выросло с 890 в 1920 г. до более чем 2700 в 1930 г.), в 1922 г. открылся учительский колледж султана Идриса в Перате. Появился городской малайский средний слой — чиновники, учителя, журналисты, врачи. Обычно после отставки эти люди возвращались в свои родные деревни, где пользовались значительным влиянием. Характерной чертой была тесная связь интеллигенции нового поколения с малайской бюрократией, формировавшейся в султанатах. Пробуждению малайского национализма способствовали антианглийские настроения, распространявшиеся в среде малайской интеллигенции, бюрократии и немногочисленных бизнесменов. Определенное воздействие на Малайю оказали индонезийские националисты, под влиянием которых со второй половины 20-х годов стали появляться идеи объединения Малайи и Индонезии в единое государство.

Появление европейски образованной малайской молодежи привело в 20-х годах XX в. к тому, что арабская и полуарабская (джави леранакан) интеллигенция начала терять свое преобладающее влияние на малайско-мусульманскую общину Стрейтс Сетлментс.

Лидером каум муда стал Мохаммад Юнос бин Абдуллах, минангкабау по происхождению, бывший членом Мусульманского консультативного совета, созданного англичанами в годы первой мировой войны. После войны он был назначен мировым судьей, а в 1922 г. стал первым малайским муниципальным советником Сингапура. Другими лидерами каум муда были первый врач-малаец Абдул Самад и Тенгу Кадир, принадлежавший к султанской семье Джохора. После окончания войны они основали в Сингапуре Мусульманский институт в противовес Мусульманской ассоциации Сингапура, руководимой джави перанакан. В 1924 г. при назначении члена законодательного совета ассоциация предложила, чтобы на этот пост был назначен мусульманин (т. е. им мог быть также араб или джави леранакан), а институт предложил не просто мусульманина, а малайца. Колониальные власти приняли последнее предложение, и Мохаммад Юнос стал первым малайцем — членом законодательного совета Стрейтс Сетлменте.

В 1926 г. возникла первая общественная малайская ассоциация — Сингапурский малайский союз («Кесатуан Мелаю Сингапура»), первым президентом которого стал Мохаммад Юнос бин Абдуллах. У союза были следующие задачи: привлечение малайцев

к участию в общественной жизни и политике, развитие образования, защита интересов малайского населения перед администрацией. Членами союза были журналисты, чиновники, торговцы, в меньшей степени религиозные деятели. Главные усилия союз сосредоточил на проблеме образования; в 1929 г. под прямым воздействием союза и Мохаммада Юноса в Сингапуре открылась профессионально-техническая школа для малайцев. Постепенно пропаганда союза принимала все более заметную антикитайскую направленность. Сотрудничая с колониальными властями, лидеры союза (с 1934 г. его президентом после смерти Мохаммада Юноса стал Эмбок Сулох) через газету «Утусан Мелаю» обрушивались с критикой на китайский бизнес, требуя больших возможностей для малайцев в сфере торговли и образования.

В 30-х годах малайское национальное движение было представлено тремя направлениями. Одним из них было религиозно-реформаторское течение (кауум муда), которое и в 30-х годах сохраняло свои позиции. Его центром еще в 20-е годы стал Пинанг. Деятели этого направления сосредоточили внимание на просвещении малайского населения, подчеркивая необходимость модернизации жизни при соблюдении правил поведения, предписанных исламом, чтобы не оказаться оттесненными другими национальностями (китайцами и индийцами). Идеологи религиозного реформаторства во многом способствовали развитию современной малайской литературы²¹. Объединяясь вокруг таких журналов, как «Маджалах Гуру», «Маджалах Черита», «Пенгхибуран», религиозные реформаторы и писатели, крупнейшими из которых были Сайд Шейх ал-Хади и Абдул Рахим Каджай, публиковали свои романы и рассказы, выражавшие идеи и взгляды религиозного реформаторства. В 1934 г. в Пинанге была основана «Сахабат Пена» — всемалайская ассоциация, ставившая целью распространение грамотности и идей реформированного ислама в малайском населении. В 1937 г. эта ассоциация насчитывала 10 тыс. членов. В конце 30-х годов в ассоциации разгорелась борьба между более консервативным центром в Пинанге и отделениями на местах, где сильнее было влияние радикальных элементов, не довольствовавшихся чисто просветительскими целями.

Второе направление было представлено националистическими малайскими организациями служилой аристократии и чиновной элиты. Их родоначальником был Сингапурский малайский союз, отделения которого появились и в других сэтлментах — Малакке и Пинанге.

В 1935 г. малайский юрист Тунку Исмаил и аристократ раджа Уда бин Мухаммад создали Малайский союз Селангора — первую малайскую политическую ассоциацию, ставившую цель защиты привилегий малайской элиты. Вслед за тем подобные ассоциации возникли и в других султанатах. Создание этих ассоциаций было, несомненно, ускорено политикой колониальных властей, начавших в 30-х годах заигрывать с малайской верхушкой в целях использования последней против радикальных течений, распространявшихся в среде китайского и индийского населения. В 1937 г. в Куала-Лумпуре был созван первый Всемалайский конгресс этих ассоциаций, которые затем собирались ежегодно вплоть до японского вторжения. Ассоциации, руководство в которых принадлежало малайскому чиновничеству — выходцам из аристократии, критиковали колониальные власти за недостаточную «малаизацию» аппарата, добиваясь выдвижения малайцев в верхний эшелон администрации. Дато Онн бин Джафар, будущий идеолог малайского консервативного национализма, в довоенные годы был очень близок к руководству ассоциациями, явившимися предтечами Объединенной малайской национальной организации.

Третьим направлением стало движение разночинной малайской интеллигенции, носившее антиколониальный и антифеодальный характер. Оно зародилось под влиянием индонезийского радикального движения 20—30-х годов, с которым поддерживало

²¹ Первый современный малайский роман «Хикаят Фарида Ханум», написанный Саидом Шейх ал-Хади, одним из идеологов каум муда, был опубликован в 1926 г.

постоянные связи. В 1938 г. заместитель редактора журнала «Маджлис» в Куала-Лумпуре Ибрахим бин Хаджи Якоб и журналист Исхак бин Хаджи Мохаммад основали «Кесатуан Мелаю муда» («Союз молодой Малайи»), который выступил с критикой колониального режима и султанов, «продавших страну англичанам». Союз пропагандировал идею освобождения Малайи путем изгнания англичан и объединения с Индонезией. При создании Союз насчитывал 50—60 членов, главным образом это были студенты педагогического колледжа в Танджонг-Малиме, куала-лумпурской и сердантской сельскохозяйственных школ, журналисты.

После мая 1919 г., когда началось массовое антиимпериалистическое движение в Китае, китайцы в Малайе приняли активное участие в антияпонских демонстрациях и бойкотах. В 20-х годах усилилась роль гоминьдана, под влиянием которого в Малайе стали появляться новые китайские школы, политические клубы и различные издания. Богатые китайские торговцы Стрейтс Сетлментс во главе с Тань Каки собирали значительные средства на развитие образования и промышленности в Китае. В 1919 г. Тань Каки открыл первую в Сингапуре китайскую среднюю школу, в которой обучение шло не на южно-китайском диалекте, а на государственном языке. После контрреволюционного переворота в 1927 г. в Китае гоминьдан в Малайе раскололся на левый Революционный комитет малайского Гоминьдана и гоминьдан Малайи, куда вошли сторонники Чан Кайши. На основе Революционного комитета малайского гоминьдана в том же, 1927 г. была создана организация Рабоче-крестьянское движение, основное ядро которой составила китайская левая интеллигенция. Эта организация вела пропаганду среди рабочих, организовывала профсоюзы. В марте 1927 г. в Сингапуре полиция расстреляла китайскую демонстрацию, организованную по случаю годовщины смерти Сунь Ятсена. После этого полиция обрушилась на китайские школы, где преподавали левые.

В 30-х годах гоминьдан продолжал оказывать значительное влияние на мелкобуржуазную часть китайского населения в Малайе, действуя главным образом через китайские школы. Обеспокоенные ростом китайской националистической пропаганды, английские колониальные власти запретили отделения гоминьдана в Малайе и поставили под более строгий контроль китайские школы, особенно во время губернаторства С. Клементи (1930—1934 гг.).

Важным элементом китайского населения были экономически влиятельные «баба» — китайцы Стрейтс Сетлментс, подданные короны, из поколения в поколение жившие в Малайе. Это была европейски образованная консервативная часть общества, выступавшая за тесное сотрудничество с колониальными властями. Они группировались вокруг Китайско-британской ассоциации проливов, связанной с китайскими торговыми палатами; их лидером был Тань Чэнлок, член законодательного совета Стрейтс Сетлментс в 1923—1934 гг. Их идеалом была «объединенная самоуправляющаяся малайская нация» с равными правами для всех, кто постоянно проживает в стране, т. е. колония, в которой богатое китайское меньшинство, обеспечившее себе экономические позиции, будет допущено и к политической власти.

В 30-е годы в Малайе появились политические организации индийского и цейлонского населения. В 1932 г. крупная индийская буржуазия создала Индийскую ассоциацию Малайи. В 1936 г. возникла основанная С. Н. Вирасами Центральная индийская ассоциация Малайи, тесно связанная с Национальным конгрессом в Индии. Визиты Дж. Неру и А. К. Гопалана (Всеиндийский конгресс профсоюзов) в 1937—1939 гг. способствовали росту антиимпериалистических настроений в индийском населении. В 1939 г. Р. Натан и И. Менон создали в Джохоре и Селангоре первые массовые профсоюзы портовых и плантационных рабочих, находившихся под влиянием идеологии левого крыла Национального конгресса.

Важным элементом внутривнутриполитической жизни страны в межвоенные годы стало рабочее и коммунистическое движение.

Хотя первые профсоюзы в Малайе стали образовываться еще до первой мировой войны, многонациональный состав рабочего класса, его текучесть, сохранение китайских общинных объединений (землячества, тайные общества, гильдии), подменявших собой профсоюзы, мешали развитию рабочего движения в стране.

Мировой кризис, вызвавший резкое падение жизненного уровня трудящихся масс Малайи, стал мощным толчком к развитию рабочего и профсоюзного движения. Волну забастовочного движения возглавила новая сила — компартия, возникшая 30 апреля 1930 г. на базе марксистских групп 20-х годов²².

Коммунистическая партия Малайи (КПМ) начала создавать демократические профсоюзы и организовывать забастовочное движение. Влияние КПМ, взявшей курс на объединение в своих рядах представителей всех национальностей и насчитывавшей в первые годы 1500 человек, было особенно значительно среди рабочего класса и учащихся крупных городов — Сингапура, Пинанга, Куала-Лумпура.

Колониальные власти прибегли к жестоким репрессиям против КПМ и демократических профсоюзов, которые могли существовать лишь нелегально. Репрессии обрушились и на рабочее движение в целом. Аресты без суда и следствия, пытки заключенных стали обычными методами английской полиции в Малайе.

Несмотря на репрессии, демократическое движение, возглавленное КПМ, набирало силу. В мае 1934 г. произошла первая в Малайе всеобщая забастовка рабочих всех важнейших отраслей хозяйства, начавшаяся стачкой 1800 рабочих железнодорожных мастерских Куала-Лумпура. В 1936 г. забастовали рабочие консервных предприятий Сингапура, затем строительные рабочие города. В ответ на репрессии властей, подавивших эти забастовки, по всей Малайе прокатилась волна стачек протеста, вылившаяся к сентябрю 1936 г. во вторую всеобщую забастовку. В 1937 г. забастовка на угольных копях в Бату-Аранг окончилась восстанием горняков, захвативших на короткий срок город. Мощная волна забастовочного движения на плантациях и рудниках не затихала до марта 1937 г. Продолжались забастовки и в 1938 г.

В ходе забастовочного движения выдвигались в основном требования экономического характера: повышение заработной платы, введение системы социального страхования и т. п. Наряду с этим происходили стачки протеста против увольнений, или в поддержку забастовщиков других предприятий. КПМ, возглавлявшая большинство забастовок во второй половине 30-х годов, стремилась использовать их для выдвижения требований демократических свобод.

После VII конгресса Коминтерна компартия Малайи встала на путь создания единого фронта. На своем съезде в 1935 г. КПМ приняла программу, в которой указывалось, что целью национально-освободительной борьбы является создание Демократической Малайской Республики, руководимой единым демократическим фронтом.

Несмотря на попытки КПМ объединить в своих рядах и в рядах руководимого ею Всеобщего рабочего союза трудящихся всех национальностей страны, она распространяла свое влияние в основном лишь на китайский пролетариат и часть китайской интеллигенции. Новые возможности для расширения массовой работы предоставило КПМ антиялояское движение после начала японской агрессии против Китая в 1937 г. С осени этого года КПМ начала работу в Национальном движении спасения заморских китайцев — организации, созданной для поддержки Китая в его борьбе с Японией. Всеобщий рабочий союз стал рабочей секцией Движения, которое в условиях Малайи представляло зародыш единого фронта китайского населения страны. В 1939 г. КПМ призвала к созданию Объединенного фронта всех национальностей для борьбы за демократию и организацию отпора Японии.

²² Согласно некоторым источникам, компартия была создана в июле 1931 г., когда состоялся ее съезд.

Сабах и Саравак в 1918—1939 гг. Экономическое развитие Сабаха в межвоенный период характеризовалось дальнейшим укреплением позиций английского монополистического капитала, беспощадно грабившего колонию. В 1920 г. группа Харрисон и Кросфилд основала «Бритиш Борнео Тимбер К^о», которая получила 25-летнюю монополию на лесные разработки — основное богатство колонии. Имперская табачная компания Великобритании и Ирландии заняла перед второй мировой войной монопольные позиции в производстве табака в Сабахе. Крупные компании господствовали и в производстве каучука.

В межвоенные годы Сабах окончательно превратился в поставщика трех продуктов — леса, каучука и табака. Вывоз леса вырос примерно с 56 тыс. куб. м в 1922 г. до почти 175 тыс. куб. м в 1940 г. Росло и производство каучука, экспорт которого в 1920 г. составил около 4170 т, в 1928 г. — более 6700 т, а в 1940 г. — почти 18 тыс. т.

Как и в Малайе, экономические кризисы тяжело отразились на монокультурной экономике Сабаха. В результате кризиса 1920 г. из 21 тыс. рабочих каучуковых плантаций работу потеряло 5 тыс. Еще сильнее на производстве каучука и Сабахе оказался мировой экономический кризис 1929—1933 гг., ударивший по плантационным рабочим и мелким - производителям.

Местное предпринимательство, главным образом китайское, развивалось в Сабахе очень медленно. Не существовало рабочего законодательства, к 1941 г. в колонии было всего 28 начальных школ с 1663 учениками (на 310 тыс. жителей)²³. Никаких, даже куцых, реформ в колонии не проводилось. По-прежнему Сабахом управляла Компания Британского Северного Борнео, выплачивавшая пайщикам дивиденды за счет эксплуатации природных богатств и населения колонии даже в годы депрессии. Постепенно унифицировался колониальный аппарат, кадры для которого поставляла в основном Малайя. Единственным новшеством было введение должности заместителя помощника главы дистрикта в 20-х годах, которую занимали наиболее верные колонизаторам вожди, и создание в 1935 г. совещательного совета местных вождей. Незрелость социально-экономической структуры, сохранение родовых отношений во внутренних районах, малочисленность, текучесть и незрелость рабочего класса, крайняя слабость местной буржуазии — все эти факторы определяли полное отсутствие политических организаций в Сабахе в период между двумя мировыми войнами.

Саравак, где с 1917 г. правил сын Чарлза Джонсона Брука — Чарлз Вайнер Брук, в социально-экономическом и политическом отношении имел много общего с Сабахом. Английский капитал господствовал в трех основных отраслях — производстве каучука, выращивании перца и добыче нефти. В 1924 г. в Кучинге открылось отделение «Чартеред Бэнк оф Индия, Оустрэлиа энд Чайна» — первого банка в колонии. Падение цен на каучук и перец в результате мирового экономического кризиса немедленно оказалось на экономике Саравака: государственные доходы упали с 6,7 млн. мал. долл. в 1929 г. до 3,5 млн. мал. долл. в 1933 г. Так же, как и в Сабахе, администрация стремилась переложить основные тяготы кризиса на мелких производителей каучука и перца. Образование и здравоохранение продолжали оставаться в зачаточном состоянии: только в 1925 г. в колонии появился первый зубной врач.

Власть Бруков в Сараваке поддерживалась системой подавления малейшего недовольства местного населения. В 1923 г. полиция подавила вспышку недовольства среди рабочих нефтепромысла в Мири: 13 человек было убито и 24 ранено. Продолжались кровавые экспедиции в глубь территории против непокорных племен. В 1931 г. в бассейне рек Кановит и Энтабай вспыхнуло восстание даяков, разоренных вследствие падения цен на каучук, выращиванием которого они занимались. Только в декабре 1932 г. колонизаторы сумели захватить руководителя восстания Асуна.

²³ Из них 290 тыс. составляло местное население, 60 тыс. — китайцы.

Как и Сабах, Саравак принадлежал к числу тех английских колоний, в которых отсутствовали политические организации современного типа.

Глава 8

МАЛАЙЯ И СЕВЕРНЫЙ КАЛИМАНТАН В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1939—1945 гг.)

От начала войны до японского вторжения. Начавшаяся в сентябре 1939 г. вторая мировая война немедленно повлияла на положение Малайи.

Изменение мировой экономической конъюнктуры — возрастание спроса на стратегические материалы, каковыми являлись олово и каучук, вывело малайскую экономику из предкризисного состояния и способствовало новому экономическому буму. Были отменены ограничения на добычу и вывоз олова, введенные в 1937 г., и уже в 1939 г. из Малайи было вывезено 82 тыс. т по сравнению с 61 тыс. т, экспортированными в 1938 г. В 1940 г. Малайя вывезла 131 тыс. т олова.

Резко возрос и экспорт каучука, достигнув в 1940 г. 549 тыс. т, принесших доход около 500 млн. мал. долл. — почти в два раза больше, чем в предыдущем году. Вырос не только объем экспорта, но и цены и а олово и каучук.

Главным рынком малайского экспорта были США, куда шло 70% вывозимого каучука и 50% экспорта олова. Только в 1940 г. экспорт Малайи в США дал Англии 264 млн. долл. Хотя англо-американское соперничество в малайской экономике, начавшееся еще в 20-е годы, продолжалось, оно существенно ослабло после начала войны, когда Англия оказалась заинтересованной в поддержке США, а последние — в беспрепятственном поступлении стратегических товаров. По условиям англо-американского торгового соглашения 1939 г. были уменьшены пошлины на ввозимые в Малайю американские автомашины и электрооборудование, а США открыли американский рынок для таких малайских товаров, как консервированные ананасы, кокосовые орехи и фруктовые соки.

Несмотря на явно надвигающуюся угрозу со стороны Японии, оккупировавшей осенью 1940 г. Французский Индокитай и установившей свое влияние в Таиланде, английское правительство не запрещало вывоз важных стратегических товаров из Малайи в Японию. По-прежнему железная руда, добываемая в Джохоре, играла важную роль в японской сталеплавильной промышленности. Налаженная в 1934—1938 гг. добыча марганцевой руды в Тренгану давала Японии 30 тыс. т руды ежегодно. Вывоз бокситов в Японию из Малайи вырос с 36 тыс. т в 1936 г. до 66,7 тыс. т в 1939 г. Вплоть до июля 1941 г. английское правительство не предпринимало никаких мер, ограничивавших японский вывоз стратегических материалов из Малайи.

Экономический бум привел к повышению опроса на рабочую силу и увеличению занятости населения. Число рабочих, занятых в оловодобыче в федерированных малайских княжествах, например, возросло в 1939 г. с 53 тыс. до 73 тыс.

После начала японо-китайской войны резко сократилась миграция китайских рабочих, переставших уезжать домой, образуя контингент постоянного населения.

Несмотря на экономический подъем, иностранные монополии стремились удержать заработную плату рабочих на низком довоенном уровне. Но окрепшие профсоюзы, в массе своей действовавшие под руководством КПМ, сумели, используя забастовочную борьбу, добиться повышения заработной платы в ряде отраслей и вынудить власти издать законы, положившие начало рабочему законодательству.

В стране не стихало забастовочное движение, организатором которого были КПМ и профсоюзы. За год (октябрь 1939 — сентябрь 1940 г.) в Малайе произошло рекордное

число забастовок — свыше 150. КПМ организовала 1 мая 1940 г. мощную демонстрацию в Сингапуре, участники которой требовали прекращения преследований рабочего движения.

В 1941 г. особый размах приобрело забастовочное движение на каучуковых плантациях. В мае 1941 г. колониальные власти обрушили ударя а индийские профсоюзы в Селангоре, начались повальные аресты, а 16 мая в Селангоре было введено чрезвычайное положение. Английские войска разгоняли демонстрации, применяя оружие. Только к концу мая колониальным властям удалось подавить забастовочное движение на каучуковых плантациях Селангора.

Начиная с лета 1940 г., все более реальной становилась угроза для английских и голландских владений в Юго-Восточной Азии со стороны Японии. Используя поражение Франции в войне с Германией, Япония в сентябре 1940 г. начала оккупацию Северного Индокитая, создав плацдарм для удара в южном направлении. В сентябре 1940 г. был заключен тройственный пакт между Германией, Италией и Японией, поощрявший последнюю к агрессии в странах Южных морей. Япония тщательно готовилась к нападению на английские владения в Малайе. Проводились маневры и учения у берегов Малайи, японские самолеты совершали облеты и фотографирование портов и военно-воздушных баз. Страна была наводнена японскими шпионами.

Несмотря на угрозу японского вторжения, англичане не предпринимали необходимых мер для обороны Малайи. Возлагая по традиции надежды на флот, английское командование считало, что сможет успешно отразить японские атаки на море. Возможность высадки сухопутных войск в Малайе не принималась во внимание. Первокласная военно-морская крепость Сингапур была практически беззащитна со стороны материка. Накануне японского вторжения англичане располагали в Малайе 32 батальонами без танков и 140 устаревшими самолетами, тогда как по подсчетам командования, сделанным в августе 1941 г., для эффективной обороны требовалось не менее 48 батальонов с танками и более 560 самолетов.

В страхе перед демократическим движением колонизаторы оставались глухи к призывам КПМ принять меры к демократизации управления и улучшить положение народных масс, чтобы создать необходимые предпосылки для организации отпора врагу. Английские колониальные власти продолжали аресты и преследования членов КПМ и других демократических организаций до самого начала войны с Японией.

Сараваку и Сабаху, как и Малайе, начало второй мировой войны принесло повышение опроса на нефть, каучук, лес, продовольствие и соответственно выход из депрессии конца 30-х годов. Раджа Саравака Чарлз Вайнер Брук в 1940 г. сделал Великобритании два «дара» общей стоимостью 1,5 млн. мал. долл. как вклад Саравака в военные усилия метрополии.

В сентябре 1941 г. в Кучинге торжественно отпраздновали столетие власти династии Бруков над Сараваком. Была издана так называемая конституция, которая в туманных терминах намекала на возможность получения в будущем «коренным населением» самоуправления. Несколько изменилась система управления, приблизившаяся по типу к английской колонии короны: были созданы два совета (верховный и государственный), куда наряду с должностными членами вошли недолжностные, назначаемые раджей.

К обороне Саравак и Сабах были подготовлены еще хуже, чем Малайя, располагая лишь незначительными контингентами английских пехотных войск.

Японское вторжение в Малайю. 2 декабря 1941 г. в Сингапуре появилась английская эскадра под командованием адмирала Т. Филиппса, состоявшая из линкора «Принц Уэльский», тяжелого крейсера «Рипалз» и четырех эсминцев. Вместе с кораблями, уже находившимися в Сингапуре, английский флот, по мысли командования, представлял силу, достаточную для обороны. Через четыре дня английская авиация обнаружила в Сиамском заливе японский флот в составе линкора, 7 крейсеров и 14

эсминцев, сопровождавших более 40 транспортных судов; вся десантная группа двигалась в направлении Сингоры в Южном Таиланде.

В ночь на 8 декабря одновременно с нападением на Пирл-Харбор японские войска бомбардировали гавань и аэродромы Сингапура и высадили десант в столице Келантана Кота-Бару, на восточном побережье Малайи. Английская авиация в Малайе была фактически выведена из строя в первые же часы войны. При поддержке танков, которых у англичан в Малайе не было, японские войска, специально тренированные для войны в джунглях, применяя тактику просачивания через лесные тропы, стали продвигаться на юг, внезапно появляясь в тылу англичан.

8 декабря «Принц Уэльский» и «Рипалз» в сопровождении 9 эсминцев вышли в море, надеясь перехватить японский флот в Сиамском заливе. Узнав о японской высадке в Келантане, адмирал Филиппс приказал повернуть к месту высадки японского десанта. 10 декабря японская авиация за два часа потопила оба новейших английских корабля, вышедших на боевую операцию без прикрытия авиации. Гибель флота парализовала английское командование в Малайе, которое не сумело организовать оборону. Японская авиация непрерывно бомбила крупные города, увеличивая панику. В этой обстановке английское командование и администрация обнаружили свою полную беспомощность. Показательно, что даже в сингапурском порту не имелось ни одного бомбоубежища.

11 декабря английские части оставили Северный Кедах, а 12-го — Келантан. 13 декабря японцы прорвали наспех организованную оборону у Гуруна, к югу от р. Кедах, и вышли на оперативный простор, открыв себе путь в Центральную Малайю. Еще несколько дней понадобилось японской армии, чтобы покончить с сопротивлением в Пераке: 28 декабря англичане оставили город Ипох — центр оловодобычи. 9 января 1942 г. генерал Уэйвелл, командовавший английскими войсками в Малайе, приказал оставить Пахагаг, Селангор и Негри-Сембилан и отступить в Джохор. Бои в Джохоре продолжались до конца января. Отдельные успехи индийских и английских частей (бой у Гемаса, оборона на Муаре, защита Эндау) не могли изменить общей ситуации, и 27 января англичане покинули Джохор и укрылись на о-ве Сингапур, куда прибыло подкрепление — свежие индийские и австралийские части, танки и авиация. Теперь английская армия превосходила японские войска по численности и вооружению, но растерянность командования, господство японцев в воздухе, неумение организовать противовоздушную оборону, слабая защищенность Сингапура со стороны суши препятствовали длительной и успешной обороне острова.

В ночь на 8 февраля японцы высадились на острове. Сингапур подвергся непрерывным бомбежкам, от которых страдало мирное население. Японцы перерезали водопровод, резервуары которого находились в Джохоре, и город оказался лишенным достаточного запаса воды. 13 февраля была эвакуирована военно-морская база и все ее укрепления взорваны, а 15 февраля командир гарнизона генерал-лейтенант А. Персивал сдал горящий, неспособный к сопротивлению город и капитулировал вместе с десятками тысяч индийских, английских и австралийских солдат.

Причины, по которым Япония так легко завладела Малайей, считавшейся одной из основных английских колоний в Азии, заключались в первую очередь в той политике, которую вели Великобритания и другие западные державы на Тихом океане в 30-х годах. Стремясь направить острие готовящегося японского нападения против Советского Союза, западные страны проводили близорукую политику «умиротворения» агрессора, полагая, что уступки с их стороны побудят японских империалистов ударить на север против СССР. По этой причине Англия, Франция, США и Нидерланды продолжали снабжать Японию стратегическим сырьем из своих колоний, расположенных в Юго-Восточной Азии, и после начала японо-китайской войны в 1937 г. Западные страны не укрепляли свои колонии в этом районе, стремясь подчеркнуть свое миролюбие и заверить японских милитаристов в своем доброжелательном отношении к агрессии в северном направлении.

В конечном счете они недооценили возможность большой войны на Тихом океане и оставили свои колонии практически беззащитными.

Колонизаторы боялись привлечь к защите страны народ, хотя со стороны КППМ делались предложения об участии народных масс в сопротивлении неминуемой агрессии. Более того, до последних дней колониальный режим продолжал репрессии против демократических сил.

Японская оккупационная политика в Малайе. Японская оккупация продолжалась три с половиной года. Это было тяжелое время для населения страны, попавшего под власть новых колонизаторов.

Экономика Малайи оказалась совершенно парализованной. Хозяйству страны был причинен большой ущерб японскими бомбардировками и разрушениями, произведенными отступающими английскими войсками. Остановились рудники и оловоплавильные заводы, прекратили работу электростанции и немногочисленные промышленные предприятия. Япония не была заинтересована в малайском олове и каучуке, которые она в избытке получала из Таиланда и Индонезии. Остатки оборудования оловодобывающей и оловоплавильной промышленности были вывезены в Японию на переплавку, а рабочие остались без работы. Безработица поразила также каучуковые плантации и связанные с обработкой каучука отрасли. В результате прекращения ввоза продовольствия в Малайе разразился массовый голод. Попытки оккупантов заставить малайское крестьянство увеличить производство продовольственных культур кончились неудачей: население не желало выращивать рис для японских реквизиций или продавать его на обесцененную валюту. Опасаясь от голода, городское население и рабочие рудников уходили в джунгли, где расчищали небольшие участки, на которых выращивали тапиоку, батат, овощи, разводили свиней и домашнюю птицу. Плантационные рабочие занимались разведением продовольственных культур на заброшенных плантациях. Это население, получившее название скваттеров, к концу войны достигло полумиллиона человек.

В стране свирепствовала инфляция, фактически прекратили действовать средние школы, была ликвидирована куца довоенная система здравоохранения.

Малайя, от которой были отторгнуты четыре северных султаната (Перлис, Кедах, Келантан, Тренгану), переданные в 1943 г. Таиланду, вместе с Суматрой управлялась японской военной администрацией с центром в Сингапуре.

В первые годы опьяненные успехами на фронтах японские колонизаторы мало заботились о создании себе опоры в местном обществе, действуя террором и запугиванием. Особенно жестоким репрессиям подвергалось китайское население. Только после захвата Сингапура было физически истреблено не менее 25 тыс. китайцев, обвиненных в поддержке англичан или в принадлежности к КППМ и гоминьдану. Японской тайной полиции — кэм-пэйтэй — были предоставлены самые широкие полномочия, применялись изощренные пытки и казни. На протяжении всего периода оккупации террор, непомерное налоговое обложение, принудительные займы были обычной политикой в отношении массы китайского населения.

Японская пропаганда о создании «великой восточноазиатской сферы взаимного процветания» и освобождении Азии от «белого» колониализма в Малайе имела вначале успех главным образом среди индийцев. Используя стремление индийцев освободиться от английского гнета, японцы содействовали созданию Лиги индийской независимости и Индийской национальной армии. Руководитель этих организаций, бывший деятель Индийского национального конгресса Субхас Чандра Бос обосновался в Сингапуре, ставшем центром индийского националистического движения, сотрудничавшего с Японией. В Сингапуре находилось сформированное им Временное правительство свободной Индии. 5 тыс. индийских солдат, захваченных в плен в Сингапуре, вступили в Индийскую национальную армию под влиянием пропаганды Субхас Чандра Боса и его

последователей. К маю 1943 г. при помощи насильственной вербовки численность Лиги индийской независимости в Малайе составила 95 тыс. человек.

Для основной массы индийцев в Малайе японская оккупация принесла тяжелые испытания. Лишенные работы индийские плантационные рабочие посылались на строительство «дороги смерти» — железной дороги из Таиланда в Бирму, где они гибли в огромном количестве (из 60 тыс. рабочих вернулось лишь 20 тыс.).

Малайское крестьянство оказалось в гораздо меньшей степени, чем городское китайское и индийское население, затронутым переменами в колониальном режиме. Что касается феодально-помещичьих слоев и феодально-бюрократической верхушки, то вначале японцы повели наступление на них, поскольку те были тесно связаны с англичанами. Были уничтожены государственные советы в султанатах и даже ставился вопрос о ликвидации власти султанов. Но уже очень скоро японская администрация в Малайе взяла курс на привлечение феодально-бюрократических кругов к сотрудничеству, стремясь с их помощью удержать в повиновении малайское крестьянство и компенсировать отсутствие социальной опоры в городе. Уже в январе 1943 г. японцы подтвердили статус султанов как религиозных глав в своих княжествах и установили им прежние оклады, а в декабре 1943 г. восстановили государственные советы. Малайская бюрократия не только сохранила свое положение в низовом и среднем аппарате управления, но и укрепила его, получив посты, оставшиеся вакантными после бегства англичан.

Национальное движение и вооруженная борьба в Малайе. Особенностью национально-освободительного движения в Малайе в годы второй мировой войны была слабость тех сил, которые могли действовать легально в условиях японской оккупации, и безусловное преобладание вооруженной борьбы, проходившей под руководством КПМ.

Вначале японские власти вообще не поощряли какие-либо надежды националистов в Малайе на получение независимости, как это они делали в Бирме или на Филиппинах. Относясь к национальному движению в Малайе как недостаточно активному и организованному, оккупанты не находили нужным считаться с ним. Правда, после падения Сингапура они позволили освобожденным из тюрьмы руководителям Союза молодой Малайи — Ибрахиму бин Якобу, Исхаку бин Хаджи Мохаммаду, Ахмаду Бустаману — воссоздать организацию, но уже в июне 1942 т. запретили ее.

Однако по мере неудач на фронтах японские власти шли на некоторые уступки местной буржуазии и феодалам, стремясь заручиться их поддержкой. Помимо Лиги индийской независимости они стали поощрять и другие организации индийского и китайского населения, находившиеся под контролем японской администрации. Однако влияние этих организаций было незначительным и серьезной роли в политической жизни страны они не играли.

Несколько большее значение имела деятельность малайских националистов, которые рассматривали свое сотрудничество с японцами как неизбежный политический маневр, ведущий Малайю к независимости. Главную ставку они делали на союз с Индонезией, рассчитывая создать единое малайско-индонезийское государство. Ибрахим бин Якоб стал подполковником сформированной в Индонезии Добровольной армии защитников отечества (ПЕТА), предназначенной, по мысли оккупантов, для использования в качестве территориальных сил обороны. Он и его последователи из Союза молодой Малайи с сентября 1944 г., когда японское «правительство обещало дать Индонезии в будущем независимость, выступили с требованием предоставить независимость и Малайе, как части Индонезии. На первый план выдвинулась идея создания Великой Индонезии («Индонезиа Райя»), свободной от колониального ига, где ведущую роль будут играть народы малайско-индонезийской этнической группы.

В июле 1945 г. в Сингапуре состоялась конференция руководителей японской военной администрации на Яве, Суматре, Сулавеси и в Малайе, где обсуждалась концепция Великой Индонезии. Поддерживая эту идею, Япония хотела в критический

для нее момент привлечь на свою сторону симпатии оккупированного населения. Вслед за этим японцы разрешили в Малайе создание националистической организации — КРИС («Кекуатан райят истимева» — Особое народное движение). 17—18 августа 1945 г. Ибрахим бин Якоб собрал в Куала-Лумпуре учредительную конференцию КРИС, на которой присутствовали двадцать представителей различных организаций. К этому времени Япония объявила о согласии на капитуляцию, и была провозглашена независимость Индонезии. Учредительная конференция КРИС приняла решение о продолжении борьбы за независимость Малайи, которая затем должна присоединиться к Индонезии. Лидерство в КРИС после отъезда Ибрахим бин Якоба в Джакарту перешло к доктору Бурхануддину, под руководством которого организация действовала до сентября, когда она распалась после возвращения англичан. КРИС сыграло определенную роль в консолидации сил малайской мелкобуржуазной интеллигенции, став после войны основой Малайской национальной партии (МНП).

Национальное движение буржуазного и мелкобуржуазного толка в Малайе в годы войны было гораздо слабее, чем в других странах Юго-Восточной Азии. Подлинным руководителем широкого освободительного движения в форме вооруженной борьбы стала компартия Малайи.

Террор оккупантов, тяжелое экономическое положение, беспощадное выколачивание налогов и поставок для японской армии — все это способствовало недовольству в стране, охватившему широкие массы. КПМ, призвавшая народ к обороне родины с самого начала японского вторжения, после падения Сингапура снова ушла в подполье. В 1942 г. в джунглях Малайи появились первые партизанские отряды, организованные коммунистами. Численность их быстро росла за счет китайских рабочих, в меньшей степени — индийских плантационных кули и малайских крестьян. В 1943 г. на базе этих отрядов была создана Антияпонская армия народов Малайи (ААНМ). Она имела единое командование и четкую структуру, подразделяясь на полки, роты и взводы. Во главе каждого подразделения стояли три человека: командир, политический руководитель и работник, ведавший образованием. ААНМ придерживалась партизанской тактики, устраивая диверсии на коммуникациях, нападая на отдельные подразделения японской армии, убивая коллаборационистов. Значительную поддержку ААНМ оказывали скваттеры, поселившиеся в джунглях Малайи; они пополняли ряды Антияпонской армии народов Малайи, а также снабжали ее продовольствием. Армия опиралась на поддержку массовой организации — Антияпонского союза, объединявшего сотни тысяч человек. В Антияпонский союз, руководимый КПМ, входили китайские рабочие, крестьяне, мелкая буржуазия, представители национальной буржуазии, которые помогали ААНМ продовольствием, деньгами, разведывательными данными.

Антияпонский Союз и ААНМ явились зародышем единого фронта в условиях оккупированной Малайи, объединяя представителей разных классов и национальностей. Само антияпонское движение получило в народе название «движения трех звезд» — трех основных национальностей страны. Рабочий класс и КПМ оказались наиболее подготовленными к руководству национально-освободительным движением, которое по мере развертывания вовлекало в свои ряды все более широкие слои населения. Попытки англичан, начавших с 1943 г. забрасывать парашютистов в Малайю, чтобы захватить руководство в ААНМ и создать движение сопротивления под своим контролем, провалились.

К 1945 г. ААНМ превратилась в серьезную силу, насчитывая в своих рядах около 7 тыс. человек. Она приступила к более крупным военным операциям: так, в Джохоре во время двухнедельных боев было уничтожено более тысячи японских солдат. Всего за годы войны ААНМ уничтожила около 10 тыс. солдат вражеской армии. В 1944—1945 гг. в Малайе возникли освобожденные районы, где власть перешла в руки ААНМ и где КПМ приступила к проведению демократических реформ.

Во время войны КПМ выработала программу борьбы за независимость и демократические преобразования. Согласно этой программе, опубликованной незадолго до окончания войны, КПМ ставила следующие цели:

1. Изгнание японских фашистов и образование в Малайе республики;
2. Создание правительства, представляющего все национальности, улучшение жизненных условий, развитие промышленности, сельского хозяйства, торговли;
3. Предоставление народу свободы слова, организаций и т. п. и отмена всех репрессивных законов;
4. Увеличение зарплаты, снижение налогов и отмена ростовщического процента;
5. Реорганизация партизанских отрядов в Национальную армию обороны;
6. Бесплатное образование на английском, малайском, китайском и тамильском языках;
7. Конфискация собственности фашистов и возвращение собственности, конфискованной японцами;
8. Тарифная автономия в рамках Британского содружества;
9. Борьба за освобождение народов Востока. После капитуляции Японии японские войска в Малайе отказались сложить оружие, ожидая высадки англичан. ААНМ в упорных боях вынудила японцев сдаться и на короткое время стала хозяином положения. В стране начали создаваться новые органы власти — народные комитеты.

Северный Калимантан в период японской оккупации. Военные действия на Северном Калимантане не носили серьезного характера, поскольку английские силы там были крайне незначительны. 16 декабря японцы высадились в центре нефтедобычи Саравака, Мири, и без сопротивления овладели городом. В следующие дни японская авиация бомбардировала Кучинг, Сибу и другие центры Саравака. Попытки голландского флота воспрепятствовать японскому продвижению по побережью Саравака были робкими и неудачными. 25 декабря Кучинг перешел в руки японцев. Семья Бруков находилась за границей, администрация бежала, гарнизон Кучинга попал в плен. 27 декабря японские войска оккупировали Сибу. Большая часть европейского населения сумела уйти на территорию Индонезии; беженцы, захваченные японцами в Верхнем Реджанге, были убиты, включая женщин и детей.

В Сабахе японцы высадились 1 января 1942 г. на Лабуане, а 6 января оккупировали Джесселтон, а затем заняли Уэстон и Бофорт. 19 января небольшая японская флотилия захватила Сандакан, завершив оккупацию важнейших центров Сабаха. Оккупация Саравака и Сабаха совершилась практически без всякого сопротивления. Поскольку до войны на Северном Калимантане не существовало политических партий и организаций, никакой организованной борьбы против оккупантов в первое время не было. Но постепенно действия японцев, сгонявших население на принудительные работы и реквизиравших продовольствие, вызывали все большее и большее недовольство местного населения. В Сараваке даяки во внутренних районах возобновили «охоту за головами», на этот раз японскими.

В 1943 г. на Северном Калимантане начали появляться разведчики союзных войск, установившие контакты с местным населением, главным образом китайцами.

Антияпонское движение на о-вах Сулу оказало влияние на Сабах. Представитель европейски образованной китайской Интеллигенции Альберт Куок Фэннам после контактов с лидерами партизанского движения на Сулу создал в 1943 г. в Джесселтоне и его окрестностях прогоминьдановскую организацию — Ассоциацию обороны заморских китайцев, первоначально послушно следовавшую за американскими разведчиками, убеждавшими Куока терпеливо ожидать прихода союзников и ограничивать свою деятельность сбором информации. Но недовольство китайского населения, страдавшего от оккупации, было настолько велико, что радикальные элементы в организации, не довольствовавшиеся пассивной ролью, отведенной им союзниками, решили выступить.

Ассоциация была разнородной, наряду с прогоминьдановцами в нее входили и левые, радикальные силы, нарождавшиеся в Сабахе.

Толчком к восстанию послужил слух о наборе 3 тыс. китайцев-мужчин для дорожных работ и нового контингента китайских девушек для японских публичных домов. В ночь на 10 октября (китайский национальный праздник) 1943 г. более сотни китайцев, вооруженных холодным оружием, поддержанные флотилией прау с о-вов Сулу, ворвались в Джесселтон из соседних деревень, где сосредоточились силы Куока. Японский гарнизон был перебит, и окрестности города освобождены.

Японское командование немедленно подтянуло силы из внутренних районов к Джесселтону и начало систематические бомбардировки города. В этой обстановке повстанцы растерялись. Вместо того чтобы перейти к партизанской борьбе, они бросили свои силы на неудачный штурм прибрежного городка Кота-Белуд, после чего рассеялись по деревням, тщетно ожидая помощи с Сулу.

Японцы начали регулярное прочесывание деревень вокруг Джесселтона, вылавливая повстанцев. Мирные жители подверглись массовым репрессиям, целые деревни были уничтожены. Куок сдался 19 декабря, наивно надеясь, что после этого прекратятся преследования мирных жителей. 21 января 1944 г. Куок и 175 повстанцев были обезглавлены, 130 человек были отправлены на Лабуан, где все, кроме девяти, погибли в концлагере. Неудачи не сломили воли населения Сабаха к сопротивлению. На 13 апреля 1944 г. готовилось новое выступление. Но из-за предательства японцы узнали о планировавшемся восстании и арестовали его руководителей. Последовали массовые репрессии, особенно жестокие на прибрежных островах, где было перебито все мужское население, и западном побережье.

10 июня 1945 г. 9-я австралийская дивизия высадилась на Лабуане и в Брунейском заливе. 19 июня ударом с моря был захвачен Уэстон. Японские войска на Северном Калимантане, насчитывавшие свыше 20 тыс. человек, упорно сопротивлялись даже после капитуляции Японии. Лишь 11 сентября австралийцы вошли в Кучинг, а 23 сентября — в Джесселтон. Сандакан, на западном побережье Сабаха, был оставлен японцами 19 октября. Города Северного Калимантана сильно пострадали от бомбардировок союзной авиации: в Сандакане не осталось ни одного целого дома, а в Джесселтоне уцелел один.

Глава 9

ОТ КОНЦА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ ДО ОБРАЗОВАНИЯ МАЛАЙЗИИ (1945—1963 гг.)

Малайя после капитуляции Японии. Капитуляция Японии произошла, когда в Малайе еще не было английских войск. Части Антияпонской армии народов Малайи вышли из джунглей, разоружили японцев и установили новые органы власти — народные комитеты.

В начале сентября 1945 г. в Малайе высадилась английские войска и была создана действовавшая до 31 марта 1946 г. английская военная администрация, взявшаяся за восстановление довоенных порядков.

Страна после японской оккупации находилась в тяжелом экономическом положении. Сильно пострадала оловодобывающая промышленность, осложнилась продовольственная проблема, потому что ввоз риса в Малайю резко упал в военные и первые послевоенные годы. В 1946 г. удовлетворялось только 40% потребностей Малайи в рисе: если в 1940 г. производство и ввоз риса в страну составили 970 тыс. т, то в 1946 г. — лишь 361 тыс. т. Даже в 1948 г. снабжение рисом не достигло довоенного уровня: было произведено и ввезено 793 тыс. т. В Малайе ощущался резкий недостаток

текстильных товаров, свирепствовали эпидемии. В наиболее тяжелом положении находились рабочий класс и городское население, страдавшее от безработицы и недостатка продовольствия. Британская администрация же в первую очередь занялась восстановлением тех отраслей хозяйства, в которых хозяйничали английские монополии, а также изысканием средств, чтобы компенсировать владельцам оловянных рудников и каучуковых плантаций ущерб, понесенный ими в период оккупации. Положение же основной массы населения оставалось очень тяжелым на протяжении всех первых послевоенных лет.

Английские монополии, опираясь на поддержку колониальных властей, быстро восстанавливали свои позиции. Уже в 1947 г. производство каучука в стране достигло 645 тыс. т, превысив довоенный уровень (547 тыс. т). Производство олова, требующее значительно больших капиталовложений, восстанавливалось медленнее. В 1948 г. оно равнялось 45 тыс. т, т. е. немногим более половины уровня 1940 г. (81 тыс. т). Значение Малайи для Англии после войны даже выросло, ибо вывоз каучука и олова в США помогал ей в определенной мере ликвидировать последствия «долларового голода», особенно острого в первые послевоенные годы.

Расчеты английских колонизаторов полностью восстановить в Малайе прежние порядки не оправдались. Поражение, нанесенное им Японией, подъем освободительного демократического движения во время войны, общее изменение соотношения сил между силами прогресса и империализма в мировом масштабе благодаря историческим победам Советского Союза — все это делало невозможным для колонизаторов возвращение к старому.

Произошли некоторые изменения и в социально-экономическом строе Малайи. Восстановление хозяйства повлекло за собой рост рабочего класса, в основном за счет китайцев и малайцев: в 1947 г. в Малайе было около 450 тыс. рабочих. Усилились позиции малайской мелкой и средней буржуазии, хотя по-прежнему ведущее положение среди местной буржуазии занимала китайская и в меньшей степени индийская крупная и средняя буржуазия.

В октябре 1945 г. английское правительство заявило о намерении реорганизовать систему колониального управления страной. Согласно этой реформе, вошедшей в действие 1 апреля 1946 г., система косвенного управления ликвидировалась и девять малайских султанатов вместе с двумя сэттльментами (Пинанг и Малакка) образовывали колонию короны Малайский Союз. Сингапур отделялся от Малайи и становился отдельной колонией. Вводилось гражданство Малайского Союза, которое получали все лица, родившиеся в Малайе или жившие в ней не менее десяти лет из пятнадцати, предшествовавших 15 февраля 1942 г. Британские подданные могли иметь двойное гражданство. Малайским султанам было оставлено лишь право председательствовать в малайских совещательных советах, занимавшихся в княжествах религиозными делами. Английский генерал-губернатор в Сингапуре должен был осуществлять общий контроль над деятельностью администрации в Малайском Союзе, Сингапуре, Сараваке и Сабахе. Реорганизация колониального управления имела своей целью усилить английский контроль в обстановке, когда колонизаторы стремились в максимально короткий срок восстановить свои позиции, а также ослабить демократическое движение, отделив Сингапур с его многочисленным пролетариатом и влиятельными левыми организациями от остальной страны.

В октябре 1945 г. в Малайю прибыл представитель английского правительства Гарольд Мак-Майкл, который, объехав султанаты, вынудил султанов подписать новые договоры с Англией, по которым те уступали свои суверенные права последней и соглашались на создание Малайского Союза. Мак-Майкл действовал грубо, угрожая султанам в случае отказа подписать новые договоры, расследовать их деятельность в период японской оккупации и сместить с престола.

Подъем антиколониального движения. Создание Малайского Союза явилось толчком к мощному подъему антианглийского движения в Малайе и Сингапуре. Это движение носило сложный характер и отразило как слабую дифференцированность малайского общества, так и те сдвиги, которые произошли в стране в годы войны и первые послевоенные месяцы.

Новой чертой внутривосточной жизни Малайи стало бурное развитие демократического антиколониального движения. Главной силой этого движения являлась Коммунистическая партия Малайи (КПМ), которая укрепила свое влияние за годы войны, вышла из подполья и встала на путь решительной освободительной борьбы. 25 августа 1945 г. КПМ опубликовала свою программу, главные пункты которой совпадали с положениями, выдвинутыми в период антияпонской борьбы: провозглашение независимой республики; создание правительства, представляющего интересы всех национальностей; свобода слова и объединений; ликвидация колониального законодательства; увеличение зарплаты; уничтожение ростовщичества; бесплатное образование на языках, распространенных в Малайе. Сразу же после окончания войны в Малайе стали восстанавливаться профсоюзы, подавляющее большинство которых шло за КПМ. Возник Всеобщий рабочий союз — мощное профобъединение, ставшее серьезной силой в борьбе за улучшение жизненных условий и политические права рабочего класса. В октябре — декабре 1945 г. состоялись забастовки в Сингапуре. В феврале 1946 г. была создана Всемалайская федерация профсоюзов. Под ее руководством в первой половине 1946 г. по всей Малайе прокатилась волна забастовок, в которых наряду с экономическими выдвигались и политические требования: прекращение репрессий колониальных властей, обеспечение демократических прав и т. д.

Под влиянием компартии находился ряд молодежных и женских организаций, а также Ассоциация ветеранов, объединявшая бывших бойцов Антияпонской армии народов Малайи, распущенной под нажимом английских властей в декабре 1945 г. 29 января 1946 г. КПМ организовала всеобщую забастовку в знак протеста против организации английскими властями судебных процессов над бывшими партизанами, которых пытались обвинить в уголовных преступлениях. Только в Сингапуре в забастовке приняло участие более 170 тыс. человек. Центральной линией КПМ в первые послевоенные годы была тактика единого фронта, принятая на пленуме ее ЦК в январе 1946 г.

Пробуждение политического сознания в период войны и первые послевоенные месяцы привело к появлению левого буржуазного и мелкобуржуазного национального движения. Это движение, лидерами которого стали по преимуществу интеллигенты, получившие западное образование, было неоднократным и объединяло силы, различные по своей классовой основе.

В конце 1945 г. возникли партии, представлявшие две основные силы радикального национализма в Малайе. Малайский демократический союз (МДС), во главе которого стоял сингапурский адвокат Дтон Эбер, опирался главным образом на китайскую мелкую буржуазию и интеллигенцию, ориентируясь в своих политических идеалах на левое крыло лейбористской партии Англии. В декабре 1946 г. МДС опубликовал свой политический манифест, главными положениями которого были: самоуправление в рамках Британского содружества; созыв законодательной ассамблеи на базе всеобщего избирательного права; свобода личности, слова, печати и собраний; реформа образования; создание системы социального обеспечения; повышение жизненного уровня широких масс; вхождение Сингапура в Малайский Союз. Другое направление радикального национализма было представлено Малайской национальной партией, основанной в октябре 1946 г. МНП была идейной преемницей довоенных малайских национальных организаций и ориентировалась на малайскую мелкую буржуазию и интеллигенцию. Лидеры МНП, прежде всего ее первый президент доктор Бурхануддин, ратовали за создание Великой Индонезии, в которую должна была бы войти

и Малайя, т. е. хотели добиться независимости путем присоединения Малайи к Индонезии.

Борьба вокруг реформы колониального управления. Проект создания Малайского Союза вызвал к жизни еще одну политическую силу, рождение которой положило начало политическому размежеванию по национально-общинному принципу. Ее появление было продиктовано непосредственной реакцией малайской аристократии и чиновничества на ущемление интересов малайских имущих слоев некоторыми положениями реформы 1946 г.: посягательством на прерогативы султанов, предоставлением прав гражданства массе китайского и индийского населения и т. п. Уже во время миссии Мак-Майкла в султанатах стали создаваться малайские организации, выступавшие в защиту прежнего положения султанов. Наибольший размах это движение приобрело в Джохоре, где его возглавил приемный сын султана и главный министр княжества Дато Онн бин Джафар, происходивший из малайской аристократической семьи. В начале марта 1946 г. в Куала-Лумпуре был созван Вссмалайский конгресс малайцев, на котором были представлены свыше сорока малайских организаций. Дато Онн, избранный президентом конгресса, призвал к бойкоту Малайского Союза. Конгресс принял решение об объединении малайских ассоциаций в Объединенную малайскую национальную организацию (ОМНО).

ОМНО и ее лидер, используя националистические настроения малайцев, потребовали от английских властей признания исключительных прав малайцев. Получив поддержку политически неискушенного малайского крестьянства, шедшего за своими традиционными руководителями — аристократией, деревенскими и волостными старостами, мусульманскими судьями и богословами, ОМНО за короткое время стала массовой политической партией, выражавшей под прикрытием интересов малайцев как национально-общинной группы интересы феодально-буржуазных малайских кругов и чиновничества.

С первых дней своего существования ОМНО начала борьбу за пересмотр реформы управления Малайей. Были организованы массовые митинги. Султаны отказались явиться на церемонию по случаю вступления в должность первого губернатора Малайского Союза Эдуарда Рента (1 апреля 1946 г.)²⁴. ОМНО стремилась придать движению протеста ярко выраженную национально-общинную окраску. Она не выдвигала лозунга независимости и политическим идеалом ее руководителей была единая Малайя при сохранении колониального управления, однако с предоставлением привилегий малайской знати, бюрократии и нарождавшейся малайской буржуазии. Борясь против ликвидации суверенных (пусть и эфемерных) прав султанов, ОМНО получила поддержку крестьянской массы, убежденной, что ликвидация власти султанов означает усиление английского колониального гнета.

В этот период в стране нарастало демократическое антиимпериалистическое движение. В декабре 1946 г. произошло объединение ряда партий и организаций во Всемалайский совет объединенных действий (ВСОД), куда первоначально входили МДС, МНП, Сингапурская федерация профсоюзов, Союз служащих, Китайско-британская ассоциация проливов, Индийский конгресс Малайи, Индийская торговая палата, Цейлоно-тамилская ассоциация. К осени 1947 г. состав ВСОД изменился: к нему присоединились находившиеся под влиянием КПМ организации, а также Китайские торговые палаты, но из него вышли МНП и другие левые националистические малайские группы. Компартия оказывала значительное влияние на его политику через руководимые ею организации (Всемалайская федерация профсоюзов, Новодемократическая молодежная лига, Ассоциация ветеранов Антияпонской армии народов Малайи), вошедшие во ВСОД.

Выйдя из ВСОД, МНП создала другую коалицию, «Пусаг Тенага Райят» («Путера»), или Центр народных сил, куда вошли левые малайские националистические организации. ВСОД и «Путера» наладили совместные действия, и практически с лета 1947

²⁴ В этот день была образована колония Малайский Союз, а Сингапур стал отдельной колонией.

г. выступали единым фронтом, создав коалицию. Эта коалиция носила сложный характер. Она объединяла различные классовые силы: пролетариат, мелкую и среднюю буржуазию. В отличие от ОМНО коалиция ВСОД — «Путера» боролась за независимость страны и делала упор на межнациональное сотрудничество в антиимпериалистической борьбе. Но основная масса малайского крестьянства шла за ОМНО, что заставляло демократическую коалицию опираться главным образом на немалайское население страны.

Столкнувшись с антиимпериалистическим движением, возглавляемым КПМ и другими левыми партиями, и оппозицией малайской элиты, за которой пошла масса малайского населения, английское правительство решило отменить реформу 1946 г. После переговоров генерал-губернатора М. Макдональда и губернатора Малайского Союза Э. Гента с малайскими султанами и лидерами ОМНО был разработан проект создания Малайской федерации, которая должна была заменить Малайский Союз.

Новая конституция была составлена рабочим комитетом, образованным 25 июля 1946 г., куда входили шесть членов, назначенных администрацией, четыре султана и два представителя ОМНО, и опубликована в июле 1947 г. Султаны признавались суверенами своих княжеств, и возобновлялась довоенная система протектората английского правительства над малайскими султанатами. Все изменения в иммиграционных законах подлежали утверждению конференции султанов. Вся полнота власти сосредоточивалась в руках английского верховного комиссара, при котором действовали законодательный и исполнительный советы, куда входили чины колониальной администрации и лица, назначенные верховным комиссаром. Были изменены правила гражданства таким образом, что возможности его получения для немалайского населения были резко сокращены²⁵.

Английские предложения вызвали решительный протест демократических сил. В конце 1947 г. ВСОД представил проект Народной конституции, поддержанный «Путерой». Этот проект содержал следующие основные положения; предоставление Малайе, включая Сингапур, независимости; права гражданства для всех, кто родился в Малайе или чьим отцом был малаец, а также тем, кто прожил в стране восемь из десяти последних лет; закрепление за малайцами 55% мест в парламенте — Законодательном собрании; объявление малайского языка официальным языком государства; решение вопросов, относящихся к мусульманской религии и местным обычаям, специальными органами, состоящими исключительно из малайцев; гарантирование права на отдых, образование, равных прав женщинам т. п.

ВСОД не ограничился словесной критикой конституции Малайской федерации и выдвиганием своих предложений. Были организованы массовые митинги и демонстрации протеста, а 20 октября 1947 г. ВСОД призвал население к всеобщей забастовке. Однодневный «хартал» затронул главным образом промышленные предприятия и торговлю. Всего в 1947 г. в Малайе состоялось 280 забастовок. Второй «хартал» был назначен на 1 февраля 1948 г. — дату введения в силу конституции Малайской федерации. В последний момент, однако, из-за разногласий между левым крылом и консервативными силами, возглавляемыми главой Китайских торговых палат Тань Чэнлоком, всеобщая забастовка была отменена, и ВСОД предложил своим членам ограничиться бойкотом федеральных органов.

1 февраля 1948 г. английские власти провозгласили создание Малайской федерации. Антиимпериалистическое движение в Малайе оказалось недостаточно сильным, чтобы заставить колонизаторов пойти на уступки. Главная причина слабости этого движения заключалась в том, что политическое развитие страны в послевоенный период пошло по пути создания национально-общинных коммуналистских партий. Если ОМНО опиралось на малайское население страны, то ряд других политических партий, прежде всего некоммуналистских КПМ и МДС, искать поддержки главным образом среди

²⁵ В конце 1950 г. было 2,5 млн. малайцев, имевших права федерального, гражданства, в то время как эти права получили лишь 500 тыс. китайцев.

китайского населения, чтобы обеспечить себе массовую опору. В сложное положение были поставлены левые малайские организации во главе с МНП, потому что в обстановке углублявшегося размежевания по национально-общинному признаку союз с ВСОД делал их непопулярными в глазах массы малайского населения, оставшегося безразличным к идее объединения с Индонезией, долженствующего, по мысли идеологов МНП, обеспечить ведущее положение малайско-индонезийской этнической общности. Английские колонизаторы умело использовали слабости антиимпериалистического движения, разжигая коммуна-листские настроения, и пошли на союз с феодально-бюрократической малайской элитой, стремившейся сохранить свои привилегии. К этому необходимо добавить, что крупная и часть средней китайской и индийской буржуазии, входившие в антиимпериалистическую коалицию, испугались дальнейшей радикализации объединения ВСОД — «Путера», неизбежной в обстановке нараставших репрессий колониальных властей.

Вооруженная борьба и ее последствия. Вслед за созданием Малайской федерации английские колонизаторы решили разгромить демократическое антиимпериалистическое движение вооруженным путем. Репрессии против компартии, профсоюзов и других прогрессивных организаций приняли с весны 1948 г. массовый характер. В ответ трудящиеся усиливали забастовочную борьбу, причем часто дело доходило до столкновений забастовщиков с войсками и полицией. В апреле 1948 г. полиция арестовала нескольких лидеров Сингапурской федерации профсоюзов и Сингапурского профсоюза портовиков. Вслед за этим власти запретили проведение первомайского митинга в Куала-Лумпуре, намеченного Всемалайской федерацией профсоюзов. С середины мая число забастовок и столкновений резко возросло. В июне 1948 г. колониальные власти по заранее разработанному плану обрушили серию ударов на компартию и руководимые ею организации. 12 июня была запрещена Всемалайская федерация профсоюзов, которой власти отказали в регистрации, 16 июня был совершен полицейский налет на редакцию центрального органа КПМ и арестован ее редактор. 18 июня были введены чрезвычайные законы, которые предоставляли властям право казнить всякого, у кого будет найдено оружие, производить аресты по простому подозрению, запрещать печатание и распространение изданий, неугодных властям, разгонять собрания, в которых участвует более пяти человек, конфисковывать любые средства передвижения и помещения. 12 июля чрезвычайное положение было введено на всей территории Малайи. Вводя чрезвычайное положение, колонизаторы рассчитывали покончить с кампартией, которая шла в авангарде борьбы за полную независимость своей страны. Начались аресты и убийства членов Коммунистической партии Малайи, а 23 июля компартия была официально запрещена. Вскоре были запрещены молодежные организации, возглавляемые КПМ и МНП.

В создавшихся условиях КПМ приняла решение вывести свои основные кадры из городов в джунгли и там, опираясь на скваттерские поселения, развернуть партизанскую вооруженную борьбу. План колонизаторов одним ударом разгромить компартию не удался. Началась длительная и жестокая война, ставшая одной из самых грязных и позорных страниц истории английского колониализма.

Для борьбы с партизанами были переброшены воинские подразделения из различных частей Британской империи. Всего против партизан (4—5 тыс. человек в конце 40-х и около 8 тыс. — в начале 50-х годов) действовало 40 тыс. регулярных войск, около 60 тыс. полицейских и 250 тыс. человек внутренней охраны. В операциях против партизан принимали участие значительные военно-морские и военно-воздушные силы. Заинтересованные в подавлении партизанского движения в Малайе, которая приобрела после начала войны о Корею особое значение как источник важных стратегических товаров и плацдарм для борьбы с национально-освободительным движением в Юго-Восточной Азии, США активно помогали англичанам оружием, снаряжением, субсидиями. В войне приняли участие также австралийские и новозеландские воинские части. В борьбе с

партизанами и сочувствовавшим им населением применялись самые жестокие и бесчеловечные методы. По законам чрезвычайного положения полиция имела право заключать в тюрьму без суда на срок до двух лет, устраивать обыски по своему усмотрению, создавать зоны, где передвижение населения и подвоз продовольствия ограничивался. Широко применялись пытки, тысячи людей были казнены по простому подозрению.

Несмотря на огромное превосходство в силах, колонизаторы не смогли в течение многих лет покончить с партизанским движением. Умело действуя в джунглях, партизаны, многие из которых имели опыт борьбы с японцами, наносили противнику неожиданные удары, предпринимая даже наступательные операции крупного масштаба. Так, летом 1948 г. партизанские отряды захватили г. Джерантунг в Паханге и центр угледобычи — г. Бату-Аранг. В феврале 1949 г. из партизанских отрядов была создана Освободительная армия народов Малайи, штаб которой планировал операции во всей стране. Тактика армии была партизанской — устройство засад (в одной из них в октябре 1951 г. погиб британский верховный комиссар Малайской федерации Генри Гёрни), неожиданные удары, нападения на патрули, полицейские посты, изолированные плантации, диверсии на железных дорогах и т. п. Освободительной армии помогала гражданская организация, куда входили в основном китайские скваттеры. В первые годы англичане чувствовали себя в относительной безопасности лишь в городах, где находились сильные гарнизоны.

Попытки колонизаторов покончить с партизанским движением с помощью одной лишь военной силы оказались безуспешными. В середине 1950 г. потерпел неудачу план командующего английскими войсками генерала Гарольда Бриггса: вытянув всю армию поперек Малаккского полуострова, пройти по стране с юга на север и уничтожить партизанские силы. Части Освободительной армии, разбившись на мелкие группы, просочились сквозь цепь английских войск и продолжали операции в их тылу.

Лишь к середине 50-х годов колонизаторам удалось существенно ослабить силы Освободительной армии. Решающую роль в этом сыграли мероприятия, предпринятые новым (с 1952 г.) командующим и верховным комиссаром колонии генералом Джеральдом Темплером. В 1951—1953 гг. англичане произвели переселение полумиллиона китайских скваттеров в так называемые новые деревни, которые были обнесены колючей проволокой и находились под контролем полиции и внутренней охраны. Переселение скваттеров лишило партизан массовой опоры в сельской местности и создало для них серьезные продовольственные трудности. Всего к концу 1953 г. появилось около 300 «новых деревень», население которых, особенно в первые годы, жило в условиях жестокого полицейского контроля и террора. Темплер создал также укрепленные «форты в джунглях» в районах обитания аборигенов, которых партизанам удалось привлечь на свою сторону. Специальные подразделения прочесывали джунгли в поисках партизанских лагерей. Применялись массированные бомбардировки и артобстрелы лесных участков, где скрывались партизаны, целые лесные массивы заливались напалмом. Колонизаторы обрушили репрессии на мирное население, подозреваемое в сочувствии к партизанам. Казни, пытки, высылки были повседневным явлением в Малайе того времени.

Английские власти подвергли гонениям боевые профсоюзы рабочего класса Малайи. В марте 1949 г. был арестован «за ношение оружия» председатель Всемалайской федерации профсоюзов Ганалати. В мае того же года Ганapati был повешен, а через два дня его преемник Вирасенан застрелен полицией. Еще в феврале 1949 г. англичане созвали в Куала-Лумпуре конференцию профсоюзов, сотрудничавших с властями. Затем из Англии были приглашены советники по вопросам профдвижения, которые стали реорганизовывать малайские профсоюзы в духе тред-юнионизма.

С арены политической жизни исчезли такие силы, как Малайский демократический союз, Малайская национальная партия, молодежные и женские демократические организации, распущенные или запрещенные колониальными властями в 1948—1950 гг.

Стремясь к разгрому партизанского движения, английские власти действовали не только грубой силой. Одновременно они прибегали к политическим маневрам, целью которых было привлечение на свою сторону консервативных слоев не только малайского, но также китайского и индийского населения страны. Однако появление новых политических партий и группировок в Малайе и Сингапуре после лета 1948 г. не может быть объяснено только маневрами колониальных властей, стремившихся расколоть национально-освободительное движение, играть на национальных противоречиях, разобщить рабочий класс и т. д. В условиях, когда легальное левое движение было разгромлено, малайские феодально-бюрократические круги и крупная китайская и индийская буржуазия, выступившие за сотрудничество с колонизаторами, стремились использовать ситуацию для того, чтобы упрочить свое влияние на массы и заставить власти пойти на уступки имущим слоям малайского общества. 27 февраля 1949 г. возникла Китайская ассоциация Малайи (КАМ), созданная китайскими торговыми палатами. Ее руководителем стал Тань Чэнлок — крупный предприниматель, до войны — член законодательного и исполнительного совета Стрейтс Сетлментс, в 1946—1948 гг. — глава Всемалайского совета объединенных действий. Английские власти поддержали создание КАМ, в которой они увидели силу, могущую отвлечь китайское население от поддержки компартии; со своей стороны, китайская крупная и средняя буржуазия, создавая КАМ, стремилась оформиться политически, чтобы противостоять малайской верхушке, уже имевшей свою партию, в то время как после введения чрезвычайного положения китайские имущие слои оказались лишенными собственной организации.

В январе 1949 г. при прямом участии английского генерального комиссара в Юго-Восточной Азии Малколма Макдональда был создан Комитет по общинным связям, куда вошли представители верхушки различных национальностей и английской администрации. Колонизаторы стремились окончательно оторвать китайскую буржуазию от союза с демократическими силами, противопоставив этому союзу сближение с малайской буржуазно-феодальной верхушкой.

Активизация китайской буржуазии повлияла на ОМНО, продолжавшую сохранять положение крупнейшей политической организации в Малайе. Лидер ОМНО Дато Онн бин Джафар, понимая необходимость сближения с консервативно настроенными китайцами, одновременно стремился обеспечить господствующее положение феодально-бюрократических малайских кругов и подорвать влияние КАМ. С этой целью он выдвинул идею превращения ОМНО в некоммуналистскую политическую партию, куда бы был открыт доступ и немалайцам. Планы Онн бин Джафара потерпели полный крах: его не поддержала собственная партия, в которой господствовали коммуналистские взгляды, чему способствовала националистическая пропаганда таких откровенно реакционных партий, как Союз малайцев полуострова и Малайский Союз. Не нашли отклика идеи Онн бин Джафара и среди китайской и индийской буржуазии, предпочитавшей сохранить свои национальные организации, а не растворяться в партии, где господствующее положение займет малайская верхушка. В результате в июле 1951 г. Дато Онн бин Джафар вышел из ОМНО, а в сентябре основал новую, некоммуналистскую партию — Партию независимости Малайи (ПНМ).

Новым президентом ОМНО стал брат султана Кедаха Тунку Абдул Рахман, юрист по образованию, в лице которого ОМНО получила умного, волевого и гибкого лидера. Уход Дато Онн бин Джафара и его группы способствовал некоторому усилению влияния в ОМНО буржуазных элементов и деревенской элиты в противовес феодально-бюрократическим. Хотя ПНМ выдвинула лозунги самоуправления через 10 лет, выборов в 1955 г., малайизации чиновничьего аппарата и т. п., она не смогла добиться массовой поддержки — слишком откровенной была ее ориентация на колониальные власти, и,

кроме того, в политической жизни Малайи, к этому времени далеко зашедшей по пути коммунизма, для такой партии не нашлось места.

Это со всей очевидностью продемонстрировали муниципальные выборы 1952 г. В феврале этого года состоялись выборы в муниципальный совет Куала-Лумпура, разрешенные колониальными властями в качестве меры, направленной на то, чтобы продемонстрировать буржуазно-феодальным партиям свою готовность идти на уступки при условии поддержки с их стороны в борьбе с партизанским движением. Накануне выборов, 8 января 1952 г. селангорские отделения ОМНО и КАМ заключили предвыборное соглашение, выступив единым фронтом против Партии независимости Малайи. Результаты выборов были неожиданными для последней, рассчитывавшей на безусловный успех в многонациональной и чиновной столице: она получила лишь два места, в то время как коалиция ОМНО — КАМ — девять. Выборы в муниципальные советы шести крупных городов в декабре 1952 г. подтвердили успех коалиции: она завоевала 26 мест (из 37), а ПНМ получила одно. Даже в Джохор-Бару, столице Джохора, где личное влияние Дато Они бин Джафара было исключительно велико, ПНМ потерпела сокрушительное поражение.

Хотя выборы 1952 г. никакого реального значения сами по себе не имели (речь шла о нескольких местах в не обладающих никакой властью муниципальных советах), они оказали серьезное воздействие на внутривнутриполитическую жизнь страны и расстановку политических сил.

Политическая жизнь Малайи в период подготовки к федеральным выборам (1952—1954 гг.). С начала 50-х годов в политическом развитии Малайской федерации явно обнаружилось некоторые новые черты.

Возглавляемая компартией вооруженная борьба, которую, несмотря на огромное превосходство в силах, англичане не смогли подавить, усиление экономической и политической активности трудящихся масс, в первую очередь рабочего класса, общее изменение международной обстановки в пользу сил социализма и национально-освободительного движения — все эти причины вынуждали колонизаторов к изменению своих первоначальных планов полностью сохранить колониальный режим в Малайе. Англичане все больше заигрывали с буржуазно-феодальными партиями, идя на дальнейшие уступки имущим слоям, чтобы заручиться их помощью в борьбе с коммунистами и сохранить свои позиции в стране. С другой стороны, имущие слои различных национальностей стремились использовать затруднения английских властей и их страх перед освободительной борьбой народных масс, добиваясь получения все больших политических и экономических прав. В целях консолидации своих сил как для получения уступок от колонизаторов, так для борьбы с левым крылом национально-освободительного движения политические партии местной буржуазии и феодалов объединились, создав коалицию Объединенной малайской национальной организации и Китайской ассоциации Малайи. Попытки ПНМ, члены которой занимали важные посты в местной колониальной администрации, особенно в законодательном и исполнительном советах федерации, дискредитировать союз ОМНО—КАМ успехом не увенчались, хотя в марте 1953 г. лидер ОМНО в Пераке и главный министр этого султаната вышел из ОМНО и создал Национальную партию Перака, присоединившуюся к ПНМ.

После муниципальных выборов 1952 г. союз ОМНО и КАМ укрепился. Союзники, стремясь упрочить свои позиции, выступили с требованием скорейшего проведения федеральных выборов, которые рассматривались ими как шаг на пути достижения независимости страны. В условиях продолжавшегося партизанского движения и усиления с начала 50-х годов активности масс проблема независимости заняла центральное место в программах политических партий.

В течение 1953—1954 гг. основные легальные политические силы сосредоточили главное внимание на проблеме независимости и путей к ее достижению.

Даже крайне правые силы, представленные ПНМ, султанскими династиями и консервативной Китайско-британской ассоциацией проливов, на Национальной конференции, состоявшейся 6 апреля 1953 г., пошли на принятие программы, предусматривавшей достижение независимости, хотя и в отдаленном будущем. По мысли лидеров ПНМ, федеральные выборы должны были состояться в 1956 г., и лишь меньше половины членов парламента должны были быть избраны, тогда как большая часть — назначены. Эта программа отражала позицию феодально-бюрократических кругов, теснейшим образом связанных с колонизаторами и боявшихся потерять свое привилегированное положение. В феврале 1954 г. на базе ПНМ была создана новая партия — Партэй Негара (Партия отечества), носившая еще более откровенный консервативно-феодальный характер.

Союз ОМНО—КАМ, созвавший в 1953 г. Национальный конвент, в котором приняли участие также несколько небольших консервативных малайских организаций, выдвинул программу, согласно которой минимум $\frac{3}{5}$ будущего парламента избиралось, причем выборы должны состояться не позже конца 1954 г. Другие требования предусматривали допуск государственных служащих к голосованию (в интересах ОМНО, за которой шли низшие и средние чиновники) и увеличение числа китайцев, допускаемых к голосованию (в интересах КАМ).

Со своей программой выступили и малайские националисты, глашатаем которых стал Союз малайцев полуострова, вначале присоединившийся к Национальному конвенту, но осенью 1953 г. создавший отдельный Всемалайский национальный конгресс. Программа этого объединения включала признание малайского языка официальным, ислама — государственной религией, а также дальнейшее ограничение гражданских прав немалайского населения.

Английские власти поддержали программу Национальной конференции, участники которой имели к тому же большинство в созданном колонизаторами комитете по выборам. В ответ коалиция ОМНО и КАМ 14 июня 1954 г. призвала своих членов подать в отставку с должностей в аппарате управления. 7 июля новый верховный комиссар Дональд Мак-Джалливри, сменивший Темплера, пошел на уступки, приняв некоторые требования коалиции относительно ускорения выборов и увеличения числа избираемых членов парламента, после чего коалиция прекратила бойкот правительственных учреждений.

Федеральные выборы 1955 г. Выборы в Законодательный совет Малайской федерации явились важной вехой в политическом развитии страны. Они свидетельствовали, во-первых, о кризисе системы колониального управления в обстановке высокого накала антиимпериалистического движения, под влиянием которого даже консервативные силы выдвинули лозунг борьбы за независимость. Во-вторых, именно в период выборов окончательно сложилась та расстановка политических сил в Малайе, которая определила дальнейшее развитие страны на многие годы.

В октябре 1954 г. к коалиции ОМНО — КАМ присоединился Индийский конгресс Малайи (ИКМ), представлявший интересы крупной и частично средней индийской буржуазии. Индийский конгресс Малайи вначале ориентировался в основном на Индию, рассматривая политическую жизнь Малайи сквозь призму индийских событий. После 1951 г., особенно с приходом нового руководства во главе с В. С. Самбантаном, ИКМ начал активнее участвовать во внутрималайской политической жизни, стремясь в условиях определившегося политического размежевания по коммунально-общинному признаку обеспечить интересы буржуазии индийского и цейлонского происхождения. Индийский конгресс Малайи был наименее влиятельным членом коалиции, что объяснялось не только меньшей численностью индийцев в Малайе, но и тем, что масса индийских плантационных рабочих шла за не связанными с ИКМ профсоюзами, а часть крупной буржуазии индийского происхождения поддерживала Дато Онн бин Джафара и его Партию отечества. Присоединение ИКМ к коалиции, получившей название Альянса,

означало окончательное оформление блока феодально-буржуазной малайской верхушки и чиновничества с буржуазией (преимущественно крупной и средней) китайского и индийского происхождения.

В начале 50-х годов в Малайе оживилось профсоюзное движение. Созданные с помощью английских лейбористских советников малайские профсоюзы к этому времени претерпели значительные изменения. Под влиянием своих рядовых членов профсоюзы в обстановке, когда колонизаторы были вынуждены идти на уступки, чтобы оторвать массы от компартии, стали решительнее выступать в защиту прав трудящихся, что, в свою очередь, привлекало к ним симпатии и новых отрядов рабочего класса. Оживилась фактически прекратившаяся после введения чрезвычайного положения забастовочная борьба. В Малайской федерации в начале 1953 г. было зарегистрировано 222 профсоюза с числом членов 128 тыс.

С оживлением профсоюзного движения появились новые политические партии, существование которых вначале даже поощрялось властями, видевшими в них одно из средств раскола демократического движения. Но постепенно эти партии становились центрами, вокруг которых группировалась оппозиция консервативному Альянсу. Большинство членов этих партий, а также их руководство принадлежали к мелкобуржуазным слоям китайской и индийской национальности, но по мере усиления демократических тенденций в деятельности этих партий в них стали привлекаться и рабочие.

В мае 1951 г. возникла Рабочая партия Пинанга. Рабочая партия Перака также возникла в 1951 г., расколовшись в следующем, 1952 г. на собственно Рабочую партию и Прогрессивную партию Перака, ставшую выразительницей интересов индийской и китайской средней буржуазии этого султаната. В декабре 1951 г. возникла Рабочая партия Селангора.

В июне 1952 г. на ежегодной конференции Совета профсоюзов Малайи представители рабочих партий Пинанга, Селангора, Перака, Малакки и Сингапура создали Панмалайскую рабочую партию (ПРП).

В 1953 г. в нее пришли новые деятели из рядов местной интеллигенции — Раманатан, Тан Поккин, Вираппен и другие, которые в отличие от прежних лидеров не были связаны с правительственной службой. Эта группа, получив руководство в партии, в июне 1954 г. настояла на переименовании ПРП, которая стала называться Рабочей партией Малайи (РПМ), и принятии нового устава, способствовавшего организационному укреплению партии.

Программа РПМ предусматривала достижение независимости, борьбу за «демократический социализм», обобществление некоторых отраслей производства, а также введение демократических свобод. Партия выступала за отмену чрезвычайного положения и за амнистию партизанам. Рабочая партия Малайи в июне 1955 г. опубликовала заявление, в котором говорилось, что предстоящие выборы являются фарсом, поскольку не достигнута независимость, и что партия выдвигает своих кандидатов в чисто пропагандистских целях, чтобы публично обличить недостатки существующей в стране политической системы.

В середине 50-х годов возродилось и малайское национальное движение радикального толка. В апреле 1955 г. в Куала-Лумпуре был созван Всемалайский конгресс малайской молодежи. В нем наряду с Партией отечества и Союзом малайцев полуострова приняла участие группа националистов во главе с бывшим руководителем Малайской национальной партии доктором Бурханудином, который создал новую партию — Малайский националистический фронт, выступавшую с позиций малайского национализма, но одновременно требовавшую вывода иностранных войск с малайской территории. Дальнейшее размежевание националистов привело к появлению в 1955—1956 гг. двух политических партий: Народной партии во главе с бывшим лидером

малайской молодежной организации, входившей в Лутера, Ахмадом Бустаманом и Панмалайской исламской партии (ПМИП), лидером которой стал доктор Бурхануддин.

Народная партия Малайи (НПМ) была создана 11 ноября: 1955 г. Она выступила за борьбу против колониализма и потребовала немедленного предоставления стране независимости, которая рассматривалась как первый шаг на пути объединения Малайи с Сингапуром и Северным Калимантаном. Идеологией НПМ стал мархаэнизм, трактуемый в духе Сукарно. В целом мелкобуржуазная Народная партия была близка к РПМ, тогда как ПМИП, опираясь на мусульманское духовенство и крестьянство, наряду с требованиями, направленными на улучшение положения трудящихся, ликвидацию колониальной зависимости страны и отмену чрезвычайного положения, выдвигала в своей программе целый ряд националистических пунктов, настаивая на исключительных правах малайцев, создании исламского государства и т. п. Обе партии выступали за тесный союз с Индонезией, предусматривающий в будущем объединение обоих государств.

На выборах 1955 г. основная борьба разгорелась между Альянсом и Партией отечества, в то время как другие партии были еще слишком слабы и разобщены; ни одна из них еще не стала партией, распространившей влияние на всю страну и на достаточно широкие слои населения.

Предвыборная программа Альянса, названная «Дорога к независимости», включала достижение независимости не позднее чем через четыре года, различные обещания улучшения экономического положения трудящихся и, что сыграло очень важную роль в привлечении к ней симпатий населения, требование амнистии для участников партизанской борьбы. Накануне выборов Альянс усилил критику в адрес властей, упорно не желающих начать переговоры с компартией.

Партия отечества, возглавляемая Дато Онн бин Джафаром, в предвыборной борьбе прибегала к разжиганию националистических чувств среди малайского населения, обвиняя Альянс в уступках китайцам и индийцам. Это оттолкнуло те консервативные круги китайской и индийской буржуазии, которые поддерживали эту партию как, как некокоммуналистскую, но не привлекло к ней сколько-нибудь заметной поддержки со стороны малайцев, в массе шедших за Альянсом, стоявшим на позициях сотрудничества различных национальных групп с политическим превалированием малайского элемента.

Выборы в июне 1955 г. принесли успех Альянсу: из 52 избираемых членов Законодательного совета от него был избран 51. Одно место завоевала Панмалайская исламская партия. За Альянс проголосовало более 81% избирателей, тогда как за Партию отечества — около 8%. Победа Альянса объяснялась как обещаниями его лидеров добиться независимости и отмены чрезвычайных законов, так и тем, что за ОМНО, сумевшей создать хороший партийный аппарат на низшем и среднем уровне (деревенские старосты, сельские учителя, среднее и низшее чиновничество), пошла основная часть малайцев, составлявших свыше 80% избирателей.

Политическое развитие Малайи в 1955—1957 гг. Провозглашение независимости. После выборов, опираясь на большинство в Законодательном совете (70 человек из 98)²⁶, лидер Альянса Тунку Абдул Рахман сформировал правительство, в котором сам стал главным министром.

Но Малайя по-прежнему оставалась английской колонией. Все министры несли ответственность не перед Законодательным советом, а перед английским верховным комиссаром; ключевые министерства — обороны, экономики, финансов и внутренних дел — находились в руках англичан. В стране оставались английские войска, продолжавшие жестокую войну с партизанами.

Антиколониальные и антиимпериалистические настроения масс, усилившиеся после выборов 1955 г., заставляли блок буржуазии и бюрократии трех национальных групп требовать дальнейших уступок от колонизаторов. Последние, понимая, что их

²⁶ Стронниками Альянса были 19 из 46 назначенных членов Законодательного совета.

дальнейшее открытое присутствие в стране усиливает антиколониальные чувства и настроения, способствует поддержке населением страны партизанского движения, пошли навстречу имущим слоям Малайи.

Прежде чем начались англо-малайские переговоры о предоставлении независимости, правительство Абдул Рахмана сделало шаг, снижавший ему большую популярность: оно пошло на переговоры с компартией. В сентябре 1955 г. правительство Абдул Рахмана провозгласило амнистию участникам партизанского движения, желающим сдаться властям. Хотя практических результатов это не имело (сдалось несколько человек), КПМ в ответ на инициативу Альянса предложила в конце сентября начать переговоры с целью положить конец войне. 28—29 декабря 1955 г. в горной деревушке Балинг, неподалеку от малайско-тайландской границы главный министр Малайской федерации Тунку Абдул Рахман, главный министр Сингапура Дэвид Маршалл и председатель Китайской ассоциации Малайи Тань Чэнлок встретились с делегацией компартии и Освободительной армии народов Малайи, возглавляемой генеральным секретарем КПМ Чин Пенем. К этому времени партизанское движение и КПМ находились в сложном положении. Компартия после 1948 г. утратила связи с пролетариатом, а после переселения скваттеров потеряла опору и в деревне. Будучи по национальному составу в основном китайской, КПМ не смогла завоевать серьезных позиций в малайском крестьянстве. Появление легальных левых партий и программа Альянса, предусматривающая получение независимости, повлияли также на тех, кто ранее сочувствовал коммунистам, не видя в условиях Малайи других сил, борющихся за независимость страны. Сказалась и общая усталость партизан и огромный численный; перевес лучше вооруженной и располагавшей современной техникой английской армии. В результате к моменту переговоров в Балинге партизанское движение ограничивалось северными районами Малайи, сплошь покрытыми джунглями и удаленными от основных центров страны.

Переговоры в Балинге кончились неудачей. Лидеры Малайя и Сингапура соглашались только на амнистию участникам вооруженной борьбы, тогда как руководство КПМ настаивало на легализации компартии и разрешении ее членам заниматься политической деятельностью. Делегация КПМ на переговорах подчеркивала, что борьба ведется не с Альянсом, а с английским империализмом, который не желает предоставить своим колониям независимость.

На неудачу переговоров в Балинге повлияли антикоммунистические настроения руководства Альянса, не хотевшего существования компартии в качестве политической силы в стране. Лидеры Альянса использовали переговоры в Балинге для увеличения своего политического капитала и усиления в стране антикоммунистической пропаганды, представляя коммунистов в глазах общественного мнения препятствием на пути достижения независимости. В марте 1956 г. Абдул Рахман публично обратился к Чин Пену с призывом сложить оружие, напомнив, что на переговорах в Балинге КПМ обещала прекратить борьбу с переходом власти в руки национального правительства. (Абдул Рахман пытался представить получение Альянсом ключевых министерских постов в колониальном правительстве как «фактическую независимость страны».) Одновременно были предложены новые условия сдачи для партизан и обещано, что те из сдавшихся партизан, кто желает этого, могут выехать в Китай без всяких расследований об их прошлой деятельности.

В марте 1967 г. КПМ предприняла еще одну попытку окончить войну, предложив в качестве условий возможность для членов КПМ вести нормальную жизнь, участвовать в выборах и иметь право быть избранными в законодательные органы, получение гарантии, что вышедшие из джунглей партизаны не будут подвергаться преследованиям. Хотя эти условия даже не предусматривали признания компартии как легальной политической силы, Абдул Рахман, уже наживший политический капитал на переговорах с КПМ, отказался их обсуждать, заявив, что борьба может быть прекращена только на условиях, выдвинутых им в Балинге.

Сразу же после выборов в Законодательный совет Абдул Рахман и возглавляемый им Альянс потребовали от англичан дальнейших уступок и ускорения передачи власти. Попытки использовать против Альянса султанов, боявшихся потерять свои привилегии после ликвидации колониального режима, успеха не имели, и Англия была вынуждена согласиться на переговоры о предоставлении независимости Малайе.

С 18 января по 18 февраля 1956 г. в Лондоне проходили переговоры между малайской делегацией во главе с Абдул Рахманом и английским правительством, в ходе которых англичане пошли на дальнейшие уступки, обещав предоставить независимость Малайе в августе 1957 г., увеличить число министров, назначаемых из выборных членов Законодательного совета, передать Альянсу посты секретарей по финансам и обороне и министра по делам экономики, ликвидировать посты английских советников в султанатах и назначить комиссию по разработке будущей конституции независимой Малайи. Малайская делегация, со своей стороны, обязалась после провозглашения независимости заключить с Англией договор об обороне и взаимной помощи.

В 1956—1957 гг. конституционная комиссия, составленная из представителей стран Британского содружества, под председательством лорда Рейда разработала конституцию независимой Малайской федерации.

Основные ее положения были следующими. Малайская федерация являлась конституционной монархией во главе с верховным правителем (янг ди-пертуан агонгом), избираемым на пять лет султанами из своей среды. Конференция султанов избирала также заместителя верховного правителя. Федеральный парламент состоял из сената (деван негара) и палаты представителей (деван райят). В сенат входило 38 человек, 22 из которых избирались законодательными ассамблеями штатов (по 2 от каждого штата), а 16 — назначались янг ди-пертуан агонгом. Сенаторы занимали свои посты в течение шести лет, причем через три года половина состава обновлялась. В палату представителей входили 104 избираемых на пять лет депутата. Палата представителей принимала все бюджетные законопроекты и имела право принять во втором чтении любой закон, даже если он бил отвергнут сенатом. Федеральное правительство возглавлялось премьер-министром — лидером партии большинства в палате представителей.

Страна состояла из 11 штатов (9 султанатов и бывшие сэтлменты Пинанг и Малакка), каждый из которых возглавлялся правителем-султаном или губернатором, назначаемым верховным правителем. В штатах создавались законодательные ассамблеи и государственные советы, формируемые главными министрами—лидерами партий, получивших большинство в законодательных ассамблеях. Были расширены права гражданства для немалайского населения страны. Все лица, родившиеся в Малайской федерации с момента провозглашения независимости, автоматически становились ее гражданами; были облегчены также правила получения гражданства. Малайский язык становился государственным, но и течение 10 лет английский язык также сохранял права официального языка. Ислам провозглашался государственной религией, но гарантировалась свобода и для других религий. Резервировались специальные права малайцев в отношении владения землей, государственной службы, получения образования, причем верховный правитель был ответствен за охрану специальных прав малайского населения. Конституция, таким образом, сохраняла политическое преобладание малайцев, а конкретно — ОМНО, и ограничения в отношении политических прав китайского и индийского населения.

Предложения комиссии Рейда были рассмотрены Рабочим комитетом, образованным из представителей Альянса, султанов и английской администрации. 1 мая 1957 г. Рабочий комитет закончил рассмотрение конституции. Окончательный ее вариант был утвержден во время новых англо-малайских переговоров в Лондоне в мае 1957 г. В основу конституции была положена согласованная точка зрения Альянса и малайских султанов.

27 июня 1957 г. Конференция султанов дала согласие на разработанный проект конституции. Вслед за тем конституция получила одобрение Национального совета Альянса, куда входили руководители всех трех партий. 15 августа конституция была единогласно принята Законодательным советом.

31 августа 1957 г. на стадионе «Мердека» в Куала-Лумпуре была провозглашена независимость Малайской федерации.

Особенностью развития национально-освободительного движения, которое привело к завоеванию Малайей независимости, была дифференциация этого движения как по социальному, так и по национально-этническому принципу. Хотя в ходе вооруженного партизанского движения против английских колонизаторов усилилась классовая поляризация внутри национальных общин, политические партии по-прежнему продолжали выражать интересы социальных групп в этно-национальных рамках.

Антиколониальная вооруженная борьба в Малайе сыграла огромную роль в истории страны, оказав определяющее воздействие на завоевание ею независимости. Но антиимпериалистические силы не сумели создать единого антиколониального фронта на межнациональной основе. Ориентированная на китайское население страны КПМ, отрезанная от скваттеров и не нашедшая способов привлечь широкие массы сельского (малайского) и городского (китайских и индийских средних классов и мелкой буржуазии) населения, оказалась в изоляции.

С другой стороны, феодально-бюрократические и буржуазные круги разной этнической принадлежности — малайской, китайской и индийской, пришедших к власти в Малайе, заключили классовое соглашение, оформленное политически в виде Альянса, который вначале проводил осторожную политику в отношении англичан. Феодально-буржуазные круги Малайи использовали исторически сложившуюся разобщенность классов по этно-национальному признаку и переплетение классовых и национально-этнических противоречий для закрепления своего положения у власти.

Внутренняя и внешняя политика Малайской федерации в 1957—1959 гг. В первые годы существования независимой Малайи на ее внутреннем и внешнеполитическом положении явственно сказывались последствия колониальной зависимости. Господствующие позиции в экономике страны занимал иностранный, главным образом английский, капитал. В Малайе по-прежнему находились войска Англии и ее союзников. Англичане сохраняли серьезные позиции в государственном аппарате нового государства.

В сентябре 1957 г. правительство Абдул Рахмана заключило с Англией договор об обороне и взаимной помощи, узаконив тем самым присутствие английских, австралийских и новозеландских войск, продолжавших вести боевые операции против партизан. Согласно договору, Англия и Малайя должны были вести совместные военные действия в случае нападения на Малайю или на британские территории на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии — Гонконг, Сабах, Саравак и Бруней. При угрозе этим территориям или вообще в случае создания напряженности на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии Англия и Малайя обязывались консультироваться для определения своих дальнейших действий. Англия получала право использовать свои военные базы в Малайе для действий в рамках СЕАТО, куда Малайя не входила. Договор предусматривал также создание с английской помощью вооруженных сил Малайи.

Во внешней политике Малайя в 1957—1959 гг. следовала за Англией. Англо-малайский военный договор связывал Малайю с СЕАТО. Вместе с тем правительство Абдул Рахмана отказалось войти в этот агрессивный блок.

Давление Англии и продолжавшаяся борьба против партизанского движения, возглавляемого компартией, способствовали ориентации Малайи в те годы на связи с реакционными и проимпериалистическими режимами в Азии. Показательно, что свой первый официальный визит в качестве премьер-министра независимой Малайи Тунку Абдул Рахман сделал в январе 1958 г. в Южный Вьетнам. В 1958 г. Абдул Рахман посетил

Таиланд, где договаривался о совместной борьбе с партизанским движением в пограничных районах.

В январе 1959 г. малайский премьер выступил с предложением о создании экономического и культурного союза Юго-Восточной Азии, что было тогда воспринято прогрессивной общественностью как попытка связать с СЕАТО нейтралистские страны региона.

Правительство Альянса приступило к созданию в стране собственной армии, и в марте 1958 г. ввело закон о всеобщей воинской повинности, по которому призыву в армию подлежали только граждане Малайи, т. е. преимущественно малайское население.

В 1955—1957 гг. происходил отлив иностранного капитала из Малайи, что было связано с политическими опасениями иностранных вкладчиков, ожидавших провозглашения независимости, их неуверенностью в экономической политике нового правительства и с возросшей конкуренцией синтетического каучука на мировом рынке. Придя к власти, правительство Альянса начало проводить политику, направленную на привлечение иностранного капитала и создание ему условий для беспрепятственной деятельности. Альянс постарался успокоить иностранных вкладчиков, заявив устами министра торговли и промышленности о намерении правительства проводить систему поощрения иностранных инвестиций и не препятствовать свободному переводу капитала и прибылей. В результате в 1958 г. отлив иностранного капитала прекратился. В первые годы правительство мало вмешивалось в экономическую жизнь страны и предпринимало сравнительно незначительные усилия для поощрения деятельности местного капитала. По-прежнему тяжелым оставалось положение рабочего класса, страдавшего от безработицы, колебаний цен на олово и каучук на мировом рынке, и крестьянства, жившего в условиях малоземелья и помещичье-кулацкой кабалы.

Острой проблемой оставалось существование главным образом в северных пограничных с Таиландом районах партизанского движения, масштабы которого, правда, сократились. Население страны страдало от «чрезвычайных законов», позволявших правительству расправляться с оппозицией путем арестов и лишения гражданских прав. После провозглашения независимости компартия сделала еще одну попытку мирного урегулирования, направив 12 октября 1957 г. письмо Абдул Рахману, в котором Чин Пен заявлял о своей готовности снова встретиться для переговоров. В ноябре премьер-министр публично заявил, что согласен вести переговоры только об условиях сдачи, а не о политическом урегулировании проблемы. Компартия отвергла требование о сдаче, указав, что она вела борьбу с колониализмом и теперь готова прекратить вооруженные действия на справедливых условиях. Абдул Рахман ответил категорическим отказом и на это обращение компартии.

Все эти сложные проблемы сказались на результатах выборов 1959 г., ставших центральным событием первых двух лет истории независимой Малайской федерации. Результаты этих выборов во многом повлияли на последующую политику правящих кругов страны и ее общее политическое развитие.

Выборы 1959 г. и их результаты. Согласно конституции 1957 г. августовские выборы 1959 г. стали первыми парламентскими выборами в независимой Малайе. Число избирателей увеличилось по сравнению с 1955 г. в два раза. Изменился и их национальный состав: хотя по-прежнему большинство избирателей были малайцами, число китайцев и индийцев, получивших права гражданства, резко выросло²⁷.

Крупнейшей и наиболее влиятельной политической силой Малайской федерации оставался Альянс, коалиция трех партий — ОМНО, КАМ, ИКМ, в октябре 1957 г. слившихся в одну — Союзную, где каждая из трех партий тем не менее сохраняла самостоятельную организацию. Решающую роль в Союзной партии играла ОМНО.

²⁷ Из 2184 тыс. имевших право голоса, малайцы составляли 66,8% (1217 тыс.), китайцы — 35,6% (764 тыс.), индийцы — 7,4% (159 тыс.).

Придавая большое значение первым выборам в независимой Малайе, Абдул Рахман в феврале 1959 г. ушел в отставку, чтобы заняться предвыборной кампанией, и премьер-министром стал его заместитель и военный министр Тунку Абдул Разак.

Несмотря на объединение, в Союзной партии существовали достаточно серьезные разногласия, особенно между ОМНО и КАМ. Суть их сводилась к стремлению китайской буржуазии, занимавшей ведущие экономические позиции по сравнению с малайской, добиться расширения своего политического влияния; ОМНО стремилась сохранить свое главенствующее положение и добиться экономических уступок в пользу малайской элиты и буржуазии и от китайского капитала.

Эти противоречия привели в 1957—1959 гг. к серьезным разногласиям между ОМНО и КАМ по двум важнейшим вопросам политической жизни страны — реформе образования и разделу мест в парламенте.

С середины 50-х годов усилилось стремление ОМНО создать единую систему образования «а двух обязательных языках — малайском и английском—с преподаванием других языков как предметов. Поскольку в стране существовало большое число китайских начальных и средних школ, где преподавание велось на китайском языке, правительство переставало оказывать им помощь, если преподавание продолжало вестись на китайском языке. К моменту выборов проблема китайских школ оставалась нерешенной; в КАМ существовало серьезное недовольство унификацией системы образования, в которой многие видели стремление малайской верхушки воспрепятствовать развитию китайского языка и литературы в Малайе. С другой стороны, правительство усматривало в существовании таких китайских школ угрозу иностранного влияния на молодежь страны.

Вторым вопросом, вызвавшим серьезные разногласия в правящей коалиции, стало выдвижение кандидатов на предстоящих выборах.

В 1955 г. от Китайской ассоциации Малайи в законодательный совет было избрано 15 человек, проходивших по общему описку Альянса. Поскольку число китайских избирателей на выборах 1959 г. возросло в несколько раз и они составляли большинство в 40 из 104 избирательных округов, КАМ потребовала от ОМНО предоставить ей право выдвинуть от 35 до 40 кандидатов. Лидеры ОМНО соглашались на 28 кандидатов и потребовали от КАМ снять предложение о пересмотре политики в области образования.

В июле 1957 г. доктор Лим Чонью, президент КАМ, обратился к Абдул Рахману с конфиденциальным письмом, в котором угрожал выходом КАМ из коалиции, если не будут сделаны уступки в ее пользу. Письмо при таинственных обстоятельствах стало известно прессе и вызвало крайне резкую реакцию в ОМНО, особенно в ее крайне националистическом крыле. Руководство ОМНО потребовало от КАМ публично объявить об ошибочности письма Лим Чонью. Центральный комитет КАМ 89 голосами против 60 проголосовал за принятие требования ОМНО и сохранение Союзной партии. Лидеры КАМ — Лим Чонью и сэр Генри Ли, министр финансов в кабинете Альянса — отошли от руководства КАМ, несколько человек из ее центрального комитета ушли в отставку. Руководство КАМ полностью перешло в руки «умеренных» во главе с министром Тань Сюсином (сыном Тань Чэнлока) и Он Йоклином, выступившим за компромисс и сохранение союза с ОМНО. Последняя также пошла на уступки, стремясь сохранить союз с китайской буржуазией. Абдул Рахман предложил выдвинуть 32 китайских, 3 индийских и 69 малайских кандидатов. Было обещано также, что политика в отношении китайских школ будет пересмотрена после выборов и система экзаменов, вызвавшая особо негативную реакцию китайских учителей и учащихся, будет отменена.

Оппозиция, борющаяся с Союзной партией на выборах 1959 г., была неоднородной и отражала две основные тенденции: усиление коммуналистских настроений в политической жизни страны, начало которым было положено во второй половине 40-х годов, и рост левой оппозиции, выступавшей с критикой политики Альянса и стремившейся в кратчайший срок ликвидировать последствия колониального правления.

Правые коммуналистские партии, прежде всего Партия отечества и Национальная ассоциация Перака, полностью утратили свое влияние, поскольку основная масса их членов — представители феодально-бюрократической элиты — в условиях господства Альянса предпочла присоединиться к правящей партии, чтобы получить места в парламенте и государственном аппарате. Национальная ассоциация Перака прекратила свое существование после выборов 1959 г. (ее вице-президент баллотировался по списку Альянса), а Партия отечества, продолжавшая выступать с позиций малайского коммунизма, пришла к выборам практически беспомощной. Коммуналистская партия крупной китайской буржуазии — Малайская партия, выступавшая против КАМ, которую обвиняла в предательстве интересов китайского населения, пользовалась некоторым влиянием только в консервативной Малакке.

Более серьезным соперником Альянса, выступившим с позиций малайского коммунизма, была Панмалайская исламская партия. Возникшая в 1948 г. как организация, ставящая своей целью защиту интересов учащихся и выпускников малайских мусульманских школ, она не играла значительной роли до 1956 г., когда ее президентом стал доктор Бурхануддин ал-Хелми, проделавший сложную эволюцию от главы Малайской национальной партии и одного из лидеров демократической оппозиции в 1945—1947 гг. до поборника лозунга «Малайя принадлежит малайцам» и крайних форм малайского национализма, сочетавшихся с критикой колониализма.

Опорой ПМИП стали султанаты восточного побережья Келантан и Тренгану с их преобладающим малайским крестьянским населением, находившимся под влиянием религиозной идеологии. В отсталых восточных султанатах лозунги создания теократического исламского государства, за предоставление малайцам-мусульманам «особых прав» находили поддержку помещиков и духовенства, за которыми шло крестьянство. Ядром партии были учителя и учащиеся малайских мусульманских школ и духовные лица. В ПМИП шла борьба между консервативным крылом, возглавлявшимся деревенскими уламами, и религиозными реформаторами панмусульманского толка, причем первые имели явное преимущество. ПМИП выступала за превращение Малайи в «исламское общество» с упором на объединение стран, населенных родственными народами, т. е. Индонезии, Малайи и Южного Таиланда.

В экономической области ПМИП выступала за лишение права владеть землей немалайцев, за развитие мелкого производства, увеличение помощи государства крестьянам, выдвигала требование борьбы с крупным (китайским и индийским) капиталом. Она критиковала Альянс за сохранение связей с Англией, выступала против иностранных военных баз и требовала ограничения деятельности западного монополистического капитала в стране.

Левая оппозиция на выборах 1959 г. была представлена в первую очередь Рабочей партией Малайи и Народной партией Малайи, объединившимися в день провозглашения независимости в Народный социалистический фронт Малайи (НСФМ), Рабочая партия, возглавляемая Д. С. Раманатаном, пользовалась поддержкой главным образом китайских и индийских рабочих и мелкой буржуазии на Пинанге и в оловодобывающих районах Перака, Селангора, Джохора и Малакки.

Народная партия, во главе которой стоял Ахмад Бустамаң, называвший себя «крестьянским социалистом», опиралась на радикальную малайскую интеллигенцию.

Предвыборная программа НСФМ предусматривала построение социалистической Малайи (мирным путем) и постепенное вовлечение национального капитала в плановую социалистическую экономику. Фронт ратовал за ускоренную индустриализацию и за развитие кооперации в сельском хозяйстве. НСФМ выступал за объединение Малайской федерации и Сингапура, за проведение нейтралистской политики в духе Бандунга, за вывод из страны иностранных войск и ликвидацию иностранных военных баз, отмену чрезвычайного положения и освобождение политических заключенных. Учитывая разницу в отношении обеих партий к национальному вопросу, предвыборный манифест

НСФМ избегал коммуналистских проблем, заявив, что последние искусственно раздуты Альянсом с целью увести народные массы от понимания классовых конфликтов.

Еще одной оппозиционной партией, выступившей на выборах с критикой Альянса слева, была Народная прогрессивная партия (НПП), влияние которой распространялось на район главного промышленного центра Перака — г. Ипох. Партия была создана в январе 1953 г. в Пераке и до 1955 г. выступала в этом штате в коалиции с ОМНО—КАМ. После создания Альянса НПП перешла в оппозицию, и в декабре 1958 г. на выборах в муниципальный совет Ипоха завоевала все места.

В предвыборном манифесте (август 1959 г.) партия провозгласила основной целью построение общества «демократического социализма», основанного на сотрудничестве труда и капитала. Возглавляемая тамильскими адвокатами, братьями Д. П. и С. П. Сенивасатам, НПП, выражавшая интересы преимущественно средней китайской и индийской буржуазии, выступала за отмену чрезвычайного положения, за демократические свободы, подвергала критике коммуналистскую политику Альянса. Во внешней политике НПП выступала за проведение Малайей политики нейтралитета и неучастия в каких-либо военных блоках.

Стремясь ослабить левую оппозицию, правящие круги Малайи в 1957—1958 гг. развернули кампанию преследований против оппозиционных партий и шедших за ними профсоюзов. Предлогом для преследований стало обвинение в «коммунистической инфильтрации», которое никакими доказательствами подтверждено не было.

На выборах 1959 г. Альянс, несмотря на репрессии против оппозиционных сил и различные политические маневры, утратил часть своих позиций. Если в 1955 г. он собрал 81,7% голосов, то на парламентских выборах 1959 г. — лишь 51,5%, т. е. немногим больше половины. В этом отразилось как изменение численности и состава избирателей (в 1959 г. число граждан было в два раза больше, чем в 1955 г., причем малайцы составляли не 80—90% избирателей, а лишь 56,8%), так и недовольство внешней и внутренней политикой Альянса, особенно сохранением односторонней внешнеполитической ориентации и продолжавшимися преследованиями демократических сил.

Используя раздробленность оппозиции, Альянс сумел удержать большинство в парламенте, получив 74 места из 104. На проходивших в июне 1959 г. выборах в государственные советы штатов правящая коалиция завоевала 207 мест, собрав голоса 55,5% избирателей.

Полное поражение потерпели правые партии: Партия отечества сумела провести лишь одного депутата (Дато Онн бин Джафара) в парламент и четырех — в государственный совет Тренгану; одного депутата провела в парламент и Малайская партия.

Панмалайская исламская партия, опираясь на поддержку крестьянства восточного побережья, сумела получить 13 мест в парламенте и добиться большинства в государственных советах Келантана и Тренгану, где она получила 41 из 53 мест. Народная прогрессивная партия провела 4 депутатов в парламент и 8 — в государственный совет Перака.

Народный социалистический фронт получил 8 мест в парламенте и 16 — в государственных советах, подтвердив свое влияние в западных, наиболее развитых районах страны; 3 места в парламенте и 5 — в государственных советах получили независимые депутаты, не связанные открыто с какой-либо политической партией.

Результаты выборов поставили перед правящей партией целый ряд проблем, которые она пыталась разрешать на протяжении последующих лет, стремясь не допустить дальнейшего успеха оппозиционных сил.

Внешняя политика Малайи мало изменилась по сравнению с предшествовавшим выборам периодом. По-прежнему Англия сохраняла свои военные базы, крупнейшей из которых была военно-воздушная база в Баттеруорте, и Малайя была связана военным договором с Великобританией. Заметно оживились малайско-американские отношения.

Осенью 1960 г. Абдул Рахман посетил США, где вел переговоры с президентом Эйзенхауэром и государственным секретарем Гертером. В начале 60-х годов Малайю неоднократно посещали американские политические и военные деятели, а также представители крупного бизнеса. В Малайе активно действовал «корпус мира» и различные американские фонды. В 1961 и 1963 гг. Малайю посетили большие американские торгово-промышленные делегации, после чего торговля с США значительно возросла. Укрепились связи с Японией и ФРГ, которые стали наряду с США крупнейшими торговыми партнерами Малайи, подорвавшими английскую монополию на малайском рынке. После визита Абдул Рахмана в ФРГ в 1960 г. было заключено экономическое соглашение, открывшее новые возможности для западногерманского капитала в Малайе.

Тесные связи существовали между Малайей и членами СЕАТО — Австралией, Новой Зеландией, Пакистаном, Таиландом и Филиппинами. Австралийские и новозеландские войска продолжали находиться на английских военных базах в Малайе; вооруженные силы Таиланда участвовали в военных действиях против партизан в пограничных районах. В 1961 г. Абдул Рахман выдвинул предложение создать Сообщество стран Юго-Восточной Азии (АСА). В АСА вошли Малайя, Таиланд и Филиппины, что в тех условиях означало для Малайи укрепление связей (хотя и косвенных) с СЕАТО.

Расширилось военное сотрудничество с кликой Нго Динь Зьема в Южном Вьетнаме. Малайское правительство поддерживало индонезийских сепаратистов, выступавших против Сукарно, и правые силы в Лаосе. При обсуждении вопроса о Западном Ириане в ООН в 1960 г. малайская делегация занимала позицию нейтралитета, фактически поддерживая Голландию.

Тем не менее во внешней политике страны происходили некоторые сдвиги, хотя в целом внешнеполитический курс, характеризовавшийся антикоммунизмом и следованием в фарватере англо-американской политики, оставался неизменным. Малайя выступила за исключение Южной Африки из Британского содружества наций на конференции премьер-министров стран Содружества в марте 1961 г. и наложила эмбарго на ввоз южноафриканских товаров. Правительство Малайи поддержало борьбу Алжира за независимость. Наконец, наблюдалось стремление укрепить отношения с крупнейшей нейтралистской страной Азии — Индией, свидетельством чего был визит туда Абдул Рахмана в октябре 1962 г.

Наиболее заметной тенденцией в экономическом развитии страны после получения независимости и особенно после выборов 1959 г. стал курс на самостоятельную экономическую политику, имевший целью ускорение темпов индустриализации и структурное преобразование хозяйства. Стержнем в решении этих задач стало развитие национального частного предпринимательства. 28 августа 1958 г. был принят закон о предоставлении статуса первооснователя, который получали местные вкладчики капитала или акционерные компании, создававшие предприятия в отраслях, ранее недостаточно развитых или отвечавших жизненным интересам страны. «Первооснователи» освобождались от подоходного налога на срок от двух до пяти лет, причем чем больше был инвестируемый капитал, тем больше был срок налогового освобождения. Предпочтение отдавалось компаниям, в которых большее участие принимал местный капитал.

Правительство начало создавать специальные промышленные центры, крупнейшим из которых стал основанный в 1959 г. Петалинг-Джая поблизости от Куала-Лумпура. В этих центрах государство за свой счет создавало всю необходимую инфраструктуру, а затем передавало участки частному капиталу.

Малайское правительство взяло курс на привлечение иностранного капитала, стремясь с его помощью развить экономику. Вкладчикам из стерлинговой зоны было предоставлено право свободного изъятия капитала и перевода прибылей, процентов и

дивидендов. С рядом стран были подписаны соглашения об освобождении иностранных компаний от дополнительного налогообложения и выплате компенсаций в случае национализации или конфискации их имущества.

Все эти мероприятия в сочетании с подготовкой первого плана экономического развития и началом некоторых преобразований в деревне (развитие кооперативного движения, освоение целинных земель и предоставление земли безземельным крестьянам) укрепили позиции Союзной партии.

Во внутривнутриполитической жизни страны в 1969 — начале 60-х годов при сохранении основных ее тенденций, определившихся с середины 50-х годов, стали вырисовываться некоторые новые явления.

31 июля 1960 г. было объявлено о конце чрезвычайного положения. Стоявшее на позициях антикоммунизма правительство сразу после выборов 1959 г. заявило, что мира с коммунистами быть не может и речь может идти только о сдаче. В 1958—1960 гг. были разгромлены основные партизанские базы, кроме находящихся вблизи тайландской границы. Численность партизан к 1960 г., по подсчетам малайского правительства, сократилась до 700 человек.

Отменяя законы чрезвычайного положения, правительство Абдул Рахмана стремилось привлечь на свою сторону те слои, которые выступали за урегулирование конфликта, за демократизацию общественной жизни. Тем не менее борьба с партизанами продолжалась, хотя масштабы ее стали заметно скромнее.

Чтобы держать в узде оппозиционные силы, парламент вместе с отменой чрезвычайного положения принял поправку к ст. 149 конституции, согласно которой парламент имел право издавать законы против «подрывной деятельности и в целях сохранения общественной безопасности», даже если они нарушали гражданские права, гарантирующие свободу слова, передвижения, собраний, запрещающие арест и высылку без суда и т. л. Немедленно был принят Закон о внутренней безопасности, дававший правительству право заключать граждан в тюрьму без суда и следствия на срок до двух лет и объявлять любую отрасль хозяйства «имеющей особое значение» для государства, т. е. запрещать забастовки.

Правительство использовало Закон о внутренней безопасности не только против членов компартии или подозреваемых в принадлежности к ней лиц, но и в борьбе с левой легальной оппозицией, которую оно обвиняло в «подрывной деятельности». Так, осенью 1960 г. и зимой 1961 г. были произведены аресты среди функционеров Народного социалистического фронта, профсоюзных деятелей, учителей и студентов.

Обеспокоенные успехом оппозиции на выборах 1959 г., лидеры Союзной партии, особенно основной ее силы — ОМНО, стремились укрепить позиции своих партий, обеспечить себе поддержку со стороны различных слоев населения. ОМНО после выборов стало более решительно проводить курс на привлечение симпатий малайского населения. С этой целью был осуществлен ряд мер экономического характера в интересах не только малайских предпринимателей, но и малайских крестьян (наложение ограничений на деятельность ростовщиков, освоение целинных земель). ОМНО консолидировала вокруг себя основную массу малайской бюрократии, буржуазии и землевладельцев; в ее ряды вошло большинство деятелей Партии отечества, потерпевшей поражение на выборах. Проводя курс на «малайизацию» государственного аппарата, ОМНО заполняла важные посты своими членами.

Все эти меры принесли несомненные результаты: с октября 1961 по февраль 1962 г. в ОМНО вступило 100 тыс. новых членов. ОМНО удалось нанести ряд поражений своему основному сопернику среди малайского населения — Панмалайской исламской партии, из которых наиболее чувствительным для последней была потеря контроля над администрацией штата Тренгану осенью 1961 г.

Борьба за административные посты и личные конфликты привели к тому, что летом 1960 г. лидер ПМИП в Тренгану Ахмад Азам вышел из партии и ушел в отставку с

поста главного министра штата. Этим воспользовалась Союзная партия, переманив на свою сторону часть депутатов от оппозиционных партий. В результате при голосовании в ноябре 1961 г. вотума доверия правительству Тренгану, возглавляемому Панмалайской исламской партией, к Союзной партии помимо Ахмад Азама присоединились еще два депутата от ПМИП, а также четыре депутата от Партии отечества. Получив большинство (13 против 11), Союзная партия сформировала новое правительство штата Тренгану. Откровенная пропаганда малайского национализма сослужила плохую службу ПМИП, в то время как ОМНО, ратуя за предоставление малайцам решающих политических позиций, вместе с тем выступала за сотрудничество с другими этническими группами населения страны.

Бели ОМНО сумела восстановить утраченные в 1959 г. позиции за счет Панмалайской исламской партии, то левую оппозицию Союзной партии сломить не удалось. Напротив, Китайская ассоциация Малайи и Индийский конгресс Малайи оказались потесненными оппозиционными партиями, действовавшими в среде китайского и индийского населения.

Как и прежде, ведущей силой левой оппозиции оставался Народный социалистический фронт, связанный с профсоюзами. НСФ выступал за нейтралистскую внешнюю политику страны, разрыв англо-малайского договора об обороне и взаимной помощи, за отмену Закона о внутренней безопасности, направленного против левой оппозиции, против политики правительства в области образования (за предоставление возможности получать образование на китайском и тамильском языках).

Свидетельством сдвигов в политической жизни явилась дальнейшая дифференциация самих правящих партий, особенно КАМ.

Вынужденный уйти с поста председателя КАМ в 1959 г. Лим Чонью в 1961 г. официально вышел из КАМ, а в апреле 1962 г. создал новую партию — Объединенную демократическую партию (ОДП). ОДП вначале объединила разнородные элементы КАМ, выступавшие против «малайизации» страны. ОДП требовала пересмотра правительственной программы образования, предоставления немалайскому населению постов в администрации и армии, отмены ограничений на владение землей для немалайцев и т. п., т. е. боролась главным образом против слишком уступчивой, по ее мнению, политики КАМ по отношению к ОМНО. Хотя влияние ОДП практически не выходило за пределы штата Пинанг, ее создание подрывало позиции КАМ среди китайской средней и мелкой буржуазии.

Произошли перемены и в ОМНО. Здесь радикальное крыло возглавил Инче Азиз бин Исхак, бывший с 1955 г. министром сельского хозяйства и кооперативного движения, а с 1958 г. — одним из вице-президентов ОМНО. Пользующийся популярностью среди малайского крестьянства, особенно тех районов, где развивалось кооперативное движение, Инче Азиз с начала 60-х годов встал в оппозицию к руководству ОМНО, которое, по его мнению, недостаточно уделяло внимания сельским районам. Конфликт закончился в октябре 1962 г. отставкой Инче Азиза, еще раньше вынужденного оставить пост вице-президента ОМНО. В июле 1963 г. Инче Азиз, исключенный из ОМНО, основал Партию национального согласия (ПНС), искавшую поддержки в малайском крестьянстве.

Несмотря на определенный рост оппозиции, Союзной партии удалось не только сохранить, но даже несколько укрепить свои позиции после выборов 1959 г. По-прежнему оппозиция оставалась раздробленной, ни одна из ее партий не опиралась на все три саноновые национальности страны, как это делала Союзная партия. С выдвиганием в 1961 г. плана создания Малайзии соотношение сил между правящей партией и оппозицией снова стало меняться.

Сингапур в 1946—1957 гг. 1 апреля 1946 г. Сингапур стал отдельной колонией короны. Тем не менее его судьба и особенности развития по-прежнему оставались тесно связанными с Малайей. События 1946—1948 гг. затронули Сингапур так же, как и

Малайю. В Сингапуре с его многочисленным пролетариатом и мелкобуржуазными слоями были сильны позиции КПМ, Сингапур был штаб-квартирой Малайского демократического союза. Хотя вооруженной борьбы после июня 1948 г. в Сингапуре не было, на колонию было распространено действие чрезвычайных законов. Были разгромлены демократические партии и организации, распущены левые профсоюзы. Первоклассная военно-морская и военно-воздушная база, Сингапур представлял особую ценность для колонизаторов.

Политическая жизнь Сингапура в эти годы характеризовалась продолжавшейся, несмотря на репрессии властей, борьбой сингапурского пролетариата и мелкобуржуазных слоев за демократизацию управления, отмену чрезвычайных законов и независимость. После введения чрезвычайного положения на политической арене Сингапура выступили три основные силы. Первой была крупная буржуазия, представленная Европейской, Китайской и Индийской торговыми палатами, каждая из которых с 1946 по 1955 г. имела по три места в законодательном совете колонии. Второй политической силой была средняя и мелкая буржуазия и европейски образованная интеллигенция, происходящая из средних слоев китайского, индийского, малайского и евразийского населения города. Она не была однородной, разделяясь на умеренное и левое крыло, причем границы между ними были крайне подвижны и менялись на протяжении послевоенной истории. И наконец, третьей силой был сингапурский рабочий класс и связанные с ним мелкобуржуазные слои города.

Особенностью развития Сингапура было выдвижение на первый план не консервативных, как в Малайе, а мелкобуржуазных и лейбористских партий. Характер сингапурского общества (отсутствие крестьянства, преобладание пролетарских и мелкобуржуазных элементов), его этнические особенности; (абсолютное большинство китайского населения), традиция профсоюзного и забастовочного движения — все это делало неизбежным преобладание в политической жизни Сингапура иных, чем в Малайе, сил. Попытки крупной и средней буржуазии взять под свой контроль политическое развитие не увенчались успехом. В 1948 г. возникла Прогрессивная партия, выражавшая интересы крупной и средней китайской буржуазии, но она не смогла получить массовой опоры. В первые годы при апатии населения, запуганного чрезвычайными законами, минимальном числе избирателей и полном преобладании назначаемых английской администрацией членов Законодательного и Исполнительного советов Прогрессивная партия преобладала на выборах в Законодательный совет (6 мест из 6 в 1948 г. и 6 мест из 9 в 1951 г.).

Как и в Малайской федерации, в Сингапуре английские власти в целях раскола национально-освободительного движения разрешили в начале 50-х годов создание профсоюзов и различных политических партий. Но в Сингапуре они быстрее проделали эволюцию в сторону превращения в организации, вставшие в оппозицию к колониальным властям и принявшие активное участие в борьбе за независимость. Немалое значение при этом имело то обстоятельство, что в них вошли многие члены запрещенных в 1948 г. партий и профсоюзов.

В 1950 г. возник Сингапурский конгресс профсоюзов. Если в начале 1953 г. в Сингапуре существовал 171 профсоюз с 69 тыс. членов, то весной 1957 г. здесь было 205 профсоюзов, куда входило 126500 человек. Трудящиеся Сингапура все активнее участвовали в забастовочном движении. Профсоюзы Сингапура стали массовой опорой политических партий, возникших в середине 50-х годов, — Трудового фронта и Партии народного действия (ПНД). Обе партии по своему составу были однотипны, представляя довольно широкие и расплывчатые объединения с преобладанием мелкобуржуазных элементов. В обеих партиях происходила борьба между левыми, выдвигавшими антиимпериалистическую программу, и более консервативными силами, ориентировавшимися на сотрудничество с колониальными властями и крупной и средней

буржуазией. В ПНД левые силы действовали активнее, чем в Трудовом фронте, и оказывали большее влияние на деятельность партии.

Как и в Малайе, английские власти в Сингапуре пошли на уступки, обещая колонии ограниченное самоуправление. В 1953 г. была назначена конституционная комиссия во главе с английским дипломатом Джорджем Рэнделом, куда вошли три европейца, назначенные губернатором, а также три китайца, индиец и малаец, назначенные Законодательным советом. Согласно конституции Рэндела были несколько расширены права гражданства: 282 тыс. человек (из 1,1 млн. населения) получили право голоса²⁸. Учреждалась Законодательная ассамблея, состоящая из 32 членов, куда входили три должностных лица, четыре назначаемых и 25 избираемых члена. Лидер партии, получившей большинство на выборах, назначал шестерых членов совета министров (включая себя как главного министра). Министерства обороны и внутренней безопасности, финансов и иностранных дел находились в ведении англичан, ответственных только перед губернатором. Таким образом, конституция Рэндела вводила в Сингапуре диархию по образцу Малайи 1955 г.

В апреле 1955 г. состоялись выборы в Законодательный совет колонии по конституции Рэндела. На выборах выступили пять политических партий. Две из них, Прогрессивная и образовавшаяся в 1955 г. Демократическая, представляли главным образом интересы крупного китайского и в меньшей степени индийского бизнеса. Третьей партией был Альянс, распространивший свою деятельность на Сингапур и апеллировавший к малайскому населению острова. В выборах приняли участие две левые партии — Трудовой фронт, начавший участвовать в политической жизни с 1951 г., и Партия народного действия, образовавшаяся в 1954 г. Правые партии Сингапура (Прогрессивная и Демократическая) получили 6 мест; 3 места завоевал Альянс, 3 места получили независимые кандидаты. Победителями на выборах стали левые партии: Трудовой фронт получил 10 мест и Партия народного действия — 3. Лидер Трудового фронта адвокат Дэвид Маршалл стал первым главным министром Сингапура.

Весной 1956 г. сингапурская делегация во главе с Д. Маршаллом отправилась в Лондон на переговоры о предоставлении Сингапуру самоуправления, продолжавшиеся с 23 апреля по 15 мая. Однако переговоры кончились неудачей, так как Англия, заинтересованная в сохранении своей военной базы и боясь нараставшего подъема демократического движения, отказалась передать в ведение сингапурского правительства дела, относящиеся к внутренней безопасности. После этого 6 июня 1956 г. Маршалл под давлением правого крыла своей партии ушел в отставку, и пост главного министра занял лидер этого крыла Лим Юхок. Он пошел на уступки Англии, согласившись на создание совета по внутренней безопасности, состоящего из представителей Англии, Сингапура (по 3 члена) и Малайской Федерации (один член). Стремясь продемонстрировать свою готовность сотрудничать с Англией, правительство Лим Юхока осенью 1956 г. обрушило репрессии на ПНД и контролируемые ею профсоюзы, обвиняя их в сотрудничестве с коммунистами. В сентябре 1956 г. правительство запретило Сингапурский союз учащихся китайских средних школ, а в ноябре подавило забастовки и демонстрации, вспыхнувшие в результате этого акта. Новая волна арестов последовала в августе 1957 г. Были арестованы лидеры профсоюзов, видные журналисты, члены руководства ПНД.

Убедившись в том, что правительство Лим Юхока активно борется с левыми силами, колонизаторы пошли на некоторые уступки, что должно было, по их мысли, укрепить позиции правого крыла Трудового фронта, все более смыкавшегося с крупной и средней буржуазией. В марте — апреле 1957 г. в Лондоне возобновились англо-сингапурские переговоры, в результате которых была определена будущая конституция Сингапура. Сингапур становился «самоуправляющимся государством», правительство которого осуществляло контроль над внутренними делами. Оборона и внешние сношения

²⁸ В выборах 1948 г. имело право принять участие менее 25 тыс., а в 1951 г. — 50 тыс. человек.

оставались в руках Англии. Внутренней безопасностью ведал специальный орган из семи человек во главе с английским комиссаром. Английское правительство могло приостановить действие конституции, если считало, что внутреннее положение в Сингапуре ставит под угрозу выполнение британских обязательств в области внешних сношений и обороны. Согласно этой конституции глава государства (янг ди пертуан негара) должен был быть малайцем, назначаемым Англией. Премьер-министр и совет министров были ответственны перед Законодательной ассамблеей, состоящей из 51 члена и избираемой сингапурскими гражданами.

«Самоуправляющееся государство Сингапур» в 1958 — 1961 гг. В мае 1968 г. после новых англо-сингапурских переговоров в Лондоне были окончательно согласованы условия получения Сингапуром самоуправления. Конституция Сингапура — самоуправляющегося государства в рамках Британского содружества наций, — составленная в 1958 г., базировалась на принципах, которые были определены на весенних переговорах 1957 г. Получение самоуправления должно было состояться после парламентских выборов 1959 г. По условиям соглашения 1958 г. Англия сохраняла на острове свою военную базу. Конец 1957 — начало 1958 г. были отмечены в истории Сингапура дальнейшим усилением борьбы между различными политическими течениями, ухудшением экономического положения острова. Последнее было связано с понижением мировых цен на олово и каучук, экономической политикой Малайской федерации, стремившейся ликвидировать зависимость от сингапурского реэкспорта и отливом иностранного капитала в преддверии выборов 1959 г. Правительство Лим Юхока преследованиями профсоюзов и учащихся в конце 1957 — начале 1958 г. вызвало недовольство массы населения, усугублявшееся про-английской внешнеполитической ориентацией правого крыла Трудового фронта.

В конце 1967 г. отколовшиеся члены Трудового фронта во главе с Д. Маршаллом создали Рабочую партию, выступившую с критикой конституции 1958 г. Партия требовала ликвидации Совета внутренней безопасности, постепенного уничтожения иностранных военных баз, воссоединения Сингапура с Малайей.

Главным соперником Трудового фронта выступила ПНД, возглавляемая энергичным политиком Ли Куанью. Партия народного действия, программой которой был «независимый, демократический, некоммунистический, социалистический Сингапур», сумела получить поддержку основной массы профсоюзов и населения, недовольного политикой правительства Лим Юхока. Немаловажную роль в успехе Партии народного действия сыграла поддержка, которую она получила от членов левых партий и организаций, запрещенных в 1948 г. В ПНД существовала сильная группа во главе с Лин Цисяном, ориентировавшаяся на компартию.

На состоявшихся в конце декабря 1957 г. выборах в городской совет Сингапура Партия народного действия получила 13 мест из 32 и стала крупнейшей партией, представленной в муниципалитете; один из ее лидеров, Он Энгунь, стал мэром Сингапура. Репрессии против левых профсоюзов и Партии народного действия в 1958 г. лишь усилили массовое недовольство правительством. За несколько месяцев до выборов Лим Юхок попытался перегруппировать свои силы, призвав правых к объединению. В ноябре 1958 г. был создан Сингапурский народный союз, куда вошли партия крупной буржуазии — Либерально-социалистическая и правые деятели Трудового фронта и Рабочей партии.

Состоявшиеся 30 мая 1959 г. выборы принесли полный успех Партии народного действия. Она получила 53,4% голосов и провела 43 своих кандидата в парламент (из 51). Сингапурский народный союз получил 4 места, 3 места завоевал Альянс и один депутат прошел как независимый. По требованию Ли Куанью губернатор Уильям Гуд освободил арестованных в 1957 г. членов руководства ПНД, после чего лидер ПНД сформировал правительство.

3 июня 1959 г. было официально провозглашено самоуправление Сингапура. Последний колониальный губернатор У. Гуд в течение шести месяцев оставался в качестве первого янг ди пертуан негара — главы государства. Когда в декабре 1959 г. он покинул Сингапур, главой государства стал малаец Инче Юсуф бин Исхак — один из деятелей довоенного малайского радикализма.

Перед правительством Ли Куанью стоял целый ряд проблем, главными из которых были экономическое положение, отношения с Малайей и борьба внутри ПНД, причем все они были тесно между собой связаны.

Едва ли не самой острой проблемой для Сингапура оставалась проблема занятости населения. Ежегодно в бурно растущем городе прибавлялось 20—30 тыс. новых рабочих рук, появление которых осложняло и без того напряженную ситуацию с поисками работы. В апреле 1960 г. в Сингапуре было 45 тыс. безработных, что составляло около 10% всей рабочей силы государства. Положение усугублялось отливом иностранного и местного частного капитала, начавшимся после майских выборов 1959 г., что объяснялось страхом предпринимателей перед национализацией, проведения которой ожидали от ПНД.

Попытки нового правительства решить трудности на пути более тесного экономического союза с Малайей успехом не увенчались. Буржуазия Малайи не желала создания «общего рынка», опасаясь более богатой и предприимчивой сингапурской буржуазии, а правительство Малайи, с подозрением относившееся к Сингапуру, отказывалось предоставить льготы сингапурской промышленности и торговле. В результате переговоры о создании «общего рынка» для Малайи и Сингапура окончились неудачей.

Правительство Ли Куанью, проводившее крайне осторожную политику, подвергалось непрерывному натиску со стороны группы Лин Цисяна, в которой все большее влияние приобретали элементы, связанные с Пекином, толкавшие Сингапур на путь превращения города в пропекинское государство в Юго-Восточной Азии. Играя на недовольстве рабочего класса и профсоюзов слишком медленными темпами улучшения материального положения, сохранением зависимости от иностранных монополий и т. п. пропекинское крыло ПНД выступило против Ли Куанью, и отношения между различными фракциями в ПНД к началу 1961 г. чрезвычайно обострились. В этих условиях правительство Ли Куанью решило искать выхода на пути вхождения в Федерацию Малайзии, план создания которой был выдвинут в мае 1961 г.

Северный Калимантан после второй мировой войны. В результате войны и японской оккупации Саравак и Сабах оказались в тяжелом экономическом положении. Производство экспортных культур, на которых базировалось хозяйство колоний, было разрушено, равно как дорожная система и порты. Немногочисленный рабочий класс лишился всяких источников существования в связи с почти полным исчезновением промышленных предприятий. Очень острой, особенно в Сабахе, была жилищная проблема в городах, разрушенных бомбардировками.

Вторая мировая война привела к зарождению национально-освободительного движения на Северном Калимантане, хотя оно из-за отсталости, сохранения родоплеменных отношений во внутренней части острова, отсутствия значительного городского населения развивалось замедленными темпами и серьезно проявилось лишь в конце 50-х—начале 60-х годов.

После войны, исходя из политических (стремление консолидировать свою колониальную империю в Юго-Восточной Азии и успешнее бороться с национально-освободительным движением) и экономических (желание перейти к эксплуатации Саравака и Сабаха более эффективными методами, для чего требовались значительные экономические затраты, которые были не под силу прежним правителям этих колоний) соображений, Англия решила поставить Северный Калимантан под свой прямой контроль.

Вопрос этот начал обсуждаться в министерстве колоний еще в последние месяцы войны 6 февраля 1946 г. раджа Чарлз Вайнер Брук опубликовал воззвание к населению Саравака, в котором заявлял о намерении передать свои права короне. Отречение Вайнера Брука вызвало разногласия в семье раджи. Его брат Бертрам Брук и племянник Энтони Брук — наследники трона — заявили о необходимости решить вопрос в парламенте, а не в министерстве колоний, ссылаясь на «волю народа Саравака». Парламентская комиссия, побывавшая в Сараваке, разумеется, согласилась с мнением министерства колоний. 16—17 мая состоялось заседание государственного совета Саравака, который 19 голосами против 16 поддержал раджу. 1 июля Саравак стал колонией короны. Семейство Бруков получило миллион фунтов стерлингов в качестве компенсации.

Одновременно была решена и судьба Сабаха. 26 июня 1946 г. было подписано соглашение между английским правительством и Компанией Северного Борнео, по которому последняя, получив 860 тыс. ф. ст., уступала свои права на Сабах, провозглашенный 15 июля колонией короны.

Для развития послевоенного Северного Калимантана было характерно медленное восстановление экономики, сохранившей довоенные черты — слабое развитие промышленности, существование подсечно-огневой системы земледелия, низкий уровень агротехники. Новые явления в экономической жизни пробивали себе дорогу крайне медленными темпами.

По-прежнему решающие позиции занимал английский капитал, в первую очередь такие управляющие агентства, как «Харрисон энд Кросфилд», «Гутри энд К°» и другие. Показательно, что два крупнейших английских банка, действующие в Юго-Восточной Азии, — «Гонконг энд Шанхай Бэнкинг Корпорейшн» и «Чартеред Бэнк» — открыли свои отделения на Северном Калимантане после войны. В руках английского капитала находилась инфраструктура, торговля, банки, крупные плантации каучука, какао, кокосовой пальмы, абаки, добыча леса в Сабахе и нефти в Сараваке. После войны ускорился процесс развития товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве, что привело к увеличению прослойки мелкобуржуазных элементов среди китайского населения на побережье и среди крестьян-аборигенов во внутренней части страны. Выросла и местная буржуазия, преимущественно китайская по происхождению, которая занималась главным образом торговлей, выращиванием экспортных культур, владела небольшими предприятиями обрабатывающей и добывающей промышленности, ресторанами, гостиницами и т. д. Недостаточное развитие капиталистических отношений и зависимость от иностранного капитала определяли экономическую и политическую слабость местной буржуазии на Северном Калимантане.

Главной экспортной культурой, как и до войны, оставался каучук, производство которого до начала 60-х годов увеличилось незначительно: в Сабахе — с 20,4 тыс. т в 1948 г. до 22,7 тыс. т в 1962 г., а в Сараваке — соответственно с 40,3 тыс. до 44,1 тыс. т. Основная масса каучука в Сараваке производилась в крестьянских хозяйствах, преимущественно мелких (в 1959 г. 60% из них имели менее 2 га земли), тогда как в Сабахе роль плантаций была более значительна. Главной проблемой оставалась низкая урожайность, остававшаяся в два с половиной раза ниже среднемирового показателя. С начала 50-х годов стала действовать программа подсадки высокоурожайных сортов гевеи, для чего были предоставлены субсидии крестьянам и созданы питомники для выращивания новых деревьев. Несмотря на все усилия, мелкие крестьянские хозяйства не смогли осуществить программу подсадок более урожайных сортов гевеи из-за нехватки земли и резервного капитала. В результате в Сараваке в 1962 г. высокоурожайные сорта занимали лишь 18,5% площади под каучуком, а в Сабахе — 46,6%.

Из других экспортных культур в Сараваке в послевоенный период особое значение приобрел перец, по экспорту которого он занимал в 1954—1956 гг. первое место в мире. Хотя в дальнейшем вывоз перца сократился (11581 т в 1962 г. против 19818 т в 1956 г.), он

оставался ведущим после каучука экспортным товаром, которому администрация уделяла значительное внимание.

В Сабахе вторым по значению экспортным товаром стала копра. Посадки кокосовой пальмы возросли с 14 тыс. га в 1949 г. до 32 тыс. га в 1963 г. Сабах стал также крупным реэкспортным центром копры, доставляемой из Индонезии и с Филиппин. В 1961 г., например, было вывезено 20692 т местной копры и реэкспортировано 47170 т. В связи со спросом на копру на мировом рынке колониальная администрация ввела специальные программы увеличения площади посадок кокосовой пальмы и предоставления льгот хозяйствам, выращивающим эту культуру.

Наконец, в послевоенные годы в Сабахе получила распространение абака (манильская пенька), где она культивировалась на плантациях.

В отличие от экспортных продовольственных культуры не привлекали достаточного внимания колониальной администрации. Производство риса, несмотря на значительные площади, занятые под ним, оставалось на низком уровне, и в результате Саравак и Сабах снабжали себя в среднем только на 40—60%, а недостающее количество ввозили.

Сдвиги в промышленном развитии по сравнению с довоенным временем оказались еще меньшими. Как и раньше, развивалась лишь добывающая промышленность, связанная с экспортом. Так, в Сабахе колонизаторы в первую очередь восстановили лесоразрабатывающую промышленность, находившуюся в основном в руках трех крупных английских («Бритиш Борнео Тимбер К^о», «Бомбей Бирма Трейдинг Корпорейшн», «Норс Борнео Тимберс Лтд») и одной американской («Кеннеди Бэй Тимбер К^о») компаний. Уже в 1954 г. экспорт леса в полтора раза превышал довоенный уровень: 252 тыс. куб. м²⁹. В 1961 г. вывоз леса из Сабаха (более 1,7 млн. куб. м) по стоимости превышал экспорт каучука (102,8 и 63,1 млн. мал. долл. соответственно).

В Сараваке, как и до войны, продолжала развиваться добыча нефти, которая, хотя и не могла сравниться по размеру с нефтедобычей в Брунее, тем не менее представляла интерес для иностранных монополий. Так, в 1948 г. в Сараваке была добыта 47 тыс. т нефти, а в 1961 г. — 60 тыс. т (в Брунее соответственно 2687 и 4124 тыс. т). В Сараваке (Лутонг) находился построенный еще в 1917 г. нефтеперерабатывающий завод, производительность которого в 1962 г. составила 2,3 млн. т нефтепродуктов.

В 1949 г. в Сараваке были обнаружены залежи бокситов, добыча которых стала быстро развивающейся отраслью промышленности: в 1958 г. было экспортировано 101,5 тыс. т бокситов, в 1962 г. — 229,1 тыс. т. Добыча бокситов полностью находится в руках английской компании «Сематан Боксит». Некоторое развитие после войны получила в Сараваке также угольная и золотодобывающая промышленность.

Обрабатывающая промышленность, находившаяся в основном в руках местного капитала, развивалась гораздо медленнее. Небольшие полукустарные предприятия по первичной обработке сельскохозяйственного сырья и древесины, производству продуктов питания, мебели, обуви и т. п. были не в состоянии обеспечить спрос внутреннего рынка. В 1963 г. в Сараваке в обрабатывающей промышленности было занято 6 тыс. человек, а в Сабахе — 1 тыс. (соответственно 0,7 и 0,2% общей численности населения).

Стремясь ускорить промышленное развитие Северного Калимантана, колониальные власти начиная со второй половины 60-х годов осуществили ряд мероприятий: был принят закон (по образцу малайского) о предприятиях и компаниях со статусом первооснователя, которым предоставлялся целый ряд льгот, поощрялось создание смешанных компаний (иностранный и местный капитал), созданы кредитные организации.

²⁹ Экспорт 1937 г. составил 168 тыс. куб. м.

Чтобы шире использовать Саравак и Сабах в качестве источника сырья и сферы приложения частного капитала, а также осуществить некоторые социальные мероприятия, что должно было укрепить позиции колонизаторов, с конца 40-х — начала 50-х годов начали проводиться программы развития. В рамках этих программ, финансирувавшихся главным образом за счет внешних и внутренних займов и «даров» Корпорации развития стран Британского содружества, были ассигнованы средства на увеличение производства экспортных культур, развитие транспорта, а также на здравоохранение и образование. Выполнение программ развития шло медленно, особенно в социальной области. По официальной статистике, в начале 60-х годов около 75% населения Саравака и Сабаха было неграмотно.

Политическое развитие Северного Калимантана происходило, как уже отмечалось, замедленными темпами. Даже обычные для английских колоний законодательный и исполнительный советы возникли в Сабахе лишь в октябре 1950 г. В 1956 г. а законодательном совете появились представители местных вождей, китайских торговых палат и ассоциации плантаторов. Лишь в 1960 г. число недолжностных членов совета стало превышать количество должностных лиц. Главную роль среди недолжностных членов совета играл джесселтонский бизнесмен Ли Таусан, после смерти которого в 1959 г. выдвинулся издатель первой в Сабахе газеты «Норс Борнео Ньюс энд Кадазан Таймс» Дональд Стефенс, кадазан по происхождению. В 50-х — начале 60-х годов в Сабахе появились советы дистриктов, решающая роль в которых принадлежала представителям колониальной администрации.

В 1957 г. в Сараваке были созданы законодательный и исполнительный советы. Первые выборы в законодательный совет (избирались 24 члена из 45) были проведены лишь в 1961 г. Члены совета избирались консультативными советами пяти административных районов Саравака и трех муниципальных советов (Кучинг, Сибу, Мири). Практически власть в Сараваке, как и в Сабахе, принадлежала английскому губернатору. В 1969 г. в Сараваке возникла первая политическая партия — Объединенная народная партия Саравака (ОНПС), генеральным секретарем которой стал юрист Стефен К. Т. Бон, опиравшаяся в основном на мелкобуржуазные слои китайского (в меньшей степени ибанского) населения. ОНПС, насчитывавшая в 1962 г. свыше 40 тыс. членов, выступала за самоуправление Саравака и объединение всех трех территорий Северного Калимантана.

Несколько быстрее в послевоенные годы шло политическое развитие Брунея, где в 1956 г. возникла Народная партия, возглавленная шейхом Азахари. Народная партия, основную массу членов которой составляли малайцы, была связана с некоторыми индонезийскими партиями, а также с такими малайскими политическими деятелями, как Ахмад Бустаман и Бурхануд-дин. Партия выступила за создание парламентарной конституционной монархии во главе с султаном Брунея, объединяющей все территории Северного Калимантана.

Все три английские колонии на Калимантане продолжали развиваться отдельно, будучи слабо связаны друг с другом. Хотя в 1958 г. у английской администрации появился план создания федерации трех территорий, он остался нереализованным.

План создания федерации Малайзии. 27 мая 1961 г. Абдул Рахман в речи, произнесенной в Сингапуре на завтраке, устроенном Ассоциацией иностранных корреспондентов в Юго-Восточной Азии, выдвинул идею создания Федерации Малайзии, которая включила бы в свой состав Малайскую федерацию, Сингапур, Саравак, Сабах и Бруней.

Хотя планы объединения Малайи и Сингапура существовали и до выступления малайского премьера, именно летом 1961 г. правящие круги всех частей будущей Малайзии активизировали свою деятельность по претворению этих планов в жизнь. Руководители Малайи рассчитывали путем создания федерации, включающей Сингапур с его портом мирового значения, укрепить экономическое положение страны и образовать

сильное государство в Юго-Восточной Азии, в котором бы они занимали руководящее положение. Идти на объединение только с Сингапуром руководители Малайи не хотели. Буржуазия Малайи опасалась конкуренции со стороны более сильной сингапурской буржуазии, кроме того, объединение с Сингапуром, где преобладало китайское население, грозило изменить численное соотношение малайцев и китайцев в пользу последних. Включение же в федерацию территорий Северного Калимантана с их довольно значительным малайским и даякским населением (часть последнего исповедовала к тому же ислам) несколько уравнивало этот баланс: китайцы в будущей федерации составляли 42,8% всего населения, т. е. меньше половины.

Правящая в Сингапуре Партия народного действия была в этот момент также заинтересована в создании Малайзии. Вступление в федерацию уничтожало колониальную зависимость Сингапура от Англии. Экономические проблемы Сингапура — зависимость от внешней торговли, планы индустриализации, рост безработицы — толкали его буржуазию к поискам более широкого рынка сбыта и сферы приложения своих капиталов. С политической точки зрения правительство Сингапура рассчитывало распространить свое влияние на все территории Малайзии, прежде всего на Малайю, особенно ее западные районы с преобладанием китайского и индийского населения. Обострившаяся внутривнутриполитическая борьба также толкала ПНД на объединение с Малайей.

Внутриполитическая борьба вокруг создания Малайзии. Выдвижение плана создания Малайзии и борьба за его реализацию имели своими следствиями усиление борьбы внутри будущей федерации и углубление международных противоречий в Юго-Восточной Азии. В свою очередь, внутреннее положение в Малайе, Сингапуре, на Северном Калимантане и изменение международных отношений в регионе оказали влияние на темпы и характер создания Федерации Малайзии.

В Малайе идею объединения поддержала Союзная партия. Съезд ОМНО — крупнейшей силы Союзной партии, проходивший в августе 1962 г., одобрил создание Малайзии и принял резолюцию о присвоении Абдул Рахману титула «Отец Малайзии». Против создания Малайзии выступили главные оппозиционные силы — Народный социалистический фронт и Панмалайская исламская партия. Народный социалистический фронт протестовал против методов создания нового государства, настаивая на предварительном предоставлении независимости Северному Калимантану и выступая против переговоров с Англией. Лидеры Панмалайской исламской партии критиковали план создания Малайзии, поскольку он, по их мнению, не обеспечивал решающей роли малайского населения в будущем государстве. Но ни критика со стороны левых сил, ни протесты консервативной религиозно-националистической оппозиции не смогли существенно повлиять на положение в Малайе, где Союзная партия безусловно доминировала и где ее позиции были в тот момент очень прочными.

Гораздо более напряженное положение сложилось в Сингапуре. Премьер-министр Ли Куанью поддержал идею Абдул Рахмана, и в августе 1961 г. после встречи обоих премьеров было достигнуто принципиальное соглашение об объединении. 11 ноября основные пункты условий этого объединения были утверждены правительством Малайи и Сингапура. Сингапур сохранял автономию в делах, относящихся к образованию, здравоохранению, трудовой политике, но получал меньшее число мест в будущем федеральном парламенте (15), чем то, которое полагалось ему пропорционально количеству населения³⁰. Летом 1961 г. произошел раскол Партии народного действия. Группа руководителей Сингапурского конгресса профсоюзов во главе с Лин Цисяном заявила о несогласии с принципами создания Малайзии и политикой Ли Куанью и в июле вышла из Партии народного действия, создав в августе новую политическую партию — «Барисан социалистический фронт» (Социалистический фронт). Лидеры Социалистического фронта,

³⁰ В Сингапуре проживало 16% населения будущей Малайзии, а число мест для него в парламенте составило 9,6% общего количества депутатских мест.

имевшего 13 мест в сингапурском парламенте, настаивали на достижении полной независимости Сингапура к 1963 г., после чего Сингапур мог бы объединиться с Малайей, получив пропорциональное представительство в федеральном парламенте. Ли Куанью, обладавший после раскола парламентским большинством в один голос, предложил референдум по вопросу условий вступления в Малайзию. Референдум состоялся 1 сентября 1962 г. и принес победу Ли Куанью. Из участвовавших в голосовании (90% имеющих право голоса) 71% поддержал правительственный вариант объединения, 25% опустили по призыву Социалистического фронта пустые бюллетени, протестуя против референдума, в котором не содержалось ответа «нет» созданию Малайзии, а речь шла лишь об условиях объединения. Так или иначе, позиции Партии народного действия во главе с Ли Куанью после референдума упрочились.

В Сараваке против создания Малайзии выступила самая влиятельная политическая партия — Объединенная народная партия Саравака. Другие партии, возникшие в 1961—1962 гг., поддержали идею образования федерации. В 1963 г. возник Объединенный фронт, переименованный затем в Союзную партию Саравака, опиравшуюся на даяков и зажиточные слои китайского населения³¹. Третья политическая сила — Партия родины (Панас) искала поддержку в малайском населении Саравака. В июне 1963 г. в Сараваке прошли выборы в советы районов (дистриктов). Союзная партия получила 138 мест (в основном в даякских районах), Объединенная народная партия — 116, главным образом в городах, включая Кучинг, Сибу и Мири, Партия родины — 59 и независимые — 116 мест. Администрация расценила выборы как выражение поддержки проекту создания Малайзии, хотя абсолютного большинства Союзная партия и Партия родины не получили.

В Сабахе, как и в Сараваке, борьба вокруг плана создания Малайзии способствовала значительной активизации политической жизни. Достаточно сказать, что если до выступления Абдул Рахмана в Сабахе не было ни одной политической партии, то к концу 1961 г. их насчитывалось уже пять. Правда, к осени 1962 г. все они слились в Союзную партию Сабаха³², которая в декабре 1962 г. одержала внушительную победу на выборах в советы дистриктов (104 места из 119).

К драматическим событиям привела борьба вокруг проекта создания Малайзии в Брунее. Здесь в сентябре 1962 г. состоялись выборы в советы дистриктов, на которых возглавляемая Азахари Народная партия одержала полную победу. Это дало Народной партии все 16 избираемых мест в Законодательном совете. Тем «е менее большинство в Законодательном совете (17 из 33) принадлежало назначенным султаном членам, и поэтому предложения Народной партии о конституционных реформах и создании независимого государства Северный Калимантан до образования Малайзии были отвергнуты. Колониальные власти решили отложить новое заседание Законодательного совета и провели аресты в Брунее, Сараваке и Сабахе. 8 декабря 1962 г. в Брунее вспыхнуло восстание, руководимое Народной партией. Была создана «Тентара Насиональ Калимантан Утара» (Национальная армия Северного Калимантана), которая при поддержке населения захватила центр нефтедобычи, Сериа, и атаковала полицейские участки в городе Бруней и в деревне Лимбанг на границе с Сараваком. Султан Омар Али Сайфуддин бежал, ряд крупных чиновников колониальной администрации были захвачены повстанцами.

Восстание перекинулось на соседние территории Саравака и Сабаха. Ожесточенные бои развернулись вокруг Мири в Сараваке. В Сабахе опорным пунктом повстанцев стал Уэстон и район Сипитаяга. Оправившись от первой неожиданности, англичане перебросили по воздуху и морю войска из Сингапура и через несколько дней

³¹ В Объединенный фронт вошли Национальная партия, Фронт истинных сынов Саравака, Консервативная партия, Китайская ассоциация Саравака.

³² Ее основой были Объединенная национальная организация каданов и Объединенная национальная организация Сабаха. Партия выступала за создание Малайзии.

подавили восстание. 20 декабря султан распустил Законодательный совет и приостановил действие конституции. Начались массовые аресты и преследования членов Народной партии.

Восстание в Брунее сказалось на политическом положении и в других частях будущей Малайзии. В Малайе и Сингапуре в начале 1963 г. были произведены аресты более чем 100 политических и профсоюзных деятелей, выступивших в поддержку Народной партии Брунея. Репрессии последовали и в Сараваке против членов Объединенной народной партии.

Переговоры о создании Малайзии и международные отношения в Юго-Восточной Азии. Провозглашение Малайзии. Выдвижение плана создания Малайзии вызвало к жизни целую серию переговоров как между частями будущей федерации, так и между Малайей — единственной независимой частью этой федерации — и заинтересованными государствами. Главным из них была, конечно, Англия, владевшая Сараваком, Сабахом и Брунеем, контролировавшая Сингапур и продолжавшая сохранять сильные позиции в экономике и политике Малайи. Англия оказала поддержку планам создания Малайзии, надеясь сохранить свои позиции в Юго-Восточной Азии, рассчитывая, что консервативные правящие круги Малайи будут играть решающую роль в федерации. Другими словами, Англия стремилась придать Малайзии неокOLONиалистский характер. 20 ноября 1961 г. в Лондоне начались переговоры между малайской делегацией во главе с Абдул Рахманом и английской, которую возглавлял премьер-министр Г. Макмиллан. Было подписано соглашение, по которому Англия одобрила создание Малайзии и начавшиеся переговоры между Малайей и Сингапуром. Было решено также создать англо-малайскую комиссию для «выяснения отношения населения Северного Борнео и Саравака» к условиям вхождения в федерацию. Особое место на переговорах заняли вопросы сохранения англо-малайского договора об обороне, причем было решено, что его условия распространятся на все территории будущего государства. В марте 1962 г. на переговорах в Куала-Лумпуре между английским и малайским министрами обороны это соглашение было уточнено в части, касающейся использования сингапурских военных баз Англией.

В феврале 1962 г. в Сабахе и Сараваке начала работать англо-малайская комиссия во главе с лордом Кобболдом, бывшим управляющим Английского банка. В августе того же года она опубликовала свой доклад, в котором говорилось, что большая часть населения Саравака и Сабаха выступает за вхождение в Малайзию, и содержались рекомендации по разработке конкретных условий вхождения этих территорий в будущую Малайзию.

В мае — июле 1962 г. в Лондоне состоялись переговоры между Абдул Рахманом и Г. Макмилланом, на которых обсуждался вопрос о сроках создания федерации и принципах вхождения в нее Саравака и Сабаха. Результатом переговоров было решение провозгласить Малайзию 31 августа 1963 г. и создать Межправительственный комитет для окончательной разработки условий вступления в нее Саравака и Сабаха.

Межправительственный комитет под председательством лорда Лэндсдауна опубликовал свой доклад 27 февраля 1963 г. Комитет рекомендовал взять малайскую конституцию за основу при составлении конституции Малайзии и предоставить Сараваку и Сабаху ряд привилегий (представительство в парламенте, иммиграционная политика, финансы) в первые годы существования федерации.

В течение всей первой половины 1963 г. продолжались переговоры между Англией, Малайей, Сингапуром и Брунеем. Особую сложность представляли малайско-сингапурские переговоры. Сингапурское правительство настаивало на создании «общего рынка» в Малайзии, что давало значительные возможности сильной сингапурской буржуазии по сравнению с ее более слабыми партнерами в других частях федерации. Камнем преткновения стал также вопрос об отчислении части доходов Сингапура в федеральный бюджет. Лишь 5 июля 1963 г. делегации Малайи и Сингапура, ведущие

переговоры в Лондоне, достигли соглашения, по которому 40% доходов Сингапура шло центральному правительству, а остальными распоряжался сам Сингапур.

Одновременно в Куала-Лумпуре проходили малайско-брунейские переговоры. Они кончились неудачей, так как султан Брунея был напуган недавним восстанием, которое он рассматривал как выражение протеста против вхождения Брунея в Малайзию, и не соглашался на то отчисление доходов от нефти в федеральный бюджет, на котором настаивала Малайя.

8 июля 1963 г. представители Англии, Малайской федерации, Сингапура, Саравака и Сабаха подписали в Лондоне соглашение о создании 31 августа 1963 г. Федерации Малайзии.

Основные принципы объединения были следующими. В основу конституции нового государства была положена конституция Малайской федерации, Федерация Малайзии состояла из 12 штатов, но штаты Сингапур, Саравак и Сабах обладали значительно большей автономией, чем 9 штатов, составляющих Малайскую федерацию. Правитель государства — янг ди пертуан негара — избирался из числа малайских султанов. Нижняя палата парламента (палата представителей) состояла из 159 депутатов: 104 — от Малайи, 24 — от Саравака, 16 — от Сабаха и 15 — от Сингапура. Депутаты от Саравака и Сабаха избирались законодательными собраниями этих штатов; в течение пяти лет здесь должна была быть установлена система прямых выборов. В верхней палате (сенате) каждый штат имел двух представителей, но, кроме того, Саравак и Сабах назначали дополнительных членов сената. Государственным языком провозглашался малайский, но на Калимантане наряду с ним продолжал оставаться официальным языком и английский. Права, предусмотренные для малайцев, распространялись и на коренное население Саравака и Сабаха. Все граждане Соединенного Королевства и его колоний, проживающие в Сараваке и Сабахе в день провозглашения независимости, становились гражданами Малайзии.

В экономической сфере Саравак и Сабах сохраняли контроль над большей частью своих доходов и получали финансовую помощь федерального правительства. Сингапур обязался предоставить этим штатам заем в 150 млн. мал. долл. Саравак и Сабах имели право вводить законы, регулирующие иммиграцию из других частей Малайзии. Сингапур, сохраняя автономию в области финансов и трудового законодательства, отчислял федеральному правительству 40% своих доходов от налогов. Предусматривалось создание общего малайзийского рынка, но срок был растянут на 12 лет.

Планы создания Малайзии привели к усилению напряженности в Юго-Восточной Азии. Летом 1962 г. президент Филиппин Макапагал предъявил официальные претензии на Сабах, ссылаясь на то, что султан Сулу в 1878 г. не продал Сабах, а лишь отдал его в аренду. Националистическая кампания, начавшаяся против Малайзии на Филиппинах, не оказала тогда значительного влияния на обстановку. Гораздо более серьезное положение создалось в 1963 г., когда против планов создания Малайзии выступила Индонезия.

Правящие круги Индонезии вступили на путь борьбы с Малайзией (или «противостояния Малайзии») по ряду причин. Неоколониалистский характер, который хотел придать Малайзии британский империализм, вызывал естественную оппозицию со стороны Индонезии, но основную роль в позиции последней сыграли внутривнутриполитические факторы. В обстановке политического кризиса, вызванного обострением социально-классовых противоречий, «противостояние Малайзии» должно было сыграть роль громоотвода, отвлечь массы от насущных проблем внутреннего развития страны.

Вначале реакция Индонезии на планы создания Малайзии была сдержанной. Ситуация стала меняться с конца 1962 г., когда Индонезия начала оказывать помощь повстанческому антимаалайзийскому движению на Северном Калимантане, лидеры которого нашли поддержку и на Филиппинах. Обстановка несколько разрядилась в июне 1963 г. после токийской встречи Сукарно и Абдул Рахмана, за которой последовало совещание министров иностранных дел Индонезии, Малайи и Филиппин в Маниле,

закончившееся 11 июня. Неожиданным результатом конференции в Маниле было принятие филиппинского предложения о создании конфедерации трех государств — Мафилиндо. Идея оказалась мертворожденной. Мафилиндо не появилась и не могла появиться в обстановке острых противоречий между тремя государствами. Индонезия и Филиппины заявили, что они согласятся с созданием Малайзии только в случае, если ООН подтвердит поддержку Малайзии населением Северного Калимантана. В ответ Абдул Рахман подчеркнул, что Малайзия в любом случае будет создана 31 августа 1963 г.

Это вызвало огромное недовольство Индонезии и Филиппин, и Абдул Рахман на Манильском совещании глав трех правительств (30 июля — 5 августа) согласился на проведение спора в Сараваке и Сабахе комиссией ООН до провозглашения Малайзии. Комиссия ООН, работавшая в Сараваке и Сабахе с 26 августа по 5 сентября 1963 г., пришла к выводу, что большинство населения поддерживает Малайзию. Индонезия и Филиппины не признали выводов комиссии.

16 сентября на стадионе «Мердека» в Куала-Лумпуре состоялось провозглашение нового государства — Федерации Малайзии. Неожиданно для правительства Малайи к этому времени перестало существовать «самоуправляющееся государство» Сингапур, так как 31 августа 1963 г. Сингапур провозгласил независимость и вступил в Федерацию Малайзии в качестве независимого государства.

На следующий день после создания Малайзии произошли нападение на индонезийское посольство в Куала-Лумпуре и разгром малайского и английского посольств в Джакарте. Дипломатические отношения Малайзии с Индонезией и Филиппинами были прерваны. В такой сложной внутри- и внешнеполитической обстановке начала свое существование Федерация Малайзии.

Глава 10

МАЛАЙЗИЯ 1963—1978 гг.

История Малайзии и Сингапура последних лет делится на два периода: 1963—1965 гг. и после 1965 г. В течение первого периода существовало одно государство Федерация Малайзии; выход из нее в августе 1965 г. Сингапура положил начало отдельному существованию двух независимых государств.

Экономическая структура Малайзии. Экономическая структура Малайзии не претерпела существенных изменений по сравнению с предшествующими годами, когда ее части существовали как отдельные политические единицы.

Западная Малайзия (Малайя и Сингапур) относилась к наиболее развитым районам Юго-Восточной Азии, Восточная (Саравак и Сабах) — к наименее развитым. Эта неодинаковость в уровне развития между различными частями Малайзии являлась (и является) одной из основных характеристик ее экономического положения.

Следующей характерной чертой малайзийской экономики стала ее огромная зависимость от состояния мировой торговли, от колебаний цен на мировом рынке. Экономика Малайзии, носившая ярко выраженную экспортную направленность, базировалась на «трех китах» — сельском хозяйстве, горной промышленности и торговле. Главным экспортным продуктом Малайзии был каучук. Малайя, на долю которой приходилась основная масса производимого каучука, давала в 1961 г. 737 тыс. т натурального каучука (в 1953 г.—573 тыс. т), т. е. треть его мирового производства. Каучук был также главной экспортной культурой Саравака (около 47 тыс. т в 1961 г.) и занимал важное место в вывозе Сабаха. Всего в 1963 г. Малайзия производила 840 тыс. т каучука — более трети мирового производства. Другие экспортируемые продукты сельского и лесного хозяйства — копра, пальмовое масло, ананасы (Малайя), перец

(Саравак), лес (Сабах) — имели несравненно меньшее значение и существенно не изменяли монокультурную природу экспортного сельского хозяйства Малайзии.

На втором месте по значимости в экономике Малайзии стояло производство олова, добывавшегося в Малайе. В 1964 г. здесь было добыто почти 59 тыс. т олова, что составляло более трети его производства в капиталистическом мире. Из других полезных ископаемых определенное значение в экономике страны имела добыча железной руды в Малайе и Сараваке (около 6317 тыс. т в 1964 г.).

Торговый сектор малайзийской экономики был представлен главным образом торговлей Сингапура и в меньшей степени — Пинанга. В 1961 г. через Сингапур прошло 18,3 млн. т груза общей стоимостью 2,5 млрд. долл., а товарооборот всей внешней торговли Сингапура и Малайи в том же году составил 3 млрд. долл.

Такая структура делала малайзийскую экономику чрезвычайно уязвимой и ставила ее в безусловную зависимость от колебаний цен на каучук и олово на мировом рынке и общей торговой ситуации в Юго-Восточной Азии.

Обрабатывающая промышленность была развита слабо. В 1963 г. она давала лишь 7,5% национального валового продукта, причем если в Сингапуре эта доля составляла 14%, то в Сабахе — лишь 2%.

Таким образом, структура экономики Малайзии отражала последствия колониальной эпохи, дававшей себя знать и в той роли, которую продолжал играть иностранный, в первую очередь английский, капитал в хозяйственной жизни страны. 60% площади каучуковых плантаций в Малайе, на долю которых приходилось 0,76 млн. га из 1,6 млн. га, занятых под каучук, владели европейские, в основном английские, компании или плантаторы. На долю иностранных монополий в 1961 г. приходилось $\frac{2}{3}$ оловодобычи. Европейские фирмы контролировали более 50% всех экспортно-импортных операций Сингапура и Пинанга.

«Узким» местом экономики страны являлась деревня, в которой продолжали сохраняться феодальные и дофеодальные формы эксплуатации крестьянства. Малоземелье, задолженность крестьян помещикам, кулакам, ростовщикам, издольная аренда — таковы были основные беды малайского крестьянства. Феодальные отношения особенно заметно давали себя знать в рисоводческих районах Северной и Восточной Малайи. На Северном Калимантане земельная проблема не стояла так остро, поскольку население там не было таким значительным, как в Малайе, и широко сохранялось общинно-родовое пользование землей.

Экономическая политика правительства и экономическое развитие Малайзии в 1963—1965 гг. Правительство Малайзии взяло курс на создание благоприятных условий для развития местной буржуазии с одновременным активным привлечением иностранного капитала. В деревне оно пыталось смягчить остроту аграрных отношений, приступив к выполнению программы сельскохозяйственного развития. Одновременно в первые годы существования Малайзии предпринимались усилия по более интенсивному развитию Восточной Малайзии. Иными словами, правящие круги Малайзии, как раньше и правительство Малайи, продолжали политику поощрения капиталистического предпринимательства, стремясь в определенной мере уменьшить зависимость страны от колебаний цен на мировом рынке и справиться с растущей проблемой занятости, и проведения таких мер в деревне, которые помешали бы нарастанию массового недовольства малайского крестьянства.

В первые годы существования Малайзии действовали экономические планы развития входивших в нее частей. В Малайе это был второй план развития (1961—1965 гг.), в Сараваке — план, охватывающий 1961—1965 гг., в Сингапуре — план развития 1961—1964 гг., в Сабахе — план 1959—1964 гг. Стержнем плана в Малайе являлась программа сельскохозяйственного развития, которая предусматривала рост производства каучука на 10% в результате подсадки новых деревьев и улучшения их обработки, увеличение посевной площади под рисом, освоение новых земель, рост дренажных и

ирригационных сооружений, поощрение сельских промыслов, строительство школ, больниц, дорог, мостов в сельских районах. Эту программу осуществляло созданное в Малайе еще в 1959 г. министерство сельского развития во главе с заместителем премьера Абдул Разаком. Основная масса государственных ассигнований по плану 1961—1965 гг. предназначалась именно для этой программы. Напротив, промышленное развитие финансировалось местным частным и иностранным капиталом, которому предоставлялись различные льготы. Главным побудителем продолжал оставаться принятый еще в 1958 г. Закон о новых предприятиях, согласно которому предприятия, получившие статус новых (в основном это были предприятия, производившие товары, которые раньше ввозились в страну), освобождались от налогов на срок от двух до пяти лет. Правительство поощряло создание смешанных предприятий (с участием местного и иностранного капитала), предоставляло льготы иностранным компаниям в отношении перевода прибылей, давало гарантии от национализации и т. п. В результате приток иностранного капитала в Малайзию в 1963—1965 гг. увеличился. Монополии Англии, США, Японии, ФРГ, Австралии основали в 1963—1965 гг. ряд новых предприятий в Малайзии.

За эти годы усилились позиции местной буржуазии. Этот процесс характеризовался тремя важнейшими особенностями. Во-первых, происходило создание смешанных компаний, куда устремился в основном китайский капитал. Во-вторых, наблюдалось перекачивание местного капитала из традиционных отраслей хозяйства — плантации, оловодобыча, торговля — в обрабатывающую промышленность, чему в немалой степени способствовал Закон о новых предприятиях. И в-третьих, наблюдался рост малайской и калимантанской буржуазии, хотя и далеко еще уступавшей китайской, но которая благодаря покровительственной экономической политике правительства (резервация определенной доли акций во всех новых предприятиях, создание компаний и банков, акционерами которых были исключительно малайцы и коренные жители Саравака и Сабаха и т. д.) и тесным связям малайских дельцов с бюрократическим, малайским по преимуществу, аппаратом довольно быстро набирала силы.

За первые два года своего существования Малайзия добилась определенных экономических успехов. Так, уже в 1964 г. валовой продукт увеличился на 7% по сравнению с 1963 г. В середине 1965 г. в стране действовало более 250 новых предприятий. Возросло производство каучука, олова и риса. В Сингапуре в 1961—1965 гг. вступило в строй 95 новых предприятий, включая сталеплавильный завод, металлообрабатывающие, нефтеочистительные, химические, цементные предприятия, автосборочный завод, судостроительные и судоремонтные верфи. За пятилетие численность рабочих и служащих новых предприятий увеличилась в 43 раза, а стоимость продукции — более чем в 8 раз. Тем не менее множество коренных экономических проблем, в первую очередь таких, как диверсификация экономики, растущая безработица, аграрный вопрос, на путях привлечения иностранного и местного частного капитала без попыток серьезных реформ в социальной сфере оставались нерешенными, что отрицательно влияло на экономическое, социальное и политическое развитие страны. Помимо общих причин в 1963—1965 гг. действовали и другие факторы, осложнявшие положение в Федерации, из которых важнейшими были взаимоотношения с Индонезией и малайско-сингапурские противоречия.

Борьба политических партий и малайские выборы 1964 г. Создание Малайзии способствовало дальнейшей поляризации политических сил в ее различных частях. К старой борьбе партий в каждой из составных частей нового государства добавилось теперь соперничество между крупнейшими политическими силами Малайи и Сингапура, которое выражало различные тенденции экономического и политического развития Федерации.

В сентябре 1963 г. в Сингапуре состоялись выборы в местный парламент — Законодательное собрание. Борьба развернулась между тремя политическими силами —

стоящей у власти Партией народного действия, Социалистическим фронтом и Союзной партией³³. Если соперничество первых двух группировок имело корни в «дофедеральной» истории Сингапура, то выдвижение Союзной партии как претендента на власть в штате было связано не столько с положением в самом Сингапуре, сколько с попытками правящей партии Малайзии добиться контроля над той частью Федерации, где ее позиции были наиболее слабы. Партия народного действия победила на сингапурских выборах. Она получила 47% голосов и 37 мест в парламенте. Социалистический фронт получил 35% голосов и 13 мест. Союзная же партия, собрав 8% голосов, не получила в Законодательном собрании ни одного места. Надежды Абдул Рахмана и других лидеров Союзной партии укрепить свои позиции в Сингапуре рухнули.

После выборов, показавших, что население Сингапура отвергает контроль Союзной партии, на политической арене Сингапура остались две основные силы — Партия народного действия и Социалистический фронт, борьба между которыми стала основным содержанием внутривнутриполитической жизни города с сентября 1963 до лета 1964 г.

Социалистический фронт после неудачных для него выборов стал ориентироваться на левацкий, авантюристический курс руководства КПК. Усилению левацких настроений в рядах Фронта содействовала и «политика противостояния», проводимая Индонезией в отношении Малайзии. 8 октября 1963 г. шедшее за Фронтам Объединение сингапурских профсоюзов объявило всеобщую забастовку, стремясь свалить правительство Ли Куанью. Но уже на следующий день забастовка провалилась — большинство сингапурских рабочих, входивших в Национальный профсоюзный конгресс, не поддержали призыва к забастовке. В день начала забастовки сингапурские власти арестовали целый ряд видных деятелей Фронта, в том числе нескольких депутатов парламента и Объединения сингапурских профсоюзов, включая его президента С. Т. Бани. В середине ноября, уже после провала забастовки, правительство отказало в регистрации Объединению сингапурских профсоюзов, тем самым запретив его. В декабре 1963 г. Ли Куанью выдвинул пятилетнюю программу, предусматривавшую индустриализацию, увеличение жилищного строительства, развитие образования, улучшение социальных условий.

С 1964 г. влияние Социалистического фронта начало падать. Это было связано как с выдвижением Партией народного действия позитивной программы, которой Фронт, по существу, противопоставить ничего не смог, так и с разочарованием масс, в первую очередь профсоюзов, левацкой позицией руководства Фронта. Лидеры Фронта заняли под влиянием руководства КПК позицию поддержки Индонезии в индонезийско-малайском конфликте, что предоставило возможность правительству обрушить репрессии на Фронт под предлогом нарушения Закона о сохранении общественной безопасности.

Для политической жизни Саравака и Сабаха в первые месяцы существования Малайзии характерно стремление консервативных сил консолидироваться, опираясь на поддержку Объединенной малайской национальной организации. В Сараваке началась подготовка к превращению малайских партий — Партии родины и Фронта истинных сынов Саравака — в местные отделения ОМНО. Возник комитет по подготовке превращения Объединенной национальной организации Сабаха в отделение ОМНО. В Сараваке ОМНО стремилась опереться на малайское население, а в Сабахе, где малайцев было мало, на мусульманскую часть местных народностей. Вместе с тем, понимая, что без опоры в более широких слоях местного населения будет трудно добиться серьезного влияния, правящие круги Малайи стремились заручиться поддержкой консервативных партий, представлявших коренные народности (например, Консервативная партия в Сараваке во главе с верховным вождем ибанов Теменгунгом Джугой). Другим заметным процессом в политической жизни Саравака и Сабаха было усиление противоречий между

³³ Союзная партия Сингапура возникла в июне 1963 г. после объединения Сингапурского народного союза и сингапурских отделений Китайской ассоциации Малайи и ОМНО. К ней присоединились также многие члены партий, прекративших к тому времени свое существование — Рабочего фронта и Прогрессивной.

политическими организациями, представлявшими интересы китайской и мусульманской буржуазии и малайских феодалов. Крупнейшие партии местных народностей — Национальная партия Саравака во главе со Стефен Калонг Нинганом и Объединенная национальная организация кадазан, лидером которой был Дональд Стефенс, стремились к большей автономии северокалнмантанских штатов.

Позиции левых сил в Сараваке после неудачного восстания в Брунее и начала политики «противостояния» Малайзии, проводимой Индонезией, ослабли. Нелегальная Коммунистическая организация Саравака и находившееся под ее влиянием левое крыло Объединенной народной партии подвергались постоянным преследованиям. Поддержка «политики конфронтации» не принесла левым силам Саравака успеха, к тому же подавляющее большинство членов ОНП и Коммунистической организации состояло из китайцев, что ослабляло влияние этих партий среди других народностей Саравака. Создание в апреле 1964 г. еще одной левой партии, получившей название Мачинда (от первых букв названий основных национальностей Саравака — малайцев, китайцев, индийцев и даяков), не повлияло существенно на расстановку политических сил в Сараваке.

Центральным событием внутривнутриполитической жизни Малайзии в 1964 г. стали парламентские выборы в самой крупной части Федерации — Малайе. Вся политическая жизнь в Малайе с конца 1963 по апрель 1964 г. проходила под знаком предстоящих выборов. Внутри Малайи оппозиция правящей Союзной партии была, как и до создания Федерации, представлена двумя основными политическими силами — Народным социалистическим фронтом и Панмалайской исламской партией. Обе партии выступили на выборах с программой ликвидации Малайзии, хотя с разных позиций: Фронт делал упор на недемократичности принципов создания Малайзии, а ПМИП заявляла об ущемлении прав малайцев в Федерации и на слишком большой роли в ней китайцев. Обе партии объединяло также отрицательное отношение к внешней политике Малайзии и проиндонезийские симпатии, хотя и здесь существовал разный подход к проблеме: в рядах НСФ (особенно в Рабочей партии) существовали сильные пропекинские симпатии и приверженность к лозунгам КПК, в то время как ПМИП выступала с «великомалайских» позиций, ратуя за объединение трех родственных малайских стран — Малайзии, Индонезии и Филиппин.

Правящая Союзная партия укрепила перед выборами свое влияние. Проводимая ею программа, развития сельских районов способствовала привлечению симпатий малайского крестьянства, особенно зажиточной его части. Успешное создание Малайзии также усилило авторитет правящей партии. Важным элементом предвыборной программы служила ее национальная политика, основанная на поддержании равновесия всех национальных общин при сохранении преимущества за малайцами. Успеху Союзной партии во многом способствовало отсутствие единства в рядах оппозиции. В марте провалились попытки создать Объединенный фронт различных оппозиционных партий, и в результате только три из них — Рабочая, Народная и Партия национального согласия³⁴, составлявшие НСФ, выступали совместно.

В ходе предвыборной кампании произошло событие, имевшее далеко идущие последствия для будущего Федерации. В марте 1964 г. сингапурская ПНД заявила о своем намерении принять участие в выборах в Малайе. Это решение вызвало бурю протеста в ОМНО, особенно в его правом крыле, которое обвинило Ли Куанью в стремлении установить господство китайцев в Малайзии. ПНД, заявляя о своей поддержке ОМНО, сосредоточила огонь критики на Китайской ассоциации Малайи, стремясь подорвать ее позиции как представителя китайского населения. В то же время ПНД вела

³⁴ Партия национального согласия, основанная Инче Абдул Азис бин Исхаком в 1963 г., была немногочисленной организацией, куда входили группировавшиеся вокруг Абдул Азиса малайские деятели. Партия выступала за создание «демократического государства», основанного на исламских принципах, и на искоренение наследия колониализма в жизни Малайзии.

борьбу и против НСФ под флагом защиты национальных интересов страны против агентуры соседней державы, т. е. Индонезии. Едва ли лидеры ПНД рассчитывали на большое количество голосов в Малайе, но, выступая на выборах, они стремились подчеркнуть всемалайзийский характер своей партии и нейтрализовать попытки Союзной партии выставлять своих кандидатов в Сингапуре.

Выборы 25 апреля 1964 г. принесли успех партии Абдул Рахмана. Союзная партия получила 89 из 104 мест, предназначенных для Малайи в федеральном парламенте (57% голосов). Она также получила большинство в законодательных собраниях 10 штатов из 11. Союзная партия не только сохранила свои позиции, но и улучшила их: на выборах 1959 г. она получила 74 места в парламенте Малайи и имела большинство в законодательных собраниях 9 штатов; даже в Келантане, где традиционно господствовала ПМИП и где Союзная партия в 1959 г. завоевала лишь одно место в Законодательном собрании, на выборах 1964 г. она получила 9 мест.

На втором месте шла Панмалайская исламская партия, которая провела 9 депутатов в парламент Малайзии (7% голосов) и сохранила большинство в законодательном собрании штата Келантан. Социалистический фронт потерпел на выборах поражение, получив лишь 2 места в парламенте и 8 в законодательных собраниях штатов. Полная неудача постигла Партию народного действия: из 9 выставленных ею кандидатов в парламент прошел 1.

Апрельские выборы 1964 г. укрепили положение Союзной партии и свидетельствовали об ослаблении левых сил в Малайе, немалую роль в котором сыграла поддержка многими из их лидеров индонезийской «политики конфронтации».

Конфликт с Индонезией и его влияние на внутреннюю и внешнюю политику. «Противостояние» Индонезии Малайзии, которое после образования Федерации привело к разрыву индонезийско-малайзийских отношений, в 1963—1965 гг. было одним из основных факторов, влиявших на экономическое развитие страны, взаимоотношения политических сил, внутреннюю и внешнюю политику правительства.

Конфронтация нанесла серьезный ущерб экономике страны, особенно Сингапuru и Пинангу, поскольку эти торты импортировали из Индонезии каучук, олово, нефть, копру и другое сырье и реэкспортировали его в другие страны. Вместе с тем значительная часть индонезийского импорта также шла через Сингапур и в меньшей степени через Пинанг (текстиль, рис и т. д.). Прекращение торговли с Индонезией стоило Сингапuru почти 9% его национального дохода. За первые три месяца, прошедшие после разрыва связей, объем внешней торговли Сингапура и Малайи сократился на 3%. Возросла безработица, особенно в Сингапуре. От прекращения торговли с Индонезией пострадали главным образом местные — китайские, индийские и малайские — предприниматели, поскольку в их руках сосредоточивались основные операции по индонезийскому экспорту и импорту. Правительства Сингапура и Малайи предприняли ряд мер, чтобы поддержать местную буржуазию, пострадавшую в результате «политики противостояния», и уменьшить недовольство рабочего класса. Палата экономического развития Сингапура предоставила пострадавшим предпринимателям возможность участия в эксплуатации предприятий, создаваемых в Сингапуре государством (сахарный завод судоверфи и т. д.), а также поощряла создание смешанных предприятий, в которые в первую очередь привлекался капитал из отраслей, затронутых прекращением торговли с Индонезией. Другой мерой, направленной на ликвидацию экономических последствий конфронтации, было расширение внутрималайзийской торговли, особенно торговли Сингапура с Сараваком и Сабахом.

Политика «противостояния», проводимая Индонезией в интересах бюрократической буржуазии, стремившейся использовать антиимпериалистические лозунги для замораживания решения коренных проблем индонезийской революции, содействовала укреплению Федерации Малайзии, усилила позиции буржуазно-помещичьего правящего блока и серьезно ослабила оппозиционные партии.

Союзная партия боролась с конфронтацией под лозунгом объединения всех патриотических и национальных сил, тогда как оппозиция, выступавшая против Малайзии, была обвинена в забвении, если не в предательстве, национальных интересов и в контактах с враждебной державой.

Правительство Малайзии, победив на выборах 1964 г., взяло курс на укрепление армии и увеличение военного бюджета, заявляя о необходимости усиления обороноспособности страны в обстановке угрозы со стороны Индонезии. В августе 1964 г. индонезийский отряд высадился в Джохоре на южной оконечности Малаккского полуострова. 2 сентября близ Лабиса, в Джохоре, был сброшен небольшой десант индонезийских парашютистов. Не собираясь вести всерьез войну с Малайзией, правительство Сукарно рассчитывало использовать индонезийские отряды в Малайе и на Северном Калимантане как основу, вокруг которой будет создаваться партизанское движение в Малайзии. Надежды эти оказались несостоятельными. Индонезийские десанты были быстро уничтожены, и 3 сентября 1964 г. верховный правитель (король) Малайзии объявил чрезвычайное положение во всей стране.

С лета 1964 г. усилились репрессии против оппозиционных партий, рабочего и профсоюзного движения. В январе 1965 г. полиция, действуя на основании Закона о внутренней безопасности, арестовала председателя ПМИП Бурхануддина, председателя Партии национального согласия Абдул Азис бин Исхака, бывшего председателя Народного социалистического фронта и Рабочей партии Исхака бин Хаджи Мохаммада, казначея Народного социалистического фронта Кампо Роджо и других деятелей оппозиции, обвинив их в подготовке вооруженного восстания и попытках сформировать правительства Малайзии за границей.

В феврале 1965 г. правительство разогнало демонстрации, проходившие под руководством НСФ в Куала-Лумпуре в знак протеста против январских арестов, и обрушило новые репрессии на оппозицию. В мае 1965 г. малайзийское правительство запретило все забастовки в государственных учреждениях и серьезно ограничило их в частном секторе.

В этой обстановке усилились разногласия в НСФ — как между составлявшими его партиями, так и внутри последних. Пришедшее к руководству в Рабочей партии Малайзии экстремистское крыло, находившееся под влиянием маоистских идей, толкало НСФ к прямым выступлениям против правительства. В этих условиях Народная партия Малайзии, в которой после ареста А. Бустамана в 1963 г. по обвинению в деятельности в пользу Индонезии к руководству пришла группировка Касим Ахмада, не согласная с идеями мархаэнизма, в декабре 1966 г. вышла из НСФ. Некоторые члены Рабочей партии покинули ее ряды, заявив о несогласии с экстремистской политикой руководства.

И в других частях Малайзии левая оппозиция в результате поддержки ее руководством индонезийской политики «противостояния» оказалась ослабленной. В Сингапуре резко уменьшилось влияние Социалистического фронта, что сопровождалось обострением разногласий в его руководстве. Попытки Социалистического фронта подорвать позиции Ли Куанью в Национальном профсоюзном конгрессе Сингапура (октябрь 1964 г.) кончились неудачей. В июне 1964 г. полиция арестовала большую группу студентов Наньянского университета, созданного в Сингапуре в 1956 г., где преподавание велось на китайском языке. В августе 1964 г. власти Сингапура распустили Демократический союз студентов, находившийся под влиянием Социалистического фронта, а в сентябре произвели аресты среди членов Фронта и шедших за ним профсоюзных и студенческих организаций. В конце апреля 1965 г. были арестованы руководители девяти профсоюзов, связанных с Фронтом. Показателем падения влияния Фронта стали дополнительные выборы в сингапурский парламент летом 1965 г., на которых кандидат Фронта, поддержанный Союзной партией Сингапура, потерпел поражение от кандидата ПНД.

Воспользовавшись напряженной обстановкой на Сараваке, где существовало партизанское движение, возглавляемое Коммунистической организацией Саравака, и происходила инфильтрация индонезийских войск, правительство Малайзии усилило репрессии против членов оппозиционной Объединенной народной партии. В этих условиях в партии, как и в Социалистическом фронте Сингапура, наметился раскол: умеренное крыло, возглавляемое председателем партии Он Кеху и генеральным секретарем Стефеном Еоном, склонялось к признанию существования Малайзии, в то время как экстремистское крыло, связанное с Социалистическим фронтом Сингапура, продолжало выступать против Малайзии.

Конфликт с Индонезией оказал серьезное влияние не только на внутривнутриполитическое положение Малайзии, но и на ее внешнюю политику.

Империалистические державы стремились использовать этот конфликт для сохранения и укрепления своих позиций в Малайзии. Наибольшую активность проявляла Англия, с которой Малайзия была связана договором о совместной обороне и которая имела военные базы на территории Федерации. Английские войска боролись с партизанами на Северном Калимантане, где в июне 1964 г. уже находилось свыше 10 тыс. английских и малайзийских солдат. В тесном сотрудничестве с Англией действовали Австралия и Новая Зеландия, чьи вооруженные силы также принимали участие в военных действиях на территории Саравака и Сабаха.

США предприняли ряд шагов, направленных на усиление своих позиций в Малайзии в связи с ее отношениями с Индонезией. В 1963—1965 гг. в Малайзии побывало несколько американских миссий, изучавших экономическое и политическое положение в стране, активно действовал в Малайзии американский «корпус мира». Федерация приняла небольшой американский заем на покупку военного снаряжения.

Империалистические государства, играя на малайзийско-индонезийских противоречиях и используя антикоммунистические настроения лидеров нового государства, пытались превратить Малайзию в своего надежного союзника в Юго-Восточной Азии. Тем не менее уже в этот период во внешней политике Малайзии начали обнаруживаться новые тенденции. Так, на переговорах с Англией о распространении англо-малайского договора о совместной обороне на Малайзию Абдул Рахман заявил, что английские базы на территории Федерации не могут быть использованы Англией для выполнения своих обязательств перед СЕАТО без предварительного согласия Малайзии. Федерация заявила о приверженности политике нейтралитета и отказалась вступить в СЕАТО. В 1963—1965 гг. Малайзия проявляла значительный интерес к укреплению отношений с афро-азиатскими, особенно мусульманскими, странами: в начале 1964 г. премьер-министр Сингапура Ли Куанью посетил ОАР, Марокко, Алжир, Мали, Гвинею, Гану, Кению, Берег Слоновой Кости и Индию, в ноябре того же года малайзийская делегация во главе с заместителем премьера Абдул Разаком побывала в ОАР, Алжире, Марокко, Тунисе, а весной 1965 г. Абдул Разак посетил Пакистан, Ливан, Судан, Эфиопию, Кению, Сомали, Уганду, Танганьики, ОАР, Цейлон. Малайзия солидаризировалась с другими афро-азиатскими странами в отношении Южно-Африканской Республики, прекратив весной 1965 г. торговлю с этим государством. В июне 1965 г. малайзийское правительство закрыло португальское консульство в Сингапуре в знак протеста против колониальной политики Португалии в Африке.

Обострение малайско-сингапурских противоречий и выход Сингапура из Федерации. В 1965 г. резко обострились отношения между правящими кругами Малайи, игравшими руководящую роль в Малайзии, и Сингапуром. Причины, которые привели к этому обострению, были многообразны и существовали фактически с момента создания Федерации, охватывая сложный комплекс экономических, национальных и политических проблем.

Экономические противоречия между малайской и сингапурской буржуазией обнаружили едва ли не с первых дней существования Федерации. Главными спорными

вопросами стали географическое размещение промышленности, проблема общего рынка, распределение доходов Сингапура.

Правительство Сингапура обвиняло центральное правительство в дискриминационных мерах по отношению к строительству в Сингапуре новых предприятий. Малайская бюрократия и буржуазия использовали право центрального правительства на выдачу лицензий на открытие новых предприятий, имеющих статус первооткрывателя, чтобы более значительная часть таких предприятий строилась в Малайе, а не в Сингапуре. Естественно, что сингапурское правительство, постоянно сталкивавшееся с острой для города проблемой безработицы, выказывало недовольство политикой Куала-Лумпура в этом отношении. Сингапур проявлял большое недовольство затягиванием создания общего малайзийского рынка. Сингапурская буржуазия была заинтересована в общем рынке, тогда как буржуазия Малайи и Северного Калимантана боялась, что в случае отмены пошлин на ввоз товаров из одной части Малайзии в другую она не сможет соперничать с экономически более сильной сингапурской буржуазией. В результате к лету 1965 г. общий рынок так и не был создан. Очень острым являлся вопрос о распределении доходов Сингапура. Когда вырабатывались условия вхождения Сингапура в Малайзию, было определено, что 60% доходов будут оставаться в распоряжении Сингапура, а 40% — поступать центральному правительству. Почти с самого начала существования Федерации центральное правительство пыталось пересмотреть условия соглашения и получить не 40%, а 60% доходов Сингапура. Малайско-сингапурские экономические противоречия коснулись и Северного Калимантана. Сингапур отказывался внести свою часть займа на развитие Саравака и Сабаха, ссылаясь на то, что в Восточной Малайзии не используются сингапурские рабочие, как это было предусмотрено соглашением о займе.

Еще более острыми стали политические противоречия, к которым присоединялась национальная проблема. Партия народного Действия, опиравшаяся на мелкобуржуазные слои и профсоюзы Сингапура, выдвинувшая программу «демократического социализма» и «малайзийской Малайзии», стала естественным соперником консервативной Союзной партии, выражавшей интересы крупной буржуазии, бюрократии и помещиков и не заинтересованной в изменении существующей политической структуры в стране.

Уже в сентябре 1963 г., т. е. сразу после создания Малайзии, Союзная партия выдвинула своих кандидатов на выборах в Законодательное собрание Сингапура. В апрельских выборах 1964 г. в Малайе приняли участие кандидаты ПНД. Хотя ни позиции Союзной партии в Малайе, ни положение ПНД в Сингапуре не были ослаблены в результате этих попыток, они знаменовали собой стремление каждой из партий подорвать позиции соперника в оплоте его влияния. Особое недовольство правящих кругов Малайзии вызвало участие ПНД в апрельских выборах 1964 г., когда лидеры Союзной партии обвинили ПНД в стремлении нарушить существовавшее равновесие между национальными группами страны. Лидеры правого крыла ОМНО во главе с ее генеральным секретарем Саид Джафар Албаром даже обвиняли Ли Куанью в стремлении установить китайское господство в Малайзии.

Следующая фаза обострения малайско-сингапурских противоречий началась летом 1964 г., когда под влиянием право-националистической пропаганды, настаивавшей на предоставлении малайцам в Сингапуре особых прав и преимуществ по образцу существовавших в Малайе, на острове произошли кровавые малайско-китайские столкновения. 21—25 июля 1964 г. в Сингапуре был убит 21 человек и около 500 человек были ранены. Кровавым столкновениям в Сингапуре предшествовал съезд 150 малайских организаций города, созванный 12 июля. Перед собравшимися выступили Саид Джафар Албар, генеральный секретарь ОМНО, и его заместитель Али бин Ахмад, призывавшие покончить с «плохим обращением» сингапурского правительства с малайцами. В сентябре в связи с новой вспышкой столкновений в Сингапуре было введено осадочное положение. Союзная партия обвинила в этих

событиях Партию народного действия. Хотя в сентябре, после встречи Абдул Рахмана и Ли Куанью прямые нападки соперничающих партий друг на друга прекратились, напряженность в их отношениях сохранилась.

В ноябре 1964 г. на юбилейном съезде, посвященном десятилетию существования ПНД, ее лидер Ли Куанью выдвинул программу, вызвавшую резкую критику в правящих кругах Малайи. Программа предусматривала усиление движения «демократического социализма» и объединение его приверженцев во всей Малайзии, а также создание единой малайзийской нации, в которой бы все граждане пользовались равными правами и привилегиями.

С весны 1965 г. малайско-сингапурские противоречия вступили в решающую стадию.

В апреле 1965 г. усилились нападки правого крыла ОМНО на Партию народного действия, которая начала создавать коалицию оппозиционных партий. В мае в Сингапуре состоялось совещание этих партий, образовавшее Объединение малайзийской солидарности, куда вошли сингапурская ПНД, малайские Объединенная демократическая партия и Народная прогрессивная партия, саравакские Объединенная народная партия и Мачинда. Объединение поставило целью создание «демократической малайзижжой Малайзии». ОМНО болезненно реагировала на действия ПНД, рассматривая требование «малайзийской Малайзии» как противопоставление идее «малайской Малайзии». Правонационалистические деятели ОМНО даже требовали ареста Ли Куанью и других руководителей ПНД. В свою очередь, ПНД все резче нападала на правое крыло ОМНО, обвиняя его в малайском национализме, и перешла к критике правительства Федерации, требуя демократизации политической жизни страны.

В этих условиях Абдул Рахман и его правительство пошли на крайние меры. 7 августа руководители Малайзии и Сингапура подписали соглашение о выходе Сингапура из Федерации. Инициатива принадлежала центральному правительству. Соглашение предусматривало заключение малайзийско-сингапурского договора об обороне и взаимной помощи, сохранение малайзийских военных баз в Сингапуре и обязательство обоих правительств не заключать соглашений и договоров с иностранными державами, могущих нанести ущерб независимости или обороне Малайзии и Сингапура. 9 августа состоялось формальное отделение Сингапура от Малайзии.

Экономическое развитие Малайзии после 1965 г. Основой развития страны за десятилетие после выхода Сингапура из федерации стали первый (1966—1970 гг.) и второй (1971—1975 гг.) планы развития. Они характеризовались стремлением диверсифицировать и модернизировать хозяйство, улучшить инфраструктуру, поднять экономику Восточной Малайзии, притупить остроту социальных и национальных противоречий путем более равномерного распределения национального дохода и занятости.

Оба плана предусматривали широкое участие частного капитала. Так, во втором плане развития говорилось, что «политика правительства поощряет развитие частного сектора с помощью ряда стимулирующих мер». Частные капиталовложения составили около 58% всех капиталовложений по первому плану. Основное участие государства сводилось к совершенствованию экономической инфраструктуры и в меньшей степени к развитию сельского хозяйства и сельских районов. Роль государства в развитии обрабатывающей и добывающей промышленности оставалась незначительной.

В 1969 г. правительство Малайзии провозгласило «новую экономическую политику», которая должна привести к существенному расширению государственно-капиталистического сектора. Такая политика, как подчеркивалось во втором плане развития, должна способствовать «сокращению и в конечном счете искоренению бедности путем подъема жизненного уровня и увеличения занятости для всех малайзийцев независимо от этнической принадлежности» и «ускорению процесса перестройки малайзийского общества в целях исправления нарушенного экономического

равновесия, с тем чтобы сократить и постепенно устранить отождествление этнических признаков с экономическими функциями».

Второй малайзийский план развития свидетельствовал о некоторых новых тенденциях в экономической политике правительства, выразившихся прежде всего в развитии госкапиталистического сектора в обрабатывающей промышленности. Тем не менее частный капитал по-прежнему играет ведущую роль в экономическом развитии, поскольку госкапиталистический сектор в промышленности действует как дополнение к частнокапиталистическому.

Оба плана свидетельствовали о стремлении правящих слоев Малайзии решить проблемы, стоящие перед страной, на пути развития капитализма. Естественно, что, несмотря на все усилия, правительству не удалось таким способом разрешить вставшие перед молодым независимым государством экономические проблемы.

В 1967 г. было создано Федеральное управление промышленного развития (ФУПР), задачей которого явилась координация деятельности организаций, связанных с промышленным развитием. В 1969 г. в связи с расширением масштабов индустриализации был создан Комитет по инвестированию капитала, сосредоточивший внимание на сведении программ промышленного развития федерального правительства и правительств штатов в единую, установление приоритетов в развитии различных отраслей производства, определении характера льгот для поощрения развития промышленности. Одной из важнейших задач Комитета стала индустриализация сельских районов и небольших городов, населенных малайцами, что должно было решить в определенной мере проблему безработицы и соответственно смягчить национальные противоречия.

Продолжался рост предприятий со статусом первооснователя: в 1967 г. такой статус в Западной Малайзии получили 120 компаний с капиталом 406,9 млн. мал. долл., а в 1971 г. их насчитывалось 185 с капиталом 722,8 млн. мал. долл. Несмотря на появление новых отраслей производства, основная масса промышленности состоит из предприятий, связанных с производством пищевых и потребительских товаров и первичной обработкой сельскохозяйственного сырья.

Если в Западной Малайзии начался процесс индустриализации (пусть в его начальной стадии), то Восточная Малайзия все еще находится на прединдустриальном этапе развития. Ассигнования на промышленное развитие по первому пятилетнему плану составили в Сараваке и Сабахе всего 4,3 млн. мал. долл. (против 137 млн. мал. долл. в Западной Малайзии).

По-прежнему одной из самых острых и насущных проблем Малайзии оставались развитие, модернизация и диверсификация сельскохозяйственного производства.

В центре внимания правительственной экономической политики оказались крестьянские хозяйства, поскольку от повышения их товарности зависит ускорение темпов экономического развития страны. Внимание к этому сектору хозяйства объясняется и политическими причинами, поскольку основную массу крестьян составляют малайцы.

Правительство выработало комплексную программу по подъему производительных сил деревни, развитию инфраструктуры, улучшению состояния здравоохранения и образования. Центральное место в «ней заняло освоение целинных земель и создание на них новых поселений, что позволит, по мысли правительства, увеличить число экономически крепких хозяйств, в которых могут применяться современные методы производства. К началу 70-х годов Федеральное управление земельного развития в Западной Малайзии осуществило 90 проектов и освоило более 122 тыс. га, на которых разместилось 20,7 тыс. крестьянских семей. По второму пятилетнему плану было освоено еще 72 тыс. га земли. В Восточной Малайзии с этой же целью были созданы Советы по земельному развитию Сабаха (1969 г.) и Саравака (1972 г.).

Темпы освоения целинных земель в Малайзии не поспевают за ростом спроса безземельных и малоземельных крестьян на землю. Поэтому все большее значение

приобретает интенсификация сельскохозяйственного производства. Решению этой проблемы препятствует сохранение полуфеодальных форм эксплуатации, ростовщической кабалы, существующей системы арендных отношений. Бичом малайской деревни вплоть до сегодняшнего дня является ростовщичество, поскольку большая часть крестьян вынуждена постоянно прибегать к краткосрочному кредиту, предоставляемому под высокий процент. Чтобы уменьшить зависимость крестьян от торгово-ростовщического кредита, государство способствует развитию кооперативного движения. Появилась сеть кредитно-сберегательных обществ, реорганизован Кооперативный сельскохозяйственный банк, созданы Сельскохозяйственный банк Малайзии (1969 г.), Федеральное управление торговли сельскохозяйственной продукцией (1965 г.) и Национальное управление по рису и пади (1971 г.).

Государство приступило также к выработке мер по оказанию помощи крестьянским хозяйствам, занятым выращиванием каучуконосов. В настоящее время крестьянские хозяйства дают уже половину производства каучука в Западной Малайзии, и поэтому правительство оказалось заинтересованным в поощрении реплантации высокоурожайных сортов гевеи в крестьянских хозяйствах и совершенствовании агротехнических приемов. Реплантация в 1966—1970 гг. была проведена в Западной Малайзии на площади 121,6 тыс. га, а в Восточной — на 4,8 тыс. га, что привело к повышению средней урожайности каучука в крестьянских хозяйствах. Эти меры привели к увеличению производства каучука в Малайзии в 1963—1971 гг. на 492 тыс. т. Для помощи крестьянам, производящим каучук, в 1973 г. было создано Управление по развитию производства каучука мелкими землевладельцами.

Одной из важнейших задач диверсификации сельского хозяйства в Малайзии является увеличение производства продовольственных культур, в первую очередь риса. Посевная площадь под рисом была расширена и составила к 1970 г. в Западной Малайзии более 500 тыс. га против 355 тыс. га в 1966 г., а в Восточной — свыше 166 тыс. га. Увеличилась и орошаемая площадь. В результате выполнения второго малайзийского плана развития Западная Малайзия практически прекратила ввоз риса, а Восточная сократила его импорт. Большое значение придается расширению культуры масличной пальмы, спрос на продукцию которой существенно вырос после второй мировой войны. Уже в 1972 г. Малайзия давала 50% пальмового масла на мировом рынке. Из других культур правительство в ходе выполнения обоих планов развития уделяло внимание расширению посадок кокосовой пальмы, перца, какао, сахарного тростника и ананасов, особенно в крестьянских хозяйствах,

Несмотря на определенные успехи, достигнутые в развитии сельского хозяйства за годы независимости, решение проблем его перестройки, повышения эффективности и т. п. упирается в существующую систему социально-экономических отношений в малайзийской деревне, а в конечном счете в невозможность удовлетворительного их разрешения на путях развития капитализма.

Иностранный капитал по-прежнему продолжал занимать ламинирующее положение в ключевых отраслях экономики страны: в 1968 г. иностранным компаниям принадлежало 50% основного капитала в стране. Несмотря на некоторое ослабление позиций иностранного капитала в плантационном хозяйстве, он продолжает контролировать 75% частных инвестиций в производстве каучука, ему принадлежит ведущая роль в разведении масличной пальмы и какао. Иностранный капитал контролирует 60% производства олова, 100% нефти, железной руды, бокситов. Заметно возрос поток прямых иностранных инвестиций в обрабатывающую промышленность, особенно в «пионерские» отрасли, где государство предоставляет налоговые льготы. Большое распространение, особенно в последние годы, получило создание смешанных компаний.

Внутриполитическое развитие Малайзии в 1965—1969 гг. Кризис 1969 г. После выхода Сингапура из Федерации те проблемы внутриполитического развития, которые

стояли перед страной, отнюдь не оказались решенными или их острота — смягченной, как надеялись малайзийские руководители. Именно в эти годы обострились этно-национальные противоречия, что явилось следствием дальнейшего углубления классовых и социальных противоречий в жизни страны. Компромисс между малайским и китайским населением, а точнее, между китайской буржуазией и малайской феодально-бюрократически-буржуазной элитой, нашедший свое выражение в конституции 1957 г. (и в повторившей ее конституции 1963 г.), заключавшийся в предоставлении китайцам возможности беспрепятственного занятия бизнесом в обмен на юридическое закрепление особых прав малайцев в землепользовании, государственной службе и т. д., во второй половине 60-х годов перестал удовлетворять обе национальные общины.

Хотя правительству Союзной партии удалось достичь определенных успехов в развитии экономики, общая социально-экономическая структура Малайзии не изменилась, равно как сохранились острые проблемы занятости населения, нехватки земли, бедности крестьянских и городских низов, диспаритета в области экономики между национальными общинами. Последняя проблема, будучи наиболее видимым на поверхности феноменом в межэтническом антагонизме, имела и имеет глубокие социально-экономические корни, ибо в основе своей китайский и малайский секторы экономики представляют собой не что иное, как современный и традиционный уклады. Большинство малайского населения — крестьяне, сохраняющие традиционный патриархальный образ жизни, причем крестьяне мелкие, связанные с рисовым хозяйством, тогда как в китайской общине представлены более или менее равномерно все классы современного капиталистического общества азиатской страны. Острой социально-экономической и политической проблемой оставался количественный и качественный разрыв между формирующейся малайской и существующей китайской буржуазией. Несмотря на протекционистскую политику властей, создание специальных организаций, поощряющих развитие национального малайского капитала (Совет по опеке коренного населения, Федеральное управление земельного развития, Национальная инвестиционная компания, Национальная торговая корпорация, банк «Бумипутра», Малайская сберегательная корпорация мусульман-паломников), китайский капитал продолжал играть доминирующую роль в плантационном хозяйстве, горнорудной и обрабатывающей промышленности, торговле, банковском деле.

Положение осложнилось также в связи с вступлением в жизнь в конце 60-х годов молодого поколения обеих общин, над которым «е довлел груз предшествующих лет, отмеченных вооруженной борьбой и выработкой компромисса, долженствующего втиснуть классовые и социальные противоречия в рамки этно-национального соглашения. Молодое поколение китайцев, значительная часть которого к тому же в массе имела права гражданства, проявляло недовольство препонами к получению работы в государственном аппарате, ограничениями в области использования китайского языка и получения образования на родном языке. Это недовольство выразилось не только в поддержке левой (и левацкой) оппозиции, но главным образом в резкой критике партии крупной китайской буржуазии — КАМ, входящей в правительственную коалицию и претендующей на выражение мнения всей китайской общины. С другой стороны, молодое малайское поколение остро чувствовало трудности на пути повышения своего жизненного уровня в городе и в деревне, занятия бизнесом и получения высшего образования. Под влиянием пропаганды ПМИП и лидеров националистического крыла ОМНО эти чувства, в основе которых лежали социально-экономические причины, приобретали характер националистический, особенно в силу неразвитости политического сознания населения.

Критике подвергалась и внешняя политика Малайзии, слишком, по мнению оппозиции, ориентированная на западные империалистические державы, особенно на Англию. Оппозиция требовала усиления самостоятельных тенденций во внешней политике, сближения с неприсоединившимися государствами, установления

дипломатических отношений с социалистическими странами, отказа от односторонней прозападной ориентации.

Первым признаком обострения внутривластного положения в стране стала начавшаяся в 1965 г. дискуссия о национальном языке. Согласно конституции 1957 г. по истечении десяти лет, т. е. с 1 сентября 1967 г., малайский язык должен стать единственным официальным языком. Проблема немедленно приобрела политическое звучание. Националистическое крыло ОМНО во главе с директором созданного в 1959 г. Совета по языку и литературе Сайед Насир бин Исмаилом организовало в начале 1965 г. Фронт борьбы за национальный язык, который выступил с требованием объявить малайский язык единственным официальным языком. В ответ осенью 1966 г. ряд отделений КАМ потребовал расширения употребления китайского языка. 3 марта 1967 г. парламент принял компромиссный Закон о языке, по которому малайский язык с 1 сентября 1967 г. объявлялся государственным, однако верховный правитель наделялся правом разрешать использование английского языка для официальных целей, а федеральное правительство и правительства штатов имели право использовать в официальных целях язык любой другой общины Федерации. Закон, против которого голосовали депутаты от ПМИП, вызвал недовольство националистического крыла ОМНО, подвергнувшего резкой критике премьера Абдул Рахмана за «уступки китайцам».

В обстановке обострения классово-социальных и этнических противоречий в Западной Малайзии возникли новые оппозиционные партии. Одна из них — Партия демократического действия (ПДД) — возникла в марте 1966 г., выделившись из сингапурской Партии народного действия. Лидером партии стал бывший генеральный секретарь Национального конгресса профсоюзов Сингапура Деван Наир. Идеологией ПДД стала теория «демократического социализма», близкая теориям правой социал-демократии Западной Европы. ПДД выступала за Малайзию, «основанную на равенстве национальностей и базирующуюся на институтах парламентской демократии». Она также взяла на вооружение лозунг «малайзийской Малайзии», выдвинутый еще Ли Куанью. Партия демократического действия получила поддержку среди части пролетариата, мелкой буржуазии и интеллигенции китайского происхождения. Другая новая партия — Движение народа Малайзии («Геракан ракъят Малайсия») — была создана в марте 1968 г. бывшими лидерами (умеренными) Рабочей партии (Тан Чикун, В. Вираппен), руководством самораспустившейся Объединенной демократической партии во главе с Лим Чонью и видными представителями малайзийской интеллигенции (профессор истории университета «Малайя» Вам Гунгву, профессор малайской литературы Сингапурского университета Сайд Хуссейн Алата, президент медицинской ассоциации Малайзии доктор Дж. Б. Э. Питер). Появление «Геракана» объяснялось кризисом левой оппозиции в Малайе. В Рабочей партии перевес получили левацкие элементы, отвергавшие парламентские методы борьбы; распался Социалистический фронт; Объединенная демократическая партия также подверглась нажиму со стороны левых экстремистов. В этих условиях и был создан «Геракан», получивший благодаря требованиям демократизации и предоставления равных прав всему населению и отмежеванию от левацких элементов в китайской общине, связанных с пекинским руководством, поддержку мелкобуржуазных слоев и интеллигенции различных национальностей, преимущественно же китайского населения.

В ходе предвыборной кампании 1969 г. ОМНО сосредоточила огонь критики не против левой оппозиции, представлявшей в массе немалайское население, а против ПМИП, в которой она видела своего основного конкурента в борьбе за влияние в массе малайского крестьянства. Союзная партия шла к выборам уверенная в сокрушительной победе над силами оппозиции. Тем сильнее было разочарование и растерянность правящей коалиции, когда были подсчитаны результаты голосования 10 мая 1969 г. в федеральный парламент и в парламенты штатов в Западной Малайзии.

Хотя Союзная партия получила 66 мест из 104 и сохранила большинство в парламенте, за нее было подано менее половины голосов (49,1%), и число ее депутатов уменьшилось по сравнению не только с 1964 г. (89), но даже с 1959 г. (74). Особенно серьезный удар был нанесен на федеральных выборах по Китайской ассоциации Малайзии — из 33 выдвинутых ее кандидатов в парламент прошли лишь 13. Оппозиционные партии получили 38 мест в федеральном парламенте. Наибольший успех выпал на долю Партии демократического действия, которая провела в федеральный парламент 13 депутатов. «Геракан» оказался представлен 8 депутатами, Народная прогрессивная партия, действовавшая в Пераке,— 4, Народная партия, некогда входившая в Социалистический фронт, не получила ни одного места в парламенте. Панмалайская исламская партия, выступавшая за малайское исламское государство, за усиление «особых прав» малайцев, провела 12 депутатов.

Еще больший урон Союзная партия понесла на выборах в парламенты штатов, где она получила только 162 места из 282 (в 1959 и 1964 гг. — 206 и 241 соответственно). ОМНО была вынуждена уступить большинство ПМИП в парламентах Тренгану и Келантана; в Кедахе она завоевала лишь 14 мест из 24 (на предыдущих выборах — 24). Союзная партия, а точнее КАМ, потеряла большинство в парламентах Селангора, Перака и Пинанга в пользу левых партий оппозиции.

Выборы продемонстрировали глубокое недовольство, существовавшее в стране. Несмотря на то что оппозиционные партии не могли предложить ясной программы межнациональной консолидации и разрешения экономических проблем, их критика существующего положения привлекла к ним массу населения. Стала очевидна неспособность партнеров ОМНО по коалиции, особенно КАМ, сохранить прежнее влияние над радикализировавшейся массой китайского и индийского населения, которое пошло за левой оппозицией. Тревожным симптомом для ОМНО был успех ПМИП и голосование довольно значительной части малайских избирателей за «Геракан».

13 мая 1969 г. в Куала-Лумпуре начались межнациональные столкновения, поводом к началу которых была организация сторонниками ПДД и «Геракана» демонстрации по поводу одержанной победы. Националистически настроенная малайская молодежь напала на демонстрантов, а затем столкновения охватили весь город. В течение считанных дней волна кровавых стычек, насилий, поджогов, убийств охватила всю Малайю. Кровопролитные столкновения продолжались до конца июля, порядок в стране удалось восстановить лишь после массового использования полиции и воинских частей. По заниженным данным, было убито около 200 человек (видимо, 500—600), ранено 440, арестовано более 9 тыс. и отдано под суд около 5,5 тыс. человек. Основную массу убитых и раненых составили китайцы.

14 мая в Малайе было объявлено чрезвычайное положение, 15 мая был создан Национальный оперативный совет (НОС) во главе с заместителем премьера и министром обороны Абдул Разаком. Парламент был распущен, вся власть перешла к НОС, куда вошли министр внутренних дел, министр информации и радиовещания, президенты Китайской ассоциации Малайзии и Индийского конгресса Малайзии, начальник штаба вооруженных сил, генеральный инспектор полиции, постоянный секретарь МИД и глава гражданской службы. Деятельность политических партий была запрещена, выборы в Сараваке и Сабахе отсрочены. Растерянность правящих кругов была настолько велика, что руководство Китайской ассоциации Малайзии вначале даже отказалось участвовать в правительстве. Один из тогдашних представителей националистического крыла в ОМНО, Махатхир бин Мохаммед, начал кампанию против Абдул Рахмана, обвиняя его в уступках китайцам и требуя закрепления непарламентского режима в целях обеспечения преимуществ малайскому населению. Руководство Малайзии, понимая, что необходим пересмотр компромисса 1957 г., стремилось сделать это, не меняя основных принципов установившейся политики, в частности сохраняя режим буржуазной парламентарной демократии. К августу 1969 г. Национальный оперативный совет справился с

межнациональными столкновениями, и ситуация в стране стабилизировалась. Лидеры КАМ согласились войти в правительство, и таким образом положение, существовавшее до выборов, было восстановлено.

Малайзия в 70-х годах. В начале 1970 г. был создан Национальный консультативный совет в составе 67 человек, представляющих большинство партий и общественных групп, который вместе с уже существовавшим Национальным советом доброй воли занялся выработкой новых принципов межнациональных отношений и поисками путей стабилизации существующей социально-экономической и политической структуры. 31 августа 1970 г. верховный правитель, султан Кедаха Абдул Халим Муазам-шах³⁵ в традиционной речи по поводу Дня независимости провозгласил государственную доктрину «Рукунегара» (Основы государства), ставшую идеологической основой Федерации. В основу «Рукунегара» были положены пять принципов: 1) вера в бога и веротерпимость (хотя ислам признавался государственной религией); 2) преданность монарху и стране; 3) уважение конституции; 4) соблюдение законов; 5) правильное доведение и соблюдение моральных норм. В «Рукунегара» говорилось, что самая неотложная задача — создание единой государственной общности людей, живущих на земле Малайзии, создание единой малайзийской нации, которая объединит всех жителей страны, независимо от национальности и вероисповедания. Документ призывал к созданию «справедливого общества», обходя, однако, проблемы классового характера. Характерно, что в нем подчеркивалась необходимость сохранения привилегий малайцев как условия для интеграции этнических групп. Провозглашалось равенство граждан перед законом, запрещались действия, задевающие чувства граждан других национальных групп, провозглашалась веротерпимость, несмотря на признание ислама государственной религией.

Летом 1970 г. состоялись отложенные выборы в Сабахе и Сараваке. В Сабахе до 1967 г. существовали три политические партии: Объединенная сабахская национальная организация (ОСНО), Объединенная пасок-момогунская и кадазанская организация (ОПКО), представляющая интересы местного населения, и Китайская ассоциация Сабаха. Все они образовывали Альянс Сабаха, решающая роль в котором принадлежала ОСНО и ее лидеру Тун Мустафе бин Дату Харуну, опиравшимся главным образом на мусульманское население Сабаха. После выборов в парламент Сабаха в 1967 г. лидер ОПКО Дональд Стефенс распустил партию и предложил ее членам вступить в ОСНО. Выступая накануне выборов в мае 1970 г., он призвал кадазанцев чувствовать себя малайзийцами и поддержать Альянс. В результате Альянс получил около 72% голосов избирателей и все 16 мест в федеральном парламенте от Сабаха.

Политическое положение в Сараваке было более сложным. В Альянс Саравака входили три партии: «Песака», представлявшая ибанов, «Бумипутра», опиравшаяся на малайцев, и Китайская ассоциация Саравака. Оппозиция была представлена двумя партиями: Национальной партией Саравака (НПС), большинство которой составляли ибаны, и Объединенной народной партией Саравака (ОНПС), опиравшейся преимущественно на китайское население. Оппозиционные партии выступали с лозунгом «Саравак для саравакцев», призывая к пересмотру статуса штата с целью расширения его автономии. На выборах в федеральный парламент Альянс получил 9 мест, тогда как оппозиция — 14.

После выборов в Восточной Малайзии правящие партии располагали 91 местом в парламенте из 144, таким образом, им не хватало 5 голосов, чтобы собрать $\frac{2}{3}$, необходимые для внесения поправок к конституции. Эти голоса правящей коалиции принесла ОНПС, заключившая союз с Альянсом Саравака. С переходом летом 1970 г. одного из депутатов парламента от «Геракана» на сторону Альянса правительство получило твердое большинство, необходимое для изменения конституции. Летом 1970 г. в

³⁵ С марта 1979 г. верховным правителем является султан Паханга Ахмат Шах ибни аль-Мархум Султан Абу Бекар.

результате перехода части депутатов от оппозиции в государственных советах (парламентах) Перака и Селангора Альянсу удалось вернуть контроль над этими штатами. В сентябре 1970 г. ушел в отставку Абдул Рахман, премьер-министром стал Абдул Разак, его соратник и правая рука, считавшийся в правительственных кругах человеком, настроенным более «промалайски», чем старый лидер ОМНО. В такой обстановке в феврале 1971 г. прекратил свое существование Национальный оперативный совет, превращенный в Национальный совет безопасности, а парламент и правительство возобновили свою деятельность.

В феврале парламент принял Закон 1971 г. о поправках к конституции, согласно которому изменилась ст. 10, гарантирующая свободу слова, собраний и объединений: запрещалось всем (включая членов парламента и законодательных советов штатов) обсуждать вопросы, относящиеся к гражданству и особым правам малайцев и аборигенов Восточной Малайзии, которые получали те же права и привилегии, что и малайцы. Другие положения закона также были направлены на недопущение изменения политического баланса в пользу экономически более сильной немалайской буржуазии.

Стремясь ослабить межнациональную и внутривнутриполитическую напряженность, смягчить социальные противоречия и успокоить оппозиционные настроения, правительство Абдул Разака (а после его смерти в январе 1976 г. — Датук Хуссейн Онна) предприняло ряд мероприятий во внутривнутриполитической, экономической и внешнеполитической областях.

Вскоре после прихода к власти Абдул Разак выдвинул идею сотрудничества всех легальных политических партий страны в рамках Национального фронта. Прообразом такого сотрудничества была коалиция Союзной партии Саравака с Объединенной народной партией Саравака, осуществленная летом 1970 г. Большинство лидеров оппозиционных партий, как вследствие личных интересов, так и понимая бесперспективность борьбы с Альянсом без обострения межнациональных противоречий, одобрительно отнеслось к этой идее. В 1972 г. были созданы коалиции Союзной партии с «Геракан Рахкят» в законодательном собрании Пинанга и с Народной прогрессивной партией в штате Перак. В декабре 1972 г. Исламская партия (бывшая Панмалайская исламская партия) высказалась в пользу коалиции. Лидер Исламской партии и премьер-министр Келантана Дато Мохаммед Асри бин Муда, сменивший умершего в 1969 г. Бурхануддина ал-Хелми, стал министром сельского хозяйства в правительстве А. Разака. В июне 1974 г. было объявлено об официальном создании Национального фронта, куда вошли в качестве самостоятельных членов Объединенная малайская национальная организация, Китайская ассоциация Малайзии, Индийский конгресс Малайзии, Исламская партия, Союзная партия Саравака, Союзная партия Сабаха, Движение народа Малайзии, Народная прогрессивная партия, Объединенная народная партия Саравака. Был создан Высший совет — исполнительный орган Национального фронта, куда были включены по три представителя от каждой партии. 2 августа 1974 г. состоялись парламентские выборы, на которых Национальный фронт получил 136 мест из 154, в том числе все 16 мест от Сабаха и 15 из 24 от Саравака. В Западной (Полуостровной) Малайзии Национальный фронт получил 61,7% голосов избирателей и 104 места в парламенте. Между его участниками места распределялись следующим образом: Союзная партия — 89, Исламская партия—13, «Геракан» — 5, НПП—1. Оппозиция не смогла добиться успеха на выборах. Партия демократического действия, получив 21,7% голосов в Западной Малайе, провела 9 депутатов в парламент; столько же мест завоевала Национальная партия Саравака. Одно место получила Партия социальной справедливости (Пекемас), отколовшаяся от «Геракана»³⁶.

³⁶ Раскол в «Геракане» был вызван главным образом личным соперничеством между Лим Чонью, влияние которого в партии после «событий 13 мая» возросло, и деятелями, пришедшими в «Геракан» из Рабочей партии (Тан Чикун, Вираппен, Тан Поккин).

Было сформировано правительство, куда вошли не только члены Союзной партии, но и лидеры бывших оппозиционных партий. Но создание Национального фронта не могло устранить внутривластных противоречий, и последующие события подтвердили это. Объединенная национальная организация Сабаха, возглавляемая главным министром штата Тун Мустафой, требуя большей автономии для Сабаха в финансовых и внешнеэкономических вопросах, вступила в конфликт с центральным правительством. В 1976 г. на местных выборах в Сабахе победила новая партия — «Берджайя», которая, сформировав правительство штата, также вступила в правящую коалицию. В декабре 1977 г. Исламская партия была исключена из Национального фронта в результате конфликта, возникшего в Келантане в связи с противоречием между ее фракциями. В марте 1978 г. на местных выборах в Келантане Исламская партия потерпела поражение от Национального фронта. В этих условиях правительство решило провести досрочные выборы в парламент и законодательные советы десяти (из 13) штатов. Национальный фронт получил 131 место в парламенте (из 154), причем ОМНО увеличила свое представительство с 62 депутатов (в 1976 г.) до 70. Но его соперники сохранили свои позиции. Значительный успех выпал на долю ПДД, которая получила 20% голосов избирателей и провела в парламент 16 депутатов (больше, чем какая-либо оппозиционная партия в истории Малайзии). Исламская партия, перешедшая теперь в оппозицию, потеряла восемь мест, проведя в парламент лишь пять депутатов. Национальный фронт победил и на местных выборах. Вместе с тем следует отметить, что на выборах в парламент за Национальный фронт голосовало немногим более 55% избирателей, а 38% голосов собрала оппозиция.

Правящие круги Малайзии понимали, что политические мероприятия необходимо дополнить социально-экономическими. В основу этих мероприятий была положена провозглашенная в июле 1969 г. Новая экономическая политика, долженствующая, по мысли ее авторов, достичь двух главных целей: ликвидации бедности в стране и устранения неравенства между национальными общинами. Эта программа была конкретизирована во втором (1971—1975) и третьем (1976—1980) планах развития Малайзии. Если во втором плане ставилась задача увеличения в первую очередь доходов населения сельских районов и усиления доли малайцев в городском секторе (ставилась задача достичь за 20 лет 30-процентного уровня участия малайцев и других коренных народностей в управлении и владении национальными торговыми и промышленными предприятиями), то третий план развития делает упор на борьбе с бедностью вообще без специального упора на «малайзацию» экономики. Вместе с тем и в третьем плане речь идет о поощрении участия малайцев и других коренных жителей в современном секторе экономики, об увеличении их занятости и развитии среди них духа предпринимательства.

Итоги второго плана свидетельствуют, что задача «малайзации» экономики оказалась невыполненной. Также очевидно, что все отчетливее стала проявляться тенденция образования бюрократического капитала на базе государственных корпораций. Что касается планов «ликвидации бедности», то их осуществление наталкивается на препятствия, органически проистекающие от развития Малайзии по капиталистическому пути.

Претерпела определенные изменения и внешняя политика Малайзии. Хотя страна сохраняла тесные связи с Западом, в ее внешней политике усилились тенденции развития дружественных отношений со всеми странами, включая социалистические, и поддержки процесса международной разрядки. Это было связано как с общим изменением международной обстановки, так и с необходимостью для правящих кругов считаться с мнением прогрессивных сил внутри страны после кризиса 1969 г. После прихода к власти новый премьер, Абдул Разак, Заявил, что Малайзия будет проводить политику неприсоединения и стремиться к созданию нейтральной зоны в Юго-Восточной Азии.

Хотя в апреле 1971 г. Малайзия и Сингапур заключили соглашение об обороне с АНЗЮК (объединенное командование Австралии, Новой Зеландии и Великобритании),

которое должно было заменить англо-малайзийский договор об обороне (его срок истек в 1971 г.), уже в марте 1973 г. Малайзия вышла из этого блока. Активно действует Малайзия в региональной организации АСЕАН, чему способствовало прекращение малайзийско-индонезийского, а затем и малайзийско-филиппинского конфликтов. В апреле 1967 г. Малайзия установила дипломатические отношения с СССР, затем, в конце 60-х и в 70-х годах они были установлены с европейскими социалистическими странами и Вьетнамом. В 1975 г. Малайзия обменялась посольствами с КНР.

Большое значение для страны имело установление дипломатических, торговых и культурных отношений с СССР. В 1970 г. было подписано соглашение о воздушном сообщении Москва — Куала-Лумпур. В сентябре — октябре 1972 г. премьер-министр А. Разак посетил СССР и были подписаны соглашения об экономическом, техническом, культурном и научном сотрудничестве между двумя странами. В марте 1975 г. с визитом в Малайзии была делегация Верховного Совета СССР, а в июле СССР посетил министр иностранных дел Малайзии Тенгу Ахмад Ритхауддин. Советский Союз стал одним из главных покупателей малайзийского каучука. О характере советско-малайзийских отношений, укрепление которых служит делу мира и разрядки международной напряженности, свидетельствует совместное коммюнике, принятое во время визита Абдул Разака в 1972 г. С 18 по 25 сентября 1979 г. Советский Союз посетил премьер-министр Малайзии Датук Хуссейн Онн. В подписанном в Москве совместном советско-малайзийском коммюнике стороны «подтвердили намерение и дальше идти по пути укрепления добрых отношений и расширения взаимовыгодного сотрудничества в экономической, научно-технической и других областях на благо народов обеих стран».

За первые пятнадцать лет своего существования Малайзия столкнулась с серьезными экономическими и политическими проблемами. И поныне перед малайзийским государством остаются многие нерешенные вопросы как социально-экономического, так и политического характера. От путей их разрешения будет зависеть и дальнейшее историческое развитие этой молодой страны.

ХРОНОЛОГИЯ

XL — XXXV тысячелетия до н. э. — Появление современного человека на территории Малайзии (пещера Ниах, Саравак).

IX — III тысячелетия до н. э. — Памятники бакшонской и хоабиньской культур в Малайе

III — конец I тысячелетия до н. э. — Переселение аустронезийских и аустроазиатских племен

2-я половина I тысячелетия до н. э. — начало I тысячелетия н. э. — Культура бронзы и железа в Малайе

I в. н. э. — Первое упоминание о Малайе в китайских летописях

Начало II в. — Возникновение Лангкасуки

Середина II в. — Упоминание Малайи в «Географии» Птолемея

II— III вв. — Завоевание Северной Малайи Фунанью

Конец II — начало III в. - Первое упоминание о Кедахе в индийских источниках

414 - Упоминание Калимантана Фа Сянем

ок. 550 — Падение Фунани; независимость малайских государств

80-е годы VII в. — Начало возвышения Шривиджаи

775 — Лигорская стела

ок. 860 — Начало династии Шайлендра в Шривиджае

1006 — Поражение Восточной Явы в борьбе со Шривиджаей

1026 — Поход Чолов на Шривиджаю, захват Кедаха

1068—1069 — Восстание Кедаха против Шривиджаи

1239 — Отделение Тамбралинги от Шривиджаи

- 1299 — Основание Тумасика (Сингапура)
 1362 — Захват Тумасика Маджапахитом
 ок. 1400 — Возникновение Малакки
 ок. 1400 — 1424 — Парамесвара, первый правитель Малакки
 1403 — Первое китайское посольство в Малакке
 1424 — 1444 — Шри Махараджа, правитель Малакки
 1446 — Победа ислама в Малакке
 1446—1459 — Музаффар-шах, султан Малакки
 1446—1498 — Тун Перак, первый министр султаната
 1456 — Поражение сиамцев на Бату-Пахат
 1459—1477 — Завоевание малайских и восточносуматранских княжеств Малаккой при султани Мансур-шахе
 1477—1488 — Алауддин Рияят-шах I, султан Малакки
 1488— 1528 — Махмуд-шах I, султан Малакки и Джохора
 1511 — Захват Малакки португальцами
 1521 — Возникновение султаната Джохор
 1521 — Посещение Брунея экспедицией Магеллана
 1528 — Возникновение султаната Перак
 1528—1564 — Алауддин Рияят-шах II, султан Джохора
 1537 и 1547 — Нападения Аче на Малакку
 1578—1580 — Попытки испанцев подчинить Бруней
 1587 — Поражение Джохора в войне с португальцами
 1606 — Союз Джохора с голландцами и осада Малакки
 1612—1620 — Ачехские завоевания в Малайе
 1623—1677 — Абдул-Джалил-шах III, султан Джохора
 1629 — Ачехская осада Малакки
 1641 (январь) — Захват Малакки голландцами
 1673—1681 — Война между Джохором и Джамби
 1699 — Конец малаккской династии в Джохоре
 1718— 1722 — Феодалные усобицы в Джохоре
 1722 — Установление власти бугов в Джохоре
 1745—1777 — Даинг Кембоджа, ям-туан муда Джохора
 1756—1758 — Первая война Джохора с голландцами
 1773 — Образование Негри-Сембилана
 1777—1784 — Раджа Хаджи, ям-туан муда Джохора
 1783—1784 — Вторая война Джохора с голландцами
 1786 (август) — Основание английской колонии на о-ве Пинанг
 1796 — Захват Малакки Англией
 1796—1854 — Абдуллах бин Абдулкадир Мунши
 1800 — Захват англичанами Провинции Уэлсли
 1819 (январь) — Захват Сингапура Т. С. Раффлзом
 1824 (март 17) — Англо-голландский (Лондонский) договор
 1826 — Образование Стрейтс Сетлментс
 1831—1832 — Нанингская война
 1832 — Сингапур стал центром Стрейтс Сетлментс
 1839—1846 — Захват Саравака Д. Бруком
 1851 — Восстание китайцев в Сараваке
 1857—1862 — Междоусобная война в Паханге
 1867 (апрель 1) — Превращение Стрейтс Сетлментс в колонию короны
 1868—1917 — Раджа Чарлз Джонсон Брук в Сараваке
 1871—1873 — Междоусобная борьба в Пераке

- 1874 (январь 20) — Пангкорский договор и назначение английского резидента в Перак
- 1874 (октябрь 11) — Назначение английского резидента в Селангор
- 1875 (ноябрь) — 1876 (январь) — Антианглийское восстание в Западной Малайе
- 1886—1887 — Захват Негри-Сембилана англичанами
- 1877 — Посадка первого каучукового дерева в Сингапуре
- 1881 (август) — Создание компании Британского Северного Борнео
- 1884 — Освобождение рабов в Пераке. Постройка первой железной дороги
- 1888 — Захват Паханга англичанами
- 1891-1895 — Антианглийское восстание в Паханге
- 1894—1903 — Восстание Мат Саллеха в Сабахе
- 1896 (июль 1) — Создание федерации малайских княжеств
- 1906—1908 — Журнал «Аль-Имам»
- 1909 — Англо-сиамский договор об уступке Англии Северной Малайи
- 1912 — Создание отделений суньятсеновского гоминьдана
- 1915 (февраль) — Восстание индийских частей в Сингапуре
- 1917-1946 — Раджа Чарлз Вайнер Брук в Сараваке
- 1922 — Открытие первого учительского колледжа в Малайе (Перак)
- 1925 — Возникновение Всеобщего рабочего союза в Сингапуре
- 1926 — Создание Сингапурского малайского союза
- 1927 — Возникновение Рабоче-крестьянского движения в Малайе
- 1927 — Реформа федерального совета в Малайе
- 1928 — Первая крупная забастовка в Сингапуре
- 1930 (апрель 30) — Создание Коммунистической партии Малайи (КПМ)
- 1931 (июль) — 1 съезд КПМ
- 1935 — Принятие КПМ программы единого демократического фронта
- 1936 (сентябрь) — 1937 (март) — Подъем забастовочного движения в Малайе
- 1938 (февраль) — Официальное открытие английской военно-морской базы в Сингапуре
- 1938 (май 1) — Первая майская демонстрация в Сингапуре. Образование Союза молодой Малайи
- 1940 (май 1) — Первомайская демонстрация в Сингапуре
- 1940 (май) — Забастовки на каучуковых плантациях в Селангоре
- 1941 (декабрь 8) — Высадка японцев в Малайе
- 1941 (декабрь 10) — Гибель английской эскадры у берегов Малайи
- 1941 (конец декабря) — Захват Японией Саравака
- 1942 (январь) — Захват японцами Малайи и Сабаха
- 1942 (февраль 8) — Высадка японских войск в Сингапуре
- 1942 (февраль 15) — Капитуляция Сингапура
- 1943 — Создание Антияпонской армии народов Малайи
- 1943 (август 20) — Передача Японией Таиланду четырех северомалайских султанатов
- 1943 (октябрь) — Антияпонское восстание в Сабахе
- 1945 (июнь) — Высадка союзных войск на Северном Калимантане
- 1945 (сентябрь) — Высадка английских войск в Малайе
- 1945 (октябрь) — Создание Малайской национальной партии
- 1945 (октябрь—декабрь) — Массовые забастовки в Сингапуре
- 1945 (декабрь) — Создание Малайского демократического союза
- 1946 (январь 29) — Всеобщая забастовка в Малайе
- 1946 (февраль) — Образование Всемалайской федерации профсоюзов
- 1946 (март) — Создание Объединенной малайской национальной организации (ОМНО)

- 1946 (апрель 1) — Образование Малайского Союза. Превращение Сингапура в отдельную колонию короны
- 1946 (декабрь) — Создание Всемалайского совета объединенных действий (ВСОД)
- 1947 (январь) — Создание Центра народных сил в Малайе
- 1947 (июль) — Опубликование проекта конституции Малайской федерации
- 1947 (октябрь 20) — Всеобщая забастовка в Малайе
- 1948 (февраль 1) — Образование колонии Малайская федерация
- 1948 (февраль—май) — Забастовки в Малайе и Сингапуре
- 1948 (июнь 18) — Введение чрезвычайных законов
- 1948 (июль 23) — Запрещение КПП; начало вооруженной борьбы с колонизаторами
- 1949 (февраль) — Создание Китайской ассоциации Малайи (КАМ)
— Образование Освободительной армии народов Малайи
- 1950 — Создание Совета профсоюзов Малайи и Конгресса профсоюзов Сингапура
- 1951 (сентябрь) — Создание партии независимости Малайи
- 1951—1953 — Насильственное переселение китайских скваттеров в «новые деревни»
- 1952 (январь) — Муниципальные выборы в Куала-Лумпуре, начало коалиции ОМНО и КАМ
- 1954 (июнь) - Создание Рабочей партии Малайи
- 1954 (октябрь) — Присоединение Индийского конгресса Малайи к коалиции ОМНО—КАМ. Создание Альянса (Союзной партии)
- 1954 (ноябрь) — Создание Партии народного действия (ПНД) в Сингапуре
- 1956 (февраль 5) — Введение новой конституции Сингапура
- 1966 (апрель) — Победа Трудового фронта на выборах в Законодательное собрание Сингапура
- 1955 (июнь) — Победа Союзной партии на выборах в Законодательный совет Малайи
- 1955 (ноябрь) — Создание Народной партии Малайи
- 1955 (декабрь) — Переговоры в Балинге между КПП и руководителями Альянса и Трудовой партии
- 1957 (август 31) — Провозглашение независимости Малайской федерации. Создание Народного социалистического фронта
- 1957 (сентябрь) — Заключение англо-малайского договора «об обороне и взаимной помощи»
- 1958 (август) — Принятие закона о статусе первооснователя местными предприятиями
- 1959 (июнь) — Провозглашение «самоуправления» Сингапура; приход к власти правительства ПНД в Сингапуре
- 1959 — Создание первой политической партии в Сараваке
- 1959 (август) — Парламентские выборы в Малайе
- 1960 (июль 31) — Отмена Закона о чрезвычайном положении в Малайе и Сингапуре; введение Закона о внутренней безопасности
- 1961 (май 27) — Предложение Абдул Рахмана о создании Малайзии
- 1961 (август 13) — Создание партии Социалистический фронт в Сингапуре
- 1962 (сентябрь 1) — Проведение референдума в Сингапуре по вопросу вхождения в Малайзию
- 1962 (декабрь) — Восстание в Брунее
- 1963 (сентябрь 16) — Создание Федерации Малайзии
- 1964 (апрель) — Парламентские выборы в Западной Малайзии
- 1965 (август 9) — Выход Сингапура из Малайзии, провозглашение Республики Сингапур

- 1966—1970 — Первый план развития Малайзии
 1967 (апрель 3) — Установление дипломатических отношений в СССР
 1968 (март) — Создание партии «Геракан Ракъят»
 1969 — Провозглашение «новой экономической политики»
 1969 (май) — Межнациональные столкновения в Малайзии после парламентских выборов; введение чрезвычайного положения
 1970 (август 31) — Провозглашение доктрины «Рукунегара»
 1970 (сентябрь 21) — Отставка Абдул Рахмана. Абдул Разак — премьер-министр Малайзии
 1971 (февраль) — Отмена чрезвычайного положения в Малайзии; принятие закона о поправках к конституции
 1971—1975 — Второй план развития Малайзии
 1972 (сентябрь) — Посещение СССР премьер-министром Малайзии Абдул Разаком
 1974 (июнь) — Создание Национального фронта в Малайзии
 1974 (август) — Победа Национального фронта на парламентских выборах в Малайзии
 1976 (январь) — Смерть Абдул Разака; назначение премьер-министром Малайзии Датук Хусейна бин Онна
 1976 – 1980 — Третий план развития Малайзии
 1978 — Парламентские выборы: победа Национального фронта
 1979 (сентябрь 18—25) — Посещение СССР премьер-министром Малайзии Датук Хуссейн Онном

ЛИТЕРАТУРА

- Маркс К. Война в Бирме.— Русский вопрос. — Любопытная дипломатическая переписка.— К. Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 9.
 Маркс К. Предстоящие выборы в Англии.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 12.
 Маркс К. Состояние британской торговли.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 13.
 Маркс К. Хронологические выписки по истории Индии (664—1858 гг.). [М.], -1947.
 Энгельс Ф. Персия и Китай, — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 12.
 Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма.— Полное собрание сочинений. Т. 27.
 Ленин В. И. Итоги дискуссии о самоопределении.— Полное собрание сочинений. Т. 30.
 Берзин Э. О., Искольдский В. И. Северное Борнео. М., 1959.
 Бокщанин А. А. Китай и страны Южных морей в XIV—XVI вв. М., 1968.
 Бондаревский Г. Л. Национально-освободительная борьба народов Малайи после II мировой войны.— «Вопросы истории». 1950, № 4.
 Бычков С. В. По зеленым холмам Малайзии. Путевые заметки. М., 1979.
 Вербицкий С., Севортян Р. Азия в миниатюре (Путешествие в Сингапур и Малайзию). М., 1971.
 Винстедт Р. Путешествие через полмиллиона страниц. История малайской классической литературы. М., 1966.
 Герасимов А. С. Федерация Малайзии (государственный строй). Киев. 1969.
 Гордеев В. В. О некоторых особенностях национально-освободительного движения в Малайе (1900—1967).— Колониализм и национально-освободительное движение в странах Юго-Восточной Азии. М., 1972.
 Гордеев В. В. Национальный вопрос в Малайзии. М., 1977.
 Губер А. А. Избранные труды. М., 1976.

- Дальнев М. И. Некоторые проблемы Малайзии.— «Проблемы Дальнего Востока». 1873, № 2.
- Демин Л. М. Малайзия экзотическая и будничная. М., 1971.
- Демин Л. М. Национальный вопрос в современной Малайзии.— «Расы и народы», т. 1. М., 1971.
- Демин Л. М. Бруней. М., 1973.
- Демьянова И. И. Малайя (Малайзия).— Зарождение идеологии национально-освободительного движения (XIX — начало XX в.). М., 1973.
- Дмитриев П. В. и Руднев В. С. Материалы об аграрных отношениях в Малайе.— «Советское востоковедение». 1958, № 3.
- Добби Э. Юго-Восточная Азия. М., 1952.
- Дридзо А. Д., Кочнев В. И., Семашко И. М. Индийцы и пакистанцы за рубежом. М., 1978.
- Еловацкий И. П. Малайя. М., 1951.
- Ефанов И., Стах Г. Национально-освободительное движение народов Малайи. М., 1956.
- Ефанова Л. В. Бруней: история, экономика, современность. М., 1975.
- Жеребилов В. А. Иммиграция как средство формирования рабочей силы в Малайе до второй мировой войны. — Проблемы экономики стран Юго-Восточной Азии. М., 1969.
- Жеребилов В. А. Рабочий класс Малайи. М., 1982.
- Жеребилов В. А. Экономика колониальной Малайи.— «Народы Азии и Африки». 1964, № 4.
- Жеребилов В. А. Внешнеэкономические связи Малайзии. М., 1974.
- Журавлева М. Г. Народы Малайской Федерации (Этнографический очерк).— «Советская этнография». М., 1961.
- Кессельбреннер Г. Л. Антиколониальное восстание на Северном Калимантане.— «Народы Азии и Африки». 1963, № 6.
- Козлова М. Г., Седов Л. А., Тюрин В. А. Типы раннеклассовых государств в Юго-Восточной Азии.— Проблемы истории докапиталистических обществ. Кн. 1. М., 1938.
- Конституция Малайской Федерации. — Конституции стран Юго-Восточной Азии и Тихого океана. М., 1960.
- Косураев А. А. Малайзия. М., 1966.
- Кямилев Э. Малайзия: новые тенденции развития.— «Азия и Африка сегодня». 19718, № 4.
- Латышева И. С. Кооперативное движение и изменение социальной структуры деревни Малайи.— Социально-экономические последствия аграрных реформ и социальная структура деревни в развивающихся странах Азии и Африки. М., 1960.
- Латышева И. С. Малайзия и Сингапур.— Просвещение и подготовка национальных кадров в странах Востока. М., 1971.
- Латышева И. С. Малайзия. М., 1970.
- Лебедев И. Сингапур. 1959. М., 1960.
- Левковский А. И. Национально-освободительная борьба народов Малайи за свою свободу и независимость. М., 1952.
- Линь Фан-шэн. Малайя. М., 1966.
- Маретин Ю. В. Малайя с начала нашей эры до конца XI в.— История стран зарубежной Азии в средние века. М., 1970.
- Маретин Ю. В. Малайя в XII—XV вв.— История стран зарубежной Азии в средние века. М., 1970.
- Маретин Ю. В. Малайя в XVI—XVIII вв. — История стран зарубежной Азии в средние века. М., 1970.
- Международные отношения в Южной, Юго-Восточной Азии и на Дальнем Востоке. М., 1978.

- Можейко И. В., Седов Л. А., Тюрин В. А. С крестом и мушкетом М., 1966.
- Муранова А. П. Британское Борнео.— Последние колонии в Азии М., 1968.
- Народы Юго-Восточной Азии. М., 1906.
- Парникель Б. Б. Малоисследованный памятник малайской литературы («Повесть о ханг Туахе»).— «Вестник истории мировой культуры». 1999,
- Парникель Б. Б. Введение в литературную историю Нусантары IX— XIX вв. М., 1980.
- Политика европейских держав в Юго-Восточной Азии (60-е годы XVIII — 60-е годы XIX в.). Документы и материалы. М., 1962.
- Политика капиталистических держав и национально-освободительное движение в Юго-Восточной Азии (1871—1917). Документы и материалы. Ч.1. М., 1967.
- [Поло Марко]. Книга Марко Поло. М., 1955.
- После Марко Поло. Путешествия западных чужеземцев в страны трех Индий М., 1968.
- Ревуненкова Е. В. Мифологические источники средневекового малайского памятника «Седжарах Мелаю».— Религия и мифология народов Восточной и Южной Азии. М., 1970.
- Ревуненкова Е. В. Малайзия.— Этнические процессы в странах Юго-Восточной Азии. М., 1974.
- Решетов А. М. Основные вопросы древнейшей истории Юго-Восточной Азии.— Проблемы этнографии и этнической истории народов Юго-Восточной Азии. М., 1968.
- Руднев В. С. Очерки новейшей истории Малайи. М., 1809.
- Руднев В. С. Малайя (1945-1963). М., 1963.
- Руднев В. С. Малайзия. Политическое развитие (1968—1968). М., 1069.
- Рябова И. А. Рабочий класс и профсоюзы Малайзии. М., 1972.
- Свет Я. М. За кормой сто тысяч ли. М., 1960.
- Сикорский В. Индонезийская литература. Краткий очерк. М., 1965.
- Симония Н. А. Население китайской национальности в странах Юго-Восточной Азии. М., 1959.
- Сотников Ю. А. Земельные отношения в Малайе.— Аграрные отношения в странах Юго-Восточной Азии. М., 1968.
- Сулицкая Т. И. Англия и Малайзия (1961-1971). М., 1973.
- Тринич Ф. А. Малайская федерация. Экономика и внешняя торговля, М., 1963.
- Труфанов И. П. Сингапур. М., 1967.
- Тюрин В. А. К вопросу об истоках малайской культуры.— «Вестник истории мировой культуры», 1959, № 3.
- Тюрин В. А. Социально-экономический строй малайских государств накануне английского завоевания.— Проблемы экономики стран Юго-Восточной Азии. М., 11959.
- Тюрин В. А. Народные восстания в Малайе против английских колонизаторов в последней четверти XIX в.— «Проблемы востоковедения». 1960, № 5.
- Тюрин В. А. Завоевание Малайи Англией. М., 1962.
- Холл Д. Дж. Е. История Юго-Восточной Азии. М., 1958.
- Хренов Ю. Ф. Колонизация Англией Северного Калимантана.— Очерки из истории Юго-восточной Азии. М., 1965.
- Хренов Ю. Ф. Северный Калимантан (1839—1963). М., 1966.
- Хренов Ю. Ф. Борьба Малайзии за экономическую самостоятельность. — Проблемы экономической самостоятельности стран Восточной Азии. М., 1970.
- Хренов Ю. Ф. Экономическое развитие Малайзии. М., 1975.
- Чеснов Я. В. Историческая этнография стран Индокитая. М., 1976.
- Чуфрин Г. И. Сингапур. М., 1970.
- Юго-Восточная Азия: проблемы региональной общности. М., 1977.
- Юго-Восточная Азия в мировой истории. М., 1977.

- Яшин А. Я. Формирование союза общинных партий Малайзии.— «Вестник Московского университета». Сер. 118. Востокведение. 1972, № 2.
- Abdullah bin Abdul Kadir Munshi. *Kesah pelayaran Abdullah*. Singapore, 1949.
- Alien G. C. and Donnithorne A. G. *Western Enterprise in Indonesia and Malaya. A Study of Economic Development*. L., 1957.
- Anderson J. *Political and Commercial Considerations Relative to the Malay Peninsula and British Settlements*. Prince of Wales Island, 1824.
- Arasaratnam S. *Indians in Malaysia and Singapore*. London — Bombay, 1970.
- Baring-Gould S., Bampfylde C. A. *A History of Sarawak Under its Two White Rajahs*. 1839—1908. L., 1909.
- Begbie P. F. *The Malayan Peninsula, Embracing its History. Manners and Customs of the Inhabitants, Politics, Natural History etc. from Earliest Times*. Madras, 1934.
- Braddel R. *An Introduction to the Study of Ancient Times in the Malay Peninsula and the Straits of Malacca*. — JRASMB, 1935, vol. 18, p. 2; 1936, vol. 14, p. 3; 1937, vol. 15, p. 3; 1989, vol. 17, p. 1; 1941, vol. 19, p. 1; 1947, vol. 20, p. 1, 2; 1949, vol. 22, p. 1; 1950, vol. 23, p. 1, 3; 1951, vol. 24, p. 1.
- Cameron J. *Our Tropical Possesions in Malayan India, Being a Descriptive Account of Singapore, Penang, Province Wellesley and Malacca; their People, Products and Government*. L., 1864.
- Clifford H. *In Court and Kampong: Being Tales and Sketches of Native Life on the Malaya Peninsula*. L., 1807.
- Clodd H. P. *Malaya's First British Pionier. The Life of Francis Light*. L., 1948.
- Coedes G. *Le royaume de Crivijaya*.—BEFEO. 191'8, t. XVIII.
- Coedes G. *Les etats hindouises d'Indochine et d'Indonesie*. P., 1948.
- Comber L. *Chinese Secret Societies in Malaya*. N. Y., 1959.
- Coupland R. *Raffles of Singapore*. L., 1946.
- Cowan C. D. *Nineteenth-Century Malaya*. L., 1861.
- Crawford J. *History of the Indian Archipelago. Containing an Account of the Manners, Arts, Languages, Religions, Institutions and Commerce of its Inhabitants*. 3 vols. Edinburgh, 1820.
- Devakuti D. *India and Ancient Malaya*. Singapore, 1065.
- Dun Jen Li. *British Malaya*. N. Y., 1956.
- Early Penang and the Rise of Singapore, 1805—1882. *A Series of Documents from the Manuscript Records of the East India Company Selected and Edited with an Introduction by C. D. Cowan*.—JRASMB. 1960, vol. 23, p. 2.
- Emerson R. *Malaysia, a Study in Direct and Indirect Rule*. N. Y., 1887.
- Evans J. H. N. *Papers on the Ethnology and Archaeology of the Malay Peninsula*. Cambridge, 1927.
- Ginsburg N. and Roberts C. F. *Malaya*. Seattle, 1838.
- Goh Cheng Teik. *The May Thirteenth Incident and Democracy in Malaysia*. Kuala Lumpur — Singapore, 1971.
- Governments and Politics of Southeast Asia*. Ithaca, 1964.
- Governor Couperis and the Surrender of Malacca, 1795*. — JRASMB. 1956, vol. 29, p. 3.
- Groeneveldt W. P. *Historical Notes on Indonesia and Malaya Compiled from Chinese Sources*. Djakarta, 1960.
- Gullick J. M. *Indigenous Political Systems of Western Malaya*. L., 1958.
- Gullick G. M. *Malaysia*. L., 196ft
- Hahn E. *James Brooke of Sarawak*. L., 1963.
- Hikayat Abdullah*. Djakarta dan Amsterdam, 11953.
- Hamilton A. *A New Account of the East Indies*. 2 vols. Edinburgh, 1727.
- Historians of South-East Asia*. L., 1961.

- A History of Johore (1673 — ca 1800) or Hikayat Negeri Johor.— JRSMB. 1932, vol. 10, p. 1.
- Hirth F., Rockhill W. W. (ed.). *Chau Ju-Kua. His Work on the Chinese and Arab Trade on the Twelfth and Thirteenth Centuries.* St. Petersburg, 1911.
- Irwin G. *Nineteenth-Century Borneo,* The Hague, 1965.
- Jones S. W. *Public Administration in Malaya.* L.—N. Y., 1953.
- Kennedy J. *A History of Malaya, 1400—1957.* L., 1962.
- Keppel H. R. N. *The Expedition of H. M. S. «Dido», for the Suppression of Piracy, with Extracts from the Journal of James Brooke. Esq. of Sarawak.* N. Y., 1846.
- Khoo Kay Kim. *The Western Malay States. 1850—1873.* Kuala Lumpur, 1972.
- Lee Kuan Yew. *The Battle for Merger.* Singapore, 1961.
- Lee Kuan Yew. *The Battle for a Malaysian Malaya.* Singapore, 1964.
- Lim Chong-Yah. *Economic Development of Modern Malaya.* L., 1967. Linehan W.
- A History of Pahang.—JRSMB. 4936, vol. 14, p. 2.
- Lofti Ismail. *Sejarah Malaysia 1400—1963.* Kuala Lumpur, 1976.
- Longhurst H. *The Borneo Story. The History of the First 100 Years of Trading in the Far by the Borneo Company Ltd.* L., 1956.
- Mackic J. A. C. *Konfrontasi. The Indonesia— Malaysia dispute, 1963—1966.* Kuala Lumpur, 1974.
- Mc Nair K. *Perak and the Malays.* L., 1878.
- Mahathir bin Mohamad. *The Malay Dilemma.* Singapore, 1970.
- Malacca in the Eighteenth Century; two Dutch Governor's Reports. — JRSMB. 1954, vol. 27, p. 1.
- A Malay Legal Digest Compiled by Abd al-Ghafur Mahaiyu'ddin Shah Sultan of Pahang, 1592— 1614 A. D. with Undated Additions.—JRSMB. 1948, vol. 21, p. 1.
- Malaysia. *Selected historical readings.* Kuala Lumpur — London, 1966.
- The May 13 Tragedy (a Report of the National Operations Council).* Kuala Lumpur, 1969.
- Maxwell W. E. *The Law and Customs of the Malays with Reference to the Tenure of Land.*— JRASSB. 1884, vol. 13.
- Maxwell W. E. *The Law Relating to Slavery Among the Malays.*—JRASSB. 1890, vol. 212.
- Means G. *Malaysian Politics.* L., 1970.
- Miller H. *A Short History of Malaysia.* N. Y., 1965.
- Mills L. A. *British Malaya, 1884—1867.*—JRSMB. 1926, vol. 3, p. 2.
- Mills L. A. *Malaya: A Political and Economic Appraisal.* L., 1958.
- Miller H. *Prince and Premier.* London — Singapore, 1950.
- Milne R. S. *Government and Politics in Malaysia.* Boston, 1867.
- Milne R. S. and Ratnam K. J. *Malaysia — New States in a New Nation. Political Development of Sarawak and Sabah in Malaysia.* L., 1974.
- Mullen V. *The Story of Sarawak.* L., 1961.
- Newbold T. J. *Political and Statistical Account on the British Settlements in the Straits of Malacca.* 21 vols. L., 1889.
- Nilakanta Sastri K. A. *History of Sri Vijaya.* Madras, 1949.
- Ongkili J. P. *Modernisation in East Malaysia. 1860—1970.* Kuala Lumpur-Singapore, 1972.
- Parkinson C. N. *British Intervention in Malaya, 1867—1877.* L., 1960.
- Pires Tome, *Suma Oriental. Vol. II.* L., 1944.
- Purcell V. *The Chinese in Malaya.* New York — Toronto, 1949.
- Purcell V. *Malaysia.* L.—N. Y., 1965.
- Ratnam K. J. *Communalism and the Political Process in Malaya.* Kuala Lumpur, 1985.

- Roff W. R. *The Origins of Malay Nationalism*. New Haven, 1967.
 Rukunegara. Kuala Lumpur, 1972.
 Runciman S. *The White Rajahs. A History of Sarawak from 1841 to 1946*. Cambridge, 1960.
- Ruller O. *British North Borneo*. L., 1912.
- Sadka E. *The Protected Malay States, 1874-1895*. Kuala Lumpur — Singapore, 1988.
 Samad Idris Abdul. *Negeri Sembilan dan sejarahnya*. Kuala Lumpur, 1964.
 Second Malaysia Plan 1971-1975. Kuala Lumpur, 1971.
 Sejarah Melayu. Djakarta dan Amsterdam, 1956.
 Sheridan L. A. *Malaya and Singapore. The Borneo Territories*. L., 1961.
 Silcock T. H. and Fisk E. K. *The Political Economy of Independent Malaya*. Canberra, 1963.
- Sir Frank Swettenham's Perak Journals 1874—76.— JRSMB. 1951, vol. 24, P- 4.
 Smith T. E. *Background to Malaysia*. Ox., 1963.
 Swettenham F. A. *British Malaya*. L., 1948.
 The Third Malaysia Plan 1976—80. A Plan for National Unity. Speech by Prime Minister on 19-th July 1976 at Dewan Rakyat. Kuala Lumpur, s. 1.
 Thompson V. *Postmortem on Malaya*. N. Y., 1843.
 Thomson V. and Adloff R. *The Left Wing in Southeast Asia*. Philadelphia — N. Y., 1960.
- Treaties and Engagements Affecting the Malay States and Borneo. L., 1924.
 Tregonning K. C. *The British in Malaya. The First Forty Years, 1786 — 1826*. Tucson, 1965.
- Tregonning K. G. *A History of Modern Sabah*. Singapore, 1965.
 Tuhfat al-Nafis. *Nikayat Melayu dan Bugis*. — JRSMB. 1932, vol. 10, p. 2
 Tweedie M. W. *The Stone Age in Malaya*. — JRSMB. 1953, vol. 26, p. 2.
 Vasil R. K. *The Malaysia General Election of 1969*. Singapore — Kuala Lumpur, 1972.
 Wales H. G. Q. *Archaeological Researches on Ancient Indian Colonisation: in Malaya*.— JRSMB. 1940, vol. 18, p. 1; 1947, vol. 20, p. 1.
 Wheatley P. *Desultory Remarks on the Ancient History of the Malay Peninsula*.— *Malayan and Indonesian Studies*. L., 1961.
 Wheatley P. *The Golden Khersonese*. Kuala Lumpur, 1966.
 Wheelwright E. L. *Industrialization in Malaysia*. Melbourne, 1866.
 Wilkinson R. J. *A History of the Peninsular Malays, with Chapters on Perak and Selangor*. Singapore, 1923.
 Wilkinson R. J. *The Malacca Sultanate*. — JRSMB. 1935; vol. 13, p. 2.
 Winstedt R. O. *A History of Johore*. — JRSMB. 1932, vol. 10, p. 3.
 Winstedt R. O. *A History of Malaya*. L., 1935.
 Winstedt R. *Britain and Malaya: 1786—1941*. L., 1944.
 Winstedt R. O. *Malaya and its History*. L., 1948.
 Winstedt R. O. *The Malays. A Cultural History*. L., 1950.
 Wollers O. W. *The Fall of Srivijaya in Malay History*. L., 1970.

СОКРАЩЕНИЯ

- BEFEO — «Bulletin de l'Ecole Française d'Extreme Orient» (Hanoi)
 JRSMB — «Journal of the Royal Asiatic Society, Malayan Branch» (Singapore)
 JRASSB — «Journal of the Royal Asiatic Society, Straits Branch» (Singapore)

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абдо Мохаммед 122
 Абдул Азиз бин Исхак, Инче 200, 224, 226
 Абдул-Гафар-шах, султан Паханга 81
 Абдул-Джалил-шах, султан Паханга 51
 Абдул-Джалил-шах III, султан Джохора 64, 2471
 Абдул-Джалил-шах IV (Тун Хабиб Абдул Маджид), султан Джохора 64, 65, 66
 Абдуллах-шах, султан Джохора 62
 Абдуллах-шах, султан Кампара 57
 Абдуллах-шах, султан Перака 99, 101, 103, 104
 Абдуллах, раджа Селангора 100
 Абдул Разак, Тунку 191, 220, 239, 241, 242, 244, 249
 Абдул Рахман (Бахман), феодал Паханга 109
 Абдул Рахман, теменгунг Джохора 68, 89
 Абдул Рахман, Тунку 179, 185—197, 189—193, 196—198, 210, 211, 213, 214, 222, 225, 228, 230, 231, 237, 239, 241, 249
 Абдул Самад 150
 Абдул Самад-шах, султан Селангора 100
 Абдул Сайд, пенгулу Нанинга 88
 Абдул Халим Муазам-шах, султан Кедаха 239
 Абдуррауф Сингкельский 80
 Абу Бакар, султан Джохора 90, 114
 Абу Дулаф 30, 31
 Абу Зайд 28, 30
 Аванг Алак Бертабар (Мохаммад), раджа Брунея 126
 Азахари, шейх 211, 213
 аль-Азахари, Мохаммад Тахир бин Джалалуддин 122
 Алатас, Сайд Хуссейн 237
 Алауддин Рияят-шах I, султан Малакки 46, 51, 246
 Алауддин Рияят-шах II, султан Джохора 55, 59, 60, 246
 Алауддин Рияят-шах III, султан Джохора 61, 246
 Албар, Сайд Джафар 230
 Али, раджа, ям-туан Негри-Сембилана 88, 89
 Али, Ян-туан муда Джохора 68
 Али, султан Джохора 89, 90
 Али, бендахара Паханга 90
 Али бин Ахмад 230
 Али Хаджи бин Ахмад 121
 д'Албукерки А. 55, 57—59
 Алкок Р. 130
 Андерсон Д. 111
 Анрку Бусу 80
 Антах, Тенку ям-туан Негри-Сембилана 105-107
 Асил, раджа 88
 Асун 166
 Атиша 32
 Ахмад, раджа Брунея 126
 Ахмад-шах, бендахара и султан Паханга 90, 91, 108
 Ахмад-шах, султан Паханга 61
 Ахмад Азам 199
 Ахмат Шах ибни аль-Мархум Султан Абу Бакар, султан Паханга 239
 Балапутра 27, 29
 Бани С. Т. 222

Бантинг 138
Барбоша Д. 47
Барни Г. 87
Бедруддин, пангеран Брунея 131
Беркат 126
Берч Д. 102—104
Бос С. Ч. 162
Боустэд 93
Браам Я. ван 67, 68:
Брук Б. 206
Брук Д. 130—134, 138, 247
Брук Ч. В. 156, 159, 206, 247
Брук Ч. Д. 133, 134, 138, 156, 247
Брук Э. 206
Бриггс Г. 177
Буддагупта 17
Булких, султан Брунея 127
Бурхануддин ал-Хелми 164, 172, 184, 193, 210, 226, 242
Бустаман, Ахмад 163, 184, 194, 210, 227
Бхававарман I 18
Бхагадатта 19
Бюйзен Я. 61
Ван Гунву 237
Ван Даюань
Великие Моголы, династия 81
Виджая 37
Вибабаху 36
Вираппен В. 183, 237, 242
Вирасами С. Н. 163
Вирасенан 178
Вишну, Махараджа Матарам 27
Вуд Д. 61
да Гама В. 58
Ганапати 178
Гамильтон А. 65
Гент Э. 173, 174
Герберт Д. 129
Герни Г. 177
Гертер К. 196
Гиллемард Л. 147
Гопалан А. К. 153Э
Гордеев В. В. 5
Губер А. А. 5
Гуд У. 204, 205
Гутри А. 93
Даинг Камбоджа 66, 67, 247
Даинг Мангика 65
Даинг Меревах 66
Даинг Парани 66
Далримпл А. 129
Дандельс Х. В. 129
Дафф Р. У. 113

- Деван Наир 237
 Дент А. 135, 136
 Джафар-шах, султан Перака 99
 Джаяварман, правитель Фунани 17
 Джаяварман II, правитель Камбуджадеша 27
 Джаянаса 26
 Джервуа У. 103
 Джуга, Теменгунг 223
 Дхармавамша 31, 32
 Дхармакирти 32
 Дхармасету 28
 Еон Стефен К. Т. 210
 Ефанова Л. В. 5
 Жеребилов В. А. 5
 Журавлева М. Г. 5
 И Цзин 19, 24, 26
 Иббетсон Р. 88
 Ибн Хордадбех 28
 Ибрахим, раджа Минангкабау 65
 Ибрахим-шах, султан Селангора 67—69
 Ибрахим, теменгунг Джохора 89, 90, 97
 Ибрахим, мантри Перака 99, 101
 Ибрахим-шах см. Шри Парамесвара Дева Шах Ибрахим бин Хаджи Якоб 152,
 163, 164
 Индра, Махараджа Матарам 27
 Инь Цин 43
 Искандар Муда, султан Аче 61, 62, 80
 Искандар Тани, султан Аче 64
 Искандер-шах см. Парамесвара
 Искандер-шах, султан Перака 69
 Исмаил-шах, султан Перака 99, 103, 106, 107
 Исмаил, Тумку 151
 Исхак бин Хаджи Мохаммад 162, 163, 226
 Итам, раджа
 Ишанаварман I 18
 Каджай, Абдул Рахим 151
 Кадир, Тенгку 150
 Кампо Роджа 226
 Кан Ювэй 122, 123
 Кан Тай 15
 Касим см. Музаффар-шах
 Касим Ахмад 227
 Каундинья I 15
 Каундинья II 16, 17
 Кемас, Мухаммад ибн Ахмад 80
 Кеппел Г. 131
 Керр У. 89
 Кертанагара 36
 Кечиль, раджа 65, 66, 69
 Кларк Э. 98, 101, 102,
 Клементи С. 148, 153
 Клиффорд Х. 108, 111

Кобболд 214
 Кови У. 136
 Кокрэн Ш, 1321
 Коллингс Х. Д. 6
 Крофёрд Д. 86
 ас-Кудин, Тенгку Зияутдин 100
 Кулоттунга I 34
 Кумарагхоша 29
 Куок Фэннам А. 167
 Куорич-Уолс Х. 16
 Кямилев Э. Х. 5
 Лайт Ф. 82., 83
 Ланкастер Э. 61
 Латышева И. С. 5
 Ли Г. 1921
 Ли Куанью 204, 205, 211, 212, 222, 224, 227, 208, 230, 231, 237
 Ли Таусан 209
 Лим Чонью 192, 199, 237
 Лим Юхок 203, 204
 Лим Бункен 123
 Лим Нясунь 123
 ди Лима Перейра II 60
 Лин Цисян 204, 205, 212
 Лонг Джафар 99
 Лоу Д. 87
 Лоу Х. 107, 111, 115, 133
 Лэндсдаун 214
 Луму, раджа 66
 Магеллан Ф. 127, 2,46
 Макапагал Д. 216
 Мак-Джилливри Д. 182
 Макдояольд М. 174, 179
 Мак-Майкл Г. 170—172
 Макмиллан Г. 214
 Макота, пангеран Брунея 130, 131
 Максвелл У. 102
 Манди Р. 132
 Мансур-шах, султан Малакки 46, 51, 59
 Мансур-шах, султан Тренгану 66, 67
 Мансур-шах, султан Паханга 51
 Маравиджаятунгаварман 32
 Маретин Ю. В. 5
 Мартин Р. 13,6
 Маршалл Д. 186, 202—204
 Масуди 28
 Мателиф 61
 Мат Саллех 139, 247
 Мат Сатор 139
 Махатхир бин Мохаммед 239
 Махди, раджа 100, 101
 Махмуд-шах I, султан Малакки и Джохора 46, 50, 51, 54, 55
 Махмуд-шах II, султан Джохора 65

Махмуд-шах, султан Джохора и Риау 67, 68
 Махмуд-шах, султан Риау
 Махмуд, раджа 101
 Мелевар, раджа 69
 Менезиш Ж. де 127
 Менон И. 153
 Мозес Ч. Л. 134, 135
 Мохаммад см. Аванг Алек Бертабар
 Мохаммад Юнос бин Абдуллах 150, 151
 Мохаммад-шах, султан Паханга 51
 Мохаммед Асри бин Муда, Дато 242
 Музаффар-шах (Касим), султан Малакки 45, 46, 246
 Музаффар-шах, султан Перака 59
 Мунши, Абдуллах бин Абдулкадир 96—98, 120, 121, 247
 Мустафа бин Дату Харун, Тун 240, 242
 Мутахир, бендахара Паханга 90, 91
 Мухаммад-шах, султан Селангора 100
 Мохаммад Юнос бин Абдуллах 122
 Мухаммед-шах см. Шри Махараджа
 Натан Р. 159
 Нго Динь Зьем 196
 Нгумбанг 138
 Неру Дж. 153
 Нилаканта Шастри К. А. 32
 Ниначату 55, 57
 Нингкан, Стефен Калонг 2'23
 Ньюболд Т. 98,
 Овербек 135, 136
 Омар-шах, султан Тренгану
 Омар Али, султан Брунея 131
 Омар Али Сайфуддин, султан Брунея 213
 Он Йоклин 192
 Он Кеху 227
 Он Энгуань 204
 Онн бин Джафар, Дато 152, 172, 179, 180, 182, 184, 195
 Осман, шерип Брунея 131
 Падука Туан, бендахара Малакки 55
 Падука Туан, лаксамана Джохора 64, 65
 Пандья, династия 36
 Пань Пань 15
 Парамесвара (Искандер-шах) 42—45, 246
 Парникель Б. Б. 5
 Патих Кадир 58
 Патих Унус 58
 Персивал А. 161
 Пигафетта А. 127, 130
 Пириш Т. 47, 48
 Питер Дж. Б. Э. 237
 Поло Марко 37
 Прамодаварадхани 27
 Птолемей К. 14, 16, 20, 246
 Раджараджа I Чола 32

Раджендра Чола 32:
Рамакамхенг 37
Раманатан Д. С. 183, 194
ар-Ранири, Нуруддин бин Али 79
Рафлз Т. С. 84, 85, 120, 129, 247
Ревуненкова Е. В. 5
Рейд 187, 188
Рид У. Х. 89, 93
Риджуэй У. 136
Ритхауддин, Тенгку Ахмад 244
Руднев В. С. 5
Рудраварман 17
Рэндел Д. 203
Рябова И. А. 5
Сайед Насир бин Исмаил 236
Сайид Сабан 88, 80
Саманиды, династия 30
Самаратунга 27
Самбантан В. Т. 182
Сасаниды, династия 25
Сахап, шерип Брунея 131
Сенивасагам Д. П. 195,
Сенивасагам С. П. 195
Си Гунтунг 139
ди Сикейра Д. Л. 54, 55
Симония Н. А. 5
Синдок 31
Сонграма Виджайотунгаварман 32
ди Союза Коутиньо 62
Спиди Д. 99
Стефенс Д. 209, 223, 240
Суиттенхэм Ф. А. 101, 102, 104, 118
Сукарно 184, 196, 226
Сулейман, султан Брунея 126
Сулейман-шах, султан Джохора 67
Сулицкая Т. И. 5
Сунь Ятсен 123, 153
Сутан Пуаса 103, 105, 106
Тан Поккин 183, 242
Тан Чикун 237, 242
Тань Каки 152
Тань Сюсин 192
Тань Чэнлок 153, 179, 186, 192
Тань Чэянь 123
Таха, Хаджи Абас бин Мохаммад 122
Темплер Д. 177, 182
То Джангут 149
Торри Д. 134, 135
Тринич Ф. А. 5
Тричер У. 135, 136
Туанку Кудин 87
Туанку Мохаммад Саад 87

Тун Али 45, 46, 54
 Тун Мутахир 46, 54, 55
 Тун Перак 45, 46, 51, 54, 55, 246
 Тун Перпатех Берджаяр 42
 Тун Путех 46, 54
 Тун Хабиб Абдул Маджид см. Абдул-Джалил-шах IV
 У Ди 14
 Уда бин Мухаммад, раджа 152
 Утимутираджа 55, 58
 Уэйвелл 160
 Фа Сянь 125, 246
 Фань Мань (Фань Шимань) 15, 17
 Фань Сюнь 15
 Фань Шимань см. Фань Мань
 Фаркухар 133
 Филиппс Т. 159, 160
 Фуллертон Р. 87—89
 Хаджи, раджа 66—68, 121
 Хаджи Абдул Рахман 149
 ал-Хади, Саид Шейх бин Ахмад 122, 151
 Хамза Пансури 79, 80
 Ханг Надим 59
 Ханг Туах 51, 53
 Харрис Т. 134
 Харрисон Т.
 Хатиб Расу 90, 91
 Хашим, пангеран Брунея 130, 131
 Хаутман К. ван 61
 Хаям Вурук 38
 Хеемскирк Я., ван 61
 Хейне-Гельдерн Г. 7, 9
 Хренов Ю. Ф. 5
 Ху Сеоквэнь 122
 Хубилай-хан 126
 Хуссейн-шах, султан Джохора 85, 89
 Хуссейн Онн, Датук 241, 244, 249
 Ци Си 122
 Чэн Кайши 152
 Чан Чунь 19
 Чандрабхану 35—37
 Чебоксаров Н. И. 9
 Чеснов Я. В. 9
 Чжао Чжугуа 34, 35
 Чжоу Чжужфэй 34
 Чжэн Хэ 43
 Чин Пен 486, 11911
 Читрасена 18
 Чола, династия 31—35, 246
 Чулан, раджа 80
 Шамсуддин Пасейский 79, 80
 Шайлендра, династия 27, 28, 31, 246
 Шри Махараджа (Мухаммед-шах) 45, 246

Шри Парамесвара Дева Шах (Ибрахим-шах) 45
 Шри Пикрама Вира 36
 Шри Три Буана 37, 38
 Шри Чуламанивармадева 32
 Эбер Д. 172 Эйзенхауэр Д. 196
 Эмбок Сулох 151
 Эредиа Г., де 51
 Эрлангга 33, 36
 Юсоп, пангеран Брунея 131
 Юсуф-шах, султан Перака 90, 106
 Юсуф бин Исхак, Инче 205
 Яп Алой 100
 Яшин А. Я. 5

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Австралия 137, 196, 220, 288, 244
 Аден 25, 48
 Алжир 197, 228
 Амаравати 23, 39
 Амбонг 139
 Ангорская империя (Кхмерская империя, Камбуджадеша) 36, 37
 Англия см. Великобритания
 Аньси см. Парфия
 Арабский (Багдадский) халифат 27
 Аравийское море 13
 Аравия 25, 47
 Араках 48
 Ару арх. 61
 Аче (Иламуди-дешам, Ламури, Рами) 28, 33, 59-62, 64, 67, 79, 80, 246
 Аюття см. Таиланд
 Ба Пном 15, 18
 Багдад 25
 Багдадский Халифат см. Арабский халифат
 Баламбангано 129, 136
 Бали о. 31
 Балинг 186, 187, 249
 Баллех р. 139
 Бангладеш 4
 Бангкок 86, 87, 90, 114
 Банда о-ва 48
 Бандар-Бару 104
 Бандар-Хилир (Илир) 56, 62
 Банджармасин 127, 129, 130
 Бандон, зал. 35
 Банка О. 26
 Барус 79
 Батавия см. Джакарта
 Батанг-Лупар р. 138
 Баттеруорт 196
 Батанг-Мару 132
 Бату-Аранг 141, 154, 177

- Бату-Пахат Р. 46, 51, 98, 246
 Бату-Савар 61, 64
 Белум р. 13
 Белунган 126
 Бельгийское Конго 140
 Бенгал 29, 32, 47, 63, 83, 91
 Бенгальский зал. 13, 80
 Бенгалис 64
 Бенкулен 84, 85
 Берег Слоновой Кости 228
 Бернам 51
 Бернам р. 6'9
 Бесут р. 19
 Бинтанг о. 42, 46, 59, 65
 Бирма 6, 13, 18, 36, 86, 87, 141, 163
 Бихар 26, 29
 Боливия 140, 142
 Бомбей 83
 Борнео см. Калимантан
 Боробудур 27, 28, 31
 Бофорт 166
 Брантас р. 31, 36
 Британское Северное Борнео см. Сабах
 Бруней (Пони) 3, 4, 81, 125—128, 130—136, 139, 189, 208, 210, 213, 215, 228, 246,
 249
 Брунейский зал. 168
 Бруас 46, 51
 Буджанг р. 20
 Букит-Каплу 8
 Букит-Чорас г. 21
 Бухара 30
 Валаиппандура 33
 Вас Сема Муанг 27
 Великобритания (Англия, Соединенное Королевство) 68, 812—87, 89—93, 129,
 130, 132—136, 143, 147, 157, 159, 161, 170—172, 178, 187, 189, 190, 196, 202, 203, 211, 214,
 215, 220, 228, 229, 236, 244, 247
 Венеция 48
 Видьядхараторана 33
 Виенг Шра 39
 Вьетнам (Цзяочжоу) 9, 14—16, 36, 190, 196, 244
 Вьядхапура 15, 18
 Гайя о. 139
 Гана 228
 Гвинея 228
 Гемас 160
 Германия 158
 Гоа 56, 57, 60
 Голландия см. Нидерланды
 Гонконг 104, 105, 134, 189
 Грахи 35, 40
 Гуандун 13, 921
 Гуанси 912

- Гуа-Кепах 7
 Гуа-Оранг Бертапа 7
 Гуа-Тампак 7
 Гуа-Ча 8
 Гуджарат 48, 60
 Гунонг-Пасир 69
 Гурун 160
 Даман 56
 Даши 34
 Дваравати 40
 Джавака 40
 Джакарта (Батавия) 62, 63, 68, 164, 217
 Джамби (Малайюр, Мелаю) 26, 33, 34, 37—39, 44, 64, 65, 67, 247
 Джамби р. 26
 Джапара 58
 Джелаи 90, 110
 Джелебу 69, 108
 Джемпол 69, 110
 Джесселтон см. Кота-Кинабалу
 Джерантунг 177
 Джоржтаун см. Пинанг Джохол 69
 Джохор 3, 42, 46, 50, 58—62, 64—70, 72, 77—81, 84—86, 89—91, 96, 97, 114—
 116, 121, 124, 128, 143, 148, 150, 153, 157, 160, 165, 172, 180, 194, 226, 246, 247
 Джохор-Бару 90, 180
 Джохор-Лама 60, 65
 Джохорский пр-в 3
 Диу 54, 56
 Диндинг (Минджан) арх. 46, 51, 68, 115, 146
 Донгшон 9
 Дуньсунь 15, 23
 Дуюань 14
 Египет (ОАР) 47, 54
 Елена 134
 Забаг см. Шривиджая
 Занзибар 30
 Западный Ириан 196
 Зимбабве 30
 Золотой Полуостров 14
 Зондский пр-в 26, 29, 127
 Иламури-дешам см. Аче
 Илангасока см. Лангасука
 Илир см. Бандар-Хшшр
 Илумо 14
 Индия (Мадхьядеша, Тяньчжу) 4, 9, 11—17, 19, 23, 26—32, 44, 47, 54, 55, 57, 63,
 64, 69, 77, 82, 84—87, 91—93, 96, 105, 118, 120, 124, 142, 147, 149, 153, 197, 228
 Индонезия (Нидерландская Индия) 8, 9, 40, 44, 62, 82—84, 92, 96, 122, 129, 140,
 1412, 150, 161, 164, 172, 184, 194, 208, 216, 217, 222, 224—226, 228
 Индрагири 46, 49, 64, 67
 Ипох 123, 160, 194
 Иравади р. 8
 Иран (Сасанидская империя) 25
 Испания 60, 127, 135

- Италия 158
 Каверипаттинам 17
 Кадарам см. Кедах
 Каир 48, 122
 Кайянг 105
 Калагам см. Кедах
 Калах см. Кедах
 Калимантан (Борнео) 17, 30, 31, 48, 81, 121, 125—130, 132, 135, 246
 Калонка 14
 Калькутта 83, 87
 Камбей 47, 48
 Камбоджа см. Кампучия
 Камбуджадеша см. Ангорская империя
 Кампар 46, 49, 57, 59, 64
 Кампонг-Гаджак 105
 Кампучия (Камбоджа) 27, 36, 4®
 Кановит р. 156
 Кантон 19, 30
 Капская земля см. Южно-Африканская Республика
 Каримомские о-ва 85
 Катаха см. Кедах
 Кедах (Кадарам, Калагам, Калах, Катаха, Коло) 3, 8, 13, 17, 18, 20, 21, 23, 24, 29—33, 35, 39, 46, 51, 52, 61, 62, 63, 66, 67, 69, 74, 77, 79—83, 86—88, 98, 114, 115, 148, 160, 162, 179, 238, 246
 Кедах, р. 160
 Келантан (Чиланьтань) 3, 17, 19, 34, 36, 46, 51, 69, 77, 87, 90, 95, 109—111, 113—115, 141, 148—150, 160, 162, 193, 195, 225, 238, 241
 Келантан р. 19
 Кения 228
 Киманис р. 134
 Кинабалу г. 139
 Кинта р. 39, 73, 106
 Китай (КНР, Минская империя, Суйская империя, Сунская империя, Ханская империя, Ханьская империя, Циньская империя) 6, 7, 9, 46—49, 211, 23, 26—31, 43—48, 57, 50, 60, 64, 77, 82, 85, 86, 94—94, 96, 118, 120, 126, 127, 129, 132, 137, 143, 147, 152, 154
 Кланг 9, 38, 45, 51, 65, 66, 69, 72, 91, 92, 100, 105, 113
 КНР см. Китай
 Коле 14
 Коло см. Кедах
 Конконагара 14
 Косанг 98
 Корея 30, 176
 Коромандельское побережье 29, 32, 47, 48, 82
 Кота-Бару 160
 Кота-Белуд 167
 Кота-Лама 103, 105, 106
 Кота-Кинабалу (Джесселтон) 3, 137, 166-168
 Кота-Тампан 6
 Кота-Тонгкат 7
 Коти 126
 Кра 13, 14, 17, 37, 38

- Красная земля см. Читу
 Красное море 13
 Криан р. 106
 Куала-Бераяг (Фолоань) 34, 35, 149
 Куала-Лумпур 3, 93, 100, 105, 111—113, 116, 123, 152, 154, 164, 176, 178, 180, 184, 188, 196, 214, 215, 217, 227, 229, 208, 244, 248
 Куала-Кангсар 106, 142, 115
 Куала-Селангор 100
 Куала-Селинсинг 30
 Куала-Тембелинг 77, 110, 111
 Кудат 139
 Кучинг 3, 430, 132, 133, 156, 159, 167, 210, 212
 Кушанская империя 12
 Кхмерская империя, см. Ангкорская империя
 Лабис 226
 Лабуан о. 134, 132, 134—138, 166—168
 Ламури см. Аче
 Ламгасука (Илангасока, Линьясуця, Лочак) 17, 19, 20, 21, 24, 30, 33—35, 37, 246
 Ланка см. Шри Ланка
 Лаос 196
 Ларут 94, 101, 105, 106
 Левант 47
 Ливан 228
 Лигор см. Никонситамарат
 Лимбанг 213
 Линга арх. см. Риау-Линга
 Линги 34, 72, 89, 97
 Линьи см. Тямпа
 Линьясуця см. Лангасука
 Липис 109
 Лондон 134, 187, 188, 202, 203, 214, 215
 Лочак см. Лангасука
 Лоюэ 30
 Лубок-Труа 110
 Лукут 94
 Лутонг 134, 208
 Мавилимбангам 33
 Мадамалингам см. Тамбралинга
 Маджапахит 36, 38, 40, 42, 44, 52, 126, 246
 Мадрас 83
 Мадхьядеша см. Индия
 Майюрудингам 33
 Макассар 65, 128
 Малабар 47, 48
 Малайская федерация 174—476, 180, 182, 183, 186, 188, 189, 11, 194, 201
 Малайор см. Джамби
 Малайский Союз 170—174
 Малакка, город 42—70, 81, 84—86, 88, 89, 94—98, 106, 107, 246, 247
 Малакка р. 56
 Малакка, сетаменти штат 3, 92, 146, 151, 170, 183, 188, 194
 Малаккский пролив 3, 29, 38, 44, 58, 60, 61, 69, 84, 127, 128
 Малаккский султанат 42, 45—54, 71—73, 75, 79—80, 121, 137

Мали 228
Мальдивские о-ва 32
Мальта о. 85
Мамбакут р. 132
Манила 216
Маппапалам 33
Марокко 228
Маруду зал. 128, 131
Матарам 27
Маурьев империя 12
Мекка 48, 149
Меконг р. 8, 15
Мелаю см. Джамби
Менам р. 18, 36
Мендуг 27
Мербау р. 17
Мербок 20, 21, 83
Мербок-Кечиль р. 20
Мергуи 18
Минангкабау 65
Минданао о. 128
Минджая см. Диндинг
Минская империя см. Китай
Мири 134, 156, 166, 210, 212, 213
Молуккские о-ва (Острова Пряностей) 31, 47, 48, 54, 59, 61, 84, 127
Москва 244
Муар 46, 90, 98
Муар р. 42, 54, 69, 90, 160
Муси р. 26, 27
Накковарам см. Никобарские о-ва
Наконситамарат (Лигор) 13, 16, 40, 69, 86, 87
Наланда 26, 29
Нанинг 64, 65, 69, 88, 89
Негапатам 32
Негри-Сембилан 3, 69, 78, 88, 89, 98, 400, 101, 105, 107, 108, 114, 146, 160, 247
Ниах 6, 425, 246
Нигерия 140, 4'42
Нидерландская Индия см. Индонезия
Нидерланды (Голландия) 61, 83—86, 134, 161, 196
Никобарские о-ва (Накковарам) 17, 33
Новая Зеландия 196, 228, 244
ОАР см. Египет
Ок Эо 15
Оман 30
Ормуз 25, 56
Острова Пряностей см. Молуккские о-ва
Павон 27
Паганское гос-во 36
Падангское плато 39
Пакистан 4, 196, 228
Паланда 14
Палембанг 25, 34, 36, 42, 48, 80

- Пангкор о. 63, 101
 Пандасан 432
 Пане (Паннаи) 33
 Паниаи см. Пане
 Паньпань 16, 18, 23, 30
 Парои 105, 106
 Парфия (Аньси)
 Пасей 40, 44—46, 48, 60, 79
 Пасир-Салак 104, 105.
 Патани 17, 42, 46, 51, 52, 62, 69
 Патани р. 13
 Паханг (Пахнаиг, Пенфэн) 3, 8, 47, 19, 30, 34, 35, 46, 54, 52, 54, 58—60, 62, 63, 64, 68, 69, 71, 77, 79, 81, 90, 91, 96, 100, 108—111, 113, 146, 160, 177, 247
 Пахнанг см. Паханг
 Пегу 48, 54
 Пекан 54, 90, 91, 440
 Пенджаб 6
 Пенфэн см. Паханг
 Пеньом 109, 110
 Перак 3, 8, 23, 30, 39, 54, 58-60, 62, 63, 66—69, 71—74, 77, 79—81, 86, 87, 93, 94, 95, 98—107, 140—143, 146, 150, 154, 160, 184, 183, 193—195, 238, 241, 246, 247
 Перак р. 6, 103—405
 Пергау р. 13
 Перлис 3, 211, 88, 444, 145, 148, 162
 Перлис р. 60
 Персидский зал. 30
 Петалинг-Джая 196
 Пиди 44, 45, 60
 Пинанг (Джорджитаун) город 83, 91, 92, 104, 154, 219, 225
 Пинанг 3, 61, 68, 83—87, 91—94, 96, 98, 99, 115, 146, 121, 123, 146, 154, 170, 183, 188, 194, 200, 238, 241
 Пирл-Харбор 159
 Пицзун 14
 Пони см. Бруней
 Понтианак 126, 129
 Португалия 60, 127, 229
 Праи р. 83
 Прек 106
 Провинция Уэлсли 83, 87, 92, 115, 146
 Пулау-Браии о. 146
 Рами см. Аче
 Ранау 139
 Рангун 124
 Реджанг 166
 Рембау 65, 69, 77; 88, 89, 95, 100, 108
 Риау-Линга, арх. 3, 4, 37, 39, 42, 59, 64, 66—69, 80, 84—86, 90, 91, 121, 128
 Римская империя 421, 13, 25
 Рокан 46, 49, 64
 Рундут 189
 Рупат 49
 Сабак 56

- Сабах (Британское Северное Борнео) 3, 4, 10, 126—128, 133—139, 142, 155, 156,
 159, 166—168, 170, 189, 205—240, 213—231, 223, 226, 228, 229, 233, 240—242, 247—249
 Сабара 14
 Сай р. 13
 Сайбури 17
 Салуин р. 8
 Самбас 126, 128—130, 132
 Самудра 37
 Сандабил 30
 Сандакан 135—137, 139, 166, 168
 Саньфоци см. Шривиджая
 Сапетанг 113
 Саравак 3, 4, 10, 125, 126, 128, 130—134, 136, 118, 139, 142, 156, 156, 159, 196, 170,
 189, 205—210, 212—218, 221, 223, 2126—229, 233, 240—242, 246—249
 Сасанидская империя см. Иран
 Северный Калимантан 3, 4, 125, 128, 130, 133, 139—140, 157, 166, 168, 184, 205—
 207, 209—211, 213, 214, 216, 219, 228, 229, 248
 Селангор 3, 46, 51, 66—69, 72, 77, 84, 87, 93, 94, 96, 98—101, 105, 106, 110, 111,
 113, 141, 146, 153, 158, 160, 183, 194, 238, 241, 247, 248
 Селангор р. 66, 100, 101
 Селевкидская империя 12
 Семантан 109
 Серембан 105, 116, 123
 Сиак 46, 49, 64, 65
 Сиам см. Таиланд
 Сиамский зал. (Чжанхай) 13, 15, 16, 159, 160
 Сибу 166, 210, 212
 Сингапур (Тумасик) 3, 4, 37—39, 42 46, 59, 66, 69, 84—86, 89—96, 98, 110, 115,
 116, 118—124, 128, 130, 131, 146, 149, 150, 152—154, 158, 160, 162, 164, 170—174, 178,
 183, 184, 186, 194, 200—205, 210—222, 225-231, 236, 246—249
 Сингапурский пр-в 86
 Сингасари 36
 Сингкел 80
 Сиигора 17, 159
 Сипитанг 213
 Сирия 26
 Соединенное Королевство см. Великобритания
 Сокотра о. 56
 Сомали 228
 Срибуза см. Суматра
 Срименанги 69, 88, 108
 СССР (Советский Союз) 161, 170, 244, 249
 Стрейтс Сетлментс 86, 90—93, 98, 99—105, 108, 121—123, 128, 136 137, 144, 146,
 147, 150, 152, 153, 179, 247
 Суварнадвипа 13, 16
 Сугут 139
 Судан 228
 Суйская империя см. Китай
 Сукадана 128
 Сукотан 36, 37, 48, 65, 164
 Сулу арх. 126—130, 167, 216
 Сулу море 3

- Суматра (Срибуза) 3, 10, 17, 18, 25, 28, 31, 38, 37, 39, 40, 44, 46—49, 52, 57, 58, 59,
 60, 61, 63, 64, 67, 79—81, 83, 84, 126, 128, 162, 164
 Сунгей-Уджонг 38, 51, 65, 69, 88, 89, 93, 95, 97, 100—102, 105—108, 113
 Сунская империя см. Китай
 США 134, 135, 143, 157, 161, 170, 177, 196, 220, 228
 Суэцкий канал 98
 Табох 89
 Тавау 136
 Талаитгакколам см. Таккола
 Таиланд (Аютия, Сиам) 3, 13, 14, 16, 17, 18, 37-39, 42—46, 48, 52, 54, 58, 59, 63, 67,
 69, 74, 88, 86—88, 90, 96, 113, 114, 140, 142; 167, 159, 161, 162, 190, 191, 194, 196, 248
 Тайпинг 113
 Такола см. Таккола
 Таккола (Такола, Талаитгакколам) 16, 18, 20, 30, 33
 Такуапа р. 16, 40
 Тамали см. Тамбралинга
 Тамбанан р. 139
 Тамбралинга (Тамали, Мадамалингам) 16, 18, 30, 33—36, 37, 246
 Тампасук 132
 Тампин 69
 Тамралипти 17
 Танганьика 228
 Танджонг-Малим 152
 Танская империя см. Китай
 Таньтань 18, 19, 01, 30
 Тарра 14
 Тарума (Толомо) 21, 26
 Тембелинг 8, 9
 Темерлох 109, 110
 Тенассеримское побережье 18
 Терачи 69
 Тибет 25
 Толомо см. Тарума
 Транг 16
 Тренгану (Тэньянун) 3, 34, 36, 44, 46, 51, 66, 67, 69, 77, 87, 90, 91, 96, 109—111,
 113—115, 141, 148—150, 157, 193, 195, 199, 238
 Трентану р. 19
 Тумасик см. Сингапур
 Тунггал 49
 Тунис 228
 Турция 106
 Тэньянун см. Тренгану
 Тямпа (Линъи) 19, 27, 36, 48
 Тяньяжу см. Индия
 Уганда 228
 Улу-Муар 69
 Упех 56, 62
 Уэстон 166, 168, 231
 Фамоза, форт 56, 83
 Филиппины 3, 30, 48, 127, 128, 163, 196, 208, 216, 217, 224
 Фолоань см. Куала-Беранг
 Фоши см. Шривиджая

Франция 82, 83, 158
 Французский Индокитай 142, 157, 158
 ФРГ 196, 220
 Фугандулу 14
 Фунань 15—19, 22, 24, 25, 27, 246
 Хайнань (Чжэнчжоу) о. 21
 Ханькоу 129
 Ханьская империя см. Китай
 Хонгха р. 8
 Чайя 34, 40
 Ченла 17, 18, 27
 Черас 105
 Чжанхай см. Сиамский зал.
 Чжэнчжоу см. Хайнань
 Чиланьтаиь см. Келантан
 Читу (Красная земля) 17, 18, 19, 22, 30
 Цейлон см. Шри Ланка
 Цзяочжоу см. Вьетнам
 Цюаньчжоу 34
 Шилифоши см. Шривиджая
 Шицзу 19
 Шривиджая (Саньфоци, Шилифоши, Фоши) 25—40, 46, 50, 126, 246
 Шри Ланка (Цейлон) 4, 17, 25, 36, 36, 84, 136, 142, 149, 228
 Шэньли 14
 Шэпо
 Энгап 106
 Эндау р. 160
 Энтабай р. 160
 Южная Африка см. Южно-Африканская Республика
 Южно-Африканская Республика (Капская земля, Южная Африка) 84, 196, 229
 Южно-Китайское море 3, 13, 128
 Ява 6, 10, 21, 26—28, 31—34, 36, 37, 40, 48, 52, 54, 58, 60, 84, 126, 129, 164, 246
 Яванское море 128
 Япония 57, 149, 154, 167—159, 161, 162, 169, 170, 196, 220, 248

Владимир Александрович Тюрин

ИСТОРИЯ МАЛАЙЗИИ

Краткий очерк

Редактор *И. В. Бушуева*

Младший редактор *С. П. Какачикашвили*

Художник *А. Н. Кущенко*

Художественный редактор *Б. Л. Резников*

Технический редактор *Г. А. Никитина*

Корректор *Р. Ш. Чемерис*

ИБ №13933

Сдано в набор 13.03.80. Подписано к печати 29.07.80. А-01880. Формат 60X90¹/₁₆.
 Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 16,75. Уч. -
 изд. л. 18,9. Тираж 3250 экз. Изд. № 4579. Тип. зак. 163. Цена 1 р. 90 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»

Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука»

Москпа Б-143, Открытое шоссе, 28